

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОЛОККИЕ ЗОРН

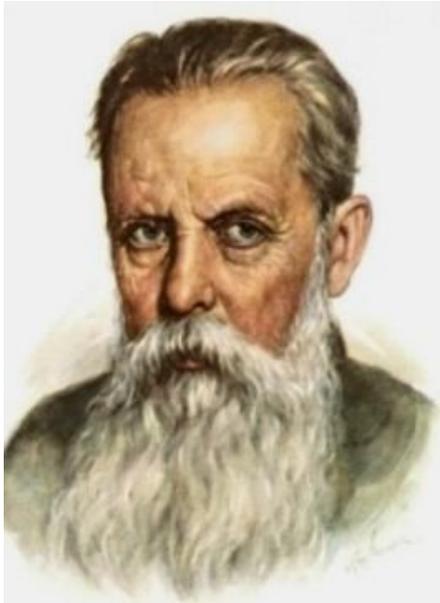
ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

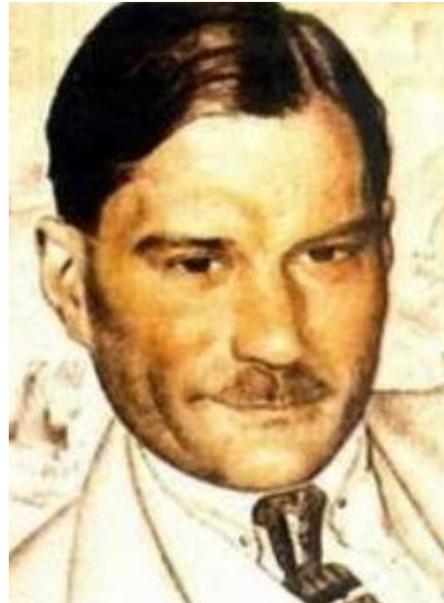
1

2024

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 2024 ГОДА
(в порядке следования юбилейных дат)

*145 лет со дня рождения
известного русского и советского
писателя и публициста
Павла Петровича Бажова
(1879—1950)*

*140 лет со дня рождения
видного русского писателя
Евгения Ивановича Замятина
(1884—1937)*

*225 лет со дня рождения
выдающегося русского писателя-
баснописца и драматурга
Ивана Андреевича Крылова
(1768—1844)*

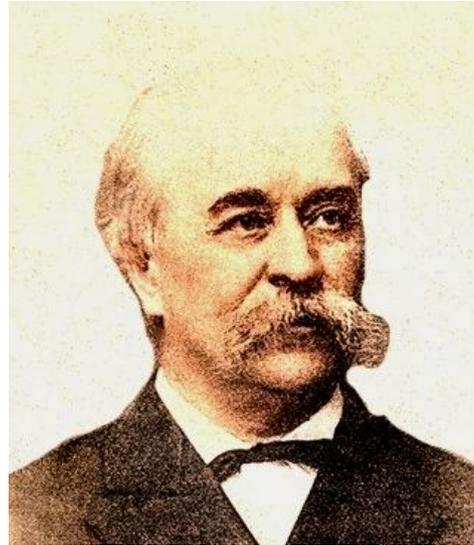

*215 лет со дня рождения
выдающегося русского писателя
Николая Васильевича Гоголя
(1809—1852)*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 2024 ГОДА
(в порядке следования юбилейных дат)

*280 лет со дня рождения известного
русского писателя-драматурга
Дениса Ивановича Фонвизина
(1744—1792)*

*195 лет со дня рождения видного
русского исторического писателя
Григория Петровича Данилевского
(1829—1890)*

*225 лет со дня рождения великого
русского поэта и писателя-прозаика,
«солнца русской поэзии»
Александра Сергеевича Пушкина
(1799—1837)*

*230 лет со дня рождения видного
русского философа и публициста
Петра Яковлевича Чаадаева
(1794—1856)*

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ПЕЧАТНЫЙ ОРГАН ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД
ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2024 — 1(72)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

«Железный занавес», или Пророчество Ф. М. Достоевского в действии..... 3

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК, ПОВЕСТЬ

Олеся Янгол. Архитектура рая (главы из романа)..... 20

Яков Шафран. Чума во время пира. Оксиморон XX века: русская цивилизация
и русский фашизм (очерк)..... 37

Борис Григорьев. Шпицберген, блин! Арктическая фантазмагория..... 49

Вадимир Трусов. «Эха — на!» (главы из романа-антиэссе)..... 69

Алексей Яшин. Военная цивилизация (главы из повести)..... 92

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Михаил Смирнов. Соседи..... 121

Ольга Шипилова. Легкое счастье..... 129

Михаил Спивак. Из цикла миниатюр: «Я, она и шахматы»..... 133

Людмила Кулик-Куракова. Чужой пакет..... 141

Владимир Лебедев. Рассказы и прозаические миниатюры..... 144

Валерий Румянцев. Гость из Рио-де-Жанейро..... 148

Наталья Веселова. Норковый тулупчик..... 154

Илья Михайлов. Дорога в лесопарке..... 171

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валерий Демидов. Пассажир поезда № 12 (Последние дни Льва Толстого) (Поэма)..... 177

Виктория Беляева. «Соль забытой земли»..... 188

Елена Колесникова. «Солнца сердцебиение...»..... 190

Лариса Пушина. Непобедимый вечный свет..... 193

Лариса Рутковская. Из века в век..... 195

Олег Пантюхин. «Свободен от спешки...»..... 198

Николай Тимохин. Дни сочались..... 199

Ольга Аленкина. «Нашей жизни закончится нить...»..... 203

Игорь Отчик. Вдохновение.....	206
Юрий Максимов. Пятница.....	208
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Александр Палладин. Ходи первым!	211
Николай Макаров. Туляки-артиллеристы в Афганистане. Афганец — лучший учитель года.....	217
Александра Соколова. Играл музыкант.....	226
Аркадий Польшин. По старине.....	231
«Хочу, чтобы мы были честны перед собой и перед историей...» (выступление Г. А. Зюганова к 100-летию кончины В. И. Ленина).....	240
Алла Новикова-Строганова. Русский святочный калейдоскоп.....	243
Людмила Брагина. 11 октября (литературно-критические заметки).....	249
Алексей Третьяков. Река жизни: от Красивомечья до Шпицбергена.....	254
Борис Григорьев. Рецензия на книгу Алексея Яшина «Военная цивилизация».....	259
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ.....	260

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Литературный шеф-редактор Алексей ЯШИН, член Правления АРЛ
Ответственный редактор-секретарь Яков ШАФРАН
Ответственный оргредактор Николай ЖУКОВ, председатель ТО СПР
Руководитель творческого совета журнала Геннадий МАРКИН

Редколлегия:

Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
 Евгений АСТАШКИН (Омск) — зав. отделом прозы
 Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
 Людмила ВОРОБЬЕВА (Минск, Белоруссия)
 Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — зав. отделом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
 Игорь КАРЛОВ (Стамбул, Турция) — зав. отделом международных связей
 Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
 Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
 Николай МАКАРОВ (Тула)
 Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
 Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
 Валерий САВОСТЬЯНОВ (Тула)
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Сергей СЕНИН (Тула)
 Евгений СКОБЛОВ (Москва) — председатель Правления АРЛ
 Валентин СОРОКИН (Москва)
 Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии
 Владимир ТРУСОВ (Санкт-Петербург) — зав. отделом критики и литературоведения
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ
 Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Художник Олеся ЯНГОЛ (Тула)
 Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
 WEB-мастер Оксана Митюшкина (Тула)
 Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
 — журнал «Истоки» (Красноярский край)
 — журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
 — журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
 — журнал «Западная Двина» (Минск, Белоруссия)
 — альманах «Московский Парнас»
 — газета «День литературы» (Москва)
 — поэтическое издательство «Образ» (Москва)

Журнал издается Тульским отделением Союза писателей России при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы (АРЛ) и Тульского госуниверситета.

Полные тексты журнала и его альманаха «Ковчег» публикуются на сайтах Интернета (в PDF-формате):
<http://www.pz.tula.ru>
<http://www.tro-spr.ru>
 Портал «Журнальный зал»:
<https://magazines.gorky.media/page/portal-zhz>

Согласно постановлению Правления СПР, публикации в «Приокских зорях» засчитываются при приеме в СПР.

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

«ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС», ИЛИ ПРОРОЧЕСТВО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ДЕЙСТВИИ

И вообще мы так поставлены нашей европейской судьбой, что нам никак нельзя побеждать в Европе, если б даже мы и могли победить: в высшей степени невыгодно и опасно. Так, разве какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они еще могут «простить», — завоевание Кавказа например.

Ф. М. Достоевский «Дневник писателя» за 1876 год

Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!

Ф. М. Достоевский «Дневник писателя» за 1877 год

♦ «Пророку же дар особый дан...» В свете ныне экспоненциально нарастающего глобального расчеловечивания, Россия и Европа, вообще атлантический Запад, являются выраженными антиподами эволюции человека. Это и пояснять особо не нужно. Что называется, выгляните в окошко? Вот и «певец английского империоколонизма», но и поэт выдающийся, не отнимешь! а именно Редъярд Киплинг, сказал с британской лаконичностью, что Россия вовсе не является самым Востоком Европы, но есть самый Запад Азии... И, по его же словам, Западу и Востоку, Азии то есть, вместе никогда не быть. Впрочем, все это до Киплинга сказал, литературно-философски обосновал Достоевский. На то он и гений, а их, великих провидцев генезиса человеческой души, было явлено миру всего лишь двое: Шекспир и Достоевский (располагаем в порядке сугубо временном). Но если Шекспир, при всей конспирологии его личности (Бэкон — Шекспировская теория и пр.), все же был выразителем уже сложившегося к тому времени европейского рационализма, то доминанта творчества Достоевского суть *всечеловечность*. Д. С. Мережковский в своем знаменитом трактате «Л. Толстой и Достоевский», сравнивая этот рационализм Запада и русскую всечеловечность в антитезе Ницше и Достоевского, дает определение: дух Запада есть Человекобог, воспеваемый Ницше, а дух России суть Богочеловек Достоевского. Их высшие воплощения: Богочеловек Христос и Человекобог Антихрист. И это два антиподных воплощения Сверхчеловека.

Итак, Достоевский — гений высшей христианской морали, отвлеченный от западного (католического у него) рационализма. И именно с позиции этой морали Достоевский выступает провозвестником, пророком той нерадостной будущности, что ожидает в не столь уж далеком будущем традиционное человечество, в особенности русское, Россию, как главную хранительницу Христовых заповедей. Ибо страна наша

уже исторически поставлена в противостояние с Западом, с Европой католической и протестантской. Контуры грядущего железного занавеса (здесь и далее без закавычивания) Достоевский видит в историческом прошлом и настоящем его времени.

Уже полтора века труженики науки психологии в различных ее разветвлениях — от социопсихологии до социобиологии, психологии творческого бессознательного и сугубо клинических дисциплин, рассуждают в своей суконно-ученой терминологии о пророческом феномене Федора Михайловича. Как нам представляется, наиболее существенное слово здесь сказал ныне напрочь забытый врач-психиатр из Свердловска Г. В. Сегалин, издававший там же в 1920-е годы последний «частный» в СССР журнал «Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии)». В выпущенных пяти томах, каждый в четырех выпусках, Г. В. Сегалин, он же собственно почти и единственный автор журнала, исследовал творчество выдающихся русских писателей, в том числе и современника А. М. Горького (Алексей Максимович дал блестящий отзыв!), с позиции созданной им дисциплины — *эвропатологии*, что дословно (аутентично) и переводится: *творчество как патология* (!).

... Но в чем-то, как и его идейный предшественник Чезаре Ломброзо, кстати, друг Льва Толстого (последний даже спас итальянского философа, тонущего в яснополянской речке Воронке) Г. В. Сегалин «перегнул палку», слишком «некомильфо» раскрыв личностные черты великих людей в их творчестве. Поэтому их смелые и оригинальные концепции творчества, как вида патологии ума и души, и были оттеснены в «исторический архив науки»...

А вот сам Достоевский, без ученой терминологии и всяких обвиняков, говорит в своих произведениях, особенно в «Идиоте», о патологическом базисе творчества.

Сказанное выше к тому, что действительно, «пророку ж дар особый дан...» — дар восприятия действительности как объективного через субъективное. Даже высококолобые мужи от философии не поморщатся от такого определения. А оно-то как раз и открывает в человеке недюжинного таланта пророка... которым, как сказал русский классик (первоначально — библейское), *нет места в отечестве своем*. Потому-то даже сейчас, говоря о пророчествах Достоевского о будущем России, русского народа, официально на то уполномоченные литературоведы, «переодетые» социологами, политологами и пр. «разговорными людьми» на телерадио актерами, как-то вскользь, скороговоркой упоминают, что-де Федор Михайлович много говорил о будущем своей страны, но все как-то пессимистически, что свидетельствует об особенностях его художественного и психического склада... и так далее. И только нынешняя действительность пресекла подобные недоумения (уполномоченных на то...) в части отсутствия у Достоевского творчески-провидческого оптимизма. Истинно, пророков начинают понимать уже далеко от их жизненных пределов...

Самое поразительное, что претензии к пророчествам Достоевского в части грядущей судьбы России и русского человека предъявляют носители противоположных укладов социального мышления: патриоты выраженные и прозападные либералы. Первые не устраивали рассуждения Достоевского об ограничении Европой разбега гоголевской «русской тройки», вторых же — отрицание писателем многих «европейских ценностей», как вовсе не нужных русскому человеку. И вообще он полагал русский либерализм вовсе не русским, говоря словами Евгения Павловича: *«Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно и нападаю на него, что русский либерал не есть русский (здесь и далее выд. Ф. М. Достоевским.— А.Я.) либерал, а есть не русский либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую»* («Идиот»).

Либералов в их отношении к Достоевскому, таким образом, очень просто понять.

Сложнее дело с истинными русскими патриотами, здоровыми консерваторами. Ведь опять же — в антитезе к словам своего персонажа — Федор Михайлович отвергает даже малейший намек на историческую, политическую, вообще всякую «второстепенность» России по отношению к Европе: *«Он, вследствие весьма обыкновенного факта, пришел к весьма необыкновенному заключению, которым всех удивил. Он вывел, что русский народ есть народ второстепенный... которому предназначено послужить лишь материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества»* («Подросток»).

Итак, по Достоевскому, магистральный путь России есть гармоничное сочетание следующих социальных, гео- и просто политических, национальных и иных факторов: (а) признание уже сложившейся < к его времени > самодостаточности России; (б) определенная автаркия по отношению к Европе: «свой путь»; (в) строгая государственность, или, как сейчас ее обозначают: выверенная вертикаль власти; (г) в морально-этическом плане неоспоримое первенство православия: как церкви-учреждения, но еще более как института нравственности и морали; (д) народность «подкорректированной» едино (не само!) державной власти; (е) не отрицание — как у славянофилов в их формуле «Москва есть Третий Рим, а Четвертому не быть» — великой европейской цивилизации, но принятие ее лучших качеств с переносом на специфическую русскую почву.

...Перечисление таких факторов можно продолжить, а сами их дифференцировать в конкретике. Но уже из названных (а) — (е) следуют явно, иногда не явно сбывшиеся предположения Достоевского об ожидающем Россию будущем. Во-первых, это состязательное с Европой, ныне вообще с Западом, развитие и само существование России: *«...Мы так поставлены нашей европейской судьбой»*. Во-вторых, что собственно и вытекает из первого, само существование России как самодостаточного государства, см. (а) — (е), в постоянной ситуации такого «напряженного нейтралитета» с Европой, который в следующем, двадцатом веке не замедлил вылиться в 20-х годах в первый вариант железного занавеса («санитарного кордона») с доминантой идеологического. ... На плакатах из старых советских фильмов, что мелькают порой в кадрах, или на спичечных (коробков) этикетках у коллекционеров-филуменистов можно видеть девиз того первого занавеса: «Керзону-лорду в морду, а товарищу Чичерину (если не ошибаюсь?) привет!» Впрочем, это тема последующего содержания очерка, как и воследовавшие варианты железных занавесов: «холодная война» и нынешний гибридный.

Как нам представляется, пессимизм пророчеств Достоевского в части России и ее исторического отторжения от Европы во многом, если только не в основном! *был обусловлен* четко осознаваемым им противоречием между этим отторжением и исторически набирающим силу явлением, что мы сейчас уже привычно именуем глобализацией. Об исторической же предтече глобализации Достоевский пишет в «Дневнике писателя» (цитируем в передаче Д. С. Мережковского; см. выше): *«Древний Рим первый родил идею всемирного единения людей и первый думал (и твердо верил) практически ее выполнить в форме всемирной монархии. Но эта формула пала перед христианством — формула, а не идея. Ибо идея эта есть идея европейского человечества, из нее составилась его цивилизация, для нее одной лишь оно и живет. Пала лишь идея всемирной римской (выд. Д. С. Мережковским.— А.Я.) монархии и заменилась новым идеалом всемирного же единения во Христе»*.

Нет, Федор Михайлович не впадает в противоречие с самим собой, говоря здесь о всемирности, а центр тогдашнего мира есть Европа! единения в христианстве, в то же время из одного своего произведения художественной прозы и публицистики в другое неустанно говоря о все нарастающем антихристианстве — Антихрист теснит Христа! — Европы, а современную ему церковь Св. Петра и вовсе именуя полностью отошедшей от новозаветной морали: все им сказано в Легенде о Великом инквизито-

ре. Достоевский здесь говорит о великой европейской цивилизации как итоге сейчас уходящей христианской идеи, на смену которой идет идея Антихриста, объединяющего Европу не заповедями Христовыми, не моралью и нравственностью Нагорной проповеди, но мамоной денежного мешка капиталократии. Именно деньги, как пишет Достоевский, сделают всех людей равными: в том смысле, что деньги упраздняют первенство талантов; все покупается, все продается.

И вот, опять же пророчески! предвидя такую капиталкратическую глобализацию Европы (и всего мира), Достоевский отводит именно России, в которой христианство в форме православной морали, даже возможно без церкви-учреждения, еще достаточно долго будет держаться, роль последнего оплота человечности. А отсюда опять же необходимость — по своей воле или вопреки ей — железного занавеса с Европой. Куда ни кинь, всюду клин...

Конечно, ни лорд Керзон, объявивший молодой Советской России ультиматум, застолбивший опоры первого железного занавеса, ни Уинстон Черчилль, продекларировавший в студенческой аудитории Фултона второй занавес, правда, почти на полтысячи километров западнее первого, ни атлантический НАТО, резко обозначивший контуры третьего занавеса, к сожалению, на западных рубежах Московского царства времен где-то между двумя Иванами Васильевичами (Иваном III и Иваном IV), ни, тем более, устроители схожих прежних занавесов от золотоордынских времен, мнением Достоевского не интересовались. Ибо пророк не вершитель судеб, но всего лишь предсказатель объективного, исходя из верно понятого субъективного. К тому же в несовершенной природе человека — не прислушиваться к вещаниям пророков. Дескать, улита едет — когда-то будет, авось нас на нашем веку пронесет. Увы, не было для России такого века. Тем более сейчас не будет в эпоху глобализации, когда эволюция человечества пошла стремительно в гору — по восходящей экспоненте, как говорят ученые люди, а время событий стремительно ускоряется. И вообще состояние мироустройства меняется буквально на глазах, в пределах жизни одного, много двух поколений. Причем если в предыдущие века и тысячелетия смена общественных формаций занимала эти самые века и тысячелетия, но соответствовала диалектическому закону перехода устаревавших, отвергаемых человечеством количеств в новое, более «человеческое» качество. Образно такое прогрессивное движение эволюции человеческого социума определил известный малороссийский* философ XVIII века Григорий Сковорода: *«Цыпленок зачинается в яйце тогда, когда оно портится»*.

Нынешний же натиск глобализации «под управлением» финансово-олигархического империализма в одночасье смял все привычные традиционному человеку, исторически запечатленные в его фенотипической памяти «нормы» социальных переоплощений. Словом, уродливый цыпленок хищной и уродливой птицы, вернее птеродактиля, Великого глобализатора — родного брата Великого инквизитора — внезапно вылупился из еще не насиженного яйца... Подобное даже Достоевскому не предвиделось. Но все одно гений русской и мировой литературной мысли безусловно прав: Россия есть последнее пристанище мыслящего человека, мыслящего и живущего *всемирно*, а не только для себя в своем сугубом индивидуализме. И именно поэтому никогда дух России не сблизится с духом Запада, как бесконечно далеки друг от друга, антиподны их высшие воплощения: Богочеловек Христос и Человекобог Антихрист. Вот и вся апология железного занавеса. А мы ее розовею в примерах истории и современности.

♦ **Историческая предтеча отчуждения Европы и России: от географии до геополитики.** Понятия Россия и пространство во многом синонимы. Как бы кто не

* В то время самоназвание «Украина» еще не существовало. Теперь же портрет Григория Сковороды можно видеть на банкноте достоинством в пятьсот гривен...

относился к рабочему инструменту Великого глобализатора — интернету (более правильное название: уманет!), но ради благого дела порекомендуем здесь воспользоваться им, а именно: найдите по поисковику (мне легче — есть в домашней библиотеке) две книги позапрошлого века: первую русскую, профессионально написанную грамматику Н. И. Греча (да-да, того самого, что в «Кукушке и Петухе» Крылова!) 1828-го года издания и «Географию Российской империи» для гимназий 1887-го года издания. Просмотрите их. Сразу бросится в глаза это слово *пространство*. Учебник выдающегося филолога Николая Ивановича Греча прямо так и называется: «Пространная русская грамматика». А в учебнике географии для гимназий, в оглавлении ее, главы, описывающие исторически и экономически сложившиеся области в их расширенном понимании (ныне округа, калька с американского...), именуются: Пространство Лесное (Архангельская, Олонецкая и Вологодская губернии); далее со своими губерниями: Пространство Горнозаводское, Пространство Валдайской возвышенности, Пространство Низменное (это нынешняя Белоруссия), Пространство Манафактурно-промышленное и так далее до Пространства Прибалтийского (СПб и Прибалтика).

Итак, всюду пространство, простор, бескрайность, «чарующий простор» — у нашего классика. Именно с географии, как это ни недоказуемо звучит, и начинаются истоки отчуждения России от Европы (?). Киевская изначальная Русь являлась хотя и окраинным, но вполне европейским государством. Как та же Польша, Венгрия, образованная пришлым с Северного Урала племенем мадьяр. Как государство очень молодое — в сравнении с той же соседней Византией, идущей от античного Средиземноморья, — начальная Русь нуждалась в расширении своих владений. Но куда ей было двигаться? На юге Черное море, на западе — подвластные Византии, союзнице и крестительнице Руси, славянские и романские (Валахия и Молдова) народности, на востоке — враждебные и сильные враги: степные орды хазар и половцев, не говоря уже о воинственном Кавказе, к тому же вовсе не пригодном для обитания земледельческого славянского народа.

Оставался только путь на север, вернее на северо-восток, поскольку ранее образовавшиеся на севере Новгород и Псков, торговые республики, вписавшиеся в варяжскую геополитическую «зону влияния», большого населения на неплодородной земле не требовали. Итак, путь на северо-восток, в гигантский лес, протянувшийся до Белого моря, а на восток до Уральских гор, а за Камнем (так Урал именовался) и вовсе неизведанные земли. И лес этот прорезывается самыми удобными долгими дорогами — реками Днепром, Доном, Северной и Западной Двиной, Верхней Волгой и самой главной для русичей, *самой русской* рекой Окой.

Простор настолько велик, что на всех хватает: и пришлым с юга старорусским племенам, и невоинственным коренным обитателям этих пространств: угро-финским народам, в том числе самому обширному из них — Мордве, одному из двух основным племен которой (мокша и эрзя), а именно мокше, ранее и принадлежала вся нынешняя, для нас исконная, Среднерусская возвышенность... с окрестными ей низменностями.

Опять же, как покажется «притянутым за уши», но именно ордынское нашествие — с начальниками монголами и «рядовыми» из алтайских тюркских народов — и последующее, почти трехвековое, пребывание Улуса Джучиева, то есть Центральной Руси, в составе Золотой Орды, способствовало созданию, после захирения Киевской Руси, новой Руси — Московской. Правда, право на создание и возглавление этой второй Руси почти до начала XVII века оспаривали русские великие княжества: Московское и Литовское (белорусское то есть). В основном не войнами, но переманиванием на свою сторону (уговоры за водкой и зубровкой) пограничных князьков, а пограничной была Ока. Отсюда и название ее окрестной местности по верхнему течению, до Алексина: Страна князей... Но — к теме.

Ордынское подчинение Руси инициировало исторически первый «занавес» между ней и Европой. Не по воле как Руси, так и Европы. Последняя просто отгородилась от Орды по западным границам будущей Московской Руси. Своя рубашка ближе к телу... Но одновременно Москва обрела и двух кровных врагов: немецких ливонских рыцарей и поляков («То давний спор славян между собою», — у Пушкина в «Клеветникам России»). Во многом только союзническая поддержка Орды, «отвечавшей» за целостность Улуса Джучиева, помогла Руси устоять против тевтонского «*Drang nach Osten*»: татарская конница, хотя об этом принято умалчивать, была немцев и шведов вместе с Александром Невским, а в Грюнвальдской битве (1410 год) объединившихся против Тевтонского ордена славян участвовало 30 000 ордынских конников (см. словарь Брокгауза и Ефрона — там вранья не допускали).

Итак, причина и контуры, географические и геополитические, первого железного занавеса ясны. Следствием его стало и культурное, научно-образовательное, экономическое разъединение Европы и Руси. На пользу или во вред это пошло ей? — Но в таких прямолинейных категориях решать нельзя. Вот взять, к примеру, эпидемии, что регулярно, с неотвратимой периодичностью почти что уполовинивали население Европы — особенно чумные. Но вот в те же времена пространственная обширность и все тот же «занавес» берег Русь — Россию. В отличие от скученной и мобильной Европы. Конечно, эпидемии случались — и нередко, но, так сказать районированные. Вспомните холерную «болдинскую осень» Пушкина... а отец мой, 1917-го года рождения, всю жизнь носил на лице оспенные отметины: вся их калужская деревня переболела в годы Гражданской войны. Нет худа без добра — это об «умеренных» эпидемиях в России, особенно чумных, в сравнении со средневековой Европой.

Кстати говоря, интересно само происхождение словосочетания «железный занавес». Ведь до Второй мировой (у нас — Великой Отечественной) войны он не использовался — что-то навряде «санитарного кордона» или схожего на слуху были. Иногда авторство приписывают остряку Черчиллю, но как-то неуверенно. Скорее всего корни идут из Голливуда, где в 1948 году был снят фильм «Железный занавес», действие которого происходит в Канаде, а сюжет развивается вокруг советского посылства и советской же разведки. Фильм этот пользовался на Западе большой популярностью, вроде как «оскароносным» стал. Да, скорее всего, оттуда ноги растут...

Таким образом, сначала география осваиваемых огромных просторов, а затем долгое включение Руси — Улуса Джучиева в состав Золотой Орды, то есть фактор уже геополитический, а «попутно» агрессивное противостояние Руси Тавтонского ордена, шведов, а главное — Польши (Первой Речи Посполитой в те времена), сформировали средневековый железный занавес XII—XV веков. Вдобавок разрушение турками-османами одряхлевшей Византии и создание сепаратистом Мамаем (поэтому в Куликовской битве на русской стороне участвовала опять же ордынская, «сарайская» конница; Лев Гумилев был уверен в этом) Крымского ханства, подчиненного османам, полностью отрезало Московскую Русь от Европы на юго-западе. Настоящий железный (от сабель до пушек) занавес отрезал Русь от Европы — без единой соединяющей тропинки. И отрезанной от Балтийского моря.

Царство Ивана Грозного — хотя бы с его многолетней Ливонской войной за выход к Балтике — уже осознанно ориентировалось на автаркию Русского государства, а в последующее царствование Федора Иоанновича, «руководимого» Борисом Годуновым, а затем самого вошедшего на престол, Россия и вовсе переключила свои интересы на Восток, в Зауралье, в Сибирь. А после бедствий Смутного времени, отбившись от польского натиска, царь Михаил Романов со своим отцом патриархом Филаретом (в миру боярином Федором Романовым-Юрьевым), а далее царь Алексей Михайлович в особенности, и вовсе сделали Московское царство полной автаркией, провозгласив его Вторым Римом. По-своему эпоха царствования Алексея Михайловича явилась уникальной для России, ни до, ни после не имевшей аналогов. Благост-

ной именуют ее историки. Центр православия, единственная из православных автокефалий, исключая раздробленную грузинскую, не подчиненная туркам. Самое крупное, по сравнению с европейскими, самодостаточное социально, экономически и политически государство. Главная же особенность, уникальность такого Второго Рима — занавес между Европой и Россией являл собой нечто виртуальное, то есть Европе, занятое своими внутренними раздорами и обороной от осман, было не до России, а последней и вовсе, говоря откровенно, плевать было на еретиков католической и протестантской Европы. Совершенно отдельное существование, вполне устраивающее обе стороны. Как кошка с собакой, живущие в одном доме: друг другу абсолютно не интересны, а враждовать вроде как поводов нет. Но и примитивной изоляции нет. В Кремле Посольский приказ ведет минимально достаточную дипломатию с европейскими странами и Османской империей. Для дел полезной России и Европе торговли в Москве целое поселение (хоть с гетто его сравнивай, а может и с чайнатауном...) — Немецкая слобода, куда бегают мальчонка-цесаревич Петруша посмотреть на иноземцев. Основная же торговля с Европой ведется водным путем через северные моря, поэтому в Архангельске людно иноземными купцами и матросами.

И умеренные политические отношения с Европой Русское царство XVII века поддерживает, коль скоро они оказываются полезными ему. Например, когда случилась в Англии очередная религиозная заварушка в вечно беспокойной Шотландии — ну, не могут и до сегодняшнего дня потомки кельтов ужиться с англосаксами! — то договорился Алексей Михайлович с англичанами и принял тем же северным морским путем под десять тысяч шотландских беженством, расселив в малолюдном Архангельском крае (вожаки же кланов поселились в Москве: Бальмонты, Рыленты, Лермонты...). Достоверность по себе знаю: по материнской линии из потомков этих переселенцев — красно (не рыже!) бородый, хотя на волынке не волынью, но «виской» не манкирую...

Такой вот обоюдно удобный занавес между Европой и Московским царством сложился. А вошедший на престол Петр Первый приступил к его ликвидации, в многолетней войне со Швецией прорубив первое, балтийское окно, заодно приструнив Польшу. Но с турками не смог совладать с налету: восток есть дело тонкое, к блицкригам не склонен.

Считается, XVIII и XIX века Россия две сотни лет целеустремленно ликвидировала все остатки разьединенности ее и Европы. Причем далеко не оригинальным способом, а именно завоеваниями (см. выше эпиграф из Ф. М. Достоевского) земель и народов, все дальше продвигаясь на запад... до пределов, дозволенных Европой. Европа же — так мы договоримся именовать обобщенно германо-романо-британский синклит во всех его противоречиях, союзах и пр., — в течении этих двух веков все более и более подпадавшая под явное и неявное руководство хитроумной «англичанки», старалась отдавать России по принципу «возьми у бога, что нам не гоже»: всем осточертавшую Польшу с сонмом гонористых панов, мало чем привлекательную Финляндию с ее болотами, озерами и лесами. А раз отдали Польшу, то и право России на Малороссию и белорусские земли наконец-то признали. И вовсе не стоял вопрос о Новороссии, отбитой Россией у турок... тоже вроде как «домашняя победа» — по Достоевскому. Как и о Бессарабии: румыны, сами недавно освобожденные русскими, и те не возражали. Такая «щедрость» Европы объяснима: все ее страны в это время до блевотины обожрались новоприобретаемыми колониями по всему миру... самый скупой хозяин собаке кости не пожалеет! Пожалуй, единственно о чем в Европе, в германской ее части, сожалели, так это о Прибалтике: Лифляндии, Эстляндии и Курляндии — и то по ностальгической тавтонской памяти... Но вот малороссийское Прикарпатье и русинское Закарпатье (что потом Сталин ввел в СССР) австрияки России уже не отдали. Кстати, почему? Обычно указывают на сочетание двух факторов: патологическая «земельная» жадность владельцев «лоскутной империи» Габс-

бургов и собственное равнодушие России к этим малопахотным землям: своего Кавказа хватает... Но скорее всего «англичанка», уже за век готовя новый, «железный» на этот раз, занавес, крайне провидчески оценила этот стратегически важный район: и географически, и геополитически, главное — этнически.

Исторически (но лишь внешне!) все кажется естественным, непротиворечивым в «уступке» Европой западных приобретений Российской империи: дескать, она, практичная, платила по счетам, в том числе и по гамбургскому счету, своему восточному соседу за использование русского оружия, союзничества, невмешательства и пр. для решения непростых внутриевропейских дел и склок. Адмирал Ушаков, громящий турок, а затем вышибающих войска Наполеона с греческих островов, из Милана и Рима. А Суворов в это же время, перейдя через Альпы, освободил всю Северную Италию. И так далее в течении полутора десятков лет, вплоть до въезда Александра Первого на белом коне в Париж. А до наполеоновских битв Семилетняя война, в которой Россия опять-таки воевала за Европу против Пруссии, загнав Фридриха «Великого» куда европейский Макар телят не водил и в первый раз вступив в Берлин. Все в интересах Европы, включая четырнадцать войн с Турцией, которой в итоге на европейском берегу позволили (Европа позволила!) сохранить только Константинополь (Стамбул) с небольшими окрестностями. Но как только Россия «посягала» на исконные европейские земли, ту же Мальту, подаренную Наполеоном России, наряду с Финляндией (1807 год), или занятие русскими войсками Восточной Пруссии (Кенигсберг) и Саксонии в Семилетней войне, так сразу следовал окрик, дескать, вернуть!

Скупое платили России и за несколько постыдную роль «жандарма Европы», навязанную ей по решению Венского конгресса: охранять целостность «лоскутной империи» силой русского оружия. Одно подавление венгерского восстания 1849 года войсками героя турецких войн генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича чего стоит? А ведь венгры это долго помнили. Как цыганка, старуха Изергиль в рассказе Горького упрекает русского собеседника: «За что ж вы так мадьяр-то побили?» И двухгодичное упорное сражение под Воронежем Второй венгерской армии (вся она и погибла там) в Великую Отечественную войну без той давней обидной памяти не обошлось ведь?

Уже и не говорим о бесчисленных польских восстаниях. Тот же Паскевич с большим кровопролитием взял в 1831 году Варшаву. Ведь все население Сибири в XIX веке формировалось (перечитайте ту же «Угрюм-реку» В. Я. Шишкова!) из русских каторжников, кавказских «кровников» и польских ссыльных* — многотысячный приток после каждого восстания...

Но все эти, исторически вроде бы естественные (повторимся), факторы, перечисленные выше, складываются в еще более очевидную картину: растянутая по времени, где видимая, а где конспирологическая, с огромным опытом со времен франкмасонов с их средневековым *Comite permanent universeb* (Всемирная управа — предшественница нынешнего Тайного (во многом уже явного) мирового правительства), сложно организованная с дальним умыслом подготовка «фундамента» под новый, математически точно рассчитанный, планомерно санкционированный, мощнейший новый железный занавес Европы против России.

♦ **Советский социализм и евро-американский атлантизм как «классика жанра» железного занавеса.** Главный персонаж раннего романа «Скутаревский» (1932 г.) Леонида Леонова говорит в адрес американского журналиста, посетившего ударную стройку первой пятилетки, что он из тех, «*которые терпят нас, пока мы самые западные из азиатов, и возмущаются, когда мы заявляем себя самыми восточными из европейцев*».

* Хорошо известная в Туле, а в советское время и вовсе с всесоюзной известностью, писательница Наталья Диомидовна Парыгина как раз вела свой род от сосланного в Сибирь за участие в восстании польского дворянина.

Дословно повторяя* высказывание Кипплинга (см. выше), Леонов тем самым выразил тогдашнюю, 1930-х годов, убежденность советских людей, а значит и руководства СССР, в том, что верховодство в западном мире — с доминирующей направленностью против нашей страны, нашей цивилизации — все более переходит к Америке, тогда САСШ, то есть Северо-Американским Соединенным Штатам, с определением для Европы роли исполнителя и устроителя реального и виртуального железного занавеса. Что сейчас, спустя сотню лет, и подтвердилось в масштабе 1:1, как принято говорить в инженерных кругах...

Дмитрий Иванович Менделеев, не только выдающийся ученый-химик, но и социальный мыслитель, все или почти все знал и понимал в причинах оголтелой ненависти Запада к России, исторически протянувшейся (см. выше) от средневековых розенкрейцеров и немного более поздних масонов. Кстати, именно поэтому Николай Второй так и не решился (не единый раз!) утвердить Менделеева в академическом звании: Россия слишком зависела от кредитов французских Ротшильдов тех же исторических традиций...

И в то время, как выдающийся русский ученый В. И. Вернадский, опасаясь в части натиска Запада на Россию, подавал на имя царя записку о необходимости развертывания «радиевого проекта» (то есть создания, в числе прочего, атомной бомбы?), с тех же позиций Менделеев и почти в параллель с ним, но уже с авторитетом государственника, премьер-министр Столыпин убеждали власть и общественность в необходимости промышленно-экономического, а значит и социального, рывка России в наступающем двадцатом веке. Главное, говорили они, для этого страна должна превысить численностью народонаселения (400...500 миллионов) Европу. Справедливости и объективности для напомним, что Менделеев и Столыпин во многом развивали доводы еще Ломоносова, сформулированные им в трактате об устройении условий для увеличения народонаселения России, который тотчас попал под запрет и был опубликован только в самом конце XIX века...

Все для той же объективности отметим, что Россия в самом начале XX века обрела зримые черты социально-экономической, геополитической пассионарности (определяющий термин в этнологии Льва Гумилева). Это надо себе «хладнокровно» представить, отвлекаясь как от принижения советской историей, опять-таки обусловленной с классово-идеологической позиции, так и от восторженно-антисоветского преувеличения «либеральных» 1990—2010-х годов. И пассионарность эта имела уникальный, только для России присущий характер: пассионарность страны с традицией автаркии. Главное, обширность и природные богатства ее территории позволяли ей обойтись без колониальной экспансии, в отличие от Европы и Америки, сделавших ставку на свои колонии и полуколонии, соответственно. Маньчжурия и Корея, как сферы влияния России, здесь не в счет. Это не были колонии или полуколонии «классического» типа. Как и китайский Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и железнодорожной веткой от КВЖД, Маньчжурия и Корея являлись необходимыми России стратегическими форпостами в отношении к стремительно милитаризирующейся Японии и к европейским хищникам, поделившим Китай между собой после подавления Боксерского восстания.

...Вот эту-то пассионарность России, ее потенциальную автаркию еще за десятилетия до их проявления зорко оценила Европа, прежде всего хитромудрая «англичанка». Уже в середине XIX века была сделана генеральная репетиция создания «занавеса» с Россией для целей отъединения ее от мирового прогресса, что-то навряд искусственного, силой оружия и экономической изоляции, возвращения России во времена первых царей династии Романовых. Конечно, на ином «техническом» уровне,

* Леонид Леонов — писатель серьезный, признанный классик советской литературы, известный своей щепетильностью в части заимствований из сказанного другими. Поэтому только литературной молодостью можно объяснить это цитирование Кипплинга без ссылки на автора высказывания...

но — возвращения вспять. Понятно, что речь идет о Крымской войне, когда «англичанка» сумела объединить с Британией Францию, Турцию и Сардинское королевство (не усмехайтесь: в то время это поболее трети территории и населения Италии!). Основной целью этой войны полагается изоляция России на ее юго-западе, а уничтожение Черноморского флота — пресечение возможности выхода в Средиземное море. Составляющими этой цели считаются «вечное» противостояние России с Турцией, а также (сомнительное?) желание императора Наполеона Третьего «отомстить» за поражение в России Наполеона же Бонапарта...

Но все это малоубедительно звучит по двум основным причинам. Первая — это неучастие в войне, а ее на Западе и называли Европейской, приграничных с Россией стран «германского блока», то есть Австрии (Австро-Венгрией она стала в 1868 году) и Пруссии, что, в свою очередь, отвергает саму мысль о реальном желании создания российско-европейского барьера. И вторая, но еще более характерная: это «прощупывание» британским военно-морским флотом обороны России на всех ее морских границах; само собой на Черном море, на Балтике с планируемым направлением на Кронштадт и Санкт-Петербург; на Петропавловск Камчатский (Владивостока тогда не было) на Тихом океане, а также на Севере в направлении на Соловецкие острова и Архангельск... и даже на Баренцевом море: английский пароход-фрегат «Миранда» вошел в Кольский залив, где пушечной бомбардировкой полностью разрушил Колу, основанную в XVI веке, — единственный город на Кольском полуострове, а затем бомбардировал суда рыбопромышленников в Мотовском заливе и Лицкой губе.* Понятно, что это было именно «прощупывание», поскольку на всех морях, кроме Черного, атаки британского флота были отбиты, а главное, направленные Англией экспедиционные морские силы однозначно не предназначались для серьезных (победных + оккупация) действий.

Резюме: Крымская война как репетиция отчуждения России по всем румбам: южном, западном, северном и восточном (на Тихом океане). ...На то она и «англичанка», чтобы планировать за много десятилетий до момента «икс». И почти нейтральный исход войны: кроме запрета иметь флот на Черном море — никаких территориальных аннексий. Словом — репетиция. Не выдержав позора, покончил с собой (официальная историография это отвергает) «рыцарь самодержавия», вообще-то вполне достойный русский император Николай Павлович. Но в определенном смысле — нет худа без добра — Крымская война дала мощный положительный импульс для укрепления России. Деревянный Черноморский флот в уже идущий полным ходом век пароходов и так был приговорен «к списанию». И чрез не столь уж длительное время в Севастополе и портах союзной Румынии (в Констанце) базировались броненосные корабли возрожденного Черноморского флота. Но главное — коренные реформы Александра Второго (двойного Освободителя) и действенная политика Александра Третьего (Миротворца) — экспансия на Тихом океане, создание там военного флота... и те же Маньчжурия и Корея в сфере влияния. И бомбардировка заполярной Колы не была забыта: по завещанию своего отца, уже Николай Второй (не к месту употребить его непочетное прозвище...) де-факто создал военную Флотилию Ледовитого океана и его базу-город Александровск (1899 год; ныне — Полярный).

Хитростью и долгами Ротшильдам затащив Россию**, у которой вообще-то не имелось никаких претензий к «германскому блоку», как поставщика пушечного мяса,

* Характерно, что в Гражданскую войну англо-американские интервенты высадились в тех же местах: в Архангельске и в недавно основанном Мурманске, что в «пешей доступности» от Колы...

** С присущим ему сарказмом Лев Толстой так описывает торжественную встречу в Петербурге французского президента Пуанкаре, прибывшего для подписания антигерманского договора — Антанты (*Entente cordinal*) (пишем по памяти): сначала исполнили русский гимн, где всячески восхвалялся царь, а затем прозвучала «Марсельеза», в которой тех же царей всячески рекомендовалось изничтожить...

в Первую мировую (Империалистическую) войну, Европа с «англичанкой», правильнее — «англичанка» с Европой, тем самым, но еще не догадываясь о скором ходе эволюции, подготовили будущие «занавесы» для России, уже советской.

Двадцатый век ознаменовался двумя такими железными занавесами: первой и второй половины столетия. Но оба они, как «классика жанра», воздвигались между советским социализмом и Антантой — в первом варианте, а во втором с евроамериканским атлантизмом. С доминированием «заокеанской составляющей».

...К концу 1930-х годов западная «половина от занавеса» против СССР притворным миролюбием «англичанки» (хотя бы в то время там был королем мужчина, правда, заикающийся) настолько сдружилась — это прямо как сейчас! — что в 1939 году на Нобелевскую премию мира была номинирована очень веселая компания: Гитлер, Черчилль, Рузвельт и — для разнообразия — Махатма Ганди. И стал бы Адольф Алоисович Шикльгрубер «нобелестом», повремени он пару месяцев с нападением на Польшу. Впрочем, это к слову, хотя бы как при услышанном незначай слове «холодец» вкусовая подсознательная память тотчас добавляет к нему почти что ощущение языковыми рецепторами терпкости и горечи хрена, натертого со свеклой, так и при упоминании любого события европейской политики тотчас в памяти непроизвольно всплывает Польша... Действительно, без нее европейская история пресноватой была бы. Как холодец без хрена.

Главная специфика «занавесов» XX века — это их идеологическая составляющая, более того, прерогатива. Но и кардинальное тактическое отличие. Если «занавес» между мировыми войнами являлся идеологической защитой Запада от социалистических идей, на практике воплощенных в 20—30-е годы в СССР (недолгая военно-революционная экспансия Троцкого закончилась неудачной советско-польской войной), то «занавес» после Второй мировой войны, воплощенный в «холодной войне», уже к середине 50-х годов стал для СССР защитным против «тлетворного влияния Запада». Лицемерить здесь не следует; время показало, что *amicus Plato, sed magis arnica veritas* (Друг мне Платон, но истина друг мне больший, лат.). Понятно, речь шла не о идеологии (диссиденты были в подавляющем меньшинстве), но о «вещизме». Об этой напасти предупреждал еще Лион Фейхтвангер в своей книге «Москва 1937»: «Когда общество достигает определенной экономической переходной стадии, в нем волей-неволей проявляются характерные для мелкобуржуазного общества особенности».

И если довоенное отгораживание Европы от СССР, ввиду молодости и восторженности складывающейся советской нации, воспринималось в стране как сочувственное к трудящимся массам, которые империалисты отгородили от самых правых в мире идей Ленина — Сталина «санитарным кордоном» (это не ирония), то акцент сместился в ситуации кордона — занавеса «холодной войны» (см. выше у Фейхтвангера). То есть можно понять западников в первом занавесе, а тем более советское руководство во втором. Окончание же их еще более отличны друг от друга, ибо столь же различными являлись ситуации в Европе конца 30-х годов и вообще в мире конца 90-х годов.

Вторая мировая война по сути явилась калькой с Первой, то есть империалистической, исключая составную, хотя и главную, ее часть — Великую Отечественную войну СССР против Германии с ее сателлитами и союзниками. И основные фигуранты ее все те же: Германия, но с государствами «оси» и все та же Антанта, но с Америкой (США). В обе войны наша страна была вовлечена против ее воли: Российская империя недалековидностью царя с его окружением и повязанностью кредитами Ротшильда (см. выше); но вот со Сталиным такие фокусы не прошли, поэтому «англичанке» пришлось всю вторую половину 30-х годов изрядно потрудиться, чтобы завязать такой «морской узел» — не двойной даже, не тройной, а многократный, по-

жертвовать союзными Чехословакией и Польшей, де-факто дать проглотить тевтонской акуле Австрию, Югославию, весь Север Европы, даже Францию, чтобы натравить Третий рейх на СССР. Чемберлен даже готов был вернуть Германии ее бывшие африканские колонии, утраченные после Первой мировой войны! Истинно по Марксу: нет такого преступления, на которое не пошел бы капиталист ради десяти процентов прибыли, а за двадцать он и мать родную удавит (цитируем по памяти...).

В такой ситуации сочетания каждодневно возрастающей агрессивности Германии, запутавшейся в своих хитросплетениях Англии, мудрой и дальновидной политики Сталина и железный занавес потерял свою идеологическую, политическую и иную значимость. С пактом Молотова — Риббентропа он и вовсе рухнул. С тем, чтобы почти через десять лет возродиться в форме «холодной войны» между ее инициатором, евро-американским атлантизмом во главе с США, и социалистическим блоком, созданным Генералиссимусом по итогам Второй мировой войны. Итак, очередной железный занавес и «холодная война» могут пониматься синонимически во всех составляющих: военно-политической, геополитической, идеологической, научно-технической, причем в соревновательном характере. Делится он на две неравные по длительности части. Первая, которую условно назовем сталинской, длилась до хрущевской «оттепели» и содержанием своим абрисно повторяла «санитарный кордон» 20—30-х годов, «обустройстваемый» на более западных рубежах равно обеими сторонами: образование НАТО и Варшавского договора, американский план Маршалла по восстановлению экономики Западной Европы и создание Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), политическое и геополитическое размежевание сторон: разделение на два государства Германии, причем «берлинский вопрос» решил инициативой советской стороны возведением Берлинской стены — занавес в прямом смысле железобетонный... По «спорным» странам, то есть Австрии и Финляндии, было найдено обоюдоприемлемое решение: их неприсоединение к блокам и официальный нейтралитет. А в части Финляндии, особенно во время руководства ею Урхо Калева Кекконена, и вовсе почти полная экономическая привязка к СССР — прямое следствие договора о выходе Финляндии из войны; кстати, составленному самим Маннергеймом и удовлетворившего Сталина...

Как и в довоенные времена, в дооттепельной части возобновленного занавеса идеология играла свою роль, но не являлась определяющей, чем она была в 20—30-е годы. Причина такого взаимного относительного ослабления идеологической составляющей зиждется на итогах Второй мировой войны и, что немаловажно, на — относительном тоже — возросшем общественном самосознании, что тоже есть результат войны. На Западе это проявлялось в рамках принятых демократических институтов, к которым вынуждены были прислушиваться правящие структуры. В СССР же, что бы там злобно не бормотали вечно прозападные, антисоветские и вообще-то антирусские либералы (головного мозга...), в 40—50-е годы еще оставался не фиктивным, но действенным девиз о единстве партии и народа, двигателем и символом которого являлась яркая фигура Сталина: вождя-победителя и рачительного хозяина страны.

Итак, в силу действенности сказанного, со стороны Запада (Европа + США) определенная толерантность (поганое сейчас слово, но мы не об этом) к советской идеологии объяснялась, говоря языком психологии масс, фрустрацией, то есть переносом искреннего признания европейцами Советскому Союзу за уничтожение Третьего рейха, государства-оккупанта, на советизм-социализм. По принципу: добрые поступки совершаются добрыми по натуре людьми.

Со стороны же советской страны, равнозначно (см. выше) советских людей с их врожденной русской жалостью, европейцы воспринимались как равные с ними жертвы нацизма и фашизма. Как-то на второй план отходила их буржуазная идеология. Тем более, что советский агитпроп практически не акцентировал внимание народа на том, что в годы Великой Отечественной войны все эти «порабощенные и несчаст-

ные» страны, включая нейтральные Швецию и Швейцарию и исключая лишь сербскую часть Югославии, а также условно европейские островную Англию и Турцию с ее «константинопольским» обрезком европейской территории, во всю мощь своей промышленности и сельского хозяйства работали на Германию, даже не пикнув в адрес прямого или косвенного своего оккупанта. А сопротивление? — смех! Только малочисленные группки партизан-маки в Северной Франции, да и то преимущественно из бежавших советских военнопленных*, и тоже не очень результативное польское сопротивление. Словом, немецкий солдат после боя на чешском или французском танке, вспомогательном к германским «панцерам», устраивался в блиндаже, что называется, расслабив ворот гимнастерки, сняв ремень с кобурой, в которой покоился вальтер чешского же завода ЧКД, ужинал аппетитным сухим пайком, сделанным в Дании или Голландии, для аппетита выпив стопку французского коньяка «Камю», а затем отдыхал, покуривая душистую болгарскую сигарету... Но это к слову, которое, вообще-то говоря, в наше время полезно помнить...

Все изменилось с «оттепелью», невольной по последствиям даже для самого Хрущева, пока еще робкой, предварительной репетицией 90-х годов. Увы. Но для исторически молодой еще России всякий либерализм выходит боком. И в формуле графа Уварова «православие, самодержавие, народность» логическое ударение, то есть акцент, всегда ставится на втором слове. Тем более, что минимально достаточное расслабление, которое народ заслужил за два сверхнапряженных десятилетия (индустриализация, аграрная революция и главное — война на пределе человеческих сил), Сталин уже дал: от восстановления православной церкви, «великого восстановления» русских имен в науке и искусстве до широкого распространения кооперации и знаменитого ежегодного весеннего снижения потребительских цен. Даже в области идеологии он санкционировал определенные изменения, правда, не воплощенные им при жизни**: дискуссия по созданию новой теории политэкономии социализма, определенная подготовка к разграничению сфер деятельности партийных и хозяйственных структур (допускается, что именно этим последним и объясняется его загадочная смерть...). Главное, сталинский задел в экономике и сделал СССР сверхдержавой, продержавшейся до 90-х годов!

Но Хрущев взял быка за рога и отчасти палку перегнул. Но все же скоро сообразил, что ослабление идеологического железного занавеса мигом взрастит такую тьму тьмущую либералов (которые в России всегда играют роль если не пятой, то точно шестой, идеологической колонны), что похерит саму основу советского социализма. И коллеги («мы тут в ЦК посоветовались и решили...») подсказали, что-де, Никита, не зарывайся. Опомнился маисовый генсек, литераторов приструнил, художников-абстракционистов пидорасами назвал... а тут его самого обозвали волюнтаристом и пробобелистом (в народе переименовали: пробабелистом) и отправили на пенсию все-союзного значения: 140 рэ в месяц... Железный занавес срочно починили-залатали. А поскольку гигантский сталинский задел в экономике и социальной справедливости дал мощнейший взлет в 70-х годах, по праву названных «золотыми», то сработала та напасть, о которой предупреждал Лион Фейхтвангер (см. цитату выше), а именно выросли корни мещанского, мелкобуржуазного потребительства. Именно поэтому со стороны СССР усилилась идеологическая задача занавеса — пресечение «тлетворого влияния Запада»; но вот со стороны этого Запада, четко уловившего эту брешь, началась серьезнейшая, хитроумнейшими англо-американскими мозгами с научной добросовестностью выстроенная борьба за мозги советского человека, в смысле за внедрение в них доминант частнособственничества, потребительства и индивидуализма.

...Здесь и расписывать-то не надо: все на глазах нынешних среднестарших и вы-

* Приходилось самолично общаться с такими; то есть «из первых уст»...

** См.: Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление.— М.: «Московский Парнас», 2010.— 373 с. (В электронной форме на сайте www.pz.tula.ru).

ше поколений прошло-прокрутилось. Словом, за «видик» родину оптом и в розницу продали. Здесь бы и аминь всяким занавесам сказать, но не тут-то было!

♦ **Природа и конструкция железного занавеса в эпоху глобализации; финансовый олигархат и расчеловечивание.** В считанные годы, почти что месяцы — с утра снег на дворе, а к полудню растаяло! — бывшая сверхдержава повержена мировым империализмом с посильной помощью отечественных пятой, шестой и иных колонн. И прижившееся в СМИ паскудное словечко «распался» — утеха либерала. Да еще общипана с западной и южной сторон: была 1/6 часть земной суши, а теперь в 1/7 свободно уместится. Какие тут занавесы, кому они нужны теперь? Ан нет, историческая судьба России — жить за занавесью. И таковая в XXI веке оказался вовсе не портьерой, как в великокняжеские и царевы времена, не сеткой-рабицей, с чем позволительно и относительно сравнить бывшие в прошлом веке, но сооружением повнушительнее Великой китайской стены. Хотя Китай здесь ни при чем... Подобного в тысячелетней истории России еще не случалось: с Европой никакого сообщения-общения, пароходы не дымят, «чугунка» рельсовая замерла, аэропланы не летают. Оживление лишь на полуторатысячеверстовой «линии соприкосновения»: второй год идет окопно-позиционная война — это как в Первую мировую. Она же составная часть Третьей мировой (гибридной) войны. И опять в нее не мытьем, так катаньем втащили Россию. Это и есть железный занавес нового, гибридного уже вида.

Гибридизация всех нынешних понятий, объектов и процессов в мире суть порождение глобализации. По самому своему определению понимание гибридных процессов не является однозначным. Оно даже не многозначное — оно вообще не поддается конкретизации, как внеязыковое. А поскольку язык есть собственно познание и предмет логики, то внеязыковой характер гибридации одновременно есть и внелогический. Всякая попытка дать привычное мышлению человека логическое толкование любому гибриднему процессу порождает только информационный шум: нельзя логически описать внелогическое! Это как в присказке о коне и трепетной лани... Да всякий человек, в любом обитаемом месте планеты нашей успешно глобализуемой, может в такой алогичности, маскируемой информационным шумом, убедиться. Тож и вы, уважаемый читатель, ближе к вечеру, но лучше после ужина, чтобы аппетит не перебить (вспомните слова профессора Преображенского из «Собачьего сердца»), пощелкайте на пульте кнопками, пробежитесь по телеканалам из числа тех, что «заведены» в телеящик как общедоступные, прислушайтесь к словам дебатирующих день ото дня уже много лет штатных телеактеров, переодетых «ведущими политологами, вдумчивыми аналитиками, потомственными профессорами-социологами» и пр. и пр. Причем в последние полтора года некоторые из них даже в подобие полувоенной формы (это как А. Ф. Керенский когда-то) переоделись.

...И чем больше вы их, тружеников телеэфира и экранного времени, гонораро-пропорциональному! слушаете, тем явственнее ощущение набитости вашей головы ватой или соломенной трухой. Это и есть информационный шум от заранее обреченных на неудачу попыток «политологов» разъяснить сущность того или иного злободневного гибридного события-процесса. Здесь даже французы спасуют, хотя бы, по словам одного нашего классика, они большие мастера объяснять вещи, которые сами не понимают.

Сущность гибридного мира, объектов и процессов этого мира, недоступная пониманию традиционно мыслящего человека, и есть высочайшей эффективности рабочий инструмент Великого глобализатора. Причем инструмент одинаково тактического, оперативно-тактического и стратегического действия, говоря языком военных; время-то сейчас реально военное!

Если пример с информационным телешумом не совсем понятен, то приведем более наглядную аналогию, например, по зоологическому ряду эволюции. Возьмем неразлучную с неолитических времен пару: человека и собаку. Жучка и Полкан пре-

красно понимают человека. На прогулке, тем более на охоте, даже предугадывают команды и желания хозяина. И даже сочувственно подвывают ему, когда тот, чем-то огорченный, выпив на кухне бутылек горькой, обреченно подпирает ладонью щеку и немзыкально затягивает старинную каторжанскую: «По диким степям Забайкалья...» А вот человек совершенно своего пса не понимает, даже если по профессии и зоопсихолог. А почему? — потому, что человек живет логикой мышления, а собака на 99 % первобытным инстинктом. Инстинкт же суть рабочий инструмент биоэволюции... неважно, по Дарвину или Ламарку.

И если нынешний человек уже традиционно *мыслит логически* с пещерных хмурых тысячелетий своего невеселого детства, то гибридное мышление Великого глобализатора, или конспирологического Тайного мирового правительства (давно уже явного!), есть все тот же рабочий инструмент эволюции, которой потребовалось расчеловечить человека (это не тавтология), как выполнившего свою творческую миссию, сделать его винтиком («органым штифтиком» у Ф. М. Достоевского) глобальной техно-информационной мегамашины.*

Итак, гибридизация самого образа жизни человека суть указание эволюции, которая в нынешний период глобализации движется инстинктом расчеловечивания, а сущность инстинкта для логически мыслящего человека *непознаваема*. Поэтому, при всей нашей (авторской) неприязни — ведь человек-то еще сугубо советский! — к явлениям и сути глобализации, ее движителя, то есть финансово-олигархической капиталократии (а это более понятный раскрывший термин «глобализация»), будем *объективны*: ни <уже полу-> конспирологическое Тайное мировое правительство с его «теорией заговора», ни пресловутые Римский и Бильдербергский клубы, ни Белый дом (который настоящий — в городе Вашингтоне, округ Колумбия, США) с Капитолием, что неподалеку, ни финансово-олигархические в основе своей ЕЭС и неформальные объединения транснациональных корпораций, ни НАТО и иные военно-политические блоки *не являются* конкретными, директивными руководителями процесса глобализации в одежде гибридизации. А кто же тогда этот Великий глобализатор со своим предшественником Великим инквизитором? — А это и есть сама эволюция человека на его завершающей, день ото дня экспоненциально ускоряющей, стадии. От эволюции же, как от упомянутой выше собаки, причин такого, вроде как неожиданного, кульбита не допросишься. На том и поставим аминь в нашем экскурсе и снова вернемся к природе железного занавеса «от России» нынешней эпохи глобализации, всемирной власти финансового олигархата, гибридизации всего и вся, действительности расчеловечивания. И это на отдельно взятой «живой» планете (во Вселенной таких тысячи, возможно и миллионы), которая для земного человека становится все более малой и тесной. Знаменательно, что ровно век назад Лев Давидович Троцкий, упоминаемый здесь исключительно как блестящий литературный публицист, писал в книге «Литература и революция», 1923: «*Арена исторических действий становится необозримо великой, а земной шар — обидно малым. Чугунные полосы рельс и проволока телеграфа одели весь земной шар в искусственную сеть* (выд. нами. — А.Я.), *точно школьный глобус*».

Как же провидчески, не уступая Достоевскому, сказал он об *искусственной сети*, что в форме интернета (уманета, повторимся, правильнее) одела-опутала ныне весь земшар.

И в части железного занавеса Лейба Давидович все предвидел, завораживающе призывая в своих речах к всемирной революции (кстати, точно по Марксу!), ибо в ином случае Советская Россия будет вынуждена постоянно отбиваться от враждебного окружения империалистов. Это и следует понимать как железный занавес.

* Тема глобализации развита нами в 22-томной монографии «Живая материя и феноменология ноосферы» (2003—2023 гг., монография продолжается), тома которой изданы различными издательствами Москвы, СПб, Твери, Тулы. В электронном виде см. (по поисковику) на основных научных сайтах.

Уже ставшая традицией практика такого занавеса явила себя в XXI веке в иной природе и конструкции (пишем без заковычивания, как общесистемный термин). Неизменным осталось только одно, не зависящее от форм устройства России: Улус Джучиев, Великое княжество Московское, Московское же царство, Российская империя, Советский Союз, теперь вот Российская Федерация, — а именно: почти сакральное неприятие Европой, вообще Западом, самого наличия страны России. Как бы она сама себя не позиционировала перед ними: дружелюбно-искательно, равнодушно, настороженно или вынужденно враждебно. И кто бы не составлял эту самую Европу: извечно враждующие между собой германские и романские государства, профессионально интригующая Британия, Польша — в любой бочке затычка, лоскутная империя Австрия, беспрерывно воюющая с Россией Оттоманская империя, освобожденные от турок балканские страны (см. эпитафия). Словом, куда ни кинь, всюду клин. Опять же повторимся...

Но вот наступило второе тысячелетие с мощным импульсом глобализации и гибридной. Сам Запад, сама Европа перешла от масонского *liberte, egalite, fraternite* к *liberte, egalite, Charite* (психиатрическая больница в Берлине). Да и Россия стала вроде бы иной: с момента поражения в первой стадии Третьей мировой войны — ин-формационной и разрушения внешними и внутренними (см. выше) врагами СССР; почти четверть века все ворота железного занавеса гостеприимно распахнулись створками на восток. Казалось бы: гуляй, Ваня, ешь опилки, пока есть на лесопилке, коль скоро страна оптом и в розницу выставлена на распродажу.

...Ан нет, аппетит приходит во время еды, а Запад охочь на дермовую жрачку в три горла. Примерно так принято считать: в девяностые и двухтысячные годы в умеренно (а иной в новой России и не было) оппозиционных кругах, а в последние годы — официальное общее мнение, озвучиваемое масс-медиа. Опять же это в восприятии — или рассчитано на восприятие? — традиционно мыслящего человека, преимущественно заставшего советские времена, а именно они составляют *мыслящую* часть социума... молодые поколения в расчет не берутся, их мысленный ареал не включает подобные «высокие материи».

На Западе, где уже *все* поколения расчеловечены, утратили способность мышления за чертой личного потребительства, нынешние события, связанные с Россией, вполне удовлетворялись версией, отработанной еще в «кордонах» и «занавесах» прошлого века: извечная агрессия русского медведя против миролюбивой Европы.

Но оба эти мнения относительно создания нынешнего, «горячего» железного занавеса, еще раз повторимся, рассчитаны на человека традиционного, не способного проникнуть в существо нынешнего гибридного мира, коль скоро его конструкция, движение и цели — тактическая, оперативная и конечная стратегическая — не поддаются осмыслению в рамках привычной традиционному человеку логики. То есть пока для человечества глобализации с ее финансовым олигархатом и расчеловечиванием масс есть эквивалент физического «черного ящика»: есть вход — структура мира, сложившегося к последней четверти XX века, есть и выход — предреченный выдающимся русским и советским ученым, академиком В. И. Вернадским переход биосферы Земли в ее новое биогеохимическое (термин Вернадского) состояние *ноосферы* — *сферы разума*. А «черный ящик» суть собственно биосферно-ноосферный переход, содержание которого «в тонкостях» человеку эволюцией знать не дано. Один из вариантов такого содержания см. выше ссылку на цикл наших работ «Живая материя и феноменология ноосферы».

Ошеломительно для человечества начался этот «ящик» — с жестокой глобализации и расчеловечивания. Но эволюция есть закон всемирный, категорический императив, а *dura lex soud lex* (жестокый закон, но — закон, лат.).

Подстать такому *dura lex* и нынешний железный занавес с Западом, опоры под который последний начал мостить с десятков лет тому назад, уже исторически обка-

танным манером втянув Россию в противостояние, причем сходу в военно-политическое, а отчасти и геополитическое. Существеннейшее отличие сегодняшнего занавеса от *всех* предыдущих — он не базируется на сколь-либо значимых экономических, идеологических, геополитических и даже собственно военно-политических (!?) противоречиях и противостояниях. На этот раз в чем-то главенствует именно расчеловечивание, более того в морально-этическом аспекте. Речь идет, понятно дело, об отходе Запада от традиционной, христианством выработанной морали, идущей в своих нормах от евангельской Нагорной проповеди Христа — заповедей блаженств Нового Завета. В России же христианские, православные нормы этики и морали, наоборот, в чем-то декларативно, но в общем в обиходе искренне, ставятся на первое место. А основой такой искренности, вне всякого сомнения, является наличие существенной еще части народонаселения с советским воспитанием, которое базировалось именно на евангельской первооснове. С тем лишь отличием, что заповеди Христовы были в «Моральном кодексе строителя коммунизма» переписаны в современной терминологии. Цепочка исторических переводов: с древнегреческого оригинала на русский, а с русского на советский...

Это уже близко к утверждению: нынешний железный занавес, включающий в себя даже столь исторически-диковинный момент как *отмена* русской культуры, есть составная часть, причем важнейшая, идеологии глобализма: *расчеловечивания*, превращения человека все в тот же винтик-штифтик глобальной мегамашины грядущего информационно-технизированного социума... скорее псевдосоциума будущего, увы, малорадостно — но только для нас, еще традиционных людей-человеков — ноосферного мира.

Итак, глобализм, он же мировой империализм в его высшей и завершающей стадии (предпоследнюю стадию В. И. Ленин определил как «империализм — высшая стадия капитализма»...) ведет наступление по всем фронтам: идеологически-расчеловечивающем, военно-политическом, финансово-олигархическом, геополитическом... и иже с ними. В его гибридных, не данных человеку логически мыслящему для ясного понимания, планах множество «фронтов». Как то принято в истории, «опыт» ставится на России, столь близкой географически и столь далекой обобщенно идеологической в отношении к Европе. Не привыкать нам и к железным занавесам.

На том и аминь — время покажет, но Россия есть, как и всегда была, главный камень преткновения для той же Европы.

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ОЧЕРК, ПОВЕСТЬ

Олеся Янгол
(г. Тула)

АРХИТЕКТУРА РАЯ Главы из романа

Наш постоянный автор.

5. Прижавшись друг к другу

Сначала я едва различал тропу. Узкая, неровная, она петляла среди каменных шипов. Наступи на такой — и пропорешь пятку насквозь. Мы продвигались медленно, сосредоточенно глядя под ноги. То и дело я подхватывал Ивею под локоть, чтобы она не упала.

Мы брели уже два часа. Я ненавижу этот путь. «Тропа жизни» называется! На самом деле это тропа смерти. Причем медленной и мучительной. Выбившись из сил, мы останавливались, чтобы Ивея пришла в себя.

— Ты уверена, что это «тропа»? — спросил я.

— Я сейчас ни в чем не уверена, — слабым голосом произнесла она.

Я чувствовал, как ей сейчас тяжело. И не только от усталости. Ивея была растеряна, и выбранный ею путь пугал ее.

— Ничего, все будет хорошо. Мы выберемся отсюда. Должны же где-то закончиться эти шипы, — говорил я, пытаюсь ободрить ее. Но отчетливо видел, как тропа все тянется и конца ей не видно.

Солнце клонилось к западу, а мы все шли и шли. Упрямо стиснув зубы, стараясь ни о чем не думать. Но солнце скоро сядет. В темноте идти здесь — чистое безумие. Все это время нас окружал однообразный пейзаж — каменные кривые коряги с торчащими во все стороны ветвями. Однажды, оступившись, я схватился за одну такую ветку. Она оказалась хрупкой, сломалась. Я едва не упал. Ивея вовремя подала руку.

Мы все чаще останавливались. Наконец солнце зашло за Конус, погрузив мир во тьму. Луны, как назло, не было. Ее скрывали плотные облака. Тут же поднялся ветер.

Мы беспомощно остановились, держась друг за друга.

— Это единственный вариант, — сказала Ивея и принялась снимать с себя кофту.

— Зачем ты раздеваешься? — удивился я. — Ветер такой холодный!

— Адан, мы должны сесть, иначе я просто рухну сейчас. Здесь немудрено пропороть себя насквозь.

Она туго свернула кофту, соорудив из нее нечто вроде сиденья. Стянула штаны, скатала.

— Попробуем сесть, — предложила она.

Осторожно присела, потянула меня. Мы едва уместились на импровизированном сиденье. Не очень-то расслабишься. Я настроил жак, укрыл нас. Крепко обнял успевающую продрогнуть Ивею. Бедняжка, ей пришлось раздеться, чтобы спасти нас от гибели. Причем глупой и бессмысленной. Из внутреннего кармана я извлек сушеную ману. Мы поели, сделали несколько глотков из фляги. Воду надо беречь. Неизвестно, сколько еще идти.

— Нам нельзя спать.

— Тогда давай поговорим,— предложил я.— Ты обещала рассказать о себе.

6. История Ивеи

— Так сложилось, что моим домом оказался Седьмой ярус. Я единственный ребенок правителя Эвкаифа. Сейчас немногие смогут вспомнить его имя. Это сделано намеренно. Наш род предпочитал оставаться в тени и не считал нужным рассказывать о себе. Достаточно того, что иерархия утвердилась. Система управления давно работает сама по себе. Во всяком случае, так считали мои предки. Да и отец придерживается того же мнения.

В былые времена на Седьмом ярусе кипела жизнь. Род множился, разрастался. И вот тут начали проявляться внутренние конфликты. Родные по крови люди быстро и безжалостно избавлялись друг от друга. Не жалели ни детей, ни внуков. Наиболее сильным оказался один из них — мой прадед. Вся эта междоусобица потянула за собой развитие технологий. Уже при прадеде отпала надобность в многочисленной службе. Все необходимое производилось без участия человека. У прадеда были один слуга и один повар. Он любил хорошо поесть и не признавал продукты, произведенные *e-светом*. Его жена родила ему всего лишь одного сына — моего деда.

Для обновления рода будущих жен доставляли с нижних ярусов. Искали самых красивых и здоровых. У деда родился сын — мой отец. В молодости он часто путешествовал по ярусам. И свою жену встретил на Третьем. Это вызвало недовольство его отца, так как считалось, что жен надо выбирать из женщин Первого яруса. Те славились и ростом, и красотой, и здоровьем. Моя же мама была хрупкой женщиной. Но они полюбили друг друга. В моей памяти еще живут отрывки воспоминаний о той жизни. Я помню бабушку, помню деда и своего дядю — родного брата моей матери. У него была куча детей. А самым старшим был... Фадю. Я так и не успела признаться ему, что он мой брат...

Потом, когда я стала взрослой, отец много мне рассказал. Мама не догадывалась, что он с другого яруса, тем более с Седьмого. А он боялся ей признаться. Он надеялся, что его оставят в покое и не потребуют вернуться на Седьмой. Он хотел простой жизни в кругу семьи. Он любил нас. Но его отец не хотел и слышать об этом. Он требовал, чтобы сын занял полагающийся ему пост.

Папа признался мне, что только те четыре года на Третьем ярусе, среди родных жены, он чувствовал себя по-настоящему счастливым. Он дотянул до того, что нас похитили. Легко, без насилия. Однажды мы прогуливались по Верхнему плато. Охранники усыпили нас. Очнувшись мы уже на Седьмом ярусе. Сама я едва помню все эти события.

Мы оказались в другом мире. Огромные пустынные залы, где эхо шагов рассыпается, словно горох, и пугает и приводит в уныние. Природа и парки идеальных форм и линий. Насекомые, птицы и некоторые виды зверья завезены с нижних ярусов. Весь ярус окружен силовым куполом. Жизнь на такой высоте невозможна без защиты. Там даже воздух искусственный.

И вот в таком мире оказалась моя мама. Она так и не смогла справиться со случившимся. Прожив еще год, она покончила с собой, зайдя в *аннигиляционную камеру* для утилизации мусора.

Вскоре умер мой дед. И мы остались с отцом вдвоем. Уже не было ни слуги, ни повара. Мы пользовались е-светом. Я быстро научилась составлять меню. В шесть лет я повзрослела. И решила заботиться о своем отце. Набирала заказ, сервировала стол, звала отца к столу. Вот, собственно, и вся моя забота. Те пространства, в которых мы обитали, которые я так и не смогла назвать своим домом, не нуждались в помощи человека. Уборка производилась быстро и бесшумно. Пыль и грязь аннигилировалась, когда мы гуляли в парке.

Учиться я начала сама. Однажды отец отвел меня в один из залов и сказал, что здесь будет моя школа. Я должна посещать ее каждый день. И каждое утро я шла в «школу». Весь зал был настроен на обучение. Визоры с огромными глубинными экранами, войдя в которые оказываешься словно в любой точке Эвкаифа. Говорящие головы, улыбающиеся с экранов, были моими учителями.

Я росла, училась, читала много книг. Мне были доступны все знания Эвкаифа. Но я была совершенно одна.

Отец после смерти матери замкнулся в себе. И я все реже и реже видела его. Сначала искала его общества, но, повзрослев, поняла, что он тяготеет разговорами и избегает меня. Иногда по ночам я вспоминала бабушку, деда, своих братьев и сестер. Моя подушка была мокра от слез. Но что я могла? Как я могла изменить свою жизнь?

Однажды, когда мне исполнилось десять, отец неожиданно пришел. Сказал, что приготовил для меня необычный подарок. Мы долго шли с ним через залы. На нашем ярусе лучевая система залов. Все коридоры сходятся в центре у лифта, ведущего вниз. Я боялась этого лифта и, даже играя, никогда не забегала сюда. Но на этот раз отец решительно повел меня к лифту. Мы вошли и куда-то поехали. Отец в тот день был веселым. Таким я помнила его лишь при маме.

— Я познакомлю тебя с моим братом, — говорил он. — Хотя он и не брат мне вовсе, но мы когда-то были очень близки. Я много лет уже не виделся с ним.

Так я узнала о стране Гипополам Лупус и познакомилась со своим дядей. Он радушно принял нас. Тот день врезался в мою память, ведь я вновь оказалась во внешнем мире, наполненном настоящим воздухом, живыми людьми. С тех пор я стала часто видеться с дядей и уже не боялась лифта.

Мой дядя — правитель Шестого яруса. Несмотря на все странности народа мана, он очень мудр. И мана его уважают.

Я росла и все чаще пропадала у мана. Отец совсем перестал общаться со мной. Бывало, мы не виделись месяцами. Но иногда я украдкой ходила к нему. Смотрела издали, чтобы не тревожить. Всякий раз заставляла его в кабинете, в кресле, среди старинных книг, которых у него было огромное количество.

Два года назад он вновь внезапно пришел ко мне. Я поразились, как он изменился. Высох, поседел. Его взгляд стал другим. Словно там затаилось безумие. Он напугал меня. Отец стал говорить непонятные вещи. Потрясал какой-то древней книгой. Все повторял и повторял, что скоро придет конец всему живому. Якобы он смог перевести древние рукописи, в которых говорится о гибели Эвкаифа. Он твердил, что мне нужно бежать. Я поняла, что он потерял разум. Но я ничего не могла сделать. Я не знала, как помочь ему.

Однажды ночью он вбежал в мою спальню, стащил с постели и насильно повел к лифту. Он не дал мне даже одеться. Втолкнул в лифт. Его последними словами были: «Спаси хотя бы себя! Эвкаиф обречен!»

В одной ночной сорочке я добралась до дяди. Рассказала о случившемся. Дядя оставил меня у себя. Обещал поговорить с отцом. Ездил к нему. Но тот заблокировал вход на Седьмой ярус.

Так я осталась жить у дяди. Он очень подробно расспросил обо всем, что твердил отец. И признался, что древние рукописи действительно существуют. Но так как язык уже считался мертвым, никто не мог точно перевести написанное. Ходили лишь предположения о возможности гибели Эвкаифа.

В этих рукописях якобы есть точная дата взрыва. Там говорится, что основатели Эвкаифа при строительстве запланировали и его последующее уничтожение. Дядя успокаивал меня. Говорил, что верить подобным текстам не стоит. Есть более реальные угрозы. Например, разобщение ярусов. Теперь каждый ярус устанавливает свою власть. А это приведет к гибели всей многовековой системы, отлаженной нашими предками. Ему невольно приходится участвовать в политических играх, вести борьбу за сохранение власти на своем ярусе. А это непросто. Появилось много молодых и сильных «игроков», готовых в любой момент совершить переворот.

Дядя жаловался мне, что слаб, что его единственное желание — бросить все и окунуться с головой в научную работу, которую он любил и которой занимался все свое свободное время.

Однажды я сказала, что хочу спуститься на Третий ярус и разыскать своих родных. Он согласился.

— Я и сам хотел предложить. Здесь тебе находиться небезопасно. Ведь если узнают, что ты дочь Данарда, мы все можем попасть в большую беду. А мне и так уже задают о тебе много вопросов.

На Третьем ярусе я долго занималась поисками своей родни. В детских воспоминаниях сохранились лишь зыбкие образы. Ни точного адреса, ни полных имен я не знала. Поселилась в том самом доме, где жила Тайра. И вот там-то и познакомилась с Фадо. Он как-то сразу стал мне близок. Я и не подозревала, что он мой двоюродный брат. А когда поняла, когда соединила в голове его и мои воспоминания — было уже поздно...

И теперь я снова одна. Я не могу вернуться к отцу. Но и здесь я не дома. У меня его попросту нет. Нет места во всем Эвкаифе, который я могла бы назвать своим домом.

7. Незначительное совпадение

Безумно хотелось спать. Ивея, такая маленькая и хрупкая, доверчиво прижалась ко мне. Я крепко держал ее, давая возможность хоть немного подремать. Проваливаясь в сон, тут же будил себя. Спать нельзя! Кругом острые, длинные иглы.

На горизонте наконец стало проясняться. Черные тучи медленно двигались по небосводу. Они казались тяжелыми и неповоротливыми. Я мысленно гнал их, стараясь приблизить утро, когда можно снова двигаться дальше. Ноги ужасно затекли, онемели. Я принялся сжимать и разжимать пальцы ног. Но разве можно это сделать в *сабанах*? Конечно, они хороши для дальних походов и очень удобны. Однажды я не пожалел баллов и купил их. Это было еще на Четвертом ярусе. В рекламе говорилось, что сабаны предназначены для путешествий по Верхнему плато. Что специальный материал не промокает, а в жару прекрасно пропускает воздух. Что внутренняя память помогает им менять состав материала в соответствии с условиями. Но больше всего меня привлек их внешний вид. Две прямоугольные полоски с сотовой фактурой. Невесомые. Надо всего лишь поставить стопу, и они сами обернутся вокруг, как требует того форма ноги.

Я выбрал сабаны цвета обожженной глины с голубыми матовыми вставками. Именно это сочетание цветов я представлял, когда мысленно видел те далекие горы, о которых мечтал. Но самое удивительное, что точно такие сабаны носила Ивея. Сочетание цветов при покупке можно выбирать самому. В магазине давали светопалитру, на которой можно создавать нужные тебе оттенки. Градаций было такое великое множество, что повторить точно такой же оттенок можно, лишь «войдя» в память палитры. Каким образом Ивея смогла смешать то же количество долей, было для меня загадкой.

Но вчера, когда я неожиданно осознал это, сделалось как-то теплее на душе. Странная мелочь, невероятное совпадение, подарившее мне минуты радости. А мо-

жет, и не минуты. Может, эта незначительная мелочь каким-то образом соединила нас невидимой нитью.

Ивея спала. Я обнимал ее бережно, осознавая, что сейчас у меня нет никого ближе этой хрупкой необычной девушки, история которой потрясла меня. Услышав ее рассказ, я изменился. Мой мир стал иным. Он уже не был ограничен двумя ярусами. Он начинал принимать реальные формы.

Я не знал, как относиться к новости о гибели Эвкаифа. Возможно ли это? Похоже, что ее отец действительно потерял разум в своем одиночестве.

Я провалился в сон. Глубокий и беспокойный. Снова снилась Дана. Она трясла меня за плечо и просила проснуться. «Ты можешь упасть, можешь упасть»,— твердила она. Я с трудом раскрыл глаза, и вовремя. Еще чуть-чуть, и я бы потерял равновесие.

Бледный свет зари развеял ночную тьму. Мы все же переждали эту ночь. Ивея подняла голову с моего плеча, слабо улыбнулась.

— Мне надо одеться, Адан. Давай попробуем встать.

Это оказалось не так-то просто. Ноги просто заклинило. Ивея осторожно встала. Балансируя среди каменных шипов, потянулась. Ее обнаженная фигура напомнила мне статуэтку, созданную Фадо. Он действительно был очень талантлив. Сейчас я смог в этом убедиться воочию.

Я протянул ей жак. Она накинула его на плечи, присела на корточки и, несколько не смущаясь, но смутив меня, принялась энергично растирать мои ноги. Я помогал ей. Это занятие рассмешило нас, но помогло привести в чувство мои нижние конечности.

— Знаешь, иногда бывает тяжело,— сказала она,— и уже, кажется, просвета не будет, и вдруг накатывает такая сильная волна счастья. Словно глоток воздуха. Беспочинное счастье. И так хорошо становится. И думаешь, что все не так уж плохо. И жизнь продолжается.

Наверное, она права. Надо жить дальше. И уметь смеяться. Это важно, чтобы не потерять себя.

Я смог подняться. Ивея быстро оделась, и мы продолжили путь.

8. Каменные нити

Когда солнце уже уверенно стояло в зените, мы наконец увидели ровное пространство. Шипы резко обрывались, и начиналась каменная гладкая пустыня. Словно лысина древнего бога, она едва заметно холмилась, морщилась, текла плавными наслоениями. Конца ей не было видно. Последние шаги по тропе с шипами были подобны жадным вздохам. Скорей, скорей. И рухнуть. И ни о чем не думать. Расслабить безумно напряженное тело. Ивея, выбравшись на равнину, сделала еще несколько шагов, шатаясь, словно пьяная. Ее тяжелое дыхание прерывалось короткими нервными смешками. Сутулясь, с безвольно висящими руками, она шла вперед. Мне хотелось сесть, но я пошел за ней. Переглядываясь, мы устало улыбались.

— Здесь не видно тропы,— заметил я и тут же увидел...

Увидела и Ивея.

Мы резко остановились. Ноги подкосились. Невольно пришлось сесть. То, что предстало перед нами, родило внутри меня крик отчаяния, который я с большим усилием подавил.

— Прости,— едва шевеля губами, произнесла Ивея.

Поначалу мы не заметили легкого подъема. Поэтому и не сразу увидели резкий обрыв, уходящий во тьму. Я подполз к краю, но, как ни вглядывался, дна не увидел. Если вновь отойти на пару метров назад, обрыва уже не видно. И кажется, будто холмистая даль простирается до горизонта.

— Я завела тебя в эти места,— устало проговорила Ивея.— Внутри Конуса я поспешила к тому выходу, который был ближе. Но я и не подозревала, что здесь есть ТАКИЕ места.

Это была горная щель. Метров десять, не больше. Но преодолеть ее можно было разве что на крыльях. Я откинулся на спину и смотрел в небо. Только сейчас, спустя несколько дней, я вдруг заметил, что здесь нет облачной рекламы. Легкие, пушистые белые облака торжественно проплывали по небу. Как мечтал Фадо увидеть подобное...

— Нужно поесть,— без всякого энтузиазма, как данность, произнесла Ивея.

Мы достали сушеную ману, выпили по глотку воды. Хорошо, что здесь не было сильной жары, жажда не мучила нас.

— Тропа жизни прерываться не может,— громко хрустя сухой лепешкой, сказала Ивея.

— Но она прервалась.

— Один из незыблемых законов мана звучит так: «Тропа жизни непрерывна». Она может быть любой. Даже такой безумной, как здесь. Но она не может прерываться!

Ивея вскочила, побежала вдоль обрыва. Я, поднявшись, пошел в противоположную сторону. Не пройдя и нескольких шагов, заметил, что через пропасть перекинута каната. Один над другим, они тянулись тонкими нитями, едва различимыми в свете дня. Опустился на колени, дотянулся, пощупал и понял, что это камень. Вернее — каменная веревка. Приглядевшись внимательнее, увидел, что эта самая «веревка» словно выросла из горы. Как ветка дерева из ствола. От моего прикосновения она заходила ходуном, будто обычная веревка.

Я позвал Ивею.

— Я же говорила, что тропа не может прерываться.

Она произнесла это устало и равнодушно.

Мы лежали у обрыва и смотрели на две странные каменные нити. Единственное, что соединяло наш путь.

— И все это создали люди? — спросил я.

В моем голосе невольно прозвучали ироничные нотки. Зачем людям создавать безумные вещи? Кому это нужно? Я искренне не мог понять.

— Как-то дядя рассказывал, что в Гипополам Лупус есть Долина Безумия. Теперь-то я знаю точно, что это здесь.

— Ты хочешь сказать, что здесь живут безумные люди? Или же просто кто-то развлекается, подобно тем игрокам с Третьего яруса?

— Увы, здесь все гораздо серьезнее. У народов мана трагичная история. Дядя часто об этом говорил. Так сложилось, что перед мана стоял острый вопрос выживания. Их осталось мало. Они находились на грани исчезновения. Потомство рождалось слабым, больным. Им необходимо было обновлять кровь, искать жен среди других народов. Но мана были упрямы и не желали смешивать свою кровь с чужаками. Пришло время, когда не только родные дяди, но и отцы должны были осеменить своих дочерей. Стали рождаться умственно отсталые. Наследственные отклонения множились. Поколение разрасталось, но большая часть мана уже не осознавала, что это путь к вырождению.

Однажды кто-то из правителей забил тревогу. Потребовалось много усилий, чтобы переубедить оставшихся здоровых жителей принять в свой род чужих жен. Для этого спускались к самому подножию Эвкаифа. Жили там и женились на арданках. Затем с потомством возвращались на Гипополам Лупус. Еще столетие понадобилось, чтобы обновить род. Но часть мана, упрямо державшаяся древних устоев, так и не смирилась с новшествами. Забрав свои семьи, они перебрались на Северную сторону яруса. Говорят, что они и сейчас продолжают жить так, как и триста-четырееста лет назад. Отцы дают семья своим дочерям. За эти столетия северные мана очень измени-

лись. И внешне, и умственно. Им предоставили полную свободу. Они не вмешиваются в жизнь страны, и им позволено жить так, как они привыкли.

Мы вновь взглянули на каменные нити.

— Адан, у нас нет выхода,— сказала Ивея,— я переберусь первой.

Она подползла к самому краю.

— Постой! — я ухватил ее за ногу.— Я не могу пустить тебя первой.

— Адан, я легче тебя. Я думаю, этот... мост должен выдержать. Если мне удастся перебраться, я смогу отправиться дальше сама. Приведу помощь.

Чтобы встать на нижнюю ветку, надо было спрыгнуть на узкую площадку, вырубленную в скале. Ивея легла на живот, я крепко взял ее за руки и начал медленно спускать вниз. И все же под конец ей пришлось прыгнуть. Она удачно приземлилась.

— Береги себя,— попросил я и мысленно твердил неведомо кому — береги ее, береги...

Ивея взялась за верхнюю ветку, осторожно, боком шагнула на нижнюю. Ветки заходили ходуном в разные стороны. Ивея дождалась, пока каменные нити замерли, и медленно, шаг за шагом, пошла над пропастью. Я лежал у самого обрыва, свесив голову, и чувствовал, как грохочет мое сердце. Как грудная клетка ударяется о камень. Только бы выдержали эти «нити», только бы не раскрошились, как те, что встречались нам на пути.

Даже издали я видел, как она бледна. Четыре метра, три, два...

Наконец она ступила на узкую площадку, перевела дыхание, повернулась ко мне и махнула рукой. Я вдруг осознал, что при всем желании ей не подняться вверх. Слишком высоко для ее роста. Совершенно гладкие стены, без единой щербинки. Зацепиться было не за что.

— Иду,— не очень громко сказал я, но голос разнесся далеко и отразился эхом от вертикальных стен.

Спустился. Встал на нижнюю «нить», охватил руками верхнюю. Она пришлась мне как раз по пояс. Очень неудобно. Рискуешь перегнуться вперед, и тогда удержаться невозможно. Я попытался двигаться боком, канаты разбалансировались. Пот прошиб насквозь. Я заставил себя успокоить дыхание, сел на ветку, свесив ноги вниз.

— Попробуй сидя,— подсказала Ивея.

Действительно, при моем росте сидя передвигаться было несколько проще. Одной рукой я держался за верхнюю «нить», другой подтягивал себя за нижнюю. Я заставлял себя смотреть на кулак с побелевшими костяшками, крепко обхвативший ветку.

Было чистым безумием смотреть в стороны, а тем более вниз. Потеряв равновесие хотя бы на миг, я рисковал рухнуть в пропасть. Наконец я почувствовал руку Ивеи на плече. Значит, удалось. Перебрался.

Стоять на узкой площадке вдвоем было невозможно. Ивея встала на носочки, вжавшись в отвесную стену.

— Забирайся мне на плечи,— сказал я, продолжая сидеть.— Попытайся дотянуться до верха.

Как мы выбрались наверх, сложно вспоминать. Долго потом снилось, что Ивея срывается, что я не могу удержать ее... Но мы сделали это.

Солнце уже село. Эта безумная «каменная нить» отняла у нас весь день. Двигаться дальше не было никаких сил. Мы отползли от края, легли рядом, укрылись жаком и уснули мертвым сном.

9. Долина

Утром обнаружилось, что воды осталось совсем немного. Еду можно растянуть еще дня на три-четыре. Разделив пополам одну лепешку и смочив губы водой, мы вновь двинулись в путь.

Идти по гладкому камню первое время было непривычно. Так сильно вымотала нас предыдущая дорога. Здесь же тропа словно смеялась над нами. Мало того что ровная, да еще и выложенная по бокам узорной каменной косицей. Словно украшение на пирогах, которые пекла Тайра.

— Почему ты решила вернуться к дяде?

— Это единственное место, где нас примут. Мы же оба с тобой внесистемники. На Четвертом и Пятом ярусах тут же нас вычислят.

— Но я не понимаю, почему ты отключена? Ты же дочь человека, который правит Эвкайфом.

Ивея приостановилась, глянула на меня с легкой улыбкой:

— Ярусы уже давно практически обособлены. Мой отец всего лишь символ, сдерживающий сознание обычных людей. Даже не отец, а сам Седьмой ярус. Все знают о нем. Знают, что там средоточие власти, и ведут себя соответственно. А для порядка большего и не требуется. Да и вообще, я только недавно поняла, что нахожусь вне системы. Помнишь ту штуку, что стреляла в нас? Она просто «не видела» меня. Она видит только тех, кто подключен.

— Она видела меня. Значит, я все еще подключен. Но, когда пытался заказать обед на Четвертом, мне сказали, что меня нет в системе.

— Скорее всего, тебя просто отключили от системы баллов. В остальном ты как на ладони. При желании тебя тут же обнаружат.

— Долго еще идти?

— Долго. Хоть Шестой ярус и не так велик, как Третий, все же он огромный для двух маленьких людей. Сейчас мы на Севере. Надо сделать огромную дугу, чтобы попасть на Юг.

Мы продолжали идти. Куда ни поверни голову, всюду лысая каменная равнина. Лишь за нашими спинами зеркальная поверхность Конуса отражала облака и синь неба. Сама же вершина пряталась в плотном кольце тумана и облаков.

Наконец впереди что-то смутно проступило, с каждым шагом становясь отчетливее и больше. Равнина шла под уклон, и постепенно открывался новый пейзаж. Мы увидели реку. Она вилась узкой змейкой по долине среди деревьев и терялась за высоченной островерхой скалой. Подойдя ближе, мы поняли, что это не скала, а огромное здание с множеством пикообразных башен.

Мы невольно оживились. Узкая лента реки, отражая солнце, слепила глаза и заставляла идти быстрее. Наконец мы сможем напиться воды и наполнить сосуд. Слышался шелест листьев в кронах деревьев. Мы ускорили шаг. Уклон становился круче. Мы почти бежали.

Подбежав первой к берегу, Ивея резко остановилась. Постояв мгновение, безвольно опустилась на колени. Подойдя, я понял, в чем дело. Нас ждал еще один удар на тропе жизни. То, что мы приняли за блеск воды, оказалось блеском камня. Все устье реки от края до края было заполнено горным хрусталем. Он сверкал неровными гранями, больно слепил глаза, был молчалив и равнодушен к двум изможденным жаждой путникам.

Лес по ту сторону реки был тоже каменным. Но я отчетливо слышал шелест листьев, и шум воды, и пение птиц... Я слышал пение птиц! Что это? Галлюцинации? Подступающее безумие?

— Ты слышишь птиц? — опускаясь рядом с Ивеей, спросил я.

— Да. Я уж было подумала, мне кажется.

Мы огляделись. Каменная река, каменный лес. Камень, камень, камень...

— Безумие какое-то, — произнес я тихо.

— Безумие и есть, — сказала Ивея, — это же та самая Долина.

— Что это за здание на том берегу?

— Идем, посмотрим.

Ивея устало поднялась и пошла через реку, шурша мелкими камушками горного хрусталя. Я поспешил за ней.

Перейдя реку, мы вновь увидели знакомую тропу с витой косицей. Она уверенно вела к видневшимся воротам. Огромная арка, метров семь в высоту, закрывалась переплетением каменной узорной сетки. Подойдя вплотную, мы с легкостью пролезли сквозь прутья и оказались во внутреннем дворе. Высокие стены с двух сторон и арочный проход напротив.

Пение птиц и журчание воды здесь слышались еще громче. Оглядываясь и поражаясь размерам здания, мы осторожно вошли внутрь.

Мы попали в игру света и тени. В полумраке огромного зала с островерхого свода и из стен били лучи света. Они перекрещивались, сталкивались, разбегались, создавая фантастические узоры на полу и стенах. Мы заворожено ступали по гладким гигантским плитам. Фигура Ивеи словно дробилась и множилась в причудливой игре узких солнечных лучей. У меня зарябило в глазах, я невольно прикрыл их рукой. Вновь отчетливо услышал журчание воды. Мы направились вглубь зала, на звук. Пройдя под узким сводом, оказались в низком, темном коридоре. Взявшись за руки, держась за стены, практически вслепую пошли по нему. Впереди виднелся свет. Такой яркий, что резал глаза. С каждым шагом коридор становился ниже и уже. Мы двигались друг за другом почти на четвереньках. Журчание воды становилось все ближе и громче. Этот звук манил нас. Только бы на этот раз это действительно была вода!

Последние метры нам пришлось ползти.

— Здесь ступени! — воскликнула Ивея.

Она протиснулась ногами вперед и выпрямилась в полный рост. Я едва мог повернуться в узком туннеле. Спустил ноги, нащупал ступени и вытащил себя, наконец, из этой проклятой каменной трубы.

Мы вновь оказались в огромном зале. Наверху в куполе было отверстие, сквозь которое виднелось небо. Сноп света, идущий сверху, освещал ровное, круглое и, похоже, искусственное озеро. По кругу спускались ступени к самой воде. Озеро было гладким, словно зеркало. Мы поспешили к нему, чтобы убедиться, настоящее ли оно. Я с блаженством коснулся воды, приник, словно животное на водопое. Вода была свежей, сводящей зубы холодом. Напившись, мы умылись, наполнили наши сосуды до краев и только сейчас почувствовали, как здесь холодно. Настроив жак, мы укрылись им, прижались друг к другу и просто отдыхали с блаженными усталыми улыбками на лицах.

— Странно, откуда же слышно журчание? Озеро-то спокойное,— до меня только сейчас дошло.

Я вновь прислушался. Пение птиц, журчание воды и шелест листвы раздавались повсюду. Словно мы находились в лесу, неподалеку от горной реки.

Объяснения этому не было...

10. Лунный шепот

Мы уснули под звуки невидимого леса. Усталость была такой, что я чувствовал ее даже сквозь сон. То проваливался в темноту, то невольно вздрагивал от ощущения, будто срываюсь в пропасть. Каменные нити крошились в моих пальцах, словно хрупкие ветви. Тогда я чувствовал, как Ивея обнимает меня крепче, успокаивался и вновь засыпал.

Проснулся в очередной раз, ощутив прикосновение к лицу. Раскрыл глаза. Что-то мелькнуло по другую сторону от Ивеи. Пронесся легкий ветерок от чьего-то движения. Ощущение, что меня кто-то гладил по лицу, было отчетливым. Но Ивея крепко спала рядом, свернувшись клубочком.

«Приснилось, что ли?» — подумал я.

Сквозь отверстие в куполе заглянула луна, осветила круглый зал и гладь озера. На мгновение воцарилась тишина. Прекратилось журчание воды, умолкли птицы, не стало слышно шелеста листвы, будто луна выключила все звуки своей волей.

Я почувствовал легкое дуновение ветра. Вернее — ветерков. Тонкие струйки проносились то здесь, то там. Один коснулся ладони, другой щеки, третий пошевелил волосы. Ветерки усилились, их игра становилась все отчетливее. Сильная струя врезалась в правое веко. Я невольно потер глаз. И вновь острый укол. В левый глаз. Очень больно! Это уже переставало быть игрой. Я приподнял жак повыше к лицу, плотнее укутал Ивею. И тут я услышал шепот. Кто-то явно говорил. Тихий протяжный голос. С другой стороны зала ответили. Начался спор, ругань и шиканье. И вновь тишина. Но вскоре шепот возобновился. Голосов стало много. Они окружали нас. Шептали, повизгивали, хохотали. Стало жутко. Я приподнялся на локте. Ветерки тут же впились в меня, словно только и ждали, когда я выгляну. Луна освещала пустой зал. Я отчетливо видел стены, ступени, идущие по кругу. Ту дыру, из которой мы попали сюда. Никого не было. Но я слышал шепот множества голосов. Совсем рядом. И дыхание. Чье-то чужое дыхание у лица. Или это ветер? Кто-то зашипел у самого уха. Злобно и отчетливо. Я не понимал языка. Но я слышал слова. Некоторые повторялись, рассыпаясь эхом, некоторые смешивались в один общий гул. Ивея проснулась, приподнялась. Еще со сна, не осознавая, коснулась своего лица, прикрываясь от ветерка. Услышала шепот. Придвинулась ближе и с испугом огляделась.

— Кто здесь? — спросила она тихо.

— Не знаю.

Я обнял ее. Мы сидели какое-то время, ожидая, что вот-вот кто-то кинется на нас.

— Смотри! — воскликнула Ивея, указывая на озеро.

Гладь подернулась рябью. Вода медленно, но явно начала вспучиваться. Мы сидели сразу у воды, на первой ступени. Легкая волна, накатив, едва не замочила нас. Мы поднялись на вторую ступень. Вода словно ждала этого. Уверенно выплеснулась на то место, где мы еще недавно мирно спали.

Шепот становился громче. Слышались вскрики, хохот, завывание. Вода поднялась еще выше, загнав нас на третью ступень.

— Надо уходить!

Я взял растерянную Ивею за руку и потянул к проходу.

Ивея пробралась первой. Я, едва протиснувшись в узкий туннель, почувствовал, как холодная вода лизнула лодыжку. Если вода продолжит прибывать, она заполнит и туннель, и мы рискуем утонуть. Мы торопились покинуть это странное место. Ползли на четвереньках. Наконец смогли подняться в полный рост. Я оглянулся. Туннель оставался сухим. Видимо, вода остановилась.

Добравшись до первого зала, мы вновь окунулись в сказку. Тонкие лучи лунного света, будто натянутые струны, пробивались из всех стен, наполняя зал призрачными серебряными узорами. Ивея невольно ахнула. Она вышла на середину зала, подняла голову, развела в стороны руки и замерла. Ее фигуру накрыло узорной прозрачной материей. После той жутки, которую пережили только что, мы готовы были все забыть, любуясь сказочной игрой лунного света. Вглядевшись, я понял, каким образом зал наполняется светом. Мельчайшие вкрапления горного хрусталя усеивали все стены и потолок. Лунный свет, проникая сквозь них, разбегался по залу, создавая фантастическую картину.

В глубине что-то мелькнуло, послышались глухие шаги. Ивея взяла меня за руку.

— Давай уйдем отсюда. Это странное место. И, по-моему, у него есть хозяин.

Я вспомнил чье-то прикосновение к лицу. Значит, рядом с нами, пока мы беспечно спали, действительно кто-то находился. Был ли он опасен, не знаю. Но лучше действительно покинуть это странное место, созданное неизвестным гениальным безумцем.

11. Прямые потомки

Остаток ночи мы провели у берега с горным хрусталем. Спать уже не хотелось. На востоке забрезжил рассвет. Мы решили двинуться в путь с первыми лучами солнца. А пока отдыхали. Ивея, сидя на корточках, задумчиво пересыпала в ладонях тускло мерцающие камни.

— На нашем ярусе горный хрусталь один из самых дорогих,— сказал я.

— Я читала, что в доэвкаифскую эпоху ценили другой металл. Он был очень мягкий и не приносил никакой практической пользы. Зато сильно блестел. Никогда не понимала этого.

— Что ты еще знаешь о праистории?

— Когда не существовало Конуса, территорию заселяли арды. У них был город. Именно на его основании наши предки и возвели Эвкаиф. Сами арды оказались слабы и не смогли противостоять новым поселенцам. А может, и не хотели. Строители Эвкаифа обладали техническими знаниями. Кто-то говорил, что якобы эти знания они украли у самих ардов. Арды же выбрали иной путь развития. Это их и сгубило. А еще наши предки насильно уводили женщин ардов, так как не хватало людей. Кровь смешалась. И теперь, по прошествии стольких веков, о прямых потомках и говорить не приходится. Поэтому и себя мне сложно называть прямым потомком. А ведь именно это дает право на наследование власти.

— Я ничего не слышал о прямых потомках.

— В библиотеке отца хранятся древние книги. Там целые тома истории. Я как-то пыталась читать. Но язык слишком сложный. У меня не хватило терпения. Отец прекрасно читает на древнем... Вот и дочитался...

Ивея замолчала. Ссыпала камни, отряхнула ладони, поднялась и посмотрела на бледное предутреннее небо.

— Не знаю, Адан, верить, не верить. В тех книгах утверждается совсем другое. Ведь нас учили, что основатели Эвкаифа — это мы. А там написано, что настоящие основатели Эвкаифа — арды. И таких конусов, как наш, они возвели множество. А в нашей истории, наоборот, пишется о диких племенах ардов и о величии нашего народа. Видишь, как все запутано. Кому и чему верить? Я ничего не знаю наверняка. Да и неважно все это. Этот дурацкий термин «прямые потомки» набил мне оскомину еще при деде — отце моего отца. Он только и твердил: «Мы прямые потомки, мы должны помнить об этом». Он видел, как равнодушен отец к власти, вот и пытался внушить все эти постулаты мне. А я никогда не чувствовала привязанности к Седьмому ярусу. Мне все там было чужим. Поэтому и вернулась на Третий. Но так и не успела отыскать родных. Только потерять успела. Бедный Фадо...

Показалось солнце. Первые лучи коснулись верхушки того странного храма, который мы называли храмом ветров. И тут же снова послышалось журчание воды, проснулись невидимые птицы и зашелестела невидимая листва. Будто само солнце включило все эти звуки. Начался новый день в Долине безумия. И мы продолжили свой странный путь.

12. Шептуны

Чем дальше мы уходили от храма ветров, тем тише становилось пение птиц. Вскоре воцарилась полная тишина. Лишь шуршание сабанов о камни увеселяло наше путешествие. Ивея шагала чуть впереди, я следом. Я думал о ней. Она одинока, беззащитна. Старается быть сильной, но одна она пропадет. Я не могу оставить ее одну. А даже если бы и оставил? Куда мне податься самому? Где меня ждут? Я такой же неприкаянный и одинокий, как она.

Покинув долину, мы вновь оказались в каменной пустыне. Простиравшаяся рав-

нина наводила тоску. Только тропа с плетеной косицей, казалось, вела нас уверенно. Куда-то в конце концов она нас приведет.

Неожиданно поднялся ветер. Солнце скрылось за плотные тучи, и заморосил мелкий дождь. Мне вдруг послышался шепот. Четкий, у самого уха. Я невольно оглянулся. Никого. Догнал Ивею, накинул ей на плечи жак.

— Впереди что-то виднеется.

Ивея указала на едва видимый, расплывающийся в сизой дымке выступ. До него еще идти и идти. Мы ускорили шаг. Дождь, хоть и мелкий, но промочил нас основательно. Вдобавок — ветер. Стало холодно. Мы побежали.

Выступ становился отчетливее, обретал форму. Наконец мы разглядели нечто похожее на высокие каменные кресла. Размеры поражали. В одном кресле могли уместиться четверо. Высоченные спинки, широкие подлокотники. На каждом подлокотнике по огромной птице. Из их мощных клювов раздавался громкий, злобный клекот. Сначала показалось, что птицы настоящие, но, осторожно приблизившись, мы поняли, что они тоже из камня. Отчего же ясно слышен птичий клекот?

К плотно сдвинутым креслам вели высокие ступени. «Тропа жизни» уверенно подвела к ним. Нам ничего не оставалось делать, как забраться на одно из кресел, прижаться друг к другу и, накрывшись жаком, переждать дождь.

Мы достали последнюю лепешку, поделили и съели. Ивея с опаской поглядывала на фигуры птиц.

— Не хотелось бы остаться здесь на ночь,— сказала она.

— Когда я был маленький, бабушка часто рассказывала сказки. Я помню, мне нравились сказки о великанах. Это такие люди, как мы, но невероятно огромные. Они жили в далекой стране, среди гор. И все у них было огромное. И дома, и мебель. Они ели из тарелок размером с озеро, спали в кроватях, величиной с молекулу. Эти сказки меня завораживали. А сейчас мне кажется, что мы попали в сказку и сидим на кресле великана.

— Моя бабушка тоже рассказывала сказки,— Ивея несколько оживилась,— я помню, как мы, дети, собирались в ее комнате. Кто где. Кто забирался на ее кровать, кто в кресло. А многие прямо на полу. И слушали, слушали. И не замечали, как засыпали. И всякий раз, когда я просыпалась в своей кровати, я никак не могла вспомнить, каким образом оказалась в ней. А ведь просто папа переносил меня на руках, когда я уже крепко спала. Иногда мне кажется, что все наше детство похоже на сказку. Было так хорошо. Так хорошо было просто жить.

Одна из птиц издала пронзительный свист. Ивея невольно прижалась ко мне крепче.

— Не нравится мне здесь. Давай уйдем. Лучше спать подальше от этих чудовищ,— предложила она.

Мы спустились и, прикрываясь жаком, побрели сквозь нудный дождь. На прощание все четыре птицы завывали в унисон. Жалобно и тоскливо.

Так мы и шли до самого вечера. В конце концов дождь прекратился. Показалась яркая луна, засверкали звезды. Но ветер усилился. Укрыться на ночь было негде. Ивея сняла с себя кофту. Мы сели на нее и накрывшись жаком. Утомленные и измученные, вскоре уснули.

Среди ночи меня вновь разбудил шепот. Он ворвался в сон. Настойчиво и монотонно что-то требовал. Я раскрыл глаза. Выглянул из-под жака. Темно. Луна скрылась за тучи, и лишь ветер неустанно продолжал дуть. Шепот становился громче, отчетливее. Все больше и больше голосов окружали нас. Это стало раздражать. Кто бы это ни был, все равно их не видно.

Ивея тоже проснулась. Так мы и сидели до утра, слушая непонятное бормотание, смех, брань, словно находишься в обезумевшей толпе. Я твердо знал, что рядом никого нет. Но расслабиться не получалось. Пусть и невидимые, но эти шептуны наводили тоску и тревогу весьма умело.

13. В деревне

Рассветало. С первыми лучами солнца шептуны испарились. Где-то отчетливо раздавалась птичья трель. Я уже не верил ничему. Очередной слуховой мираж.

Еды у нас не было. Лишь черные палочки чая бесполезно лежали во внутреннем кармане жака. Мы сделали по глотку воды и вновь зашагали вперед.

Солнце поднималось все выше. Его лучи осветили новый пейзаж. Голая равнина, наконец, стала меняться. Появились корявые наросты, напоминавшие чахлые деревья, растущие на болотах. Их становилось все больше. Они были уродливы, но отчего-то веселили взгляд, соскучившийся по разнообразию.

Вдруг что-то мелькнуло. Маленькое, желтое. Перелетело с ветки на ветку. Неужели действительно птица? И, как подтверждение, раздалось короткое чив-чив-чив.

Мы переглянулись. Ивея невольно улыбнулась. Я коснулся одной из каменных веток, взгляделся и обнаружил, что это настоящее дерево. Пусть маленькое, едва живое, но настоящее.

— Это же деревья! — воскликнул я.

Мы принялись ходить среди них, касаться руками гнутых в три погибели веток. Спугнули целую стайку маленьких птичек. Сердце забило чаще. Может, дальше нас ждет настоящий лес?

Выйдя на тропу, пошли быстрее и вскоре увидели простирающуюся внизу долину. Настоящие деревья, шум горной реки, стук, брнчанье. Звуки жизни!

Среди деревьев виднелась поляна. Прямо из-под земли торчали маленькие каменные куполки-пещерки.

— Похоже, там живут люди, — сказала Ивея.

Когда мы спустились по крутому, все еще каменному склону, наши ноги коснулись травы. Короткой, острой, бледно-зеленой, с вкраплениями мелких белых соцветий. Ивея не удержалась. Присела на корточки, коснулась травы, сорвала цветок и поднесла к губам, к носу. Вдохнула едва заметный аромат.

— Так пахнет дикая мана, — сказала она. — Я однажды наелась ее, потом живот болел. Дядя смеялся надо мной. Говорил, что такой маной питаются только дикари в Долине Безумия. Но она мне показалась такой вкусной, хоть и неказистой на вид.

— Может, нам удастся найти ее здесь? Не мешало бы запастись едой, — сказал я.

— Давай спустимся сначала в деревеньку. По всей видимости, там кто-то живет. Да и тропа ведет прямо туда, — предложила Ивея.

Будучи еще наверху, мы явно слышали детский смех. В деревеньке шла обычная жизнь. Но у самого леска, когда среди деревьев уже четко просматривались дома-пещерки, звуки внезапно прекратились. Лишь птицы продолжали беззаботно щебетать на ветках.

Мы вышли на утоптанную земляную поляну. Пещерки располагались по кругу. Их было всего восемь. Похожих на ту, в которой мы провели первую ночь на Шестом ярусе. Посреди поляны возвышался приземистый каменный полукупол с уступами, ведущими наверх. Рядом валялись сосуды для воды из высушенных плодов маны. Судя по всему, это был крытый колодец. Повсюду валялись какие-то предметы. В основном из камня. Было много каменных шаров, и больших, и маленьких. С маленьким отверстием по центру.

Мы медленно ходили мимо пещерок, рассматривая предметы. Ивея нашла маленькую каменную фигурку. Неказистую. Большая голова с широко раскрытым ртом, короткие ручки и ножки. Фигурка уверенно стояла на широких ступнях. Вместо глаз и рта сквозные отверстия.

— Похоже, что это детские игрушки, — предположила она.

Я нашел еще несколько фигурок, словно многочисленная семейка стоявших по кругу. С некоторых деревьев вблизи пещерок свисали тонкие канаты. Прикоснув-

шись к одному, я понял, что он из камня. Впервые в жизни мне доводилось видеть гибкие камни. Канат дернулся от прикосновения, изогнувшись мелкой волной.

Ивея заглянула в одну из пещерок. Потом принялась заглядывать в каждую.

— Никого,— произнесла она.

— Может, все эти звуки, что мы услышали, очередной слуховой обман? — спросил я, пытаясь заглянуть через низкий проход в одну из пещер.

— Я не думаю,— возразила Ивея,— разве может быть галлюцинация одновременно у двоих?

— Там, кажется целая гора маны,— я уловил терпкий аромат, исходивший из пещеры.

— Давай подождем, может, люди вернуться. Не хочется как-то самим тут хозяйничать.

Мы сели у каменного купола. Я блаженно вытянул ноги. Стукнул носками сабан, чтобы они распеленались. Ивея сделала так же.

— Как ты думаешь, те, кто здесь живет, они смогут связаться с твоим дядей? — спросил я.

— Не уверена. На Шестом ярусе существует четкая граница между Северной и Южной стороной. Здесь все остановилось в своем развитии уже давно. И если на Южной стороне высокоразвитая цивилизация, тут полная противоположность. Не знают даже о воздушке. А в этих местах просто край цивилизации. Я и не подозревала о подобном.

14. Дети

День клонился к вечеру. Живот сводило от голода, а в деревне так никто и не появился.

— Зря мы тут остановились,— сказал я, вставая,— может, впереди есть еще селения. Не все же они будут прятаться при появлении чужаков.

— Эй, куда вы все попрыгались! — крикнул я в шутку, забравшись на купол и заглянув внутрь.

И тут мы отчетливо услышали детский плач. Он шел изнутри купола. Глухой и одновременно раскатистый. Внутри явно были дети. Причем, судя по звуку, не менее десятка. Вскоре плач перешел во всхлипывания и вздохи. Наконец утих вовсе. Ивея поднялась ко мне. Заглянула внутрь.

— Ничего не видно,— тихо, боясь вновь напугать детей, произнесла она.

— Может, спуститься? Здесь достаточно высоко даже для взрослого. Не представляю, как они думают выбираться.

Вновь послышались жалобные всхлипы.

— Не бойтесь нас,— как можно спокойнее сказала Ивея.— Мы поможем вам выбраться.

Всхлипы утихли.

— Этот купол похож на тот, в котором ты нашла еду,— заметил я.

— Да, один в один. Я думаю, если ты спрыгнешь вниз, то сможешь потом дотянуться до верха. В крайнем случае я найду что-нибудь и сброшу тебе.

Отверстие в куполе было небольшим. Я осторожно спустил ноги, оперся руками о края и спрыгнул. Кто-то шарахнулся в сторону. Из отверстия бил слабый свет, но понадобилось время, чтобы привыкнуть к темноте. Наконец я разглядел детей, сжавшихся в кучку. Старшие держали на руках младенцев. Все они смотрели на меня распахнутыми от страха глазами.

— Не бойтесь, я помогу вам выбраться.

Скорее всего, они не понимали моих слов. Я медленно шагнул к ним и протянул руку. Дети и так почти вжались в стену, отступить было некуда. Я видел, как им

страшно. Мне стало жаль их. Быстро тут не управиться. Надо, чтобы они попривыкли ко мне. Я присел на корточки, лихорадочно придумывая, чем бы отвлечь детей. Мысленно перебрал все, что лежало в карманах жака. Светошар, к сожалению, «сдох» еще на Третьем ярусе. И тут я вспомнил о своем цифроблокноте с песнями Ригаса. Осторожно достал его, положил рядом. От прикосновения блокнот слабо засветился. Картинка ожила. Тут была функция прослушивания. Я коснулся облачка, раздалась тихие аккорды. Я выбрал колыбельную. Слова Ригаса, музыка моя:

*Две Луны,
Тебе они не снятся,
Ведь ты не спишь,
Сегодня ты не спишь.
Ты смотришь на их свет,
В мечте там оказаться...*

Я тихо пел. Картинка на обложке, ожив, рассказывала историю о двух Лунах. Кто-то осторожно приблизился, присел рядом и завороченно уставился на экран. За ним подошли остальные. Забыв про страх, они с интересом смотрели визон. Песня закончилась. Блокнот потемнел. Кто-то из детей разочарованно коснулся его пальцем. Экран вновь засветился, раздалась мелодия. Дети улыбались, и каждый пытался коснуться блокнота.

Так мы просидели не меньше получаса. Они успели прослушать несколько песен. Давно я так долго не пел. И давно не испытывал такого удовольствия. И уж точно никогда не имел так много слушателей.

Некоторые дети, совсем обвыкнув, сели рядом. Один малыш, будто маленький зверек, забрался мне на колени. Я чувствовал его теплое дыхание у самых ладоней.

Все когда-нибудь заканчивается. Отзвучала последняя мелодия, и я, встав в полный рост и подняв над собой малыша, передал его Ивее. Вытащив самых маленьких, приподнимал взрослых, и те, ловко ухватившись за край отверстия, выбирались наружу. Наконец поднялся и я. На небе уже появилась луна. Еще один день подходил к концу. Дети разбежались по пещеркам. Лишь тот малыш, что сидел у меня на коленях, продолжал жаться к моим ногам. Было темно, и как следует разглядеть его я не мог. Ивее присела на корточки, взяла его за плечи.

— Ана мА? — Произнесла она, видимо, на языке мана.

Малыш молчал. Он доверчиво глядел то на Ивею, то на меня. Коснулся кончика носа Ивее и рассмеялся.

— Я спросила, как его зовут, но, кажется, он не знает общего языка мана.

— Может, он вообще еще не умеет говорить?

Малыш раскрыл рот и несколько раз потыкал в него пальцем.

— Смотри, кажется, он пытается нам это объяснить, — сказал я.

— А мне кажется, просто кушать хочет, — сказала Ивее.

Она попыталась изобразить, как из раскрытой ладони берет воображаемый кусочек и кладет в рот. Малыш снова рассмеялся и повторил свой прежний жест. Потом потянул Ивею за собой в одну из пещерок. Здесь уже кто-то был. Дети сидели кружком и молча ели.

У одной стены виднелась горка каких-то плодов. Ивее взяла несколько. Темнота была такой, что я лишь на ощупь почувствовал мягкие колючки. Они не кололи, а скорее щекотали ладонь.

— Это дикая мана. От культивированной она отличается лишь тем, что намного вкуснее. Но ты все же поосторожней. Много за раз не ешь.

Кажется, дети уснули. За все это время никто из них не произнес ни слова. Мы тоже легли. Я почувствовал, как кто-то взобрался мне на грудь. Малыш был так мал,

что не причинил неудобства. Я позволил ему устроиться поудобнее и прикрыл сверху жакон. И вскоре мы все спали глубоким сном.

15. Средство общения

На рассвете меня вновь разбудил шепот. Я приподнял голову. В пещере никого. Тусклый свет из прохода осветил груды тряпья и плоды. Я взял один. Продолговатый, похожий на грушу, только больше раза в два. Мохнатый. Малиново-фиолетовый, с белесым налетом из-за мягких, прозрачных иголочек. Снимать кожуру надо с узкой стороны, отгибая вниз. Обнажается оранжевая, приторно-сладкая мякоть. Прежде я и культивированной маны не видел. Лишь в упаковке, уже очищенную и порезанную на кусочки. Поэтому с интересом разглядывал плод.

Шепотки, стоны, кряхтенье, хохот становились громче и расползлись по всей деревне. Надо разобраться, что это за звуки, решил я и вышел из пещерки. Тусклое рассветное небо, подернутое плотными облаками, едва освещало деревеньку. Я увидел Ивею. Она стояла среди детей. Кажется, они играли в какую-то игру. В такую рань? У каждого в руке была каменная кукла, а то и две. Дети подносили их ко рту и сильно дули в сквозные отверстия. И я наконец понял источник невидимого шепота, стонов и хохота. Ивея заметила меня, поднесла к губам куклу. Раздался раскатистый смех, незаметно перешедший в стон и кряхтенье. Мой знакомый малыш протянул куклу. Я не удержался от соблазна испробовать. Дунул. Раздался таинственный шепот. Дунул сильнее. Кукла отрывисто захохотала.

Словно отвечая, все дети принялись выдувать смех из своих кукол. Они улыбались, веселились, даже принялись пританцовывать. Меня это тоже невольно развеселило. Дети повытаскивали из пещерок ману, скинули в кучу. Все вновь уселись в кружок и принялись за еду. Малыш потянул меня за руку, приглашая присоединиться к трапезе.

— Это удивительно,— тихо произнесла Ивея, очищая ману,— но дети немые.

— Как немые? Отчего ты так решила?

— Они не способны произнести ни одного слова. Разве что смеяться могут. А каменные куклы неспроста. Это для них средство общения.

Словно подтверждая ее слова, один мальчик, взяв свою куклу и подув в нее, издал шепот. Старшая из девочек тут же встала, вошла в пещеру и вынесла цветастую тряпку. Она подала ее мальчику, и тот укрыл свои плечи.

— Я думаю, он сказал ей, что замерз,— заметила Ивея.

Я начал внимательнее прислушиваться. И действительно не услышал ни одного слова. Лишь шепотки, извлекаемые из кукол, заставляли их реагировать друг на друга. Они часто смеялись. Видимо, с помощью звуков можно было и шутить.

После еды все уставились на меня. Раздались шепотки. Я видел, что дети обращаются ко мне, но, конечно же, ничего не мог понять. Мы с Ивеей переглянулись.

— Может, они вновь хотят послушать, как ты поешь? — предположила она.

Чумазы, одетые в лохмотья, худые, но с веселыми мордашками. Я разглядывал их. И у девочек, и у мальчиков на голове короткие ежики с проплешинами и частыми порезами. Наверное, они сами себе сбрасывали отросшие волосы. У меня сжалось сердце. Где же взрослые? Куда подевались родители?

Малыш вновь забрался ко мне на колени. Он тоже что-то пытался сказать с помощью куклы. Я достал блокнот. Положил рядом. Его маленькая ручка уже коснулась обложки. Экран засветился, послышалась мелодия. Со всех сторон раздался разноголосый шепот. И я вновь пел песни Ригаса, а дети и Ивея слушали. Конечно, дети не могли понять слов, но, видимо, сочетание голоса и мелодии дарило им радость.

Нам нужно было отправляться дальше. Мы и так засиделись до полудня. Ману брать не стали. Кто знает, как она им тут достается? Судя по худобе, дети не едят

досыта. И мы пошли. Каково же было наше удивление, когда все они отправились с нами. Малыш крепко ухватил меня за указательный палец.

Мы уже достаточно далеко отошли от деревни. Кончился редкий лесок. Тропа жизни тянулась среди поля с короткой острой травой. Ивея разглядела что-то впереди.

— По-моему, там целое поле дикой маны!

Мы ускорили шаг.

Поле было обширным. Зрелые плоды, крепившиеся к гнутым гибким стеблям, почти касались земли. Дети принялись срывать их. Они ловко переговаривались с помощью каменных кукол. Старшие давали указания младшим, и те, не споря, старались делать все, что нужно. Дети срывали плоды прямо с длинными стеблями. Потом плели из стеблей вязанки. Получались длинные плотные косы с нанизанными на них плодами. Мы с Ивеей попробовали делать так же, но у нас ничего не вышло. Раздался смех. Старшие ловко сорвали несколько стеблей и за пару минут навязали нам толстую, тяжелую косу. Этой маны нам могло бы хватить недели на две. Они протянули нам косу, прошептали что-то. Малыш дал мне куклу. Я повертел ее в руках, нерешительно поднес к губам и подул. Послышалось какое-то завывание. Дети рассмеялись. Видимо, я сказал что-то смешное. Я хотел отдать куклу малышу, но он жестом дал понять, чтобы я оставил ее себе.

Маленькая неказистая каменная кукла, издающая странный шепот.

Яков Шафран
(г. Тула)

ЧУМА ВО ВРЕМЯ ПИРА

**Оксиморон XX века:
Русская цивилизация и русский фашизм**

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

«Будьте мудры, как зми, и просты, как голуби».

Новый Завет: Мф: 10: 16-16

«Отдаляйся от врагов твоих и будь осмотрителен с друзьями твоими».

Библия: Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова: 6:13

«Того, кто не задумывается о далеких трудностях, непременно поджидают близкие неприятности».

Конфуций

В предыдущих очерках (1) мы писали о том, что, борясь с Русской цивилизацией, Западная цивилизация закономерно пытается найти и имеет верных адептов внутри сферы преобладающего влияния своего стратегического противника. Пользуясь современной специальной терминологией, это «пятая и шестая колонны» — *соответственно, либералы в общественной жизни и либералы во властной элите*. И аналогично с тем, как российские либералы-западники во все былые и настоящие времена являлись «бравыми воинами», агенты (2) Запада в его многовековой гибридной интервенции против Большой России, встает правомерный резонный вопрос — не представляют ли собой люди, называющие себя русскими фашистами, откровенных продолжателей «ратного» дела своих западных единомышленников и, соответственно, имплементаторов (3) ударного инструмента Западной цивилизации внутри нашей Богом хранимой страны.

Известно, что фашизм на Западе возник естественно в противовес уверенным социальным движениям и протестам тамошнего населения. Характерно — и «Черная сотня» в Российской империи появилась в качестве прямой реакции на революционные события 1905-го года. И две русские фашистские партии были организованы в среде эмигрантов в Харбине и США как очевидный ответ на сокрушительное поражение интервентов и белогвардейцев в начале 20-х годов. Таким образом, можно сделать логичный и однозначный вывод, что *фашизм есть военизированный «воло-сатый» кулак Западной цивилизации, призванный подавить социалистические ростки и активно сражаться с социализмом*, если он где-то победил. А поскольку названный строй победил в России и Советский Союз стал самой высшей и деятельной

стадией эволюционного становления Русской цивилизации, и наиболее «развитой» фашизм — гитлеровский нацизм до последнего и из последних сил бился с СССР, и нацистская Украина нацелена на современную Россию, то допустимо с полной определенностью заключить — *фашизм в 20-м веке сделался и поныне представляет собой боевое орудие Запада и против Русской цивилизации.*

Являются ли русские фашисты частью своих западных единомышленников?

Для того, чтобы разобраться в этом обратимся к описанию фашизма. Фашизм — это функционирование конкретной этнической группы людей в заданных пределах конкретного мировоззрения и последовательного его практического применения, основывающегося на безусловном, исключительном преобладании одной «избранной» нации или расы над другими, с правом на самую жизнь и достойное бытие лишь для нее, обусловленным биологическими критериями; это крайнее проявление воинствующего национализма; это социальный расизм в действии. И таким образом, фашизм педалирует полную нетерпимость на национально-расовой почве, явную дискриминацию других народов, которым отведена либо унижительная роль невольников, либо тотальное истребление; он категорически не принимает народовластие, а напротив, учреждает сатанинский культ вождя с жестоким насильственным принуждением и кровавыми репрессиями против политических и национальных врагов и даже какого бы то ни было разномыслия. Фашизм — это апология постоянной войны в качестве единственно верного инструмента для силового разрешения международных вопросов и затруднений.

Относительно к фашистам характерны эпитеты, применяемые большинством людей, такие как: «безжалостность», «беспощадность», «кровожадность», «репрессии», «тирания», «насилие над человеком», «идеология жестокости», «зложелательство к людям», «убийство неповинных людей», «агрессивность», «изуверство и вандализм» и «отсутствие морального отношения к так называемым неполноценным людям и нациям», ибо в их деятельности постоянно происходила соответствующая итерация (4).

Достаточно известно, что образование множества фашистских режимов в 20—30-е годы XX века произошло в результате явного и неуклонного нарастания мирового социалистического движения, последовательной цепью социалистических революций и созданием СССР по итогам Первой мировой войны. Фашизм появился как ударный и бездушный механизм Западной цивилизации против социализма, «*как реакция на большевизм*» (Иван Ильин. «О фашизме», 1948 г.).

В этом плане и на социальной основе белой эмиграции, потерпевшей катастрофическое поражение в беспощадной гражданской войне и не примирившейся с полным разгромом, воодушевленные европейским фашизмом образовались русские фашистские партии.

Итак, *русский фашизм закономерно можно считать составной частью мирового фашизма.*

Корни русского фашизма

Русский фашизм — это крайняя степень русского национализма, проистекавшая, *antecedens — consequens* (5), от итальянского фашизма и немецкого национал-социализма с веско заявленным антибольшевизмом и антисемитизмом. Он возник не в Российской империи,— хоть предтечей его допустимо рассматривать организацию черносотенцев, тесно связанную с церковью,— и тем более не в советской России, а именно в среде эмиграции.

Какова же тогда идеология «Черной сотни», позволившая легко возникнуть

и развиться русскому фашизму? Это жесткое полное противопоставление себя социал-демократии и материализму, абсолютный социальный консерватизм, и на данной идейной основе — создание безотносительного общественного единомыслия. И подавляющее большинство различного уровня руководителей «Сотни», несмотря на прямое запрещение ее после Февральской революции, *влились в Белые силы* — оформившиеся во время Гражданской войны 1917—1922 годов как антибольшевистское военно-политическое направление, собравшее многих последователей различных экономических и политических убеждений — от антибольшевистских социал-демократов до крайне правых монархистов, — и координирующее все политические и армейские силы, выступающие против советской власти и стремящиеся к обязательному сохранению рыночной, капиталистической экономики. Одним из главных политических идеологов был Иван Ильин.

После решающего поражения в Гражданской войне многочисленные участники Белого движения эмигрировали, но не смирились с разгромом и стали вести активную антисоветскую работу вне страны.

История возникновения русского фашизма

Вначале следует сказать о побудительных причинах возникновения русского фашизма, каковые достаточно транспарентны. В двадцатые, революционные и военные годы молодое поколение русских эмигрантов выросло за пределами России. Они питали непримиримую вражду к большевизму, но, в диаметрально противоположность своим родителям, не прозябали в безысходной грусти по прежней, привычной для них стране, а искали активного противодействия Советской власти, хотя и признавали безусловную правоту некоторых прогрессивных и здравых идей социального устройства российского общества, стремились к инициативности, к динамичному сопротивлению.

Русские фашистские образования появились в 20—30-е гг. НОРФ (Национальная организация русских фашистов, руководители — профессор Д. Рузский и генерал П. Черский) была создана в Сербии в 1924 г. Обычная православная риторика в их многочисленных писаниях свободно переходила в бредовые мысли об организованном грубом насилии. Вспомним, как и черносотенные кровавые погромы не препятствовали членам «Сотни» отождествляться с истинными православными людьми.

РФП (Российская фашистская партия, руководитель — Константин Родзаевский) образована 26 мая 1931 г. на съезде русских фашистов. Новоиспеченная организация избрала себе партийным лозунгом: «Бог, нация, труд» и ритуальное приветствие «Слава России!». Члены ее усматривали евреев и коммунистов абсолютным злом для страны. В программной «Азбуке Русского Фашизма» говорилось о спешной необходимости борьбы с всемирным масонством, завладевшим империей, вплоть до полного крушения Советской власти, и скорого примирения с остальным миром. Они жаждали установить в России *идеологию господствующего, тотального национализма*, расформировать колхозы, совхозы и коммуны и создать национально-трудовое государство. Рассматривая Столыпина в качестве *первого русского фашиста*, РФП желала продолжить начатые им коренные изменения, то есть дать *абсолютную свободу частной собственности* и образовать многочисленный слой «эффективных» собственников. Они хотели к столыпинским идеям добавить радикальные идеи итальянского фашизма о «приоритете интересов нации», вернуть религию как государственный институт, исключить евреев из правового поля российских народных меньшинств. Кроме того планировалось собрать в дальнейшем все отделившиеся части бывшей Российской империи. Партией были созданы женские и детские националистические движения с соответствующей воспитательной работой, велась активная пропаганда среди эмигрантов в Харбине.

Однако следует сказать, что не все РФП отрицала в советской государственной практике, например, они взяли идею социального устройства государства и плановый порядок экономики. Но фашистская организация, базировавшаяся в Маньчжурии, которую Япония захватила в 1931 г., так же, как любые «спасители» России от своих прямых спонсоров, являлась зависимой от оккупантов и даже в определенной степени послушной *марионеткой*. Ибо русским фашистам для целенаправленной и кипучей деятельности были нужны значительные финансы, а японские власти с удовольствием их финансировали, так как строили далеко идущие проекты употребить партию для военного и промышленного шпионажа, всевозможных диверсий и антисоветской агитации на территории СССР. В данном плане японцы организовали в Маньчжурии, в Харбине в 1934 г. Бюро по делам российских эмигрантов. В бюро Родзаевский (партия в этом году стала называться Всероссийской фашистской партией (ВФП)) возглавлял отдел, активно использовавшийся для полного укомплектования групп диверсантов, затем обучавшихся в особой диверсионной школе. Но данные группы не добились значительных успехов благодаря эффективной работе бдительных спецслужб СССР.

ВФП, переименованная в 1937-м г. в Российский фашистский союз (РФС), планировала в 1938-м организовать «национальную революцию» в Советском Союзе, предварительно внедрив свои подпольные террористические ячейки в разных местах его, что по твердому, но ошибочному убеждению лидера партии не будет являться большой, нерешаемой проблемой, ибо советская власть держится якобы только на красном терроре, и о народном расположении никакой речи быть не может. (Не с этими ли целями была организована «ежовщина» (6), чтобы вызвать сильное недовольство Советской властью и лично И. В. Сталиным?) А при долгожданном нападении Японии на СССР русские фашисты без каких-либо долгих колебаний сражались бы на ее стороне. Однако «вода камень точит» и из-за открытого гонения на евреев, погромов, различных диверсий, настойчивых и непомерных требований выкупа за похищенных людей и иных откровенных вымогательств уже с середины 30-х гг. партия утрачивает былую опору в среде местных русских, называющих ее «*партией уголовников*». Когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз, русские фашисты пили шампанское и в распаленном состоянии планировали «*свое*» будущее России.

Одновременно с вышеуказанной партией имела место Всероссийская фашистская организация (ВФО) Анастасия Вонсяцкого на территории США, созданная в 1933-м г. Лозунг ее тот же: «Слава России!», а идеи были отражены в книге лидера «Основы Русского Фашизма». У нее был печатный орган — газета «Фашист». Жена Вонсяцкого — богатая американка — оплачивала все насущные нужды ВФО. В 1934 г. две вышеуказанные организации слились в одну — во Всероссийскую фашистскую партию (ВФП). Однако в том же году случился окончательный раскол и разъединение ее на две изначальные части (видимо, два черных скорпиона не смогли ужиться в одной замкнутой банке).

А. Вонсяцкий был весьма способным, прирожденным актером, умелым мастером говорить и искусным импровизатором. И его партийная программа, а соответственно и ВФО, заключалась в следующем: 1. Коммунизм якобы себя совершенно скомпрометировал: коммунисты будто бы втоптали в грязь и обобрали Россию до нитки (это речь о созданной Великой Державе?), как бы нарастающий кризис указывает на бессилие советской власти вывести страну из разорения (?), и ведет ее к новой революции. 2. Анализ практики гражданской войны продемонстрировал, что идеология белого движения в современной стране не имеет никаких шансов на успех. Оно неспособно повести за собой широкие массы (что правда, то правда). 3. Только фашизм, воплотивший в себе как лучшие традиции старой России (?), так и новые веяния (здесь хорошо вспомнить дела фашистов в 1933—1945-е гг.), — один лишь способен

и в международной политике, и в социально-экономической сфере внутри государства создать альтернативу реакционному монархизму, западному либерализму и «еврейскому» большевизму, и только фашисты могут взять на себя руководство национальной (читай нацистской) революцией. 4. Потому нужно объединить вокруг русского фашизма всех явных и неявных противников Советской власти в общий фронт, и начать готовить *такую* революцию; эмигранты и все русские патриоты якобы обязаны становиться активными членами фашистских организаций и участвовать в ней, дабы ниспровергнуть большевиков. 5. Для этого нужно, исходя из условий современной России, трансформировать идеологическую деятельность, приспособить ее к текущим насущным нуждам рабочих и крестьян страны.

А теперь, дорогой читатель, скажите, чем в принципе, за редкими исключениями некоторой пропагандистской риторики, эти откровенные высказывания отличаются от системных взглядов и программных установок отечественных прозападных и западных либералов? «Argumenta ponderantur, non numerantur» (7).

В 1942 г. Вонсяцкий, вследствие организованной кампании по окончанию фашистской деятельности в США (в силу решающего перелома в ходе Второй мировой войны англосаксы сделали главную ставку не на гитлеровскую Германию, а на СССР) был обвинен в разведывательной работе для стран Оси, арестован и получил пять лет тюремного заключения. После сего ВФО перестала существовать.

Родзаевский же, невзирая ни на что, стоял на непримиримых позициях фашизма и стремился к тесному взаимодействию с гитлеровскими нацистами в прямом противодействии Советской власти. Но немцам было на него так же, как и на заветные мечты бандеровцев, глубоко наплевать. И еще, очень важно, в 1944-м г. в результате впечатляющих боевых успехов СССР на фронте, роспуска Коминтерна и разумной политики И. В. Сталина по отношению к церкви, девяносто процентов российских эмигрантов, независимо от своих политических и экономических убеждений, *становились настроенными просоветски*.

И вот в 1943-м г. японские власти, боясь Советский Союз, запретили РФП. Родзаевский вернулся в СССР, где в 1945-м г. его арестовали и через год по справедливому приговору советского суда расстреляли (и на что он надеялся?).

В августе 2022 г. ультраправые националисты России, с 2014 г. сражающиеся за нацистскую Украину, сформировали армейский Русский добровольческий корпус и легион «Свобода России» (РДК и ЛСР, запрещенные в России террористические организации), учредитель и командир которого Денис Никитин и большая часть членов имеют неонацистские взгляды. РДК с момента создания был включен в кадровый состав Интернационального легиона министерства обороны Украины.

Эмблемой РДК является знак «Белой идеи» — военизированной организации эмигрантской молодежи середины 30-х гг. (Франция). Руководитель ее — капитан Виктор Ларионов был фанатичным непосредственным участником Белого движения в гражданскую войну, известным террористом и добровольно сотрудничал с западными странами-интервентами, имевшим достаточно большой послужной список. После Октября он командовал артиллерийской батареей у генерала Маркова. В эмиграции вступил в «Союз национальных террористов» генерала Кутепова и возглавил одну из «троек» для засылки в СССР. Тройка Ларионова забросала бомбами Ленинградский центральный партклуб. Его «Белая идея» в 1937 г. вошла в ВФП со свастикой на флаге (в данном же году переименована в Российский фашистский союз). На IV партийном съезде союза в Харбине он был избран в почетный президиум. С началом Великой Отечественной войны РДК вошла в состав ряда регулярных воинских формирований вермахта, в том числе — «Русский корпус», РОНА, а также в состав «Ваффен-СС». Ларионов служил переводчиком в министерстве оккупированных вос-

точных территорий под управлением Розенберга, затем в контрразведке Власова. По завершении войны он в ФРГ был платным осведомителем германских служб и одновременно трудился на различные разведки других стран. Вот таков «высокий» покровитель корпуса «русских добровольцев»! Потому-то и имеет место у РДК — ad exemplum (8) весь «джентельменский» набор: и воинствующий национализм, и оголтелый фашизм, и беспощадный терроризм, и коллаборационизм, и усердная работа на иностранные спецслужбы.

Исторической чертой русского фашизма можно считать то, чего русские фашисты как рядовые члены, так и их «великие» фюреры достигли за те четырнадцать лет, что функционировали и постоянно старались всячески эскалировать свою антисоветскую деятельность. А достигли они либо полной безвестности, либо заслуженной тюрьмы, либо также заслуженного расстрела от меткой руки пограничников или по справедливому приговору суда.

Таким образом, белогвардейский фашизм — как маньчжурского, так и американского или не выправленного европейского варианта — во всякое время не имел *никакой исторической самостоятельности*, несостоятелен по сути, а употреблялся различными западными разведками наших актуальных и ярких врагов для своей очевидной выгоды в плане антироссийской деятельности. (А когда интерес исчезал, то их запрещали).

Какие тенденции данное течение имеет в современной России?

Реставрация русского фашизма затеялась в России, понятное дело, в конце 80-х — начале 90-х гг.

Большей частью, «*кровными родителями*» были европейские или американские фашистские структуры, когда «*дети*» переняли идеологию и социал-дарвинистские взгляды тех на нацию. Однако русский фашизм натолкнулся на серьезное препятствие для них, атрибуция возникновения его достаточно проста: каким образом определить «*истинно русского*» в стране, где столько коренных нерусских наций и народностей?

Тем не менее, современные фашисты в России представлены двумя попутными течениями. Первое условно называется политическим и включает в себя такие небольшие «партии», как осколки «Русского национального единства» (РНЕ), Народная национальная партия (ННП), Национально-социалистическое общество (НСО), Национал-социалистическая рабочая партия России (НСРПР), «Славянский союз» (СС), «Русский общенациональный союз» (РОС) и «Национальная социальная инициатива» (НСИ) (все они — запрещенные в России в соответствии с законодательством Российской Федерации как экстремистские и террористические). Эти организации признают близкое *идейное родство* с черносотенным движением Российской империи, которое возродилось после пресловутой перестройки в виде общества «Память», далее преобразованного в Национально-патриотический фронт «Память» (НПФП фактически прекратил свою деятельность, 19 декабря 2017 г. исключен из Единого государственного реестра юридических лиц как недействующая организация) и нынешних его «*последышей*». Однако они не стали политической силой, имеющей большое значение в стране, несмотря на то, что планировали выйти на общероссийский уровень и стремятся фактически к монархической власти.

Второе течение — общественно-бытовое. Особенно приметным в нем представляется образование ультраправых скинхедов (запрещенное в России в соответствии с законодательством Российской Федерации как экстремистское и террористическое), определенно скопированное с Запада. Сегодня скинхедов в России несколько десят-

ков тысяч и в последнее время отмечается постепенный рост их численности. Членами данных групп являются преимущественно учащиеся старших классов школ, начальных и средних специальных учебных заведений и значительно реже — студенты вузов, считающие себя «арийцами» и «расистами», как бы они не маскировались в настоящем под обычное молодежное движение. В наши дни происходит некоторое расширение его путем добровольного вступления в него юных родственников павших на украинском фронте российских военных. Но бывшие уличные шествия бритоголовых по Тверской и Арбату под нацистскими флагами Третьего рейха, собрания у памятника Кириллу и Мефодию людей со свастикой, готовых и ныне при случае пойти в открытую,— это только простое хулиганство?

Нет, есть еще «старшаки», средний возраст которых до тридцати лет, и которые более подкованы в области нацистской идеологии, стремящиеся к активному продвижению фашистского мировоззрения в Интернете и выпуску соответствующих печатных изданий. И их пропагандистская литература в достаточной мере была и в определенной степени сейчас представлена: гитлеровский «Майн Кампф» и расистские книжки стоят в обычных и фирменных книжных магазинах рядом с художественными изданиями, а у Красной площади, где проходил парад Великой Победы 1945-го г., торговались нацистские журналы и газеты.

Однако кроме сего распространенной практикой скинхедов является использование прямого грубого насилия: это яростные физические нападения на представителей неславянских народов и сознательное провоцирование безобразных массовых драк на стадионах при проведении футбольных состязаний. И целенаправленные и противозаконные действия их могут принять еще более угрожающий вид — применение систематического беспощадного террора, подрыв железнодорожных путей, зданий и т. д. И, таким образом, «хулиганство» может перерасти в военно-политические акции.

Кроме того данное направление пытается «эволюционировать», и в нем нарождаются новоиспеченные течения. Так называемый православный фашизм, хотя, следуя логике, достаточно трудно совместить нацизм и истинную христианскую духовность Любви,— одно из них. Но подобные осторожные, но последовательные шаги и по этой линии совершаются...

Так, отдельные осколки распавшегося РНЕ (запрещена в России — см. выше) именуют себя «православными национал-социалистами» и, по сути, стоят на солидарной позиции с некоторыми руководителями фундаменталистско-радикального церковного крыла. У них иконы и символы находятся в непосредственном соседстве с нацистской свастикой. И тут имеется *реальная угроза* возможного объединения русских фашистов и близоруких представителей церкви, ибо не исключено, что фашистская молодежь когда-либо поймет настоятельную потребность адресоваться не к Гитлеру с его клеветами, а к русскому национальному прошлому.

Поэтому обывательское отношение к данному направлению в российской общественной жизни как к «юношеской болезни», молодежному поветрию, как к хулиганским «художествам» «зеленого» молодняка, как к случайному эпизоду и так далее, может иметь очень опасные и далеко идущие последствия.

Итак, мы имеем возможность со всей определенностью заявить — движение русского фашизма может вырасти и количественно, и качественно!

Русские фашисты на антироссийском фронте Украины

Известно, что в нацбатах Украины «воюют» русские фашисты. А ответственность за наглый налет на Белгородскую и Брянскую области взяли на себя «Свобода России» и «Русский добровольческий корпус» (запрещенные в России в соответствии с законодательством Российской Федерации как экстремистские и террористиче-

ские), корневую основу которых составляют российские ультраправые, провозглашающие активное ведение «освободительной войны», являясь прямыми подразделениями минобороны Украины.

Неонацисты именуют партийных вождей «сынами Одина» — главного германоскандинавского божества, представляющего собой еще и бога войны, и властелина Вальгаллы, популярного, кстати, у нацистов гитлеровской Германии. Естественно, вся эта интенция на Одина и Вальгаллу существует для смыслового наполнения пустопорожних мозгов простых боевиков, а сами таковые лидеры имеют совершенно реальные, «земные» цели — богатство любой ценой и тотальный контроль над «своими» людьми.

Командиром РДК (запрещен в России) является заявленный РФ в розыск опасный террорист Денис Никитин («White Rex»). Родился он в Москве, в 2001 г., в семнадцатилетнем возрасте переехал с родителями — «еврейскими беженцами» — в Германию. Немного погодя после переезда Капустин связался с разными правыми экстремистами и стал одной из «важных птиц» в международной сети неонацистов.

Следует подчеркнуть — РДК, «Свобода России» и Национальная республиканская армия (запрещенные в России в соответствии с законодательством Российской Федерации как экстремистские и террористические) — это военизированные формирования, организованные западными и украинскими спецслужбами. Так, РДК (лидер Капустин-Никитин), входящее в диверсионное спецподразделение «Кракен», основано главным управлением разведки минобороны Украины на базе «Азова» (запрещенного в России в соответствии с законодательством Российской Федерации как экстремистского и террористического).

Легион «Свобода России» (запрещенный в России) (Максимилиан Андронников, участвовавший в рейде в Белгородскую область), с эмблемой в виде сжатого кулака и бело-сине-белым флагом, также образован в 2022 г.

Открыто заявленная цель данных организаций — упорная и непримиримая борьба за создание *этнически славянского государства* на коренных русских землях, против многонационального и многокультурного Русского мира. Причем такое образование будет тесно связано с неминуемым развалом России, для чего и необходима победа Украины, чтобы на руинах РФ создать «прекрасную» страну для русских, и им нужно будет бросать родные места, переселяться в нее, размером с Московскую область, и начинать все *tabula rasa* (9). Фактически, русские фашисты и либеральная оппозиция идут по тупиковому и даже губительному пути подавляющего большинства тогдашних деятелей белой эмиграции, для которых вооруженная и идеологическая борьба стала ожесточенной борьбой со своей потерянной родиной.

В нулевых годах начала активную деятельность организация Сергея Коротких, с господствующей идеологией — национал-социализмом, организация, неприкрыто применяющая внешнюю атрибутику гитлеровской Германии. В 2014 г. Коротких («Боцман») сбежал на Украину в батальон «Азов» (запрещен в России — см. выше) и за несомненные заслуги в АТО получил украинское гражданство. Далее он становится непосредственным руководителем разведки «Азова» и вплотную работает со спецслужбами «незалежной». Так его диверсионная группа первой зашла в Бучу под Киевом и расправилась с людьми, сотрудничавшими с Россией.

На Украину уехали и многие другие русские фашисты, в том числе Иван Белецкий, известный организатор «Русских маршей», тесно связанный с Национал-социалистическим движением «Славянский союз» (НСД СС) (запрещенным в России в соответствии с законодательством Российской Федерации как экстремистское и террористическое). Иные фактически стоят на стороне нацистов Украины дистанционно, но однозначно и во всеуслышание.

Логично было бы, что русские фашисты будут ненавидеть украинцев. Однако у

них *общие кураторы* и один изначальный идеологический источник, потому они прекрасно срабатываются.

Может ли быть «русский фашизм», и каким он может быть?

Термин «русский фашизм» — словосочетание, кажущееся в России полным абсурдом, ведь как осуществим фашизм в среде многонационального народа?

Фашизм является целостной концепцией безбедного существования одной нации за счет других наций, он таргетирует жестокое угнетение их. Посему общество русского фашизма планируется в качестве социума, в котором русские должны жить за счет нерусских.

Социальная база для распространения фашистской идеологии в нашей стране есть, так как в результате различных социологических опросов выявляется, что больше трети российских граждан заявляют о *стойкой антипатии* к другим нациям, а прямой призыв фашистских организаций «Россия для русских!» *положительно принимают* более половины россиян. При этом фашизм гитлеровской Германии оценивается безоговорочно негативно.

Таким образом, можно констатировать — в настоящее время в стране существует, хоть и не подавляющая, но все же *определенная поддержка* некоторой частью российского населения фашизма и потенциальная социальная база для них.

Не те ли последствия, что и от деятельности либералов?

Так уж происходит в драматичной отечественной истории, что перед развалом большой России как в 1917-м г., так и в 1991-м каждый раз имело место *«славное» пришествие во власть либералов*, доводивших практическим осуществлением своих *«прогрессивных»* взглядов нашу страну до глубокой пропасти. И это отнюдь не стигматизация.

Во второй половине XIX века либералы впервые в великом множестве вошли в земскую власть и местное самоуправление. И к XX веку в обществе сложилось твердое мнение, будто нет другой дороги, помимо либеральной колеи, будто тогда российский народ разом возликует и двумя руками перекрестится, отечественная экономика начнет функционировать лучше и доблестная армия начнет одерживать верх над противником, если организовать правительство из либерально-буржуазных членов Думы. И вот в феврале 1917 г. произошла февральская буржуазная революция, обрушившая царскую власть. Либералы составили Временное правительство, реализовавшее свои благие намерения. В стране воцарилось всеобщее безудержное ликование, ибо она в мановение ока стала такой свободной, *какой не было в мире*. (Это вам, дорогой читатель, ничего не напоминает?) Но «как месяц не свети, а все не солнышко». И насущным, нерешенным проблемам, животрепещущим народным и государственным вопросам — окончанию кровопролитной империалистической войны, волнующей земельной теме и коренному государственно-политическому переустройству страны — они были неспособны найти конечное правильное решение, так как благоприятное разрешение их не соответствовало самой либеральной программе. В итоге начавшегося *неслыханного экономического кризиса* уровень жизни населения упал в 2 раза, отечественная промышленность перестала обеспечивать даже первоочередные нужды воюющей армии, возникла массовая безработица. Буквально через месяц после «желанного» прихода либералов к власти было почти целиком разрушено общее хозяйство страны, летнее наступление на фронте было загублено из-за либеральных свобод в войсках, бессмысленное уничтожение жандармерии и полиции погрузило державу в неслыханную преступность, полное безвластие, всевозможные

неустройства, социальные волнения, жестокие самосуды и погромы. *И началась дезинтеграция России.*

Ответственным людям, держащим руку на пульсе страны, понадобилось восемь месяцев для окончательного и однозначного понимания, что Временное правительство доведет ее до абсолютного и бесповоротного краха. «Не все стриги, что растет», — гласит русская пословица. И они отобрали у него государственную власть в октябре и передали ее большевикам.

Второе явление либерализма в России произошло далеко не неожиданно и непредсказуемо. СССР распался из-за того, что либеральные концепции победили в сознании вначале партийных элит, разочаровавшихся в коммунизме, а затем и советских людей, соблазненных западным «свободным» и потребительским образом жизни, которые и стали претворять эти пагубные идеи *каждый на своем уровне*. Это привело страну к *глубокому экзистенциальному кризису* и далее окончательно ее развалило. Дезорганизация потребительского снабжения и карточная система продуктового распределения, сильная девальвация рубля, теневой и черной рыночный беспредел в экономике, этнические конфликты во многих регионах, тысячи погромов на национальной основе, сотни тысяч беженцев — закономерные явления той недалекой *смутной поры*. Доморожденные либералы и демократы, возжеленной целью которых было немедленное установление полного контроля над государственными финансовыми и материальными ресурсами для всестороннего обеспечения своего господствующего положения, возглавили все сепаратистские выступления внутри России и в других союзных республиках. А самым верхом местного сепаратизма стало происходившее в Чечне, где незаконную власть взяли антироссийские силы, поддержанные параллельно и Западом, и международным терроризмом.

Одержанная либералами явная победа была зафиксирована Беловежьем, добившим Советский Союз. В страну приехало баснословное число западных советников, и начала осуществляться типовая система МВФ, путем неуклонного и последовательного проведения «непопулярных мер». Жизнь россиян продолжала катастрофически изменяться к худшему. Получалось, что чем более возникало хваленной демократии, безграничной свободы и стихийного рынка, тем более плохо функционировала отечественная экономика, тем хуже становилось повседневное существование людей и, соответственно, возросло количество различных преступлений. Итак, *трансформация в капитализм потерпела крах*. Он получил поражение в открытом экономическом соревновании с социально ориентированным советским строем, в сущности, все традиционные отрасли реального сектора стали убыточными. Но, несмотря на катастрофический упадок, на дикое, беспредельное воровство и вывод награбленного капитала за границу, Россия не переставала худо-бедно существовать, благодаря созданному в СССР *такому* научно-техническому и промышленному потенциалу и *такой — советской!* — прочности, что их не смог одолеть даже весь мощный западный арсенал антироссийских «реформ». Либералы поддерживали какое-никакое экономическое существование, *«проедая»* традиционные советские ценности и материальные запасы и *эксплуатируя* советский человеческий фактор, *скудно оплачивая* добросовестный труд «совков», которые по Чубайсу не считались за людей.

По коллаборационистским замыслам либералов России отводилась незавидная роль *управляющего от лица Запада* над Средней Азией (этакий «ярлык на княжение»), «кормясь» за счет нее, а своим «хозяевам» обеспечивая негласный контроль и «феодальный» порядок в регионе. В дальнейшем подразумевалось — наша страна должна будет противостоять Китаю, и не только в этом районе планеты.

Горький исторический опыт подсказывает: когда мы говорим о роли либералов, возникает определенная аллюзия, и нужно понимать — дело не в конкретных людях,

а в том, что в российских условиях *искусственное насаждение* безграничной демократии и свободы будет вызывать тот же отрицательный и плачевный итог. Ибо, по русской пословице, «кто не сажал дерева, тому не лежать в его тени». Именно поэтому в 1917-м г. Россия преодолела всеобщий тяжелый кризис только через полный отказ от большей части либерально-демократических положений. Не следует также забывать, что либералы будут и снова, *в третий раз*, стараться внедрить свои навязчивые идеи, уже не в качестве «шестой» и «пятой колонны», а на абсолютно властном уровне, и вновь развалят страну и, вернее всего, уже окончательно, без каких-либо вариантов последующего восстановления, когда с исторической арены исчезнут русский и другие российские народы.

Однако, упираясь всякий раз в тщетность попыток установить прямой либеральный порядок в России, либералы будут пытаться, в силу *демонического упрямства*, производить это вновь и вновь, исподтишка взращивая и стимулируя русский фашизм,— подобно тому, как и на Западе фашизм представляет собой инструмент их цивилизации в крайних для нее обстоятельствах,— в качестве *верного инструмента*, через который они смогут *обходным путем* достичь своих главных целей. Но «если во имя идеала человеку приходится делать подлости, то цена этому идеалу — дерьмо» (А. и Б. Стругацкие «Хищные вещи века»). Вот мы, говоря психологическим языком, и закрыли, уважаемый читатель, данный гештальт.

Какие же выводы можно сделать?

По всем глубинным смыслам русского фашизма быть не может, так как русский народ заинтересован в выживании, в тесном симбиозе, в настоящей симфонии со всеми российскими народностями и национальностями. *Искренняя заинтересованность* русских в полной и всеобщей гармонии — вместе с тем и всемирно-историческая, ибо они являются последним народом в мире, ищущим смыслы и пути к Царству Божьему на земле. И *по-настоящему русский* — это тот, кто служит России в данном долгосрочном плане. Напротив, фашизм — это *маниакальное стремление* к безраздельной власти одной нации (расы) над другими и использование их для своих корыстных целей, вплоть до бесчеловечности.

Однако ксенофобские и националистические взгляды у российского населения имеются, потому что всевозможных мигрантов в нашей стране не убавляется, а наоборот, и насущные проблемы в межнациональных взаимоотношениях естественно будут только расти, и оборотной стороной госпатриотизма есть тот же национализм. Все это — *питательная атмосфера* для русского фашизма.

Вот такое сформировалось окно Овертона... Как писали А. и Б. Стругацкие в «Бессильных мира сего»: «Каждый отдельный человек умнее таракана, это верно, но каждая человеческая толпа безмерно глупее любой стаи тараканов»...

В нынешних условиях в России, когда велико прямое и косвенное влияние либералов во властной элите («шестая колонна») и либералов в общественной жизни («пятая колонна»), основным последовательным борцом с фашизмом могла бы являться единственно государственная власть. «В конечном счете порядок и только порядок создает свободу. Беспорядок создает рабство», писал Шарль Пегги (10). Что же она должна была бы осуществить? *Во-первых*, необходимо на нормативно-правовом уровне ясно распознать и наложить категорический, окончательный и действенный официальный запрет на таковые организации. А также нужна большая кропотливая работа с населением, дабы не позволить значительной части предрасположенных к национализму граждан перейти рубеж, хотя он и порядочно размыт и завуалирован, между умеренным национализмом и фашизмом, когда его истинные адепты, кстати, стараются отмежеваться от такого наименования. *Во-вторых*, силами соответствующих органов нужно всеми возможными способами не дать объединиться политическому и социально-бытовому направлениям русского фашизма.

Однако все это может остаться лишь благими намерениями, так как вызывает откровенное сомнение действенность подобных превентивных мер в условиях современной России, в силу понятных причин, высказанных в начале предыдущего абзаца. Реально противостоять либерализму и рожденному им «на стороне» детищу — фашизму мог бы только *новый духовный социализм* и созданная на его фундаментальной основе *Новая Страна*. Но об этом, даже не будучи сторонниками алармистских настроений, пока остается лишь мечтать, ибо сказано: «Не хвались завтрашним днем, потому что не знаешь, что родит тот день» (Священное писание, Притчи Соломона, 27:1)...

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Предыдущие статьи цикла:
 - 1.1. «Западная цивилизация — антипод Русской цивилизации»
<https://proza.ru/2022/12/10/1769>
 - 1.2. «Ударный механизм западной цивилизации. Черный интернационал»
<https://proza.ru/2023/03/17/1558>
 - 1.3. «Русофобия — это нацизм и расизм»
<https://proza.ru/2023/06/23/885>
 - 1.4. «Доморощенные чужеземцы. Нацистская Украина — западный антироссийский проект»
<https://proza.ru/2023/09/17/900>
2. Agens (лат.) — движущая сила, действующая сущность.
3. Имплементация — фактическая реализация каких-либо технологий, обязательств, алгоритмов и протоколов.
4. Итерация (лат. *iteratio* — повторение) — повторение какого-либо действия.
5. Antecēdens — consēquens (лат.) — предшествующее — последующее.
6. Массовые репрессии периода «ежовщины» осуществлялись на основании «спущенных на места» наркомом внутренних дел Николаем Ежовым цифр «плановых заданий» по выявлению и наказанию т.н. «врагов народа».
7. Argumenta ponderantur, non numerantur (лат.) — сила доказательств определяется их весомостью, а не количеством.
8. Ad exemplum (лат.) [ад экзэмплум] — по образцу.
9. Tabula rasa (лат.) — с чистого листа.
10. «В конечном счете порядок и только порядок создает свободу. Беспорядок создает рабство» (Шарль Пегги (1873—1914). Французский поэт и публицист).

Борис Григорьев

(г. Москва — с. Курапово Лебедянского р-на
Липецкой обл.)

ШПИЦБЕРГЕН, БЛИН!

Арктическая фантазмагория

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. (В 1991—1992 гг. служил по линии внешней разведки резидентом на Шпицбергене, Норвегия).

* * *

Весна — она везде весна, и хочешь — не хочешь, а нужно ей соответствовать.

Первым признаком весны на архипелаге, как мы уже заметили выше, является Солнце. Но это — от Природы или все равно, что от Бога. А вообще-то первым земным вестником ухода зимы в Баренцбурге является то, что Директор начинает проявлять нездоровый (или, наоборот, здоровый) интерес к своим соседкам-буренкам. Нет-нет, не директор рудника Коршунов, а бык-производитель Директор, оставленный еще предшественником Волколупова на разведение.

Рожденный на Шпицбергене, Директор уже в свои шесть месяцев по размерам и весу мог поспорить с любым своим взрослым костромским или ярославским сороди-чем и при этом с большой форой выиграть этот спор. А когда он достиг совершеннолетия, то для него пришлось строить отдельные ясли, потому что в обычных он просто не помещался. Это был не бык, а прямо какой-то мифологический Апис! Он был гордостью администрации, его всегда показывали заезжим гостям, и он на всех производил неизгладимое впечатление.

Сюссельман Юнглинг, увидев его, вспылал к нему любовью. Сюссельман, сам дородный мужчина, любил все крупное, и, уезжая в Лонгйербюен, пообещал сделать Директору приятный подарок. Подарок пришел с оказией, но в Баренцбурге, вероятно, уже успели слегка подзабыть об обещании норвежца. Во всяком случае, когда какая-то норвежская делегация была в русском поселке и передала Коршунову огромный березовый венок, перевязанный красивой лентой, на которой была надпись: «Директору», он принял подарок на свой счет. Подарки коллективу или членам коллектива — неотъемлемая собственность начальства.

Вероятно, надпись на венке была не закавычена; возможно, Александр Сергеевич подумал, что у норвежцев так принято — одаривать гостеприимного хозяина березовым венком. Ведь в Норвегии лавр не произрастает — это он точно знал. Как бы там ни было, но Коршунов с благодарностью принял венок и отнес его к себе домой с явным намерением сделать из него веник для бани. Справедливость восторжествовала некоторое время спустя, когда сюссельман при случае поинтересовался, съел ли Директор подаренный ему венок, который был специально доставлен самолетом из Норвегии.

— Съел венок? Директор? — уточнил сбитый с толку Топорков, который как всегда выступал переводчиком.

— Ну да, венок,— рассердился сюссельман, заподозривший, что его подчинен-

ные опять не так выполнили его поручение.— Я сейчас сам пойду на Скотланд-Ярд и спрошу у скотника, если вам о нем ничего не известно.

— Пойдите-пойдите! — вмешался консул.— Помните, какой-то венок взял себе директор Коршунов, но он его не ел, а повесил на стену в своей квартире. Собирался попариться в баньке.

Раздался хохот, но смеялись пока одни русские, потому что смысл заявления консула еще не перетолмачили. Присутствовавший тут же директор рудника покраснел, но тоже от души смеялся вместе со всеми.

— Петро, сгоняй ко мне домой и отвези венок Директору, — приказал он шоферу.

— Какому директору? — уточнил шофер.

Тут уж смеялись и норвежцы, потому что Топорков успел донести и до них смысл комичной ситуации.

— Господин Коршунов, — обратился к директору рудника Юнглинг, — вы не будете возражать, чтобы быку Директору мы из Норвегии привезли невесту? Так сказать, для улучшения потомства.

— Никаких проблем, — ответил директор.— Мы всегда готовы способствовать делу прогресса. Привозите вашу коровку, мы ее познакомим с нашим кавалером.

— Спасибо. Я свяжусь с нашим министерством сельского хозяйства, а оно доставит нам невесту на пароходе.

* * *

Половая активность Директора напомнила Аполлону Волколупову, что больше нельзя носить в себе великую тайну и пора, наконец, заявить о своем открытии кому следует. Надев свой лучший костюм, он отправился в дирекцию рудника. Были приемные часы, и наш скромный ветеринар был тут же принят директором.

— Ну, чего стоишь? Проходи, садись, — буркнул Коршунов, набирая номер по телефону.

Волколупов приблизился к директорскому столу, робко пожал протянутую Коршуновым руку и присел на краешек стула.

— Ну что там у тебя? Выкладывай, — предложил директор, накручивая диск аппарата.

— Я... это... Я сделал открытие! — громким шепотом произнес Аполлон Митрофанович.

— Здравствуй! Приехали! Я уж думал, ты пришел жаловаться, что сена не хватает! А тут — открытие! И что же ты нам открыл? Молочные реки и кисельные берега?

— Если хотите, да.

— Слушай, Волколупов, ты давай покороче. С чем пришел?

— Я же говорю вам, что... открытие. Все, что родится на Шпицбергене, больше в полтора-два раза, чем там, на материке.

— Подумаешь, открытие! Наши скотницы давно заметили, что коровы трудно телятся, потому что телята вырастают в утробе слишком большие.

— Вот-вот, об этом я и говорю. Это — открытие.

— Не понимаю!

— А что тут понимать? Заметить-то скотницы заметили, а кто об этом доложил начальству? В министерство сельского хозяйства, к примеру, или там в Академию сельхознаук? Никто! Вот и выходит, что нам надо сделать туда заявку: так, мол, и так, отмечается такой вот феномен.

— Ты серьезно?

— А как же, Александр Сергеевич! Вы только прикиньте, что может получиться, если не двадцать коров и быков содержать на ферме, а двадцать тысяч. Согласен, молока мы получим меньше, чем на материке, но мяса — в два раза больше. Прокорм на одну убойную единицу будет обычный, а отдача — в два раза больше. Как?

Коршунов несколько минут размышлял, сопел, смотрел на ветеринара, а потом сказал:

— А ты знаешь — надо подумать. Ты сделай расчеты, потом обмозгуем.

— А что там думать? Все расчеты уже сделаны.— Волколупов вытащил из-за пазухи ученическую тетрадку и положил ее на стол: — Вот читайте, изучайте на досуге. Я уже все прикинул и обсчитал.

— Ну, ты молоток, Волколупов!

— Это не все, Александр Сергеевич. Мы тут походя вывели новую породу кур.

— Кур? Как это?

— А помните, я просил привезти с материка два десятка яиц? Мы раньше завозили кур с Большой Земли, а тут мне пришла мысль попробовать вывести цыплят на месте.

— Ну?

— Я сделал инкубатор и вывел сначала двух петушков и десять кур. Потом они нанесли яиц, и я их подложил под наседку. Если первое поколение ничем не отличалось от обычных кур, то второе оказалось крупнее. Но это не главное: у кур, как и у петухов, появились красивые гребешки. Получилась исключительно красивая порода — ну чистые павлины-тетерева! Если наше открытие запатентовать, это даст нам...

— Аполлоша, где же ты был раньше со своим открытием? Ты даже не представляешь... Да мы тут...

Волколупов смущенно улыбался. Он не ожидал, что найдет понимание у Коршунова, слывшего мужиком крутым и грубым.

— Ты вот что, Аполлон Митрофанович, никому не говори о нашем разговоре ни слова! Понял? А я тут приму меры. Начнем с кур. Сам понимаешь, чтоб развести поголовье крупного рогатого скота, нужны время и корма. Пока ни того, ни другого у нас нет, а вот с курами мы можем развернуться.

От возбуждения Коршунов встал, обнял ветеринара за плечи и стал водить его по кабинету, рисуя самые радужные перспективы и для российской науки, и для рудника, и, конечно же, для молодого ученого.

Фантазии директора на популярную во всех бедных странах тему были прерваны телефонным звонком. Звонил консул и жаловался, что из продуктового набора сотрудников консульства последнее время стали исчезать яйца.

— Значит так, Леонид Маркович: с этого дня вы вообще не получите ни одного яйца. Почему? Мы им тут устроим переоценку. Да. Слишком дешево. Они у нас, можно сказать, золотые.— Директор заговорщицки подмигнул ветеринару.— И не проси. Весь поселок обходится без яиц, а вы там в замке, понимаешь, заелись. Все. Пока.

Уходя от директора, Волколупов вспомнил, что в тайну открытия необдуманно был посвящен баламут Кравченя. Сознание этого слегка портило радостное настроение, но, в конце концов, он успокоился. Чем мог навредить начальник порта, если хорошенько разобраться? Да ничем!

«Надо будет по приходу задать коровам сенца в ясли, напоить их и вывести на весеннее солнышко. Пусть подышат свежим воздухом, погуляют»,— подумал Аполлон Митрофанович, убыстря шаг.

— Митька! Где ты там? — крикнул ветеринар, открывая дверь в избушку, в которой обитал новый скотник Мордюжа, прибывший с материка в качестве крепезника, но прогнанный Коршуновым за лень и никчемность на Скотланд-Ярд. Всю жизнь проживший с матерью в колхозе в Сумской области, Мордюжа на самом деле мало подходил для работы под землей, но оказалось, что и на скотном дворе у него руки ни к чему не лежали, и Волколупову приходилось постоянно заниматься его воспитанием.

В избушке было пусто. Вероятно, Митька уже сам догадался накормить коров. Ветеринар, бормоча пор себя ругательства, пошел к коровам, но нет — Митьки не было и там. Что за чертовщина! Он побежал домой к Галинке, но и там скотника не

было, и доярка тоже не знала, куда он мог запропасться. Вероятно, подлец, смотался в общежитие к своим бывшим друзьям-шахтерам. Поворчав, Аполлон взял с собой Галинку и отправился кормить и поить коров сам.

Митька Мордюжа не ночевал дома и не объявился утром, поэтому Волколупов на следующий день пошел искать его в поселке. Чтобы не навредить Митьке, он решил начальству пока ничего не сообщать — а то соберут его в два счета и отправят ближайшим самолетом домой. Дома была безработица, полуголодное существование, больная и старая мать с двумя сестренками, которые ждали от него заработка.

В мире политики

С королями шутам гораздо веселей.

А. Перлюк

Митька Мордюжа собственной персоной объявился в норвежском поселке, но об этом в Баренцбурге пока никто не знал.

Накануне он сидел в своей избушке и копил злобу на людей: на директора, уволившего его ни за что из шахты; на зануду-ветеринара, не дававшего ни минуты покоя; на друзей, постоянно подтрунивавших над ним, на трудное детство,— одним словом, на все заполярное и материковое человечество. Добытая на Празднике Солнца бутылка «пшеничной» давно была выпита — она умаслила Митькину мизантропию всего лишь на один день. А чем он, Митька, был виноват перед другими? Тем, что родился и вырос в деревне, успев еле-еле закончить четыре класса и пятый коридор? Тем, что с десяти лет пошел в колхоз работать по наряду, чтобы хоть как-то прокормить мать с сестрами? Или тем, что любил в свободное от работы время помечтать? Мечтать никому не запрещено, а работа... Работа не Алитет, она в горы не уйдет.

А мечтал он о том, как вернется с «полярки» в свою деревню, поедет в район и выкупит там оплаченные в Баренцбурге «жигули», посадит в машину мать с сестрой и прокатит их с ветерком по деревне, чтобы все видели, что Митька — это вам не хухры-мухры, а самостоятельный мужик. Дальше этого митькина мечта не простиралась — ну, от силы, может быть, она включала хорошую еду, выпивку в районной забегаловке с деревенскими корешами, ну и, может быть, женитьбу на красивой работающей девахе, чтобы она за ним ухаживала, готовила ему, стирала, а он...

Мечтанья Митьки разжигались рассказами «чейнджовщиков» о том, как они своими поделками зарабатывают кроны. Митька ничего интересного сделать своими руками не умел, а потому только злился. Злость и зависть вызывали у него все благополучные люди, которым, чтобы хорошо зарабатывать, одеваться и в ус не дуть, не нужно было спускаться под землю или копать в навозе. Приезжавшие из Лонгйер-бюена норвежцы не были исключением, их Митька не любил особенно.

Шальная мысль пришла к нему неожиданно. Он сидел в избушке и по обычаю мечтал, как вдруг услышал за окном треск снежных скутеров. Вероятно, это с праздника возвращались домой «норги». Он вышел на крыльцо и увидел, как отряд снегоходов с зажженными фарами длинной многоглазой анакондой выползает из поселка и приближается к Скотланд-Ярду. Когда головной скутер поравнялся с домом, его седок в шлеме приветственно махнул рукой и остановил скутер. Митька нехотя подошел к нему и неприязненно спросил:

— Ну, чего, тебе, норг, надобно?

Норвежец стал что-то объяснять ему на своем языке, жестикулировать, показывая двумя руками, будто он доит корову и тянет ее за соски. Митька был не дурак, ему стало ясно, что тот интересуется местом его работы.

— Да-да, я тут скотником. А доярка у нас Галинка. Вон там живет.

Норвежец засмеялся и показал, что он хочет пить.

— Тебе молока что ли захотелось? — догадался Митька. — Момент!

Он нырнул в избу и через минуту вернулся с литровой банкой, до краев наполненной молоком:

— На, держи! Мне не жалко.

Норвежец опять засмеялся, крикнул что-то своим спутникам, терпеливо наблюдавшим за этой сценой, и жадно приник к банке. За спиной у него закричали и зааплодировали — всем почему-то стало весело. Митька мрачно смотрел на всю компанию и даже ни разу не улыбнулся. Он ждал, что любитель молока выложит ему сейчас кроны. Но норвежец вернул Митьке банку и завел мотор — в карман за деньгами он лезть и не собирался.

— Мани-мани! — потребовал по-английски Мордюжа.

— Ноу мани! — извинился норвежец и показал на сиденье сзади себя: садись, мол, прокачу. Митька никогда не катался на снегоходах, а потому сплюнул в сторону и сказал:

— А что — и поеду!

Он уселся сзади норвежца, обхватил его правой рукой за пояс, левой рукой с банкой ткнул его в спину и крикнул:

— Эх, давай, залетные!

— Залиотни! — передразнил его норвежец и нажал на газ. Колонна тронулась и потянулась на северо-запад к мысу Хеер.

Так с литровой банкой в левой руке Митька и приехал в заграничный город Лонгйербюен. Он изрядно продрог в пути, но норвежец был тоже не дурак и повел его к себе домой отогревать. Он дал ему большую кружку кофе, а когда Митька, отбросив банку в сторону, щелкнул себя пальцем по кадыку, то налил и стопку водки. Норвежец не один год жил на Шпицбергене и кое-что знал о русских обычаях. Митька понял, что зовут его Яном.

Потом к Яну пришел какой-то молодой парень и на ломаном русском языке стал ругать русские порядки и хвалить свои, спросил, не желает ли Митька попросить в Лонгйербюене политическое убежище. Митька, не раздумывая, пожелал, и тогда Ян оделся и опять куда-то повез бывшего шахтера и скотника на снегоходе. Они поднялись на горку и оказались перед большим деревянным подворьем, где стояло несколько автомашин, скутеров, постоянно сновали туда-сюда люди и у входа стоял большой шест с норвежским флагом.

— Сюссельман, — сказал Ян, и Митька понял, что его ведут к самому губернатору. В Баренцбурге он начальство видел только издали, а тут самый главный норвежец, оказывается, готов был запросто принять его и поговорить. Митька пару раз видел Юнглинга в Баренцбурге и слегка мандражил.

Но к губернатору Митька не попал. Его провели в дальнюю комнату к какому-то хмурому и бледному, вероятно страдавшему изжогой, мужику, усадили на стул и стали через переводчика задавать вопросы: кто он, да чем занимается, и с чем прибыл в Лонгйербюен. Митька в строгом соответствии с тем, чему его успели научить в доме у Яна, сказал, что не согласен с политической системой России, что как украинец преследуется администрацией Баренцбурга и является типичной жертвой велико...ну это... как его...русского, блин, шони... шонивизма.

Мужчина внимательно выслушал рассказ жертвы великорусского шонивизма, записал все на бумагу, выдал Митьке семьсот крон на карманные расходы и отвез его на временное жилье в какой-то пустующий домик.

— Смотрите, господин Мордиуша, не попадайтесь пока на глаза своим землякам. Мы доложим о вас в Осло, а пока поживите в Лонгйербюене, — сказал мужчина и ушел.

Митька не верил своим ушам и глазам. Вот это подход к людям! Сразу и жилье с чистой постелью, и деньги на прокорм, и вообще сервис!

Вечером, как следует закусив в кафе за счет сюссельмана, он пошел в местный универсам «Бутикен» и накупил себе всяких сладостей и бутылок пять пепси-колы. Дома он пил игристый напиток до тех пор, пока газы не подступили к горлу. Сытый, довольный, от всей души рыгая газировкой, он, не раздеваясь, лег в постель и уснул безмятежным сном. Во сне снилась деревня, народ высыпал на весенние полевые работы, а Митька разъезжал по деревне на снегоходе марки «Ямаха», к которому был прицеплен навесной плужок, и за бутылку самогона пахал желающим старушкам огороды. Пахалось легко: вместо жирного чернозема плуг переворачивал снег, а из-под снега выскакивали бодрые, словно наэлектризованные, земляные черви, которых тут же пожирали неизвестно откуда взявшиеся грачи.

В мире политики

Политик — это человек, путающий свой голос с гласом народа.

Д. Говард

Юнглинг с утра пребывал в благодушном настроении, и возможно это настроение не покидало бы его до конца дня, если бы не свалившийся, как снег на голову, политический беженец из Баренцбурга с какой-то непроизносимой фамилией да анонимная почта — опять же из русского поселка. Все неприятности в жизни происходили от русских, от них только и жди какой-нибудь пакости!

Утром к нему зашел старший полицейский Андерсен. Он молча положил на стол три грязноватых и слегка пожеванных конверта и ушел. Сюссельман долго вертел в руках эти первые образчики популярного, по слухам, в России эпистолярного анонимного жанра, пытаясь угадать, что там в них может содержаться, пока, наконец, не выдержав, не позвал Сверре Бустада. Переводчик сидел в кабинете рядом и сразу возник за его спиной.

— Ну-ка, Сверре, перетолмачь мне, что в них написано.

— Господин сюссельман, они пронумерованы. С какого прикажете начать?

— Начинай по порядку с номера один.

Переводчик взял со стола шефа ножик для вскрытия конвертов, поддел грязный шов клапана и извлек из конверта еще один конверт.

— Русская матрешка, — сообщил переводчик.

— Открывай и этот!

Во втором конверте, слава Богу, находилось само послание. Оно было сложено вчетверо, перевязано красной ниточкой и опечатано сургучом. Мутносерые глаза губернатора хищно блеснули — наконец-то почта сработала! Переводчик разрезал нитку, сломал сургуч и развернул листок. Юнглинг внимательно следил за выражением лица Бустада, и когда у переводчика полезли брови вверх, у него стала непроизвольно отвисать челюсть.

— Читай, что там написано, — хриплым от волнения голосом попросил сюссельман.

— Кто писал — не знаю, а я, дурак, читаю, — медленно перевел Бустад написанное.

— Что это может означать, по-твоему? — вскинулся Юнглинг.

— Не знаю. Глупая шутка. Кажется, фраза из рассказа Чехова.

— Чехова? Причем здесь Чехов?

— У него есть такой рассказ под названием «Жалобная книга». У станционного смотрителя имеется книга жалоб, в которую каждый недовольный сервисом пассажира сообщает о своих претензиях к железной дороге.

— Гмм... Аналогия в данном случае... по крайней мере, не уместна.

— Согласен с вами, господин сюссельман.

— Ладно, поехали дальше.

Конверт номер два с точки зрения оформления не вызывал у европейца никаких эмоций: конверт как конверт и записка в нем.

— Письмо составлено на украинском языке,— доложил Бустад, изучив послание.

— А вас там в школе переводчиков что — украинскому не учили? Насколько мне известно, украинский язык, как шведский от норвежского, ушел не так уж далеко.

— Это так, господин сюзсельман, но мне все-таки потребуется словарь.

— Валяй, принеси — что же ты стоишь?

Сверре сбегал к себе в кабинет, принес украинско-русский словарь, изданный в Париже, и с его помощью углубился в изучение текста.

— Ну, что там? — спросил сгоравший от нетерпения губернатор.

— Не пойму... Тут как-то все не вяжется со здравым смыслом. Подождите минуточку, я кое-что уточню...

Сюзсельман раздраженно цыкнул зубами, засмолил огрызок сигары, и пока переводчик лихорадочно листал в словаре, тупо смотрел в потолок. Наконец Бустад кончил листать, прочел про себя еще раз текст, шевеля губами, и сказал:

— Я готов. Тут написано буквально следующее: «Настоящим уведомляем норвежские власти, что в ближайшие дни бывшие советские поселки Баренцбург и Пирамида перейдут под юрисдикцию Украины. Соответствующие демарши перед норвежскими властями будут сделаны через украинских представителей в Осло и в Организации Объединенных Наций. Мы торжественно заявляем, что все в Баренцбурге и Пирамиде создано трудом украинских шахтеров и, следовательно, по праву принадлежит независимой Украине. Во избежание любых эксцессов заранее уведомляем вас об этом и просим принять пока эту конфиденциальную информацию к сведению. Хай живе незалежна Україна!»

— Ты правильно все перевел? — спросил сюзсельман.

— Да, я все проверил.

— А это что за трезубец? Помнится из школы, с такой штуковиной в древнем Риме выходил на арену этот... как его... не гладиатор, а тот, который сражался с дикими зверями.

— Бестиарий, господин сюзсельман.

— Вот-вот, он.

— А трезубец — это от Симона Петлюры, который еще в 1918 году провозгласил независимость Украины от России.

— И что ты по этому поводу думаешь?

— Бред какой-то,— признался Бустад.— Украина и в самом деле отделилась от России, но причем тут Свальбард?

— Я тоже ничего не понимаю,— признался Юнглинг.— Что написано в третьем письме?

Бустад с недоверием поглядел на оставшийся конверт:

— Я не решаюсь, господин сюзсельман. Откройте конверт сами.

— Что за фигли-мигли, Бустад! Ты же военный переводчик!

— Нет, лучше вы сами,— заупрямился переводчик.

Юнглинг взял конверт и разорвал его руками по краю.

— На, читай,— протянул он Бустаду лист бумаги.

Бустад пробежал глазами по листу бумаги и покраснел:

— Нет, я переводить не буду.

— Бустад! Я тебя сегодня не узнаю! Что за детский сад!

— Господин сюзсельман, там нецензурные выражения. Им нет аналогов в норвежском языке.

— Ну и что? Ненормативная лексика тоже подчиняется законам грамматики,— блеснул Юнглинг филологическими познаниями.— Переведи хоть приблизительно.

— Ты, старый козел, решил на чужом ... это... половом члене въехать в рай,— начал без всякого выражения Бустад, наблюдая за выражением лица шефа.— Половой член тебе в рыло, не получится.

— Чего- чего?

— В рыло... в морду, значит,— уточнил Бустад.

— И что это означает? Почему в рыло? — заревел сюзсельман.

— Такая, значит, у русских фигура выражения.

— Выходит, член в физиономию — это самое сильное оскорбление?

— Ну, не самое сильное, есть и покрепче.

— И ты покраснел, от этого, словно невинная девушка? Читай дальше!

— «Ты, красноносый раздолбай, подумал, что в русском поселке одни предатели? Так знай, скандинавский педераст, что мы не позволим тебе больше пользоваться этим раздолбанным почтовым сральником и в следующий раз просто опустим в него наши экскременты. На Руси был один царь-умник по имени Павел, так вот он тоже установил перед своим дворцом почтовый ящик для анонимных сообщений...»

— Стоп! Про императора Павла мне уже кто-то говорил из консульских...

— Еремкин, господин сюзсельман.

— Точно, консул Еремкин. Так-так-так... Интересно... Грубо сработано, очень грубо! Ладно, ты свободен, Бустад. Мы тут без тебя попробуем разобраться,— прервал процесс Юнглинг и стал нервно ходить по кабинету. Потом он вызвал Андерсена и предложил ему заняться изучением происхождения всех этих писем.

— Вы имеете в виду, кто конкретно из русских мог написать их? — уточнил задание контрразведчик.

— Именно так, разлюбезный Андерсен!

— Сколько времени вы мне даете на это?

— Недели хватит?

— Постараюсь, господин сюзсельман.

— Постарайтесь.

Андерсен ушел с выражением полученного задания на лице.

На столе губернатора зазвонил телефон.

— Губернатор Юнглинг на проводе,— поднял он трубку.

— Господин Юнглинг, вас беспокоит консул Еремкин.

— Слушаю, тебя Топорков.— Это была обычная форма общения двух руководителей. Между ними всегда стояла фигура Кондратия Топоркова.

— Господин сюзсельман, консул интересуется, могли бы мы у себя в заливе произвести взрывные работы?

— Для чего? — насторожился Юнглинг.— Глушить рыбу?

— Никак нет, господин Юнглинг.— Рыба тут не при чем. К нам вчера из Мурманска прибыл пароход с новой сменой шахтеров и дипкурьерами. Ему пора отправляться в обратный путь, но он вмерз в лед и...

— А где же ваш знаменитый ледокол?

— Он ушел домой.

— Да... А взрывники у вас есть подготовленные?

— Да, конечно, господин Юнглинг. Это специалисты из горноспасательного отряда.

— Я проконсультируюсь с советником по вопросам экологии и через полчаса дам вам ответ,— пообещал Юнглинг и бросил трубку.

Час от часу не легче! Вечно у русских возникает какая-нибудь экстраординарная ситуация! Но хорошо, что русские стали спрашивать разрешение — это уже был прогресс.

* * *

В будке на обогатительной фабрике от набившегося народа было не продыхнуть. Обогащательная фабрика, расположенная в двух километрах от Баренцбурга, конечно, состояла из одного лишь названия. Ничего она не обогащала — просто с использованием простейших сит и решет от угольной массы отсеивалась угольная пыль и кое-какая порода. В народе это место по неизвестным причинам называли Беломорскими Кущами.

Роман Спиридонович не стал даже подтапливать буржуйку — хватало жаркого дыхания молодых и здоровых мужиков, в желудках которых перегорало бесплатное сало из рудничной столовой. По комнате, словно волны от новороссийской боры, перекачивался мужской говорок, возникавший то в одном углу, то в другом, но все это лишь напоминало разогрев музыкантов перед большим и торжественным концертом. Музыканты разминали пальцы, продували трубы, пощипывали смычковые, откашливали легкие и ждали появления на сцене дирижера:

— Триста лет ждали этого часа...

— РУХ нам поможет...

— Надоело ходить под москалями...

— Вот подарок преподнесем батьке Кравчуку!

Дирижер не заставил себя долго ждать. Он сидел здесь, вместе со всеми и обсуждал что-то в кругу друзей. Вот теперь он встал, поднял руку вверх, требуя тишины и начал:

— Други мои, дорогие украинцы! Мы долго готовились к этому часу...этой године, и вот теперь он... она настала. Интересы вольной и ридной Украины требуют от каждого из нас полной ответственности, решительных действий и дисциплины. Хватит сидеть нам в подполье! Пора брать власть в свои руки.

В ответ раздались аплодисменты и крики:

— Правильно говоришь, Роман Спиридонович!

— Пора, пора, батько!

— Веди нас под жевто-блакитным знаменем вперед к окончательной победе незалежности!

Кравченя — а это он выступал в роли дирижера — снова поднял руку, и в комнате восстановилась тишина:

— О наших намерениях проинформирован губернатор Норвегии. Как только мы выступим, в Америке и в Европе начнет действовать наша дипломатия. В нашу задачу входит устранение здешнего москальского начальства, захват власти в Баренцбурге и на Пирамиде, выход из-под контроля «Арктикугля». Потом нам надо будет добиться того, чтобы наша победа получила в Киеве соответствующее юридическое оформление. Задача ясна?

— Ясна-а-а! — раздались нестройные голоса.

— Кимуникации надо брать! Кимуникации! — выкрикнул какой-то теоретик переворотов и революций.

— Правильна-а-а! Почту, телеграф, вокзалы! — поддержали теоретика новые голоса.

— Кывивский, Казаньский, Ленинградский,— начал перечислять какой-то бас, но его голос утонул в насмешливых выкриках, свисте и гомерическом хохоте:

— Во-во! Не забыть бы про Зимний и Смольный!

— И временное правительство Коршунова!

— Ша, мужики! — остановил балаган Кравченя.— Теперь слушайте план наших действий. Группа Довганя мирно — подчеркиваю: мирно! — захватывает административное здание на вулице Старостина и берет под контроль связь и всю документацию. Группа Горленко обеспечивает контроль над складами — в первую очередь

продовольственный. Заколядажный со товарищами блокирует деятельность почты и телеграфа и нейтрализует активность консульства, метеостанции и гляци...ну... этой как ее... зингеровской экспедиции. Я во главе штаба остаюсь в порту, и по мере выполнения плана руководители групп докладывают мне всю информацию.

— А отряд вертолетчиков на мысе Хеер? — спросил кто-то у окна.

— Да, конечно, я просто забыл. Вертолетчики достаются группе Коломаги.

— А что если верные москалям люди начнут оказывать вооруженное сопротивление? Ведь в консульстве, я слышал, да и у директора есть оружие: карабины, ружья? — осторожно поинтересовался заговорщик у двери.

— Русских и руководителей в поселках не более пятидесяти человек, нас — более девяти сотен, так что вопрос решается простым большинством и методом принуждения. Мы, естественно, должны попытаться получить доступ к оружию. Кто из наших людей может в этом способствовать, мы уже знаем. Надо только во время расставить их на места и...

— ...и прихлопнуть москалей одним ударом! — выкрикнул звонкий голос за спиной батьки Кравчени.

— Ура!!! — заорали было сторонники самостийной Украины, но увидев испуганное выражение лица Кравчени, взяли на несколько тонов ниже.

— Отдельно вопрос о консульских. Нам они могут понадобиться как представители страны, с которой придется вести переговоры. А там посмотрим: если будут нам мешать, то преобразуем его в консульство Украины.

— Правильно!

— Одобряем!

— Куда они денутся? И вся кормежка будет под нашим контролем!

— И горилка тож!

— Вопросы есть? Вопросов нет, — констатировал Кравченя. — Предлагаю сходку заканчивать. Руководителей групп прошу остаться, а остальным расходиться по одному. Всем находиться в состоянии боевой готовности. — Батько мягко выталкивал шахтеров на мороз, одаривая каждого крепким рукопожатием.

Поселок безмятежно спал, не подозревая, какую участь ему готовят выходцы из Луганской и Донецкой области, входивших когда-то в состав Российской Федерации, но переданные Киеву по указанию Ленина и Троцкого. Баренцбург празднично сверкал огнями общежитий и лучами прожекторов, установленных в стратегических пунктах — в порту, на здании спортивного комплекса, над консульством и над теплостанцией, — и набирал сил для нового мартовского утра. Мартовские иды в который раз подтверждали свою историческую репутацию как сезона коварного и неустойчивого.

Заговорщики, сливаясь дублеными тулупами с собственными тенями, незаметно покидали Беломорские Кущи и расходились по общежитиям, предоставив избранным товарищам бесплатную возможность дорабатывать детали предстоящего переворота. Один полушубок затаился у здания больницы и, дождавшись момента, когда все остальные отойдут подальше, выскочил на узкую и извилистую колею, ведущую мимо школы и детского сада в сторону Миру-мирки. Выбравшись наверх, полушубок остановился у дверей кафе «Мороженое», прислушался и уверенно взял курс на «замок Иф», светившийся окнами второго этажа. Полушубок знал, что консульские, как всегда, не спали и собрались в каминном зале на вечеринку. Дорогу ему пересек огромный серый кот, противным мяуканьем преследующий чью-то гулящую кошку. Март — он и за полярным кругом март.

* * *

Здание рудничного управления гудело от возбужденных простуженных голосов шахтеров и напоминало то ли Смольный дворец накануне решающего штурма вре-

менного правительства, засевающего в Зимнем, то ли известное историческое полотно художника Репина, на котором запорожцы обсуждают текст своего нецензурного послания турецкому султану, а то ли не написанное еще полотно с изображением общественности Киева, дающей наказ батьке Кравчуку перед его поездкой в Беловежскую пушу.

В коридорах от дюжих мужчин в спецодежде, погромыхивавших касками, фонарями и пустыми «тормозками»*, было не протолкнуться. Ночная смена вышла на поверхность и, не успев переодеться, толкалась вместе с дневной, которая переоделась и получила снаряжение, но в забой не пошла. На суровых лицах шахтеров застыло ожидание чего-то очень важного, например, выдачи квартальной премии, талона на получение «Волги» или, по крайней мере, сверхурочной бутылки водки.

То тут, то там поверх голов мелькала пыжиковая шапка Романа Кравчени. Он перебежал от одной группы к другой, о чем-то шушукался с людьми, спорил, показывал пальцем наверх, где сидело начальство, что-то доказывал и убегал, чтобы снова появиться в раздевалке, на переходе между шахтой и нарядной. Большинство шахтеров еще не знали о причинах такого сборища, и то тут, то там раздавались недоуменные голоса:

— Хлопци, шо тут робится? Никак горилку дають?

— Дывись, люди! Мабуть, сам батько Чорновил к нам с Киева пожаловал?

— Бачь, Степан, скільки козаков туточки понабивалося! Неможно дышать!

Украинская мова овладевала воздушным пространством Баренцбурга.

Второй этаж, который занимала бухгалтерия, плановики и прочие представители ИТР, пребывал в догадках относительно причин ажиотажа, возникшего этажом ниже. Люди недоуменно выглядывали из кабинетов, прислушивались к гулу, прорывавшемуся через лестничные пролеты, но в коридор не выходили, а быстренько закрывали двери своих кабинетов и шептались между собой. Предположения высказывались самые разные, но большинство полагало, что начальство находилось в курсе происходящего, оно скоро выйдет к людям и объявит что-то важное.

Но начальство, располагавшееся на третьем этаже, проявляло между тем отсутствие всякой бдительности, уповая, по всей видимости, на естественный ход вещей — привычка, вошедшая в славянскую кровь вместе с молоком матери — и никак не реагировало на нарушение заведенного еще при Плисецком** порядка.

А люди не расходились. Наоборот, их становилось все больше и больше, их голоса звучали все настойчивей, требовательней и громче, пока, наконец, и на третьем этаже не послышался топот десятков кирзовых сапог и валенок, устремившихся наверх сразу по двум параллельным лестницам. Когда голова колонны уперлась в дверь с табличкой: «Директор рудника», то ее хвост все еще топтался на первом этаже.

— Вы к кому? — испуганным голосом спросила секретарша. Прогрессивным методом — вслепую — она деловито отстукивала на машинке какой-то документ.

Роман Спиридонович с чувством собственного достоинства, которое он до этого дня тщательно скрывал от начальства, ослабил и, не удостоив секретаршу ответом, без всякого стука рванул дверь на себя. Он шагнул в кабинет Коршунова, а за ним повалили его ближайšie сообщники по заговору. Толпа быстро растеклась по кабинету и плотной стеной окружила заседавших вокруг стола руководителей.

Представитель треста Трегубенко и директор рудника Коршунов недоуменно вертели головами по сторонам, пытаясь понять, что происходит.

— Спиридоныч, в чем дело? — спросил, наконец, Александр Сергеевич начальника порта.

— Именем Украинской республики прошу передать нам всю полноту власти. С

* Стандартный продуктовый набор, бесплатно получаемый шахтерами перед спуском в забой.

** Одним из первых директоров баренцбургского рудника и советских консулов на Шпицбергене был отец знаменитой балерины.

этой минуты рудник Баренцбург является собственностью украинского государства. Власть в Баренцбурге переходит в руки Шпицбергенской Украинской Рады, сокращенно ШУРА, — торжественно чеканя каждое слово, ответил начальник порта.

— Шура? — засмеялся Трегубенко. — А почему не Саша? Что за театр? У вас что — крыша поехала? Мужики, опомнитесь!

— Попрошу передать все ключи от сейфов и складов, — жестко потребовал Кравченя, не обращая внимания на смех. — Если будет оказано сопротивление, то применим силу.

— Роман Спиридоныч, хватит Феньку разыгрывать, — рассердился Коршунов. — Работать надо, а вы тут черт знает, чем занимаетесь. Идите, идите по домам и рабочим местам, пока я вас не ...

— Ах, так? — взвился фальцетом Кравченя. — Хлопцы! Арестуйте его! — Начальник порта показал пальцем на Коршунова. — Свяжите и отведите его ... Куда же нам их схватить?

— В баню, — подсказал кто-то из активистов Рады.

— И, правда, — обрадовался Кравченя. — Лучше и не придумать: тепло, и мухи не кусают.

— А этого, батько? — спросил заговорщик, указывая на Трегубенко. — Шо с ним робить?

— Веди и этого туда же. Потом разберемся.

— Мы присутствуем при историческом событии возникновения новой этнической общности — шпицбергенских сечевых казаков, — прокомментировал решение Кравчени Трегубенко. — Почему бы вам не переименовать Баренцбург в Шпицбергенскую Сечь?

— Шути-шути, москаль, — добродушно отозвался бывший начальник порта, а теперь просто батько. — Придет время — и переименуем, а пока иди-ка посиди, подумай.

Под улюлюканье и свист восставших начальство вывели из кабинета и под конвоем повели вниз, где располагалась директорская баня. Батько Кравченя приступил к секретарше директора с расспросами о том, где что лежит и как к чему получить доступ.

— И не подумаю вам помогать, — говорила секретарша, воинственно напирая на начальника порта бюстом. — Вы за свое самоуправство еще ответите.

— Это еще посмотрим, кто за что буде отвечать. Ты украинка?

— Это не имеет значения.

— Имеет, имеет, да еще какое, — пообещал Кравченя. — Давай сюда ключи.

— У меня их нет. Берите сами, я вам не сообщница.

Ключи оказались в ящиках стола, и Роман Спиридонович стал по очереди совать их в скважину сейфа. Потом он сел за стол Коршунова и стал названивать по телефонам, чтобы лично удостовериться в планомерном распространении украинского суверенитета по территории поселка. Сподвижники докладывали, что все ключевые звенья местной инфраструктуры мирно перешли под контроль ШУРЫ.

Скоро по этому поводу по местному радио можно было услышать голос батьки Кравчени, объявлявшего о переходе русских поселков на Шпицбергенщине под власть Киева. Это было, конечно, преувеличением. Хотя бы потому, что поселок «Пирамида» об этом не ведал ни сном, ни духом и продолжал трудиться под эгидой российского треста «Арктикуголь». Батько Кравченя со товарищи сочиняли первые декреты Рады, памятуя о том, что указы и декреты — это самое понятное и самое эффективное для народа средство самоутверждения любой власти.

Декретом № 1 государственным языком на территории, контролируемой ШУРой, объявлялся украинский. Декретом № 2 все складские помещения, вся инфраструктура, строительные материалы, шахты, техника, продукты питания и прочая и прочая

объявлялись собственностью ШУРЫ, а в декрете № 3 население призывалось к сохранению спокойствия и к сотрудничеству с новой властью. Необходимо было срочно определиться с украинским гражданством, для чего всех жителей Баренцбурга просили перерегистрироваться. Иностранным гражданам предлагалось стать на учет в администрации рудника. Иностранным консульствам, то есть консульству России, рекомендовалось получить при ШУРе аккредитацию и разрешение на отправление своих функций.

Покончив с устройством внутренней жизни, ШУРА повернулась лицом к внешнему миру и о перевороте в Баренцбурге уведомила материк, направив по радио обширное программное обращение ко всем народам земного шара, которое начиналось вполне конкретными словами: «Всім! Всім! Всім!». Граждане вновь образованной территориальной единицы обещали строить свои взаимоотношения с окружающими странами и нациями на базе взаимовыгоды и уважения суверенитета друг друга.

Над рудничным зданием взметнулся желто-голубой флаг, сшитый из остатков материи, заваливавшихся в местном ателье.

К вечеру новая власть подобрала, наконец, ключи к висячим замкам от продовольственных складов и в связи с успешным и бескровным переворотом выдала всем украинским гражданам поселка по бутылке водки и банке килек в томате. Активисты Рады были здорово удивлены тем, что они обнаружили на складах: ходившие до переворота слухи о битком набитых складах были явно преувеличены.

Но это открытие не испортило праздничного настроения: из всех окон общежитий раздавались хмельные голоса шахтеров, слова украинских песен и обещания построить новую счастливую жизнь. На работу в забои, естественно, никто не спустился; со стороны Скотланд-Ярда доносился рев голодных коров, и селекционер Волколупов лично раздавал оголодавшим животным сено. Митька Мордюжа куда-то исчез, а Галинка ушла в поселок праздновать установление нового режима.

* * *

Консула Еремкина рано утром разбудил звонок дежурного.

— Леонид Маркович, вас директор просит к телефону.

Еремкин взглянул на часы — было начало девятого. Так рано он вставать не привык — в этом просто не было надобности. Накануне он со своим коллективом долго сидел у камина и отмечал день рождения супруги шифровальщика Балакирева. Как всегда, коллектив был настроен на незатейливое веселье, сотрудники развлекали себя сами как могли, пели песни, танцевали, рассказывали разные истории и до седьмого пота гоняли чай с вареньем.

Еремкин надел халат и подошел к телефону:

— Алло?

— Ты что — все еще дрыхнешь? — услышал он голос Коршунова.

— Да нет, уже встал, — обиженно ответил консул.

— У вас там все тихо? — загадочно спросил директор.

— Да вроде тихо. А что? — насторожился консул.

— А то, что мы тут с Трегубенко сидим под арестом, а власть на руднике взяли шахтеры.

— Чего-чего? — не понял консул. — Под арестом? Какую власть взяли шахтеры?

Он вспомнил, что к концу вечера в консульство забрел шахтер, выполнявший по совместительству обязанности дворника, и нес какую-то чепуху о заговоре украинских националистов и о планировавшемся перевороте. Леониду Марковичу показалось, что шахтер где-то принял лишнее «на грудь», и у него «поехала крыша» — явление в заполярных условиях вполне заурядное. Он не стал вникать в подробности донесения, а поблагодарил за информацию и выпроводил его домой спать.

— А такую: нашу, советскую, российскую, если хочешь.

— Ты трезв, Саша?

— Как стеклышко.

— А ...ты этого... не болен?

— Вроде нет. При сознании.

— И где ты сейчас находишься?

— В бане.

— А, ну тогда понятно,— засмеялся Еремкин.— Перепад температуры, парилка, водяные процедуры...

— Да нет, Ляня, все вполне серьезно. Хочешь — дам Степана Никифоровича.

— Давай.

Консул взял трубку и стал внимательно слушать, что там на другом конце провода рассказывал представитель треста «Арктикугля». И по Трегубенко выходила какая-то чепуха. Степан Никифорович подтвердил информацию Коршунова о том, что украинские националисты, объединенные то ли вокруг какого-то Шуры, то ли начальника порта Кравчени, арестовали их и посадили под замок в баню. Что там творится наверху, они точно не знают, но догадываются, что ничего хорошего не происходит. Трегубенко просил срочно связаться с Москвой и запросить помощь. Что он имел в виду — военный десант, отряд военных кораблей из Мурманска или правительственную комиссию, понять было трудно. Кроме того, Трегубенко был встревожен тем, что в руки мятежникам попадут документы с результатами изыскательских работ геологической партии Назарова.

— Леонид Маркович,— попросил Трегубенко консула,— надо во что бы то ни стало проникнуть в мой кабинет и изъять из сейфа всю документацию. Материал взрывоопасный, и если он попадет в некомпетентные руки...

Еремкин хотел было спросить представителя треста о деталях этой операции, но в трубке послышались гудки, и разговор неожиданно прервался.

Консул набрал номер и позвонил в научный городок. Трубку снял гляциолог Зингер.

— Евгений Максимович? Привет. Это Еремкин.

— Доброго здоровьица, Леонид Маркович.

— Ты слышал?

— Нет. А чего?

— У тебя никого с рудника не было?

— Пока нет. А что?

— Просто так. Пока.

Еремкин решил пока воздержаться от прямых вопросов, чтобы не насторожить без надобности жителей консульского округа и не вызвать в поселке лишней паники. Он положил трубку и спустился вниз. В дежурной комнате по традиции уже собрались все сотрудники консульства.

— Дверь закрыта? — спросил Еремкин на всякий случай.

— Как всегда, Леонид Маркович,— ответил вице-консул Кирпичев.

— Ну, хорошо, пойдем, посоветуемся.

Вице-консул удивленно вскинул брови: с чего это вдруг консулом овладел трудовой зуд в такую пору? Непременно, случилось что-то чрезвычайное и из ряда вон выходящее. Ну что ж, ничто так не скрашивает полярный быт и не будоражит застывшую в жилах кровь, как какая-нибудь сенсация или какое-нибудь ЧП местного масштаба. Тогда жить становится веселее и интереснее!

— Что будем делать? — спросил Еремкин, когда кратко рассказал собравшимся о том, что произошло в поселке час тому назад.

— Новость, подкупающая своей новизной,— равнодушно констатировал Балакирев.— Надо забаррикадироваться и никого не пускать в здание.

Мнения разделились. Единодушие наступает у людей только тогда, когда речь заходит о судьбе других. Когда же речь касается безопасности и благополучия каждого, то точки зрения относительно программы выхода из кризиса почему-то всегда кардинально расходятся.

— Следует установить контакт с бунтовщиками и договориться с ними о модусе вивенди,— предложил вице-консул Кирпичев, обеспокоенный за бесперебойное поступление продуктов со склада рудника для своего многочисленного семейства.

— Необходимо позвонить «норгам» и попросить их навести порядок на архипелаге,— сказал вслух переводчик Кондратий Топорков, преклонявшийся перед всем западным.— В конце концов, это они отвечают за порядок на архипелаге.

Про себя консульский секретарь подумал, что взбунтовавшиеся хохлы вряд ли теперь отдадут ему долги за полученный товар. «Плакали мои денежки!»,— с тоской думал он.

— Надобно вызвать эсминец из Мурманска,— сказал завхоз Дурасов, опасавшийся за свою жизнь.— Морячки быстро наведут тут порядок.

— Лучше всего поставить в известность МИД,— предложила бухгалтерша Шаталова, надеясь, что на Смоленской площади обязательно что-нибудь придумают.

Консул был согласен со всеми и был готов следовать любому совету. Его партийный и жизненный опыт подсказывал, что если общество выбралось из культа личности, то в скором времени начнутся проблемы с самой личностью. Беловежское наследие быстро дало о себе знать и тут: почему-то после пуши жадных до власти стало много гуще! Но на главный вопрос, как восстанавливать статус-кво и возвращать поселок под российский флаг, ответа не было. И не мудрено: о прецедент, который создали горячие хохляцкие головы в Баренцбурге, сломал бы себе голову не один эксперт по международному праву. Ведь Баренцбург был арендованной у Норвегии землей, а сама Норвегия формально Шпицбергом не владела, а только управляла архипелагом по мандату ООН.

— Тебе, Алексей Семенович, надо будет сделать разведывательную вылазку в поселок,— изрек консул после некоторого размышления.

— Почему это я? — заверещал Дурасов.— У меня даже дипломатического статуса нет.

— Вряд ли бунтовщикам известно, что иммунитет на тебя не распространяется. Для них мы все либо неприкосновенные, либо кандидаты в заложники. Надо пострадать за коллектив! — сурово подытожил Еремкин. Он исходил из простого рассуждения о том, что в случае неудачи разведывательной миссией завхоза потеря для консульства окажется не такой уж чувствительной. Обязанности Дурасова мог исполнять любой другой сотрудник.— А, кроме того, ты как коммунист...

— Опомнитесь, Леонид Маркович, какой коммунист! — возмутился Дурасов.

— Как бывший коммунист,— не сдавался Еремкин.

— Не бойся, Алексей Семенович! — успокоил завхоза Руслан Балакирев.— За Галиной Петровной мы присмотрим, и в обиду ее не дадим.

— Конечно, конечно,— загалдели остальные.— Какой вопрос — свои люди, поможем.

Вопрос был решен. Еремкин отвел завхоза в сторонку и стал его инструктировать. Дурасов затравленным взглядом смотрел в пол и упорно думал о том, по каким чувствительным местам ему могут быть нанесены телесные увечья, когда он будет схвачен бунтовщиками. Особенно ему не хотелось сталкиваться с дворником, который, благодаря своей информированности о том, что происходит в стенах консульства, наверняка теперь ходит в коноводах.

Опасения Дурасова, нужно признаться, имели под собой основания. Вздорный характер Алексея Семеновича и его неприкрытое высокомерие по отношению к «рудничным» создали в поселке вполне определенное мнение на его счет, а потому

относительно исхода своей миссии особых иллюзий он не питал. Как только за ним захлопнулась дверь, им тут же овладели самые дурные предчувствия. Ему стало не по себе, он съежился в комочек и задрожал как осиновый лист.

«Побьют, непременно побьют!»,— стучало у него в голове, когда он садился за руль «Нивы». Поездка на автомобиле в поселок раньше всегда доставляла ему огромное удовольствие. Она позволяла ему подчеркнуть особый статус среди сограждан и похвастать привилегированной «житухой». Теперь такого чувства у него не было. Скорее наоборот — ему хотелось стать невидимкой, чтобы незаметно проскользнуть мимо «станичников» и быстренько вернуться обратно на базу.

Внешне на улицах поселка осталось все по-прежнему. Народ шнырял по своим делам на почту, в ателье и парикмахерскую, активно посещал бесплатную столовую и библиотеку, собирался кучками покурить и покалякать и, казалось, не обращал на консульскую «Ниву» никакого внимания. Дурасов миновал здание администрации, на котором развевалось желто-голубое полотнище, проехал мимо гостиницы и больницы, развернулся у научного городка и медленно поехал обратно. Кажется, все спокойно. Тогда он завернул к зданию конторы и поставил машину на парковку.

— А вот и надежда российской дипломатии появилась! — услышал он знакомый голос, как только вылез из машины.— Здорово, Леха!

— А, это ты, Андреич,— миролюбиво произнес Дурасов, протягивая руку дворнику.— Здорово!

— С аристократией не здороваемся,— поджав губы, сказал дворник.— Аристократию на мыло!

— Да брось ты! Какая там аристократия! Мы с тобой обычные работяги.

— Что ты говоришь? Смотрите, други, что наш Леник запел,— сказал дворник, обращаясь к своим двум спутникам.— Оказывается, мы с ним пролетарии. А что ты раньше пел? Не ты ли говорил, что вы, консульские, белая кость, что у вас там иммунитет-суверенитет и все такое?

— Да ладно тебе вспоминать прошлое. Ты почему не приходишь убираться?

— А вот не желаю трудиться на вас, москалей. Понял? Ты зачем тут появился? Вынюхивать пришел?

— Мне нужен директор. Консул послал.

— Директор ваш сидит в каталажке вместе со всем начальством. Кончилась ваша власть. Главный теперь батько Кравченя.

— Роман Спиридонович?

— Так точно! Проводить? Или сам найдешь? Он теперь в кабинете Коршунова сидит.

Дурасов, озираясь по сторонам, добрался до кабинета Коршунова и постучал в дверь.

— Заходите! — услышал он зычный голос начальника порта.

Дурасов робко приоткрыл дверь, из-за которой ему в нос ударил резкий запах табака. В кабинете Коршунова сидело несколько мужчин, отчаянно дымивших дешевой продукцией фабрики «Прима». Они что-то оживленно обсуждали, но при появлении Дурасова резко замолчали и с любопытством уставились на пришельца. В одном из сидевших вокруг стола завхоз узнал Кравченю.

— Ну, с чем пришел, Семеныч? — строго спросил Кравченя.

— Консул попросил встретиться с директором и ...

— Невозможно,— отрезал Кравченя.— Обстановка чрезвычайная, и сношения с представителями бывшей власти в настоящий момент ограничены. Говори, что ты хотел сказать Коршунову.

— Это не я... Это консул.

— Нам все равно. С чем пришел?

— Это я должен сказать только Александру Сергеевичу.

— Вы что — за нашей спиной вынашиваете заговор? — повысил голос Кравченя.— Не потерпим. Говори, что просил передать консул бывшему директору.

— Не могу... Сами понимаете, Роман Спиридонович, дипломатическая тайна. Не полагается.

— Не полагается? — Кравченя встал из-за стола и подошел к завхозу: — А это мы сейчас посмотрим, полагается или нет.

Он подошел к телефону и набрал какой-то номер:

— Алле! Это коммутатор? Свяжите меня с консульством. Алле, это консульство? Говорит председатель Шпицбергенской Рады Кравченя. Да, и начальник порта тоже. Мне, пожалуйста, консула России. Господин Еремкин? Здравсте. Тут у нас сидит ваш посланец... Да, да, Дурасов. Так вот, он утверждает, что вы послали его с секретной миссией установить связь с арестованным Коршуновым. Что? Никаких секретов? В таком случае поясните мне, почему завхоз не желает сообщить нам, с чем вы его послали. Не хотите? Хорошо. Я констатирую, что российский консул не желает устанавливать нормальные дипломатические отношения с представителями украинской власти и пытается действовать в обход их. Официально вам объявляю, что вынужден задержать российского гражданина Дурасова Алексея Семеновича до выяснения обстоятельств, при которых он появился на территории поселка. Да. До свидания.

Кравченя победоносно взглянул на своих сообщников:

— Вот как надо разговаривать с москалями! — и уже обращаясь к перепуганному завхозу, сказал:

— Собирайся, Алексей Семенович! Мы тебя это... интер... интернируем. Когда консул захочет с нами сотрудничать, мы, возможно, тебя выпустим. На сколько дней вы запаслись продуктами? На неделю? Ну вот, через неделю еда кончится, тогда консул, возможно, окажется сговорчивей. А пока посиди немного в карцере. Отведите его в баню! — приказал он своим людям.

Дурасов завершал как заяц, оказавшийся в пасти у волка, но твердые шахтерские руки, привыкшие держать в руках отбойный молоток, легко подхватили его под ручки и повели в подвал.

Разведывательная миссия из осажденного «замка Иф» была прервана в самом начале. Противник действовал решительно и твердо, надеясь взять дипломатов измором. Рано или поздно им придется пополнять запас продуктов, вот тогда ШУРа и поговорит с ними на равных.

Между тем Еремкин, пока суть да дело, приступил к осуществлению других высказанных на совещании наказов. Первым делом он дал указание Кондратию Топоркову выполнить собственноручно подсказанный им совет: позвонить сюзсельману Юнглингу и проинформировать его о том, что на вверенной ему по Парижскому трактату территории произошла смена государственной власти.

Это, несомненно, важное и правильное, но, вероятно, не совсем своевременное указание консула выполнено не было. Когда секретарь консульства поднял телефонную трубку, то тут же понял, что с таким же успехом он мог приложить к уху морскую раковину, прибитую волной к берегу Грен-фиорда. Только от раковины в ухе возник бы шум прибоя, а из трубки несло такой однозначной «танковой глухотой», что у Кондратия зашевелились перепонки и зашипело в ушах.

Бунтовщики действовали грамотно. И не мудрено: семьдесят лет подряд все школьные учебники добросовестно излагали ленинскую технологию государственных переворотов, и даже самый ленивый ученик знал, с чего начинали большевики в октябре 1917 года. Сразу после разговора с консулом относительно участи завхоза батько Кравченя дал указание отключить в консульстве телефон. Это было равносильно тому, чтобы попавшим в завал шахтерам перекрыли последний кислород. Без связи консульское представительство оказалось в худшем положении, чем Робинзон на необитаемом острове.

Чтобы связаться с Москвой и хотя бы уведомить МИД по существу происшедшего, необходимо было отправить шифровку, текст которой Еремкин сочинил на ходу и отдал Балакиреву на обработку. Руслан корпел над зашифровкой больше часа, а потом вдруг шлепнул себя по лбу и зачесал в затылке. И как он сразу не вспомнил, что шифровку надо было нести радисту, а собственного радиста в консульстве — по причинам экономии средств — не было, и радиосвязь с материком осуществлялась через радиопункт «Арктикугля»? Конечно, если бы, к примеру, работал телефон, то можно было бы позвонить радисту и спросить, не изменил ли радист Ниточкин присяге, и не добралась ли и до него вездесущая ШУРА. Но телефон, как назло, не работал, а выпускать шифровальщика из консульства наобум было слишком рискованно. Без завхоза Дурасова Еремкин вполне мог обойтись, а вот без Руслана Балакирева — вряд ли.

Естественно, вызвать миноносец из Мурманска тоже было нечем, и вопрос этот отпал сам собой. Оставалась невыполненной рекомендация вице-консула Кирпичева о том, чтобы как-то попытаться договориться с бунтовщиками и прийти к какому-нибудь полюбовному соглашению. Для этого консул еще не созрел, а потому провал миссии Дурасова и прочие препятствия на пути локализации последствий переворота заставили его созвать новое совещание. Вопрос «что делать?» по-прежнему дамокловым мечом висел над консульским представительством Российской Федерации. Дипломаты сидели, размышляли и гадали, но ничего путного придумать не могли.

— А что если в поселок послать Чуков и Геков? — воскликнула вдруг бухгалтерша.

— Кого-кого? — встрепенулся Кирпичев.

— Ну, это... детишек ваших,— ответила Шаталова.— Они не привлекут к себе никакого внимания, а что касается смекалки и хитрости, так они еще и фору могут дать нашему Дурасову.

— Ну, нет,— испугался Кирпичев,— не хватало еще, чтобы мои дети попали в какую-нибудь историю. Нет, нет и нет! Вы что, граждане? Мы тут с женой с ума сойдем, пока ...

Но мысль Надежды Сергеевны пришлось по душе остальным участникам совещания, и все дружно навалились на отца смекалистых сыновей и стали уговаривать его, приводя все новые аргументы в пользу того, чтобы послать их на разведку.

— А давайте вспомним Ваню Солнцева. Ему было почти столько же годков, что и вашему Суперпупсу,— вспомнил Кондратий Топорков.

— Я уж не говорю о благородстве и самоотверженности Тимура и его команды,— сказал Балакирев, почему-то умалчивая о своем сыне, ровеснике Суперпупса.— Согласно гипотезе Вегенера!

В долгую полярную ночь шифровальщик из какой-то популярной брошюрки вычитал, что германский ученый Альфред Вегенер выдвинул теорию, согласно которой все материки Земли находятся в постоянном дрейфе, и теперь к месту и без места стал козырять этой фразой.

— А Павлик Морозов! — вспомнил шофер Мельков.

— Причем тут Павлик,— возмутился Кирпичев.— Павлик отца предал!

Чувствуется, присутствующие были хорошо начитаны и получили в свое время правильное патриотическое воспитание, так что у бедного вице-консула не осталось ни малейшего шанса устоять перед лицом такой мощной атаки и защитить мирное детство своих чад.

— Да что нам попусту говорить и время тратить! — прервал дискуссию Еремкин.— Действительно, ваши сыновья, Валерий Федорович, проявили себя с самой лучшей стороны и первыми обнаружили яму под зданием консульства. Мы им все очень благодарны. Давайте пригласим их сюда самих и спросим, хотят ли они помочь своим родителям или нет.

— Ну, знаете, Леонид Маркович, я, конечно, позвать их могу, но...

— Ну, вот и хорошо. Сходите за ними.

Через пять минут Кирпичев вернулся в комнату, держа обеими руками упирающихся Гека и Суперпупса и подталкивая коленом старшего Чука.

— Чего еще там? — хныкал Гек. — Мы ничего такого не сделали!

— Ты, папочка, исполнил нам всю игру! — укорял Суперпупс отца, не обращая внимания на благородное собрание. — Я должен был десять раз стукнуть Чука по носу колодой калт, а ты плисол и все исполнил.

— Да ты уже и так стукнул двенадцать раз, — возмутился старший брат, потирая свой набухший и покрасневший нос.

— Вот полюбуйтесь! — Кирпичев тряхнул детишек обеими руками. — Нашел их в шкафу, где они придумали себе какую-то дурацкую игру в карты.

— Занятие, подкупающее своей новизной, — прокомментировал Балакирев.

— И никакую не дулацкую, — возразил Суперпупс, — а в «подкидного дулака» и «пьяницу».

— Вот-вот, в «пьяницу», — подтвердил отец, выводя их на середину комнаты.

— Ребята! — торжественно обратился к детям консул. — Мы позвали вас для того...

— ...чтобы сообщить нам пленеплянтнейшее известие, — перебил его Суперпупс и заразительно рассмеялся. Вместе с ним засмеялись все — даже засмуцавшийся отец.

— Ишь, какой начитанный! — удивился Еремкин. — Ну, так вот: в поселок хотите сходить поиграть?

— Нас мама не пускает, — сказал Гек. — Она говорит, что в поселке революция и что там опасно появляться.

— Насчет революции это еще бабка надвое сказала, — успокоил его консул.

— Какая бабка? — поинтересовался Суперпупс.

— Дурак, это так, поговорка, — объяснил брату Чук.

— Сам дулак, — обиделся Суперпупс. — Я знаю, какая бабка. Это буфетчица из столовой, котолая нас обманула, когда конфеты лавешивала.

— Ну, так как? С мамой и папой мы договоримся, — продолжил консул. — Пойдете?

Все замолчали и уставились на детей. Чук посмотрел на Гека, Гек — на Суперпупса, а Суперпупс перевел взгляд на отца.

— Папочка, а что нам за это будет? — поинтересовался он у Кирпичева.

— Кукиш с маслом! — презрительно ответил за отца Чук.

— Дырка от бублика! — эхом отозвался Гек.

Кирпичев не сразу нашелся с ответом, зато его сразу выручил шеф:

— Отправлю вас на катере в норвежский поселок и устрою вам там пир на весь мир. Обещаю массу мороженого, пепси и шоколадных яиц!

— Нетушки! — сказал Суперпупс. — Это само собой лазумеется. А вот по снегоходу нам дать на целый день — слабо?

— По снегоходу? Да ради бога! Только где ж на них кататься? В консульском дворике?

— Я согласен только на «джет», — твердо сказал Суперпупс, топнув ногой.

Все знали, как консул трясется над своим спортивным «джетом» и не дает никому на нем прокатиться. Остальные снегоходы не были персонально закреплены за сотрудниками, и только Еремкин сделал для себя исключение.

— С «джетом», мальчик, тебе не справиться, — с внутренней дрожью слащаво произнес Еремкин. — Он резко набирает скорость, и ты, деточка, можешь с него свалиться.

— В таком случае я — пас, — твердо сказал Суперпупс и пошел к выходу.

— Мы тоже не согласны,— сказал Чук и сделал движение, чтобы последовать примеру младшенького.

— Стойте! — закричал консул.— Черт с вами! Я согласен. Катайтесь на здоровье, только... Только их надо вывезти за территорию двора, а то вы тут все расшибаетесь.

— Если вы согласны, Леонид Малкович, то мы готовы выслушать ваше задание,— скромно сказал Суперпупс, ища согласия в глазах старших братьев.

— Может быть, ты сначала спросишь меня? — возмутился Кирпичев.

— Ну, папочка! Как мы можем действовать без твоего согласия! Но мы поняли, что ты не возлагаешь?

— Да уж...— неопределенно сказал вице-консул.

На этом торг был закончен, и Кирпичев с сыновьями пошел вместе с консулом на инструктаж. Через полчаса проинструктированная и одетая на всякий случай потеплей троица прошла мимо дежурного и вышла с важным видом на крыльцо.

— Пока! — лаконично попрощался за всех Суперпупс и решительно спустился вниз по ступенькам.

— Вы там это... поосторожней! — напутствовал их Кирпичев, вытирая набежавшую скупую мужскую слезу.

— Коленька, Петенька, Валерик! Пожалуйста, не хулиганьте и ведите себя прилично! — прокричала им вслед мать, вытирая сбегавшие по щекам обильные слезы..

Но разведывательный дозор уже никого и ничего не слышал. Он вышел за ворота консульства и скрылся за сугробом.

Владимир Трусов
(г. Санкт-Петербург)

«ЭХА — НА!»
РОМАН-АНТИЭССЕ
(автобиографическая хрестоматия)

Владимир Вадимович Трусов — поэт, автор-исполнитель, публицист, прозаик, критик, член Союза писателей России. Заведующий отделом критики и литературоведения литературно-художественного журнала «Приокские зори». Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2017 г.) и Премии Губернатора Мурманской области «За особый вклад в развитие культуры и искусства» (2021 г.). Лауреат международных (2013 г.) и всероссийских (2010, 2017, 2022 г.г.) конкурсов авторской и патриотической песни. Автор восьми книг стихов и прозы. Постоянный автор журналов «Приокские зори» и «Север».

***Стоявшим насмерть в боях
за изящную словесность посвящается...***

Часть первая

*«И, поскольку внешность — липа,
Зря усердствует элита,
В косметической истоме лоск фамильный наводя.
Нам, лишенным пьедестала,
Опасаться не пристало
Ни мороза, ни загара, ни кислотного дождя...»*

Эх, эпитафии, эпитафии...

*Вот теперь, могу поклясться,
Фирма я солидная:
Ладил детскую коляску,
Вышла инвалидная.*

(от автора)

*«Я как-никак лирический герой,
И как-никак Советского Союза!»*

Виктор Коркия,
поэма «Свободное время»

«Сим предлагается: за особые заслуги в священном деле регулярного нарушения прав человека (а равно и потребителя), нисколько не считаясь с человеком как таковым и не делая поправку на возраст, пол, состояние здоровья и социальный статус последнего в каждом конкретном случае, а также за несомненные и неоднократно публично демонстрируемые успехи в деле изощренного унижения человеческих чes-

ти и достоинства, присвоить проявившим на этой стезе особое рвение частным охранным предприятиям (сокращенно — ЧОПам, вот именно!) звание Частей Особого Нагноения (с ношением нагрудной и нарукавной надписей «Спецвсехподряд», соответственно на левой стороне форменной куртки над нагрудным карманом и на левом рукаве выше локтевого сустава), чем да будет инициировано новое прочтение изуверской и воистину дьявольской аббревиатуры ЧОН (то есть «части особого назначения») столь любезной во время оно зрению и слуху беззаветных и несгибаемых, «проклятьем заклеянных», уверенных в том, что «мы наш, мы новый мир построим», причем непременно на костях убиенных несогласных. И вообще, какие там права, какого человека? Гори все синим пламенем, ежели «обчество требовайт».

Остальные же ЧОПы (вот именно!) впредь расшифровывать как Части Особого Преклонения (перед любой швалью, ежели таковая бабосы башляет). Напротив, незамеченные в хамстве, холуйстве и скотстве охранные фирмы, ежели они вообще существуют в подлунном мире, следует уважительно переименовывать, хулой не поливая. «Претензив» к таким вот фирмам не имеется пока, но порядок — он и есть порядок. Со сторожевыми еще полбеда, как-то сосуществуют люди добрые, ежели главным условием сего является принцип взаимного несоприкосновения. А вот с иного рода изощрением бесовским, а именно с коллекторскими шайками, како поступать прикажете? По третьему закону классической механики? Так ведь уголовно наказуемые деяния тогда совершать придется неминуемо. А законным путем что? Да ничего ровным счетом, потому что нет у нас грамотного и полновесного закона о делах заемных, точнее, хоть и в наличии некий акт, думой принятый и в силу вступивший, однако же не вполне пока убедительно влияющий на эту камарилью коллекторскую. Вот и рыщет шакаля порода, третирует дебиторов и родню ихнюю немилосердно, урон психике и здоровью в целом зачастую причиняя, при откровенном попустительстве блюстителей порядка, ибо чьи там деньги крутятся, неизвестно... а скорее всего, напротив, известно, и по этой причине — как бы чего не вышло, ежели что.

Только я имею следующее сказать убежденно, а именно, что за долги подобные человек, созданий божиих, угнетать нельзя ни в коем разе. А то занял кто-то тысячу две или даже пять, да хоть бы и десять, а глядишь, должен уже немислимую сумму, чуть он споткнись. Где же такое видано? Рынок? Вы нам свой либеральный термин не навязывайте, господа кредиторы, сами с ним милуйтесь, даже тешиться можете, а наша страна — «каравай особенный», и внимание, и любовь к людям, нам поскорее вспомнить бы следовало, после стольких лет безвременья и неправославия. А паче чаяния, тех, кто людей мучает, коллекторов, значит, к ногтю бы, и тоже поскорее, и пожестче. И ростовщиков туда же. А то ведь старина Гобсек по сравнению с нынешними «кексами», королями микрозаймов, ни дать ни взять одуванчик божий альбо василек невинный. Ишь, анафемы, моду завели, измываться над простыми гражданами при вялом негодовании некоторых уполномоченных представителей властных структур. Тут, правду говоря, появился механизм банкротства физического лица, как трактует канцелярским термином текст закона, но... надо еще поглядеть, что на деле сие означает.

И не стоит тут формулу приводить, мол, занял — изволь отдать. Дело так обстоит, что впору клич бросить — берите всем гуртом и не возвращайте! — дабы кредиторы ушлые по миру потянулись с воем и стенаниями. Их вообще потравить пора аки насекомых мерзопакостных, крови народной насосавшихся, без всяких там иных революций и катаклизмов. Дезинсекция и шабаш! Что они все рыщут, аки тать в ночи? Немедленно же, в некоторой связи с вышеизложенным, следует выразить стойкое убеждение в том, что строки известной песни, в коей утверждается, дескать, от людей на деревне не спрячешься, самым законным образом означают теперь, что ни от людей, ни от нелюдей при всем желании не спрятаться в городах и весях нашей сказочной державы, а равно и планеты всей. Опять-таки, «тем, кто держит свой, извини-

те, ...за пазухой», да нет же, успокойтесь, конечно же свой камень, а перетолмачив на современный сленг, попросту гаджет, рекомендуется ныне вытащить хранимый втайне предмет и немедленно применить его по назначению, сиречь начав гвоздить оным неугодных направо и налево. Честно и бескомпромиссно. Как завещано великими и пламенными борцами не столь пока далекого прошлого. Что нам скрывать? Правильно, только срамные части тела. Да и сие большой вопрос. В том смысле, что стоит ли, уж коль скоро естественное не безобразно по определению? Впрочем, подобный радикализм — уже явный перегиб, и нам ничего подобного и помститься не может.

Только интерес неподдельный имею и проявить оный желаю: ограничены ли мы в риторике еще каким-либо дышлом, кроме законных на то оснований? Все ж таки мудр народ, советуя, мол, «не шеруди зазя языком своим, аки боталом коровым, беду накличешь». По сему поводу еще поинтересуюсь: вот с бедой в нашем случае ясность полнейшая, а можно ли счастье накликасть в принципе, хоть и не посредством речей ловких, а, положим, «кликаая» кнопками «мышки» компьютерной, настольной? Например, я таланта такого, за собой во всяком случае, не числю. Хоть и с бедой стараюсь «не баловаца». Так всю-то жизнь меж бедой вполне реальной-возможной и счастьем несбыточным обретаюсь. Всяко случалось: словно меж молотом и наковальней или аленьким цветком да в проруби бездонной, а уж позднее — прокладкой меж фланцами арматуры славной сантехнической и прочей. Сии сравнения наводят на «мысль» острую, о весьма сильном для меня сходстве бедственного и счастливого «положений». Что сверху, что снизу, что прямо, что вбок...

Как же благополучия снискать, где его канва философская? Однако же имеет место быть признаком законного счастья различная техническая рухлядь, для применения в быту изготовленная, например, на предприятиях известнейшей фирмы «Вош» или уж какой иной, и оную рухлядь приобретая, положено любому из нас быть вполне счастливу, в последующие годы существования своего достигая-таки статуса либо серого гуся Сергея, либо неясны Алика, живущих в зоопарке на всем готовеньком под неусыпным вниманием кураторов. Впрочем, данные пернатые — парни хорошие изначально и по определению. Утверждаю сие, ибо знаком я с оными лично и крепко. Тем не менее предвижу контраргументы вроде того, что «птичка Божия не знает ни заботы, ни труда». И все-таки... все-таки... эхма... Галиматья, каркнете вы во все свое воронье? Правильно. Только отчего же мне подобную, пусть и несколько другую галиматью в башку с детства пытались заколотить? А позже, в более зрелом возрасте, еще одну порцию белиберды впихнуть норовили? А насчет самых ретивых охранников, коих по-иному назвать охота, так вообще чистая правда. Или у нас, как и прежде, правда — ложь, да в ней намек? Во, наворотил-то... (Из текста, напечатанного на листе писчей бумаги одиннадцатого формата, уж извините, по старинке размер указал, присобаченном посредством клея моментального к тумбе объявлений в одном провинциальном городке. Автор творения сохранил инкогнито).

Анонимка, что ли? По сути — конечно же, и тьфу на нее, на подлую. Однако трудненько порой остановиться, приняв к сведению некую актуальную тему, например, достижения нами всеми и каждым в отдельности простого такого вроде бы счастья. Один мой, ныне покойный, к прискорбию, друг во студенчестве изобрел рецепт элементарного счастья. Он имел обыкновение время от времени (прошу пардона за каламбур) выбивать стекло и отрывать стрелки у большого механического будильника, настойчиво и доставуче тикавшего в его комнате. Вообще-то корешок творил сие ради того, чтобы сосед по общажному пеналу не мог справляться о точном времени, и лишался возможности, соответственно, вставать в назначенный утренний час и его, корешка, не будил зазя. Эти экзекуции ни в чем не повинного хронометра совершались, как правило, в час ночной, когда соседущка почивал. А проснувшись, долго не мог он врубиться, что с часами приключилось, пляясь спросонья в искалеченный,

словно кастрированный циферблат. Счастливые, как известно, часов во всех смыслах и видах не наблюдают...

Но и наглые, игнорирующие предлагаемые обстоятельства персоны порой устаиваются внимания фортуны. Пусть даже в маломальских самых мелочах. Однажды мы с моим ныне покойным, к прискорбию, корешем решили посетить накануне новогодних праздников славный град трех революций, дабы хоть какой-нибудь мясной рефренации на праздничный стол сыскать. Бытовали мы в те поры в главном карельском полисе и, закончив трудовую неделю, времени терять не стали, сразу подались на вокзал, к отходящему в Питер поезду. То есть из петровского завода во град петров же намывившись. Сунулись в кассу, а-а-а, гы-гышеньки, билетов нет. Даже до Лодейного Поля, где вагоны на Питкяранту отцепляют-прицепляют, и возможность обычно имеется билеты заново приобрести, уже до конечной, до вокзального имени первопрестольной тупика, ибо вокзала с именем озерным в ту пору еще не существовало. Поинтересовались мы все-таки в кассе, а куда вообще нынче легально добраться можно? Оказалось, что до Подпорожья. Вот везуха, ни два ни полтора. И стоянка там минут пять от силы. Ладно, взяли то, что есть. Забрались в общий вагон, на вторых полках угнездились в купе, что у самого туалета, и спокойненько заснули, решив: а будь что будет.

Утром, раненько так, кто-то стал настойчиво теревить полу моей куртки-аляски и за ноги трясти. Разомкнул я вежды сонные и увидел чувака в железнодорожном прикиде. Точнее, двух, ибо они друг за другом стояли. Понятно, ревизоры, коли будят, а потом билет спрашивают. Тут и друган проснулся. Я глянул на часы. Судя по времени, до Питера еще часа два шкандыбать, и уже никуда не смоешься. Обложили. Ничего мне не оставалось, как попросить кореша предъявить наши потерявшие уже всякую силу билетки. Боб с абсолютно невозмутимым видом достал бланки и протянул их мне, а я уже в лапы ревизору переправил... Тоже без дерганий, молча и харя кирпичом. Пожилой дядя важно в билеты глянул, секунд пять-семь их изучал, а потом пробил бланки своим компостером и вернул мне. И ушел. Точнее, оба свалили дальше по вагону. Зайцев выявлять. А то, ишь, взяли моду «на шару» в поездах кататься, государственные структуры обманывать. Ловите их, мужчины, дабы иным неповадно было! Удачи вам в наступающем новом...

Я спрятал вновь обретшие силу бумажки во внутренний карман, криво ухмыльнулся Бобу, он в ответ мне, и мы также спокойненько и благополучно с полным основанием проспали остаток пути. А вот объяснений случившемуся искать не стали. Свезло так свезло. Не только дуракам, очевидно, везет. А с другой стороны, вполне возможно, что только им. Но оставаться в дураках подобным образом отнюдь не самый худший вариант. Уверен. Жаль, что такие фокусы редко происходят. Крайне редко. Воля случая, то есть функция старины Лапласа имеет скверное свойство чаще всего принимать значения, обратные желаемым.

Ехала девушка в метро. И сама хорошенькая, и одета прилично. Замшевая светло-коричневая куртка, вдоль рукавов со стороны локтей бахрама, темные джинсы мелкого вельвета, сапоги не от «Скорхода» явно. В руках большущий кулек из серой, магазинной, упаковочной бумаги, грубой, аж волокна на ней различить можно. Что в кулке? А шут его знает. В продовольственных обычно такие кульки вертят. Впрочем, нам с Нырячем было абсолютно все равно, что это за краля и каково, собственно, содержимое ее кулька. Мы возвращались в общагу в препоганейшем настроении. Отчего? Уже и не помню толком, то ли просто не выспались и замотались, то ли в альма-матер что-то не заладилось, с преподами ли переругались, либо с комсомольскими вожачками в очередной раз повздорили.

Девушка сидела, держа кулек перед собой двумя руками практически на весу, видать, содержимое не позволяло ей ни утвердить груз на коленях, ни слегка прижать к груди. На серой бумаге кулька проступали явные масляные пятна. Мы стояли возле

нее, держась за поручень, и, того совсем не замечая, практически нависали над прекрасной незнакомкой, то и дело непроизвольно останавливая на ней пустые, невидящие взгляды. Мы гоняли каждый свое, погружившись в некие не вполне позитивные размышления, и прекрасную сию незнакомку честно не замечали. Почему тогда прекрасную, спросите? Не знаю, когда я ее разглядел чуть позже, она мне понравилась. Впрочем, в те поры мне нравились едва ли не все девчонки подряд. Вполне нормальное состояние постоянной готовности к подвигам на амурном поприще, тем более что в этом направлении любая попытка — не пытка, уж точно. Итак, мы нависали над девушкой двумя довольно габаритными своими рамами, изредка обмениваясь короткими репликами и одаривая нашу попутчицу весьма, наверное, неласковыми взглядами. Это продолжалось остановки три или четыре...

А потом вдруг произошло маленькое чудо. Во всяком случае, мы посчитали именно так. Девушка, вероятно в очередной раз встретившись взглядом с одним из нас, вдруг раскрыла кулек, полный фигуристой и румяной выпечки, и протянула его нам, произнеся искренне и даже немного просительно: «Ребята, угощайтесь, пожалуйста, это очень вкусное печенье, такое в магазине не встречается, мне его на заказ испекли!» Мы оторопели. Что? О чем она? И вообще, это она к нам что ли обращается? У девушки были большие карие глазищи, тонкое, изящное лицо и воистину прелестные, музыкальные руки. Именно музыкальные, в них пели нежность и ласка.

Але, мигнул я Ныряичу, вот ведь ничего себе барышня. А друган улыбнулся и согласно тряхнул головой. Тут поезд влетел на очередную станцию, пассажиры дружно повскакивали со своих мест и потянулись к выходу, и мы смогли плюхнуться по обе стороны от нашей неожиданной кормилицы. «Понимаете, — начал Ныряич, — мы не голодны, хотя спасибо вам большущее за такое оригинальное предложение. Дело в том, что мы...» Мрачное настроение разом улетучилось, жизнь вновь стала прекрасной и удивительной. Жить было не только можно, но и нужно. Жить весело и правильно. Что мы тут же и сделали...

Голова Боба была располосована от уха до уха, шов проходил через темя. На вскрытии, конечно же, кромсали как следует, Боб умер во сне, на квартире у сына, поэтому и старались судебные медики будьте нате. Рисковый и лихой комбинатор, от рождения веселый авантюрист и творческий демагог, гениальный частник-бомбила, «бескорыстно любивший деньги», умевший от души поработать и отдохнуть с дымом и копотью, не трус и даже любитель подраться за дело чести, а тем более безо всякого дела, мой верный друг, практически брат, которого я знал более трех десятков лет, коего понимал практически без слов, лежал теперь в обитом синем бархатом гробу в зале для прощаний районной больницы. Из скольких переделок, безнадежных, практически гиблых, мы с ним выбирались... Сколько раз стояли спина к спине... Даже совместный бизнес не смог нас поссорить...

Я не отрываясь смотрел на его почти не изменившееся после смерти лицо и никого, и ничего более вокруг не видел. Мне все казалось, что братан вот сейчас, да-да, через мгновение откроет глаза, увидит меня и хмыкнет привычно, мол, наши в городе...

Но тягуче и неумолимо ползли одна за другой минуты безнадежного ожидания, а ничего подобного не происходило... Боб всегда стригся коротко, и было заметно, что кожа на голове в районе шва собралась в гармошку. Очевидно, зашивая, лигатуру затягивали изо всех сил. Вот и вышло все издевательски неряшливо, как будто куклу чинили, но ведь это был Боб, еще неделю назад живой и веселый... а сейчас на правый его висок натекла из шва желтовато-розовая сукровица и запеклись корками непонятные царапины на носу... Вдруг вспомнилось, как мы с ним на исходе восьмидесятих рванули на свадьбу к другу из карельского, уже вполне зимнего ноября в далекую астраханскую осень — а по нашим меркам вполне еще сносное лето — самолетом, в три присеста, через обе столицы. Как в азиатской домодедовской сутолоке Боб прорвался внаглую к билетной кассе, расталкивая очередь плечом регбиста и покри-

кивая а-ля сын турецкоподданного урезонивающе: «Да мне же только справку, товарищи... Справку, говорю, срочно, позавчера откинулся... дембельнулся, слово офицера, только что... Да пропустите же ветерана, мляха-буха!» И сунув голову прямо в окошко кассы, выцыганил-таки два нужных билета. А потом на улицах ночного южного города мы тщетно искали, где бы попить, и нашли автомат газированной воды, где именно газировки и не было, но была вода в отделении для мойки стаканов, также напроць отсутствовавших. И я нажимал одним пальцем на ложемент, извлекая тоненькие струйки желанной влаги, а Боб пытался поймать их в сомкнутые лодочкой ладони...

Кто-то подходил к гробу, кто-то, попросившись наскоро, спешил на улицу. А я стоял и почему-то думал лишь о том, что завтра я не смогу позвонить Бобу, что туда не позвонить уже никогда, и придется удалить его номер из телефонного справочника... Тишина. Откуда такая беспощадная, неумолимая тишина? Зачем все молчат? И только Мила, последняя любовь Боба, склонившись над гробом, причитала полупотом: «Там теперь ему будет хорошо... ему будет хорошо... ему должно быть хорошо...» Где это — там, подумалось мне, где? Где? И почему там лучше, чем здесь? Даже если действительно лучше.

Что наша жизнь? Да чистое кино, только гораздо омерзительнее. Прибегнув к широко известному издревле языку одного гениального человека, коего отчего-то считали рабом, хоть и в соответствии с его формальным статусом, но, по сути, ошибочно, так вот, иными словами выражаясь, могу утверждать, что формула жизни необъяснимо складывается в симбиоз, казалось бы, взаимоисключающих строк, а именно:

*Это было у моря, где лазурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
...мы бежали с тобою, опасаясь погони,
Чтобы нас не настигнул пистолета заряд.*

И так далее, по тексту. Ну, что скажете, мистер Карантино и все иже с вами подвизавшиеся?

* * *

В те уже довольно далекие и для молодой поросли нашей легендарные времена, когда Горя-Горя, он же ПэКа, кочегар по дереву, и его команда: Зайк, Торгашиниспровергатели, танцор Слюнкин, Рогатки Скота и прочая туса только познакомились со свинкой своей копилкой, оказавшейся весьма, кроме того, приятной, кстати говоря, духовно, а кое для кого и телесно, когда парни из Тау-Куб со всей гопой прущих в кильватере земляков скопом сидели и лабали еще у себя на стылом камне в ожидании своего часа, если ранее не получали элементарный простатит, и никуда не рыпались, а ТТХ, Гайтан, Кулиса, Брегас и всякие им подобные витязи уже рыпались вовсю и были для порядка слегка пинаемы, и попираемы официозом, когда еще ни Снуппи Буй, ни Разлюли Компостер, не говоря уже о Шмаре Скальпель, даже в мыслях не присутствовали на угарном небосклоне якобы популярной вроде музыки, где несколько позже прозвучало на всю ивановскую от некоей тогда еще вполне молодой, вроде бы даже прекрасной и весьма размашистой ничем не прикрытое обязательство развести тучи мощными конечностями, где кое-кто, впрочем, и в те поры уже отусердствовал орально... нет... вокально... ладно, не суть важно... и расположился на авансцене почивать в роли сенеки на бабе... тьфу... собаки на сене, когда в излучине великой буддийской по одной из версий или даже гипотез реки обновилась запрещенная было самопальная творческая генерация под романтический флер об имеющем место в реальности нежнейшем человеческом контакте с изгибом популярного в народе струнного музыкального инструмента, именно тогда, в далеком

заполярном городе, на берегу круглый год не замерзающего моря один пламенный ерник, отнюдь не Ерофей и уж вовсе не Павлович со товарищи свили-основали небезызвестный и ныне песенный клуб «7 Кругов».

Парни и девчата там подобрались весьма приличные, одаренные, чего стоил задорный мариман или молоденькая гравицапа, не говоря уже о старшем товарище с фамилией, имеющей отношение и к хлебному полю, и к популярному еще при царь-батюшке журналу, а еще славный квартет, нареченный именем одной коронованной особы... поэтому — дело пошло и даже поехало, фигурально выражаясь, «вдоль по Питерской», и соответственно, «поперек по Московской», будучи активно поддерживаемое единомышленниками из окрестных селений, в частности, тремя обаятельными бородачами, о коих речь пойдет позже, и одним весьма скромным безбородым, что не мешало последнему, однако, находиться в самом первом тамошнем ряду. Клуб клубом, но среди прочих бородатых и не очень бардов присутствовал некий изящный и талантливый юноша, хоть и бледный, но со скептически тлеющим взором, склонный к поведению такому, что давало окружающим право назвать, при желании, этого господина ударником... нет, простите, затворником, конечно же. Впоследствии, значительно повзрослев, он в приватной застольной беседе со мной даже позволил автоприсвоение себе явочным порядком титула классика, что, впрочем, выглядело довольно мило, вполне безобидно и отнюдь не вызывало в тот момент возражений, ибо связывалось с эксклюзивным правом курения в форточку прямо на кухне, когда остальные присутствующие выходили для свершения одного действия на лоджию.

В период же, упомянутый ранее, сей достойнейший автор-исполнитель имел некий заработок, играя по вечерам за пресловутый парнус в кафе известном «Тормоз», о чем и обмолвился в одной из своих песен, дескать, тогда он «лабал на своем фендере и родину не любил». Смее утверждать, что с любовью к родине у него было все в порядке, а ненавидел он конкретный панцирь цвета вареного рака, удушливый и тесный, покрывавший прекрасное тело стороны родимой, панцирь, уже трещавший и лопавшийся вдоль и поперек, но еще причинявший отчизне значительные мучения и неослабевающую боль, ощущаемые остро и живо всеми, хоть на йоту неравнодушными к окружающей, насквозь гнилой и лживой содействительности, и желавшими светлого и лучшего настоящего, а тем паче будущего. А то, что все надежды на светлое и лучшее опосредованно выражались, как и у прочего большинства, изначально издевательской формулой двух одесситов «запад нам поможет», не означало ничего, кроме искреннего заблуждения по причине близорукого неприятия иных альтернатив развитию социализму, кроме как навязываемых всяческими бойкими «голосами» из-за бугра.

Но уже изрек талантливейший заполярный самородок бессмертную свою сентенцию, мол, равняться на Европу, значит безнадежно отставать от нее. Сии пророческие воистину слова не были вовремя услышаны страждущими массами, что и явилось одной из причин наших общих злосключений в поисках кратчайшего пути к вожделенному капитализму, оказавшемуся на поверку не менее омерзительным, нежели прежняя общественно-политическая формация, столь дружно и практически в одночасье отвергнутая народами якобы братских республик, входивших в так называемый «союз нерушимый», героическое население коих, почуяв себя независимым и оную независимость реализуя ревностно и незамедлительно, преуспело по крайней мере в двух занятиях: дружном самоистреблении разнообразными способами и бескомпромиссной борьбе с памятниками. Гражданские войны, цветные мятежи и перевороты, при всем зоологическом своем кровопролитии и крайней неразберихе, по крайней мере имеют под собой некие объективные и субъективные причины и могут быть обоснованы научно, политологически и экономически (эх, хорошо сказал!), а вот сражения с каменными изваяниями эпохи, вышедшей из употребления, в основном незаконные и стихийно происходившие, лишь характеристика некоторых стойких качеств разъяренных масс вне зависимости от национальной принадлежности,

как то: утрата человеческого облика в толпе себе подобных, а также срыв неконтролируемой, безадресной ярости и ненависти на ком или на чем попало. Правда и здесь не без нюансов.

Я, например, полностью, и руками, и ногами за то, что категорически нельзя разрушать стихийно и самовольно, явочным порядком, памятники вождю и основоположнику наисветлейшего из всех возможных будущих, торчащие на постсоветском пространстве грибоподобно, как утвердил однажды наш популярный механик, т.е. без счета, ибо сие вносит в жизнь повседневную элементы хаоса, хулиганства, преступной ненаказуемой сумятицы, опасной для жизни человеческой, и никаких благородных чувств не пробуждает. Но! Но... Но я также искренне и убежденно считаю, что само по себе наличие оных монументов в нашей стране глубоко кощунственно и свидетельствует о крайних хаосе и сумятице в наших головах, сердцах и душах. Я убежден, что не может торчать на пьедестале ни в одном месте, кроме кладбища, этот лысый дядя, одиознейший из основных виновников окончательного разрушения великой империи, убежденный враг народа русского и всего русского вообще. Посему полагаю, что монументы, ему возведенные, нужно убирать по соответствующим образом утвержденной программе, предусматривающей прежде всего ликвидацию зловещего финикийского зиккурата на главной столичной площади и захоронение хранящихся там останков или, в самом крайнем случае, урны с прахом таковых после кремации по христианскому обычаю, благо имеется где. И никакого иного способа покончить с этим нет и быть не может. А чем больше они торчат, эти грибы каменные да бронзовые, тем более «непоняток» формируется в так и не окрепших за три с лишним десятка лет наших головушках, и все разговоры о великой российской державе остаются лишь разговорами, и весьма, кстати, двусмысленными. А на освободившиеся пьедесталы в каждом конкретном случае, абсолютно уверен, найдется фигура, достойная установки.

В одном заполярном городке некогда был воздвигнут на центральной площади памятник покорителям тундры, сиречь геологам, руду весьма нужную в ней обнаружившим. На постаменте внушительном стоял чувак не менее масштабный, с киркой в поднятой над головой ручище. Кирка располагалась примерно параллельно земле, и означал сей жест, что геолог нашел нечто, представляющее явный научный интерес, то есть полезные ископаемые. Казалось бы, совершенно по делу дядя каменный торчит, народу нравится и именуется жителями города Иваном Киркиным, очень даже к месту пришедшись в самом центре одного из очагов отечественной цветной металлургии, а вот... А вот нашлись же радетели пламенные, решившие, что Ваньку нужно с площади переместить на въезд в город, в начало главной городской магистрали, а на его месте возвести-таки памятник гениальному вождю мирового пролетариата, оснащенный традиционными кепкой и жуткого покроя ботинками марки «шушенские самострелы», ибо основоположник, наверное, именно в таких шкарах в известном месте ссылки с деревенскими пацанами в футбол гонял, когда до подруги верной своей охоты не чуял. И переместили, и возвели. И торчит на главной городской плешке «до сей поры с времен тех давних» этот ледяной изувер, являя собой насмешку над миллионами убиенных в застенках, замученных в лагерях, уморенных голодом и всяко-разно поизведенных людей, не абстрактных каких-то, а наших с вами, между прочим, ближайших пращуров, до коих сегодня, получается, никому нет никакого дела. С ветеранами Великой Отечественной еще туда-сюда, не без спотыкачей, но разобрались в основном. Вроде бы... А с остальными... прости Господи.

И ведь не унимаются верные ленинцы. Кроме почитания памяти великого своего бесовского дедушки они теперь требуют неприкосновенности символики бывшего своего райского государства. А я в недоумении и растерянности, как сделать неприкосновенными серп и кувалду? Или сноп колосьев? Или звезду пятиконечную, как таковую? Она же изначально — пентаграмма, пентакль, символ, трактующийся ши-

роко и очень вольно, а в основном зловеще и антигуманно. Кто же виноват, что эту дьявольскую фигуру эмблемой государственной заделали?! Как же вы, наследники большевистской шатии, ея оберегать от посягательств собираетесь, звезду эту? И не нужно на ордена соответствующие кивать, орден — иное дело, именно в нем самом это дело, а не в звезде как таковой. Ордена такие кровью и мужеством заслуживаются, а сие должно быть свято во все времена и при любых режимах. Равно священна советская символика на знамени Победы, например, на всем, что связано с величайшим подвигом народным во время Великой Отечественной. (Изрекаю это для пресечения возможных спекулятивных сентенций на тему...). Но сие — прежде всего нравственная категория, а нормы морали оттого и непреложны, что впитаны с молоком материнским, и более того — с генетической памятью от пращуров наших. Это юридически не насаждаемо. Следуя же логике даже не красных нынче, а розовеньких партийцев, необходимо признать неприкосновенными и все белогвардейские знаки и эмблемы, а равно и символику Российской империи. И преследовать, как вандалов, тех, например, кто изуродовал мемориальную доску в честь знаменитого адмирала, проклятого в свое время, как отчаянного врага советов. И не только одного адмирала.

Вам угодно ратовать за восстановление памятника железному Феликсу? Прекрасно. Только тогда давайте договоримся, что надо восстановить все памятники, уничтоженные согласно соответствующему декрету ленинскому. И далее, по хронологии. А если бы пламенным и негнубаемым Бафомета рогатого вздумалось в символику тогдашнюю впихнуть? Ведь ставили же в Свияжске памятник Иуде-христопродавцу! И потом, господа наследники самого человеческого из всех людей, вы же не церемонились в свое время, например, с тем же орлом двуглавым, что ныне вновь российский герб украшает! И с крестами святыми, и с иконами, и с орденами эпохи низвергнутого строя ваши коммуноиды поступали аки вздумается, об оскверненных святынях и разрушенных Божиих храмах и не говорю даже... Чего вы сейчас-то бегаеги? Давайте законодательно утвердим определение о революционном вандализме диктатуры пролетариата. Согласны? А... «не ндравится»? Понятное дело... Но ведь разумный и самодостаточный человек даже от скуки издеваться и глумиться ни над чем символическим не станет, а маргиналу или злонамеренному истерику никакие законы не помеха. Уже поэтому я предлагаю паритетный вариант: вы не бегаеги, не свиристите на всех углах о своих символах, а я не навязываю никому и нигде не отстаиваю свое желание ликвидировать упомянутые памятники известной личности. Пусть время все расставит по местам. Согласны? И вам, и мне ведь есть чем заняться. Вот и славно.

(Что касается песенной строчки моего знакомого затворника, я ее запомнил и по сей день применяю при каждом удобном случае, варьируя лишь интонацией. И даже не думайте, мои милые, честные и добрейшие всевозможные оппоненты, по оглашенному поводу рылом своим интеллектуализированным в меня целить. Фраза, о которой идет речь — суть интересная и многофункциональная речевая конструкция, применимая не напрямую, но ассоциативно. Вкурили, надеюсь?) По поводу же «как здорово, что все мы здесь сегодня» имею сказать следующее:

*Так пусть маститый автор за свой базар ответит,
И гнутую гитару предъявит хоть одну.
Что только не привидится с похмелья на рассвете!
Зачем же, брат, об этом орать на всю страну?*

Опять же утверждаю, что ничего «здорового» в том, «что все мы здесь сегодня», не осталось в достопамятный год разделения общего стойбища на озера и луга. Луговое же становище, организованное в данной местности впервые, было, в частности, вполне находчиво оснащено вырытыми явно не вручную выгребными ямами, напо-

минавшими взводные братские могилы, но предназначенными для удовлетворения самых что ни на есть естественных человеческих надобностей, свойственных, увы и ах, даже интеллектуальной элите общества. Обнесенные изгородями из черного, плотного, светонепроницаемого полиэтилена, ямы сии с перекинутыми поперек, от края до края, досками-сороковками или даже пятидесятками, источая соответствующие ароматы, точнее миазмы, являли собой некие интимные кулуары, клубы духовно чистых и высоких умников и умниц, где те и сиживали время от времени дружными компаниями или стайками. Вполне возможно, что впоследствии все приобрело более солидный вид, что ныне там вполне законно обосновались биодомики-пряники... Однако же, однако... Память о ямах жива во мне аки символ того, что всякая тварь пить-есть, и не только, хочет; и отнюдь не «пепел Клааса стучит в мое сердце», но воспаряет туда неудержимо квинтэссенция всех мыслей и чувств высочайших, правда уже переходивших срок, выцветших, перегоревших и сброшенных в родную землю зловонным балластом. Bravo, господа мои! Bravo, бис и парад-алле... То ли еще было, то ли еще будет!

И под миазмы жидких, кашеобразных и глиноподобных, пардон, откровений, слегка юродствовало, «мэтрствуя лукаво», якобы высокое жюри, на сцене в «занзибарье» клоунствовал вечерами на правах родного «быков немаленький оркестрик» под водительством сельдей, вполне еще сносно себя ведущих по сравнению с одним младшим околостолничным башибузуком, пытавшимся во время декламации виршеподобных фраз откровенно ковырять в большинстве телесных пазух своих и отверстий; а также сообщали почтеннейшей публике невероятные, пришедшие внезапно откровения приглашенные коллективы с лидерами, имен коих сразу и не припомнить, однако несущих в себе упоминания черных чернил, белых белил, летних летяг и сольных солений. Публике в основном было по барабану, что и кого слушать. Она основательно поднаедалась-поднабиралась к вечеру волшебных эликсиров, желая лишь плясать и веселиться под любую ритмическую основу. Да хоть под бубен, емое... Мало того, потоки энергичных зрителей постоянно перемешались между озерами и лугами, очевидно в поисках истинного драйва и стойкого, непроходящего кайфа, благо расстояние между стойбищами легко преодолевалось посредством обычной электрички. Два встречных людских потока то и дело сталкивались в пути следования, один в стремлении достигнуть заветных лугов, другой опасаясь пропустить очередной рейс желдортранспорта к вожделенным озерам. Снизу, кряхтя, обливаясь ядовитым потом, задыхаясь и при этом одухотворенно матерясь, перли вверх по крутому склону внушительной горушки, цепляясь за траву и хилые кустики чего-то там растущего, если руки были не заняты напрочь туристским скарбом, сверху, изрыгая хулу на дикую природу и не вполне радивых организаторов, в раздражении и злобе пытались спуститься к искомым лугам и при этом не споткнуться, не упасть, не покатиться вниз камушкам подобно, что сулило неминуемое приземление на койку в травматологическом отделении ближайшей больницы. Конечно, истинным ценителям жанра сии трудности искомого драйва и кайфа лишь прибавляли.

Только среди почтеннейшей публики мало кто вообще понимал или даже хотел понимать, что оно такое — энтот самый жанр. Песня, дескать, она и есть песня, то есть либо песня, либо нет. Вот и все «критерии». А откровения вроде «жизнь такая интересная штука», «война — это плохо, а мир — хорошо», «раскройте друг другу объятия» никому никуда не упирались и носили для абсолютного большинства зрителей явно фиолетовый оттенок. Воистину все происходящее нельзя было и наречь иначе как «дорогой ангела», что и сделал несколько позже в профильном телеэфире один неплохой вполне себе гитарист, настолько неплохой, что можно с полным основанием дать ему ранг виртуоза. И поскольку он музыкант, то ему всякая безответственная болтовня, суесловица и стилистическая белиберда вполне простительны. Ибо он по другому делу спец, а в словесности, особенно изящной, полный... гладио-

ный, настырный жар, и выходить в это время на улицу было не только глупо, но для многих и опасно. Того и гляди «двинешь кони» от зноя, сердчишко кайкнется и до свидания. Однако именно в ту пору, в самый разгар одного из невыносимых этих дней, мне срочно понадобилось попасть по некоему вздорному житейскому дельцу из старого в новый город, как в местном обиходе именовались соответственно преимущественно частный сектор с деревянными постройками и огородами, и микрорайоны многоэтажек. Границей упомянутых массивов служил извилисто текущий по топкой, заросшей осокой и камышом низине ручей, именуемый официально Приречным. В народе же предпочитали прежнее, старинное, весьма красочное и правдивое название Вихлястый, не вполне, впрочем, удобное для официального наименования основного, через сие природное препятствие перекинутого моста, на коем требовалось при пуске в эксплуатацию водрузить соответствующую табличку.

Вот на этом по размерам, скорее, мостике и оказался я, взмокший до самых до костей, с пересохшими намертво глоткой и ртом, где распухал и каменел от жажды издыхавший и практически онемевший язык. На переправе я замедлил шаги и почти остановился, чтобы перевести дыхание и в очередной, заведомо бесплодной попытке воззвать к пробуждению в организме слюноотделения. Человеком в тот момент я себя практически не ощущал, более прочего походя на свечи огарочек, оплывший в канделябре сего городка в бесформенную и почти лишенную воли массу. Вода с собой? Да была вода, но ведь в такую жару и при столь удушающей влажности она нисколько не усваивается и, будучи употреблена внутрь, тут же покидает организм щедрым, откровенным потом, который ничем не уймешь. Рот споласкивать, но не пить? Споласкивал было поначалу, но в один прекрасный момент отвлекся и сам не заметил, как уже хлестал всю родимую минералку.

Впрочем, на мосту меня ожидало чудо. Точнее, чудесное видение... да нет же, нет, дикость несусветная, так не бывает. Потому, что «на берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн» в коричневом, мятом и временем траченном однобортном пиджаке поверх старенькой, явно еще советского производства полушерстяной олимпийки, в полушерстяных же спортивных штанах из того же комплекта, опершись локтями на перила мостика и задумчиво созерцая вяло сочащееся внизу мутноватое течение уже порядком пересохшего ручья. На асфальте у ног этого чуда, вернее, чудилы на известную букву раскинулись свободными складками брюки с растегнутыми, понятно, ремнем и молнией на ширинке. То есть он в них шел, а потом растегнул ремень, дернул коротко и решительно, а может, напротив, неспешно и задумчиво бегунок змейки вниз, и сползли санюлоты к стопам его. Жарко, наверное, стало. А ежели мне от зноя немилосердного мерещится уже чушь всякая! Я аж головой затряс, заморгал, почти зажмурился, можно сказать, в ускоренном режиме...

Мираж не пропал. Мужик был, по всему видать, из шибко пьющих, но в данный момент едва ли в нем хоть полста капель присутствовало. Борода клинышком, очки в старинной, роговой такой оправе, сосудистые звездочки на щеках, волосы сальные и почти до плеч, не сегодня, явно, чесанные. Колоритный субъект курил. Основательно так, в глубокую затяжку. Я несколько раз окликнул его. Зачем? А шут меня разберет. Оторопь, что ли, взяла на жаре-то. К тому же он не отозвался сразу. Должно быть, реле запаздывания у него работало отлично. Лишь секунд через десять он соизволил медленно обратить ко мне свой лик, однако практически тут же плавно вернул голову в исходное положение. Он попросту не желал меня замечать. Я еще раз внимательно оглядел всю композицию. Справа от ног таинственной личности к перилам моста был прислонен объемистый полиэтиленовый пакет, непонятно чем набитый. Да что пакет! Чувак торчит на убойном солнцепеке, в невыносимых для такой погоды шмотках, спустив царственными складками с чресел брюки, под коими поддеты спортивные, стоит не взмокший от зноя, курит и меня в упор не видит. Вмазанный или колесами закинул? Не потеют вообще, как известно, лишь мертвые...

Ну, не знаю. Очень я в тогда пожалел, что нет со мной никакой фототехники, хоть «ломошки»-мыльницы. Этот кадр был достоин увековечивания. В конце концов, я плюнул и уплелся далее по назначенному маршруту, ибо время поджимало. Интересно, а куда этот величавый и занюханный в последствии подевался? Пэпээсники, если он им встретился, наверняка мимо не проехали. Народ они простой, порядочный, душевный и отзывчивый, всех приветить норовят, дабы никто не уронил свое достоинство человеческое, дабы никто никому оно не пограл.

Я шел по словно бы обугленному от жары городу, истекал соленой, едкой водичкой, промокший, извините, до трусов, а то и глубже, и понимал, что сам в своей адекватной, солидной, деловой, семейной и прочей жизни порой веду себя еще похлеще встреченного клоуна. Особенно ежели за это деньги платят. Кстати, в таком случае это для посторонних оправдано и вполне понимаемо большинством. Почему нет? И, кстати, разве только я? А кто не?.. Мы способны, ох, на многое, особенно за соответствующее вознаграждение.

В этот маленький городок неподалеку от нашей северной и, несомненно, культурной столицы я приехал тем летом в отпуск вместе с семьей, можно считать, что к теще на блины. Делать здесь было откровенно нечего. Настоящий отпуск, что и говорить. Одна беда: как обычно в подобных случаях, и не только со мной происходит, изо дня в день поднимаешься рано, точно на работу идти, без постороннего воздействия. И ничего поделать с собой не можешь.

Ну вот, стою это я утром на балконе, первую сигарету курю, тишиной и свежестью наслаждаюсь. Солнышко уже начинает припекать, но, слава Создателю, упомянутая прежде жара ушла, и я знаю, что днем погода будет вполне сносной. Утренняя тишина предусматривает в основном дальние естественные и обиходные шумы, как то приглушенные расстоянием гудки-свистки-перестуки железнодорожных составов в районе вокзала, рокот движков и шорох шин разнокалиберных авто на главной улице городка, благо она совсем рядом проходит, стук дверей в подъездах, ширканье метлы дворника по асфальту... Спектр привычных звуков не особенно велик и прекрасно сочетается с традиционно статичной картинкой утреннего двора. Нечто чужеродное, вторгшееся извне, сразу режет взор. Особенно если это субъект, передвигающийся беззвучно, точно в немом кино, по асфальтированной дорожке, пролегающей вдоль дома, под самыми окнами. Причем не просто передвигающийся, а ползущий. Да и как ему не ползти, ежели он ступней не имеет, двигаясь даже не на карачках, а лишь на руках, влача туловище и культяпы ноги по асфальту. Клевый чувак, без вариантов.

Недолго понаблюдав за путешествующим с балкона, я притушил окуроч, положил его в пепельницу, притулившуюся на отбойнике окна, и направился в прихожую с целью натянуть обувь и выбраться на улицу, дабы узнать, откуда такой богатый гость нарисовался.

По всему было видать, что вояжер не просто утомился, перемещаясь в пространстве сколь оригинальным, столь и трудоемким способом, но его вдобавок здорово колотит, фигурально выражаясь, после вчерашнего. Однако при более пристальном рассмотрении, одним вчерашним там и не пахло, дня четыре колдырил, не меньше, а то и всю неделю зацепил.

Мужик в каких-то непонятного покроя и грубой фактуры темных штанах, футболке и джинсовой жилетке с многочисленными молниями карманов и кнопками карманчиков полулежал, опираясь на поребрик локтями и поясницей и вытянув ноги, лишенные ступней, поперек дорожки. Культы, зачехленные в брезентовые колпаки, перехваченные ремнями, лежали на противоположном поребрике. У мужика был основательно расплюснутый в районе переносицы шнобель, полуседая, щедрая уже щетина, спутанная, давненько не стриженная шевелюра и скульптурные морщины на лбу, между бровями и от носа к губам. Он даже не взглянул на меня, подошедшего, то есть глаз не

открыл, отдышал видимо, лишь немного телом дрогнул. Насторожился все-таки, привычка не раз битого... Я поискал вокруг взглядом какую-никакую картонку, нашел поблизости ошметок коробки, расправил его, водрузил на бетонную поверхность поребрика и сел почти напротив странника. Молча достал сигареты, курить не хотелось, но я все-таки зажег цыбарку и, не особенно затягиваясь, ждал ответной реакции моего визави. Мужик, уловив запах дыма, встрепенулся, открыл глаза, и я тут же протянул ему тлеющую «арктику». Он молча взял, кивнул благодарно, но смотрел все-таки настороженно, выжидал, опасался. Пришлось начинать беседу самому.

— Ну что, дядя. Откуда путь держишь? И куда столь пламенно стремишься, что аж без коляски шарашись по асфальту? Гляди, изорвешь все шмотки.

— Да мне к монастырю надо попасть, я там на милостыне стою... сижу... Тля такая, дружки вчера по пьяни коляску поломали, развалилась вся... А мне... к-ха-к-х-кха, тьфу, надо, мляха, туда позарез. Делать нечего, вот и пополз. Кто же довезет?

— Так тебе, дядя, чапать еще порядком. До монастыря отсюда не ближний свет. Если к обеду успеешь, уже удача. Только в грязи перепачкаешься весь и точно до дыр одежду протрешь.

— Дык, а фуфули толку? Куда деваться...

— Так, сиди пока, вернее, лежи здесь. Я сейчас. Не уползай только, пилигрим рефренов.

Я встал и направился домой. Начнем день с хорошего дела, не шибко разоримся. В квартире взял пачку сигарет, из холодильника вытащил «полторашку» пива, как раз про запас стояла, сто рублей захватил, ровно до монастыря на такси и выйдет. Спускаясь по лестнице, вызвал тачку по мобиле, уточнив, куда именно ей причалить, чтобы не к подъезду, а с обратной стороны. Двоем с водилой кое-как загрузили мужика на заднее сиденье, не слушая сбивчивых благодарственных бормотаний экстремала поневоле. Его глаза полыхнули при виде полуторалитрового баллона пива такой гаммой чувств, что описать сие вряд ли было возможно. Все, что угодно в тот момент прочиталось в них, обычно блеклых и вялых, от плотоядной низменной радости до отваги и готовности к некоему абстрактному подвигу.

Замызанная темно-зеленая «десятка» с откровенно склочным фырчанием тронулась с места и сразу же скрылась за углом дома, оставив после себя едкое облако выхлопа. Счастливого пути. Ну а мне куда теперь? Сколько там на котлах? Вот, наверняка в начале девятого газетный киоск уже открыт и можно приобрести там очередной номер «литературки», благо нынче четверг. Мелочь есть? Так, даже много мелочи. Уже хорошо. Руки в ноги и... здесь не далеко.

Киоскер — полная, доброжелательного вида женщина — смотрела на меня и с легким удивлением, и с явным сожалением. И на мою просьбу, мол Литгазету, пожалуйста, помявшись, произнесла негромко:

— Понимаете, вы единственный человек за полгода, кто это издание спрашивает. Я же не знала, когда вы давеча были, что еще придете. Да и то, какая разница, придете-не придете, начальство решило больше Литгазету не заказывать, что без толку по одному номеру возить?

Я молча пошел прочь. Ответ дамы меня не огорошил, ибо в моем заполярном городишке ситуация была очень даже похожая, а именно: в киоски поступали два или три номера «литературки», которые покупали одни и те же люди. Они почему-то не хотели оформить подписку, предпочитая покупать газету поштучно, и продавцы даже на прилавок поступившие номера не выкладывали.

Я медленно брел по тихой улочке и отчего-то вспомнился мне недавний калека, столь отчаянно стремившийся побороть, казалось бы, непреодолимой силы обстоятельства. И уж не знаю почему, но вновь, как и после встречи с уникамом на мостике через ручей, показался я сам себе очень похожим на этого вот безногого, безколясочного, с дикой похмельюги ползущего по жизни на одних руках, и вовсе не надеюще-

гося встретить в пути не то что помощь, но мало мальское сочувствие, а в моем случае еще и обделенного популярной и востребованной некогда в народе газетой, читаемого за городского издавала сумасшедшего, прибывшего в околостолычный регион на гастроли.

Однако впоследствии я убедился, что не столь все мрачно и невыигрышно. И очень скоро, кстати, убедился. Просто не может быть успеха по всем статьям, в одном вверх стрелнул, в другом ниже плинтуса скатился. Диалектика, язви ее. Теория. А ведь частенько и мозгами пораскинуть даже на столь глыбокие, философические темы некогда. Все носишься, аки угорелый, точно тот, из старинной песни, «Афанасий, морда семь на восемь — восемь на семь, с большим спидометром в руке. От паровоза скорость мерить». Говорят-де, жизнь в полосу, то черная, то белая... Не-а, господа мои, не обольщайтесь, жизнь «в полосу» означает: то в долг, то займы. Вот истинная философская база бытия, базис, коим, по некоторым утверждениям и определяется наше сознание, ежели таковое у нас в действительности присутствует. Вот и весь базис-оазис.

А вот уже года через три после описанного только что...

Имитация пролога

Итак, проснувшись однажды утром чуть раньше этой омерзительной твари, почти ежедневно терзавшей его вот уже два десятка лет... (господа, господа, расслабьтесь, имеется в виду всего лишь будильник) он решил вдруг, что на любимую, чтоб ее так и раззтак, работу более не пойдет. Ни сегодня, ни завтра. Никогда. Вернее, не решил, а понял. С такой отчетливостью понял, что и включать свет в спальне не требовалось. И без света, в почти сплошь черной сметане заполярного зимнего утра все ему было ясно. Никаких иных мыслей на обозначившуюся столь неожиданно тему не возникло. Вообще не хотелось рассуждать о чем бы то ни было. Хватит. Натерпелся. Точка. А главное — интуиция нашептывала ему, в тот момент еще формально главному инженеру небольшой ремонтно-монтажной фирмы, мол, правильно поступил. Мужик сказал — мужик сделает. Ведь сделаешь? О чем речь! Ну, наконец-то интуиция! О-го-го, какая у него интуиция! Почти что троянская Кассандра. Всегда правильно угадывала, а что произойдет, если... И он, как потомственный троянец очевидно, поступал вопреки прогнозам прорицательницы. Только в отличие от легендарных сынов Илиона, своей Кассандре он вполне доверял. И все равно, интуиция, подсказывающая порой довольно радикальные решения проблем при сохранении, как минимум, чести и достоинства, сплошь и рядом оказывалась бессильной перед все-таки применяемым в сложившейся конкретной ситуации, вполне твердым расчетом, результатом напряженных прикидок и сопоставлений друг с другом некоторых выступающих частей тела. Ну вот кому эти честь и достоинство пользу реальную принесли? Морока одна. Да и что они означают конкретно, пойдй разберись. Здесь современное производство, реальная жизнь, а не девятнадцатый век. В итоге же чаще прочего получалось, что с виду очень разумные, житейским опытом санкционированные выкладки на практике оказывались откровенно дерьмовыми, требующими очередных унижений «ради дела», «ради семьи» и тому подобных резонансов, и если приносили выгоду, то ничтожную и сомнительную.

Но зато со стороны все выглядело обоснованно и весьма солидно, оттого и было одобряемо большинством. А разве могут быть осуждены разумные поступки, приносящие реальную прибыль? Мы же здесь не погулять вышли, деньги зарабатываем. От рождения в арсенале нашем есть вполне приличный инструментарий для оправдания собственного малодушия. Это ли не конкретное воплощение дарованного создателем инстинкта самосохранения? Своя рубашка, как известно... Тривиальщина изжеванная, однако работает четко. Вот ведь штука какая: чуешь, что единственно правильно

поступить можешь, пусть и принесет тебе эта поступь наверняка одни убытки в недалеком будущем, и уже раздуваешься гордо, заранее ощущаешь себя настоящим человеком. Этаким экзистенциалист, а ля «ай-да Пушкин, ай-да сукин сын», приятно, прах побери! И вдруг где-то в черепушке жаба родимая просыпается и ласково так, прыг-скок, шлеп-стоп, а стоит ли? А может... может плюнуть, и с каменным ликом далее прошествовать, авось оценят. В крайнем случае не тронут. Семья ведь все-таки, детки, супруга, пенсия впереди. Оно тебе надо, правоту отстаивать? Ведь не Брестская же крепость за тобой в самом-то деле! Что ты как маленький! (Кстати, порой самый сильный аргумент). И далее по тексту песенному «И пошло, поехало, поплыло...» Плоское катим, круглое тащим. И вскоре уже непонятно, где струсил, где осмелел, где прав, где нет, все шаги, что братья-двойняшки, с виду непохожи, а по сути... Тем не менее материальное поощрение поступает регулярно, а что понемногу, исподволь перестаешь себя уважать, и процесс растрепки уже необратим, так сие весьма эфемерно и вообще фантомно. Утраченная часть души поболит-поболит, да и шут с ней, перестанет, а бабосы нате, вот они, и жизнь у нас всего одна, и прожить ее... надо. Только в итоге спиться можно или того хуже, но частности не в счет. Между тем, все это в прошлом!

А сегодня:

Прощай, моя карьера от мастера до главного инженера! Здоровенные железяки на должную высоту! Но без меня!!!

Я вдоволь, до икоты и рвоты наглотался ихних руководящих леденцов!

И аз, грешный, столько-то лет был носителем сего сомнительного лакомства! Позор!

Позор на мою заслуженную голову и на прочие, не менее заслуженные части тела! Да стихнет за спиной гудок корпоративный! Даешь профессиональное выгорание души!

Виват, преждевременно сошедшие с дистанции!

Фейхоа вам, а не льготная пенсия! (Вот здесь, каюсь, ошибся: прилетела все-таки льготная нежданно-негаданно, лет через несколько... а именно ровнехонько через десяток).

Ура! Ура! Ура! Свобода!

Стоп. «С него хватит» — это ведь на самом деле «с меня хватит». С чего же это я о себе любимом в третьем лице шелестеть решил? Наверное, просто вырвалось по неосторожности, оговорочка, так сказать, невольная, можно и продолжить в том же духе, а коррективы чуть позже внести, изловчившись-приготовившись. На том и порешим. А пока представим, будто я о себе говорю «за кадром». Полное право, кстати, имею. Как в той популярной многосерийной, где мгновения «свистят они, как пули у виска». Там в рамке действует наш всенародно любимый шпиен, а мысли его, намерения, ощущения то и дело за кадром расшифровывает голос еще одного всенародного и всеми любимого артиста. Вот и воспользуемся аналогичным ходом: «он» это «я», но я «от автора» о «нем», т.е. «о себе» в третьем лице из-за кадра... нет, из-за страницы, словом, одна морковка. Лады? Эх, вы, лица-ипостаси!

Так. Теперь вполне логично у посторонних присутствующих возникает недоумение, а кто этот самый вообще-то «я»? И следовательно, «он» тоже? О ком вообще речь. Кто говорит? Предвидел, предвидел справедливые вопросы, да и аз не аноним коварный, но вполне конкретный индивидуум, и враз бы представился, мне скрывать нечего, однако вот вам баечка небольшая: некоторое время тому назад случилось покорному слуге вашему подвизаться на ниве провинциальной журналистики в качестве корреспондента городских газет. Служба как служба, не хуже, не лучше других, давай материал о чем указано и в срок, ничего более. Заметки и статьи свои подписывал я двумя псевдонимами. Почему двумя? А по числу рубрик, которые вел. Обзывался я то Паша Волгин, то Гоша Окулов. Оба два этих персонажа блистали на стра-

ницах газетных им присущим, а по словам коллег и мне соответственно, «оптимистическим цинизмом», от души веселясь в процессе создания писанины и находя сие единственным своим удовольствием. Потом время прошло, я эти имена практически забыл, но с недавних пор стал замечать, что в документах моих, в паспорте прежде всего, происходят странные метаморфозы. Раскроешь ненароком аусвайс, глядь, а в строке соответствующей вместо моих законных ФИО Гоша красуется. Или Волгин коварный возникает. А фото в те моменты мутнеет, и шиш разберешь, кто там на самом деле изображен. Захлопнешь корочки, вновь развернешь — порядок вроде бы, несколько раз повторишь процедуру, нет в помине парочки треклятой. А потом вновь наведываются. И опять тишина и покой.

Я-то до этих трансформаций ни разу не лицезрел портретов своих псевдонимов. Но однажды увидев, сразу догадался и что это именно они, и кто из них есть ху. Физиономии очень с моей схожи, но вот чем именно, определить я не в силах. Нечто неуловимо общее сквозит во всех лицах, только решишь про себя, да, мол, ничего общего, а в следующий миг — бац! — и начинаешь себя узнавать в деталях, в штришках ничтожных, а потом... И главное, момент их появления в документе не вызывает удивления у тех, кто, кроме меня по случаю туда пялится, ну, гибэдэдэшник, кассир-билетер, кто там еще? Лупят себе зенки бараньи в самую наглуемую ахиною, и как ни в чем не бывало возвращают в итоге ксиву, мол, порядок, всего доброго. Словом, милые, умные, добрые люди.

Пользуясь случаем, уведомляю всех вокруг, что в повествовании своем постараюсь никогда не забывать о перечисленных выше качествах и употреблять иные лишь вкупе с оными, либо с их синонимами.

А к выходкам Пашки с Гошей я привык и плюнул было на них вовсе. Кто знает, возможно лишь мне их выкрутасы мерещатся? И тут же мне казаться стало, что некоторые пронизательные посторонние все-таки поглядывают в мою сторону с некоторой ухмылочкой потаенной, с немым вопросиком ехидным или с советом паскудным, вроде: что ж ты, Паша, с секретаршей аналитикой страдал или, Гоша, дурень, бабам ушлым добровольно не строчи. Однако же все перечисленное не причиняет мне беспокойства, даже забавляет порой. Ведь как ни зови, а я во всех трех случаях это я и есть. Вывеска меняется, суть — ни-ни. Путаница, правда, возможна, однако же без булгаковщины, господ-товарищи, без булгаковщины. (И да пребудет классика неприкосновенной и почитаемой!). Это просто взбрык, флуктуация ментального пространства. Чего только в мире не происходит! Но все же не хочется лишний раз упомянутое пространство зазря баламутить, и ежели там гуси имеются, зачем же птичек смелых попусту дразнить? Еще отмочат чего похлеще. Имею же я право на примитивный эзотеризм, не выходящий за рамки бытовой демонологии и отнюдь не тревожащий основных положений ортодоксального православия. И потому с учетом вышеизложенного себя, дорогого, я буду величать старинными, вузовскими еще прозвищами: Длинный и Слесарь. О происхождении сих наименований позже, а возможно и вовсе не стоит. Есть и есть. Баста.

А сейчас, с терминологией разобравшись слегка, вернемся в русло литературного процесса, где и пребудем в дальнейшем, где нам, убежден, самое место. И пусть не смущает мнительных некоторая моя велеречивость. Суть высокого штиля, коим произведение означенное создано, состоит в предварительном и основательном засорении и даже, пардон, загаживании читательских мозгов с последующим высеванием на удобренную почву рациональных зерен полезной информации соответствующего эмоционального накала в надежде на адекватные всходы, где «не найдется плевел среди новых злаков».

Стоп. А почему, собственно, «с него хватит?» Силы иссякли, а? Сил как раз навалом, и опыт впору молодым передавать. Но нет ни желания, ни смысла. Эта доля жизни прожита безвозвратно. Оттого и дергаться в означенном направлении без

пользы. Даже если начнешь вновь, только хуже сделаешь, ибо бросишь все на полпути. В тупике нет пути вперед, а он дожил именно до тупика. Тупо ходить в должность, отбывать трудовую повинность за приличное вознаграждение, пенсию зарабатывать? Жизнь убить за пенсию? Тогда имеем полное право, уверяя кого-либо в чем-либо, использовать в качестве клятвы — честное проститутское. И только так. И не кривите мурло свое одухотворенное, блюдите честность, смотрите этой бляхе-правде прямо в ее бесстыжие зенки. Вот оно, счастье? Призвание? Постыло подобное существование и прогоркло. И организм реагирует солидарно, точно чугуном отекая, ни туда, ни сюда. Он прекрасно знал это свое состояние, когда никак себя не заставить рукой-ногой шевельнуть во имя служебного долга или насущной житейской необходимости. Когда все части тела, включая самые интимные, казалось, вопили в пространство: «Да пошло бы все к ...!» И любые страхи пред неизбежным финалом и возможными экзекуциями-последствиями были бессильны. Просто ресурс иссяк. Ресурс оправдания собственного малодушия каждым последующим действием. И деньги тут бессильны, и доводы житейского, мелочного, цепкого и приземистого разума. Неужели непонятно кому-то еще в подлунном мире, что дело ради денег и только неизменно тебя сожрет и превратит в тряпку, если не сбежишь вовремя. В любом деле необходима стоящая цель, а она без конкретной идеи невозможна.

Он не смог сдержаться и усмехнулся вслух, хмыкнул отчетливо, мол, во, навороти! Не много ли ты требуешь от своей конторы? Гадюшник, не более того. А ты — идея, цель... Еще об ипостаси сморозь чего-нибудь. Правильно его ненормальным порой считали. Поделом. Не положи честной народ. А то по мнению сторонних наблюдателей не ты уйдешь со службы. А тебя вышибут по «горбатой» статье за пьянку и разврат на рабочем месте, что порой действительно имело место быть, верно? Как у многих и на каждом шагу? Конечно. Но они не выеживаются и ведут себя большинству подобно. А ты выеживаешься, хочешь чего-то для многих непонятного и, значит, вполне возможно, опасного для нормальных граждан. По их мнению, ты и сейчас просто валяешься с похмелья и встать не можешь? А философом накрутил, точно мир рухнет через сутки, Плиний-средний какой выискался. Сам же о себе плел, что

*Я вообще-то недотрога,
Только пью довольно много.
Уж такая это роль,
Над собой терять контроль.*

Ладно, что о нем подумают, наплевать и растереть, уже все, что можно и что нельзя подумали и неоднократно, пока он жилы рвал, карьерно рос, хм, на карьере, а где же еще ему расти без лапы волосатой?.. И хмыкнули двусмысленно... мол, от кормушки на вольные хлеба? Странненько, странненько... Что-то здесь не траливали. В скоморохи, значит? Ах, да, он же еще и стихи, окромя гитары. Да-да, публикации, книги. А скока гонорар за публикацию в газете? А в журнале? Нискока? А зачем тогда упираться? Интересное кино. И поджали губки девочки от секретаря директора до врачей, подружек жениных, незамужних в массе. А одна, вся такая из себя разумная, выдала чуть свысока, дескать, я бы никогда, если бы мужик не при деньгах оказавшись... Вроде бы и не конкретно, а на самом-то самом... Господи, лапочка, да у тебя и так никого поблизости и в проекте не наблюдается, тебе впору из секс-шопа не вылезать, мелким оптом закупая... Зачем ты пашешь круглые сутки: подработки-консультации-дежурства-мужурства, ну, ездешь по загранкам, а все без толку, умница-умницей из вояжиков взад летишь, еще умнее себя прежней, счастье твое в чем, пчела ты лошадиная? В общем, проехали. Только вот история одна вспомнилась, из жизни.

Открылся в одном средней паршивости и такого же уровня достоинств городке первый магазин сексуальных принадлежностей. На дворе девяносто четвертый, бла-

гословенный, все этокое народу в дикую диковинку. А главное, прежде в секс-шопе этом вино-водочный располагался. Прикиньте теперь реакцию постоянной клиентуры, верноподданных Бахуса, явившихся с утра за лекарством. Хорошо еще, что хмельное зелье не исчезло бесследно, а за угол переехало, два шага и налево, во избежание социального взрыва сиречь народного гнева. Рожденный пить, согласно мудрости народной, любить не может, алкашам эти примочки силиконово-латексные «до лампочки», а жертва Вакху-Дионису обязательна и жизненно необходима. И вот по прошествии нескольких дней после открытия на пороге экзотической лавки возник веселый такой парень, лет тридцати, рыжий и непосредственный, стремившийся, как выяснилось, по старому адресу водочки местной прикупить. Городская ликерка вообще и белая головка в частности, выпускаема будучи в ограниченных объемах, отличалась завидным качеством и пользовалась заслуженным спросом у знатоков и ценителей.

Посетитель наш так торопился утолить жажду, что и на вывеску новую внимания не обратил, чего там на нее пялиться, сто лет в обед как висит. Рванув дверь, он устремил взгляд в торговый зал и в ужасе отшатнулся. Колокольчики, коими была оснащена входная дверь для того, чтобы продавцы не дремали, вначале звякнувшие радостно и призывно, на повторное, реверсивное движение потенциального клиента отозвались с недоумением и тревогой. Однако в следующее мгновение за прилавком, словно из воздуха, возникли две милые девушки-продавщицы, брюнетка и блондинка, Дафна и Хлоя. Далее, как в песне, «там, на шахте угольной, паренька приметили, руку дружбы подали, повели с собой», за тем, конечно же исключением, что не на никакой не на шахте, а в секс-шопе, примерно следующим образом: «там, в секс-шопе новеньком, паренька приметили». Недоразумение разъяснилось в считанные минуты, парень ошарашенно тарасился на непривычные орудия любви, о чем-то спрашивал, девушки отвечали, как могли. Оказалось, что и они всего лишь неопитки-дилетантки секс-индустрии, работают всего ничего, и далеко, ой, далеко не во всем разобрались.

Тут одна из продавщиц признала в парне одноклассника старшей своей сестры, от чего общение существенно потеплело, а доверительность беседы достигла точки принятия решения. Какого? Извольте представить: клиент осведомился, много ли посетителей удостаивает вниманием новый храм любви? Получив в ответ справку, что клиентов так, не очень много, а к вечеру вообще скукота, он быстро сориентировался и внес в диалог конструктив в виде предложения сбегать за шампусиком и отметить это дело, и вообще выпить за встречу, все равно никого нет, чего зазря сидеть — мне ведь спешить некуда, как и вам. Согласие прекрасных девиц было молниеносным.

С принесенной вскоре веселящей сердца и души продукцией парень переместился за прилавок, оказавшийся довольно высоким со стороны витрин. Там внутри можно было вполне комфортно расположиться на коробках с фаллоимитаторами и не маячить в случае чего перед возможными посетителями.

Дело пошло. Парень оказался опытным и подкованным в кутежах, он купил, кроме шампанского, водку местную и ликер прибалтонский, знаменитый прежде, а на закуску — банановый зефир в шоколаде, девахи были, в свою очередь, крепкими и грамотными, после шипучих вин они предложили, следуя правилу запрета понижения градуса, раскатать ликер с беленькой, перейдя наконец-то к серьезному застолью...

...Сторож, пришедший в магазин к закрытию, обнаружил в подсобном помещении почти античную скульптурную группу из трех полуобнаженных тел, причем обнажение присутствовало у всех троих преимущественно снизу. Рука новоявленного Адониса была оснащена неким приспособлением для любовных утех, рука же Дафны, скажем, покоилась на его природном приспособлении. Хлоя тоже очевидно стремилась к заветному органу, но силы оставили ее и она бессильно опустила на пол

рядом и вырубилась с приспущенной юбкой, в процессе освобождения от блузки методом раздиранья оной на груди подобно тельнику моряцкому.

Ну, хорошо, улыбнемся, а куда далее? Как куда? Далее, друзья, настоящие которые, старинные кореша, тоже скривились, узнав о том, что их общий близкий братан ополоумел, наверное, и решил сменить прочный фундамент на шаткие подмости. Чего удумал-то, говорили они его супруге в телефонных беседах, песни сочиняет, стихи пишет. И до сих пор некоторые, особо упертые на его благополучие материальное, дабы смог все-таки им долги вернуть, позвякивают жене, сокрушаются неравнодушно. Да и ему нет-нет, а намекнут по пьяни, ну, пишишь и пиши на здоровье, причем тут работа? Он на подобные тирады и реагировать перестал. Вероятно, от восхищения, насколько же доброжелательные и чуткие люди его окружают.

Недавно вот случилось ему зуб потерять по причине пародонтоза, правый верхний рецез, и остаться щербатым, оделяя время от времени своих оппонентов откровением новой, разбитной улыбки. Это происшествие, ему самому показавшееся вполне логичным и не стоящим до поры внимания, вызвало бурю сочувствия в стане близких и друзей. Есть такой вид сострадания с оттенками возмущенного неприятия и легкого отвращения. Все, от супруги и сестры до дружков-приятелей, дружно пошли в атаку на образовавшуюся в улыбке брешь, агитируя обладателя вульгарного оскала немедленно ликвидировать дефект. Надо сказать, что на этом фоне лояльнее всех выглядели дети, точнее, его сынок и дочка одного знакомого, к сожалению, ныне покойного поэта. Мальчишка, узрев отцовскую ощеренность впервые, захохотал весело и безобидно и почти восхищенно крикнул: «Ну, батя, ты теперь и деревенщина!» А девушка, впрочем, какая такая девушка, вполне привлекательная молодушка двадцати семи лет с дочкой на руках, окинув его непростым, змеиным взором, выразилась в том духе, что только зубешник вставить, и мужик будешь хоть куда, и шнурки мои, ох, совсем не зря бояться, мол, я тебя клеить начну. Вот она, власть здоровых стереотипов! Даже близкие просто не могли и не хотели воспринимать его в иной ипостаси, кроме привычной.

А его самого все более и более преследовало навязчивое ощущение, что почти тридцать лет жизни прошли практически впустую, что он зря терял время на ненужные на самом деле ему занятия, оттого-то и опостытели ему окончательно и бесповоротно все эти, как он их называл, «железяки». И настолько стало осязаемым ощущение бессмыслицы, где если и было нечто стоящее, так это стихи его, что пришлось писать во самоуспокоение «Презент тоскующему ровеснику».

*Мыслишку в общем-то простую,
Не торопясь, перевари:
Коль тридцать лет прошли впустую,
Тебе от силы двадцать три,
А прочих не сыскать в помине,
Видать, склевало воронье...*

Эх, дяденька, эх, тетенька, оглянись вот так порой, ищешь, ищешь, чего ж там, в прошлом, в пройденном, хорошего-то было? А получается, если без вранья, по гамбургскому по счету пара-тройка молодых лет, еще не вполне отягощенных подлостью и не отравленных предательством идеалов и мечтаний, озаренных настоящей молодой любовью, искренней и свежей, как раз совпавших с агонией Союза Советских, да виршей несколько книжек, изданных практически чудом. За одну до сей поры денежки полностью не отданы. Дети? Да, безусловно, детки — чудо, без вариантов. Главное — чада любви. Супруга, по сути — друг настоящий. Пусть по-своему, но... Никто так и не умеет более любить и дружить. На износ порой, но ведь так оно и нужно. Прежде всего тебе самому. Счастье в чистом виде. Но, с учетом

существующих обстоятельств и условий, смог ли он стать настоящим отцом? Вопрос, и еще какой...

Ты, братан, совсем ополоумел. Оглянись вокруг. Атмосфера ему повседневная не по нутру пришлась! Скажите пожалуйста! Да сейчас самая что ни на есть и атмосфера! Все в твоих лапах. Давай, еще времени хватает. Воспрянь, замути поганку какую-никакую, полезную. Под лежачий камень вода не того, а ты вон валяешься на про-давленном клоподроме, обленился. Обломов. И Обломов-то желчный, склочный. Не наш ты Обломов. Не наш. Не ндравится в провинции? В столицы подайся. Есть же люди, выбравшиеся в центр из нор глухих. И ничего, как-никак устроились. Причем тут стихи? Речь о серьезных делах. Хага в столицах сколько стоит? Правильно. Вот и паши, знай. Станешь еще человеком, лет через... Просто тебе перемены в жизни нужны. «Перемен!!! Мы ждем...»

Да пошел ты... Тоже мне сестренка нашелся. Братан! Брата-а-а-ан! Ты еще скажи, мол, детей нужно на ноги поставить ... Хоть и нужно, конечно. А насчет перемен... Когда-то на исходе мутных восьмидесятых мы желали перемен по-настоящему. Как-ких угодно, лишь бы перемен. Правда, культа из одноименной песни не делали. Смысл? Песенку поем, а в остальном... мы же не бараны. И маргиналы среди нас практически не водились. Обычные шалопаи, кто похуже, кто получше. В среднем терпимо. Иной коленкор — хэмингуэвско-ремарковский цитатник, кокетство и бравада, весьма инфантильные, по сути, игры в потерянное поколение на фоне всеобщего нарастающего сумасшествия... Игры с применением алкоголя в особо крупных размерах. Это было. Как средство создания соответствующей атмосферы. Но опять-таки грешили подобным образом не все подряд, далеко не все. Просто жизнь в середине восьмидесятых стала не просто странной, но уже порядком сумасшедшей. Борьба за трезвость, как всегда повальная, атомная катастрофа, крушение теплохода, кооперация, жрать нечего, не воруеть — только существуешь... Остонабрыдлые комсомольцы и партийцы, еще бьющие копытами, готовые нестись вскачь к новым свершениям, к нагромождениям лжи и несурязиц во имя блага народного. Позже, как пример подобных взрывков, грянула программа «Жилье — 2000», тут же переименованная массами в «Жулье-2000» ... Каждому нуждающемуся по хате к новому тыся-челетию! Звучало словно «каждому по харе». Спасибо, хоть не прямо в коммунизм, как на известном съезде решили когда-то... Мы не знали толком, как хотим жить. Зна-ли одно — только не так, как живем. Той жизни мы не хотели ни в какую. В той жиз-ни мы научились ничему не верить. Ни во что не верить. И практически никому. И не-верие стало религией для многих и многих, даже если сегодня они с трудом помнят, чем занимались в годы юности туманной. Глушили портвейн и не только, дрались, бы-вало, с отдельными лицами и целыми коллективами, бренькали на гитаре, любили дев-чат, учились хаять окружающую реальность, обнаруживая на каждом шагу несурязицы и полное отсутствие разумной логики в повседневном существовании.

Повторяю, мы предпочитали в основном протесты алкогольного характера. И практически ничего более. Ах, насколько все «романтишно» было! Кого сейчас этим удивишь? Кому нынче сие интересно? А вот у меня кореш был, царствие ему небес-ное, славный парень, ловкий, оборотистый, хваткий, так он после защиты диплома в вузе полшутя-полусерьезно предложил: «Старик, айда бомжевать! Не-е-е, не упо-добляясь обычным доходягам. А просто жить вольными скитаниями, и королями бомжей. Такую кашу заварим! В полном шоколаде будем, к бабке не ходи!» Я тогда послал его тоже со смехом, а сейчас в сердцах нет-нет, а скрипну вроде опять шутки ради, мол, да лучше бы я тогда корешка послушал. Это получается через два с лишним десятка лет все вернулось на круги своя: лишь бы не так, как сейчас? Диалектика.

Слышь, ты, гегельянец-кантианец-позитивист, а на самом деле — скрытый берк-леанец, не иначе, сколько можно базарить сам с собою, да еще за автора успевать? Ишь, раздухарился. Нигилист. Верить ему не во что. Вот тебе храм. Веруй в бога! Да,

это нелегко. Лишь идиотам кажется, что явился в церковь, попросил всевышнего о даровании того, сего, пятого, десятого, свечку воткнул и адью. Дело сделано. Наша вера — тяжкий крест, как ни странно. Впрочем, странного здесь ничегошеньки нет. Ты попробуй и все сам поймешь. Просто верующему искренне труд сей не в тягость, а в радость. Главное — поверить. Но право поверить дается не всякому, заслужить его надо. А как?

Ладно. Ладно. С последним утверждением спорить трудно. И не стоит. Только уверуй во что-нибудь беззаветно. И все — пропал — никакие отговорки не помогут. «Вперед, заре навстречу...» «Я смогу, я все на свете смогу...» Плавали, знаем. Сами такими были. Точно в игрушки играли. А игрушки-то взрослые, сурьезные, за них дяди-тети друг другу головы откручивают. А ты знай играл-наяривал... Победы трудовые одерживал. Обеспечивал выполнение, так сказать. Как нас прежде учили: «Если хочешь выполнить задание, найдешь любые пути и средства, если не хочешь, найдешь любые отговорки». Красиво сказано. Спору нет. И что? А ничего. Чуть устал, начал пробуксовывать, засбоил, ну и дали по сусалам. И обгадили с головы до ног. Да еще с аморалочкой подставили как следует. Хоть и не прежние времена, а все-таки... Стыд и позор еще никто не отменял. И представьте себе, подломали бравого паренька. Спекся. А того и нужно было. Вот тебе и вера безоглядная, и совесть трудовая, и... А-а-а!..

Самое страшное, что ничего особенного не произошло. Самая большая трагедия в полном отсутствии таковой. Утрись и живи далее, жизнь еще никто не отменял, поэтому:

*Если выпив горсть феназема,
Вы на утро потянулись влать,
Значит, ваша жизненная драма
И вчера, увь, не задалась.*

А то, все происходящее с ним впервые, человек любой склонен оценивать как нечто исключительное. Сидим мы это в слесарке, на исходе вечерней смены. Чай пьем с бригадиром, пока мужики мотаются, рукава бухтуют, баллоны уносят, полиспаат разбирают, блочки и «качайки» волокут, весело матерясь, смену хорошо сработали, охладитель газов на третий конвертер водрузили, а в охладителе двадцать пять тонн. Я оттого и остался в вечер, что дело-то нешуточное... Да и люблю я такие монтажи — сразу результат виден. Ну, и мастер на смене молодой, мало ли... Тут и вбегает к нам этот самый мастер. Глаза — по пятаку каждый, слюна летит метра на три, от крика. Что случилось? Да как же! Охладитель четвертого «гавкнул», на седьмом блоке трубки порвало, хлещет на конвертер! ... почти в горловину! Надо срочно... Щас хлопок может быть, мало не покажется...

Выслушали мы оратора нашего, переглянулись со стариком бригадиром. Оценили ситуацию смачными эпитетами монтажными и, закурив, продолжили беседу. Мастер, (мальчишка, только после института, второй месяц на работе) посмотрел на нас оторопело и чуть не визжа начал по второму кругу сообщать, да укоризны добавил, дескать, чего это мы сидим, такие-сякие. А бригадир, окурка изо рта не извлекая, и говорит: «Максим Андреич, чего ж на место бежать, там сейчас парит нещадно, ни рефрена не увидишь. Вот давление сбросят, воду на пульте СИО перекроют, тогда милости прошу. Авария и авария. Все, что могло случиться, уже случилось. Конвертор поди уже повернули немного, чтобы в горловину не лилось. А вы бы лучше мужикам сказали, чтобы один пост да сварку оставили на отметке». И вздохнул уже вслед уходящему молодому: «Эх, мальчуган, не суетись. Жена вот, говорят, у тебя молодая-красивая, вот об ней думай, да ее люби. Пока не поздно».

Кстати, насчет жены. Вернее, тещи... Вы можете представить себе очень даже крепенькую и все такое при всем, извините, женщину забальзаковского возраста,

действительно уже в статусе второй мамы своего зятя, которая вручную, ножовкой по металлу распилила рельсы древней узкоколейки, совершенно поганившие только полученный ею дачный участок. Фазенда стандартная — шесть соток, рельсовое полотно на хоть и гнилых, но шпалах, пересекала новое родовое гнездо почти по диагонали, вторгаясь справа от предполагаемого входа и уматывая внаглую на противоположный край, аккуратно через плановое место для постройки уютного домика. А теща все эти рельсы вручную и уханькала. Где столько полотна ножовочного достала? А ей сходу заводскую упаковку подогнал. Не ей напрямую, конечно, а зятю Андрюхе. Мы трудились вместе мастерами. Он однажды, в отпуск сваливая, попросил упаковку полотен для себя. А у нас с дядей Жорой на участке в кладовой сие добро как раз имелось. И в немалом количестве, уж будьте любезны, по случаю запаслись из разбитого контейнера на МТО, полотно же оказалось качественное, по старой технологии закаленное. Андрюха отпуск отгулял себе, а когда вновь на службе нарисовался, я между делом со смехом вякнул, мол, пригодились пилки к делу? Все «съел» или осталось малость? Он говорит, мол, теща все захапала, а зачем не ответила, надо и баста. На здоровье, говорю, пусть играет. И забыл об этом, прямо сразу из башки вон, и понеслось — дела, делишки, не до загадок. А месяц спустя коллега мой явился с той же просьбой. Вид имея при этом малость придурковатый, ошарашенный и неловкий. Оказалось, сегодня с утра теща звонила и просила еще столько же полотен выслать. Это же старого образца упаковка, там их мама дорогая сколько! Дурдом! «А те, что ты выслал на прошлой неделе, они давно уже съели?» — спрашиваю. И вслед за Андрюхой мозгами чуть потек.

А вышло — проще пареной репы. Тесть всему виной. Он заявил, когда «мама» ретивая на участок с нуля прицелилась, что ноги его рабочей на кулацкой усадьбе не будет. Сама ковыряя землю, зазнобушка вечная, коли мудрее всех, а у папы гараж сдвоенный, плюс охота, плюс рыбалка. И шабашки по графику и вне оно, когда расколтит клиент коня своего стального аварийно. Да, занятой тесть оказался. Он ведь на заводе смолоту сварным трудился, и газом резал классно. Все виды кузовных работ, в общем. Мужу цены не было. Король, трудящийся король. «Аппаратура» у него понятно где размещалась, в гараже, по месту основного применения. Казалось бы, погрузи газовый пост в багажник своего «каблукча» и... полдня работы с перекурами... Да? А дорога где? Спасибо, если сие дорога, то ведет она не куда-нибудь, а прямехонько в «санту вашу барбару» через «беверли шмать хиллс». Уж точно. И как туда с резаком и баллонами явиться? Да еще в брезентухе сварного и со щитком на башке?! Позорище! Давай инструмент парадный, фрак для огневых работ, белые рукавицы... в грязном и с грязным по грязи не поеду... Ругань, дым коромыслом, вскипели мама с папой, рассорились вдрызг и почти уже было развелись...

Но тут у папани со здоровьем поплохело, а мама, конечно, не растерялась, вызвала скорую... выписали мастера со временем из стационара, но с условием неременным только легкого труда, с сердчишком уже на «слабо» не схватишься. И отправилась жена, мама и теща одна-одинешенька на желанную латифундию. Стала пилить-попиливать рельсы вручную. И полотно у зятя выпрашивать. Андрюха пытался ей втолковать, что и он обязательно поможет, вот приедет в следующий отпуск, а пока подождать надо... И гаркнуло-рыкнуло ему в ответ разгульное волжское эхо... И воцарились в семействах праведных прежние совет да любовь. А распиленные рельсы встали столбами изгороди поместья легендарного. Что? Не. Шпалы просто пустили на дрова. Металл торчком, древесю в труху, в дым, а люди тем временем крепчают. Но остеохондроз свой мама все-таки взлелеяла из начальной стадии в куда более солидную.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ВОЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ*

Повесть

♦ В пятидесятую, горькую годовщину взрыва в Екатерининской гавани Николай Андреевич, раз в неделю просматривавший — по служебной необходимости — электронную почту на кафедральном компьютере, с изумлением обнаружил обращенное к нему письмо из Петрозаводска от бывшего одноклассника и школьного друга Юры. Тот сообщал, что адрес бывшего Николки, а ныне новоиспеченного доцента Тулуповского университета Николая Андреевича он совершенно случайно, прореагировав на *ФИО* и название города в их сочетании, обнаружил, просматривая по службе отчеты по конференциям и другим мероприятиям, так или иначе связанных с Петрозаводском и Карелией вообще. Сообщал: после школы окончил физмат здешнего университета (Николай Андреевич знал про его намерение в выпускном классе), по распределению попал в Северодвинск на Севмашпредприятие, где и проработал до начала нынешнего века и тысячелетия по информационному обеспечению строительства атомных подлодок. Когда к началу того же века и тысячелетия стапели и верфи гордости бывшего советского кораблестроения совсем опустели, вернулся в Петрозаводск, откуда родом супруга. С учетом прежнего опыта и квалификационных записей в трудовой книжке, быстро пошел по должностной лестнице республиканской госслужбы. Теперь же в ранге технического руководителя информационно-статистического управления Карелии. Считаю, республиканский замминистра. Как и Николай Андреевич, Юрка из коренных кольских заполярников, родом и житьем из Сайда-губы. Там раньше был крупный рыбзавод, а в новое время — утилизатор ядерных реакторов подлодок. Имелась и своя семилетка, поэтому в интернете они не пересекались, только в школе.

Николай Андреевич тотчас припомнил, что действительно, в прошлом году посылал дежурную статейку — доценту положено для отчетности иметь две-три публикации за год — в сборник, издаваемый по итогам заочной конференции, проводимой на базе Петрозаводского университета. Попалось бы на глаза объявление Пензенского — послал туда, но судьба распорядилась найти друг друга бывшим одноклассникам, дружба школьным.

В отличие от ракетного доцента, «полуминистр Юра» и по службе, и в домашности активно пользовался интернетом, всемирным дебилизатором по определению профессора Скородумова. Но пользовался в благополучных целях. Если Николай Андреевич что-то и слышал краем уха о социальных сетях, тех же «Одноклассниках», то карельский его школьный друг регулярно их просматривал. Поэтому на запрос Николая Андреевича прислал адреса десятка школьных общих знакомцев: электронные и «бумажные» почтовые: ведь в начале две тысячи десятых годов люди еще не отвыкли от писем в конвертах, бандеролей и поздравительных открыток. В числе их значился и адрес Елены из бывшего Ленинграда, но уже давно поменявшей бело-

* Начало в № 2, 2023.

русскую фамилию Бегеба на мужнину, прибалтийскую — Николай Андреевич помнил ее будущего мужа, тоже из Полярного. С этого времени Юра и Лена стали его постоянными «бумажными», иногда и «мыльными» собеседниками. Из подробных писем ее многое узнал Николай Андреевич о переменной судьбе командира злосчастной буки тридцать седьмой.

Полтора десятка лет разрыва в званиях кавторанга и каперанга. В Баку жену, Лену и ее сестру только в начале шестидесяти шестого смог забрать из Полярного, когда Бакинское ВВМУ имени Кирова, где он преподавал на кафедре морпрактики, а затем тактики, удосужилось-таки (или сумело наконец?) добиться для него квартиры. Сама Лена, получив школьный аттестат, уехала в Ленинград, где ее бабушка жила, закончила радиотехникум по специальности радиолокации. Там у них солидная компания одноклассников — ее и Николки — образовалась, включая дружка Серегу Иевлева: для флотских офицеров Полярный — филиал Ленинграда, поэтому и дети их, окончив школу, уезжали в Северную столицу учиться в военных и гражданских вузах, преимущественно в первых, а из них в училище подводного плавания. Собирались же у Сашки Нещерета, у которого имелась своя комната в старом доме-полуразвалюхе.

Окончив техникум, вышла замуж за своего же, из Полярного, родила дочь. Муж ее, отслужив на Дальнем Востоке «двухгодичником», приехал в Ленинград, забрал их и они вернулись в Полярный, где до скончания века двадцатого оба трудились на судоремонтном заводе в Палой губе, воспитывали дочь и скоро родившегося сына. В год деноминации рубля 1:1000 в Баку умерла ее мать; отставной каперанг Анатолий Степанович остался один-одинешенек в чужой уже стране, из которой русских нещадно изгоняли. Поэтому Лена и привезла его в Полярный. Удалось быстро продать квартиру за доллары, но азермены (это как туркмены) с деньгами на самолет не пускали, дескать, разворовываете... разворованную несколько ранее республику. А поездка давно не ходили — война в Чечне! Пришлось срочно вызвать в Баку Лениного зятя: тот занимал в Питере приличную эмвэдэшную должность и организовал через прежних сослуживцев посадку в самолет без досмотра.

Оказалось, в Полярном новых времен Бегеба оказался востребованным человеком: стали снимать для телевидения, приглашать в президиумы собраний ветеранов Северного флота. Специально из Москвы приехал писатель-маринист Николай Черкашин, записывал его воспоминания о флотской службе, о Полярном шестидесятих годов, о взрыве в Екатерининской гавани. Все это вошло в его книгу «Черная эскадра», благо он сам служил офицером-подводником в Полярном на четвертой («черной») эскадре в семидесятих годах.

Наступил последний год века, будь он, за исключением советских мирных лет, не к ночи помянут. Воровство и продажа родины оптом и в розницу достигли апогея. И флота это коснулось в полной мере: судоремонтный завод в Палой губе приказал долго жить: некому и нечего ремонтировать. На отцову пенсию всему семейству не прожить, тем более в заполярных скалах. Переехали в Ленинград, купив на благоразумно сбереженные бакинские доллары (это не тавтология!) двухкомнатную квартиру. Лена вышла на северную, в пятьдесят лет, пенсию, делила жизнь между Питером и Москвой — воспитывать двух внуков: мужа дочери по эмвэдэшной линии в столицу перевели.

В бывшем Ленинграде каперанг Бегеба еще более нужным человеком оказался, сразу его ввели в совет ветеранов-подводников, в круг отставных адмиралов Северного и Балтийского флотов. Прибаливал, но держался твердо. Однако через три года скончался. Похоронен в Питере... а экипаж его подлодки в Кислой губе Полярного. Далековато друг от друга.

♦ И все же они, погибший экипаж и его уцелевший командир, в новом веке соединились, хотя бы в списках на памятной доске. Как Николай Андреевич и в

школьные годы — после взрыва у пирса в Екатерининской гавани, и сейчас, читая письма Лены, не напрягая свою, недурственную вообще-то говоря, зрительную память, не мог вспомнить облик Анатолия Степановича. Скорее всего не пришлось воочию его видеть, что вообще-то удивительно, ведь экипаж буки тридцать седьмой, официально именуемый в/ч 87478, являлся шефом их класса! И скорее всего, когда пошло это веяние — шефство кораблей четвертой эскадры над классами полярниковской школы, — их класс, где училась дочь, командир подлодки и выбрал подшефным. По всей видимости, на встречах в школе и экскурсиях в подплав сам Бегеба не участвовал — без того хлопот хватает по «хозяйству»; а он, как истинный белорус, крепко и рачительно держал его на плаву и в полном порядке. Но может и просто полагал в делах шефства семейственность излишней.

Лена же в «бумажных» письмах, не стесненная отчужденностью интернетовского «мыла», вспоминала, как девочки их класса участвовали в подготовке похорон своих шефов: в пустой и холодной казарме подплава, в полной тишине вырезали бумажные цветы для венков. Где в середине зимы взять живые в заснеженном Полярном? А в памяти их такая недавняя встреча с экипажем, ведь первого января класс был у них в гостях. И опять Николка там отсутствовал: ангина, детский его недуг, напомнила о себе. Перегулял накануне на морозе, радуясь предстоящим десятидневным каникулам... если бы знал, чем они закончатся, вернее продлятся.

Теперь же, рассказывая в письмах о жизни в Ленинграде после переезда туда из Полярного всем семейством, вместе с отцом, Лена писала, что Анатолий Степанович, войдя в совет ветеранов-подводников с большим числом отставных, но еще влиятельных адмиралов, энергично занялся увековечиванием памяти о своем погибшем экипаже, а именно изготовлением и установкой памятной доски со списком имен погибших. Адмиралы поспособствовали своими связями в военных кругах. К две тысячи второму году доска была готова, но неожиданно, без всяких видимых причин, треснула. Кому-то был дан знак свыше...

Отставной капранг не остановился на этом, тем более, все расходы взяло на себя Центральное конструкторское бюро «Рубин», главный проектировщик советского подводного флота. Работы находились в разгаре, когда Анатолий Степанович скоропостижно скончался: сочѳтанный, как говорят медики, инфаркт и инсульт. Жизненные перипетии, ее крутой вираж на середине всего лишь четвертого десятка, крушение всех планов, прозябание моряка на каспийском берегу... даром не прошли.

Отставные адмиралы, курировавшие повторное изготовление памятной доски, порекомендовали внести в список имен командира подлодки. Так Бегеба, спустя сорок лет после взрыва в Екатерининской гавани, воссоединился со своим экипажем. Доска же была установлена в Никольском морском соборе в октябре две тысячи третьего года, причем по соседству с такой же памятной доской погибшему экипажу «Курска», — накануне семидесятилетия формирования четвертой эскадры подлодок в Полярном... Краснознаменной ордена Ушакова 1-й степени.

Николай Андреевич тяжело вздохнул, пробежав в памяти все связанное, известное ему, с гибелью буки-37. Заодно вспомнив другую лодку четвертой эскадры, за год до того бесследно исчезнувшую в пучине северных морей. А сколько их еще в мирное время навечно легло на дно? Он-то только о *своих*, *своего* Северного флота таких потерях знал. А ведь еще три флота и флотилии имеются. И четыре атомные подлодки — против двух американских, «Трешера» и «Скорпиона». — Все из состава Северного флота: К-8, затонувшая в Бискайском заливе из-за разгерметизации прочного корпуса; К-219, покоящаяся в Бермудском треугольнике — взрыв ракеты в шахте; в Норвежском море возле острова Медвежий погибла лодка «Комсомолец». Взрыв боезапаса, как и у Б-37, на ударной атомной подлодке «Курск»? — так гласит официальная версия. Но о причинах взрыва и гибели корабля и всех ста восемнадцати членов экипажа в этой версии ни полслова. И не только в Советском Союзе и в

России гибли подлодки. В мире за пятьдесят послевоенных лет погибло свыше сорока подводных кораблей.

Николай Андреевич непроизвольно судорожно вздохнув, подавил горловой комок, отпил пару глотков остывшего чая. Подумал: если тщательно покопаться в памяти, сопоставив все самим виденное и слышанное в школьные годы в Полярном с сообщенным в пространных письмах — не интернетные же, механически направляющих руку на клавиатуре к сухому телеграфному стилю, а та же рука с ручкой по бумаге в охотку страницу за страницей исписывает! — Лены и прочитанным в книгах того же Черкашина и Мормуля*, других авторов, писавших о Северном флоте, которые он со студенческих лет собирал небольшой библиотечкой, в основном мурманского и ленинградских издательств... то воспоминания можно до вечера этого замечательного ранне-июльского дня начала сладостного двухмесячного отпуска продлить. А для живости работы подсознания, хранилища памяти о былом — конек профессора Скородумова, желательно допить заветную бутылочку, а может и еще за одной сходить после двух часов пополудни — начала продажи в будние дни, благо сетевой магазинчик «Красное & белое» в их же доме с торца четвертого подъезда.

С другой стороны, такое копанье в мелких подробностях взрыва в Екатерининской гавани, даже опосредованно с ним связанных, как-то размывает в памяти общую трагическую картину, размельчает ее, снижают... сразу припомнил не столь давнюю беседу с профессором Скородумовым в «место встречи изменить нельзя», то есть в распивочной «Наливай-ка!». Почему-то разговор зашел о модернизме в живописи (!) и много чего знающий Игорь Васильевич обстоятельно пояснил, что первыми русскими импрессионистами — в духе европейской, французской моды — полагаются Константин Коровин с его «Портретом хористки» и Валентин Серов — знаменитая «Девочка с персиком». И еще профессор заинтересовал своего заполярного визави тем фактом, что оба живописца вместе ездили на пленэр в Романов-на-Мурмане по только что построенной в 1916 году железной дороге... До чего же тесен этот мир, хотя бы и разнесенный на многие года!

Вот к схожему эффекту импрессии и приводит детализация воспоминаний... и здесь же Николай Андреевич, явно в диссонанс с горестной темой этих воспоминаний, усмехнулся, поскольку от Коровина и Серова язвительный Игорь Васильевич перешел к советскому уже живописцу Игорю Эммануиловичу Грабарю, академику, народному художнику СССР, главному искусствоведу страны и директору Третьяковской галереи.

— Понимаешь, Андреевич, всем советским поколениям он знаем как автор многокартинной «Ленинианы». Но вот недавно по телепрограмме «Культура» увидел передачу о Грабаре. Так там о ленинских полотнах всего несколько слов сказали, мол, умел мастер многостаночный и в реалистической манере работать, но на самом дела являлся Игорь Эммануилович пейзажистом и истовым импрессионистом. Я для интереса по «инту», при всем моем, как и твоём, отвращении, просмотрел его картины, в том числе самую известную «В. И. Ленин у прямого провода», в хрущевские уже времена написанную и помещенную в Третьяковку. Помнишь: управделами Совнаркома Бонч-Бруевич ленту телеграфную читает, а Ильич вслушивается и здесь же — видно по выражению лица — серьезнейшие решения принимает, что-то навряде прежних «Апрельских тезисов». Но здесь поисковик прореагировал на название полотна и выкинул на экран того же Грабаря картину с точь-в-точь таким же названием «В. И. Ленин у прямого провода», в тридцать третьем году созданную... только там ленту с аппарата Иосиф Виссарионович принимает, читает и наставительно по-

* Изданная в Мурманске в 2001 году объемистая книга «Катастрофы под водой (Гибель подводных лодок в эпоху «холодной войны»)»... Правда, у контр-адмирала Н. Г. Мормуля явственна обидка на советскую власть, поскольку в 80-х годах побывал в психушке и пяти тюрьмах, как пишет в предисловии к книге адмирал В. Н. Поникаровский.— Прим. авт.

ясняет несколько стусевавшемся Владимиру Ильичу. Антураж комнаты, композиции обоих вариантов одинаковы. И совершенно один и тот же телеграфист — фигура легендарная, историческая, финн, личный телеграфист Ленина. Ха-ха-ха! Чтобы, значит, место не пустовало в Третьяковке после хрущевской хулы на Генералиссимуса... Импрессионисты! Это как *датские* поэты, что к датам вирши сочиняют.

◆ Но Грабарь В. И. Ленина на подводной лодке не изображал. Поэтому, еще раз усмехнувшись, Николай Андреевич дальше в своих воспоминаниях темы особенностей советских живописцев не развивал, только напоследок шаловливо подумал: а в каком отсеке подлодки художник разместил бы Вождя революции, финна-телеграфиста и сменных персонажей в вариантах «до» и «после», то есть Генералиссимуса и Бонч-Бруевича? И неожиданно сам свои размышления резюмировал: подлодки потому почти отсутствуют на картинах грабарей и других советских художников, равно как импортных пикассов, сикейросов, сальваторов дали, всех абстракционистов мира скопом, примитивистов от Малевича, Кандинского и Шагала до югослава Ивана Генералича, нынешних Шемякина и Никаса Сафронова, Ильи Глазунова тож, что даже в надводном положении и рисовать-то нечего? Действительно, одинаковая у всех рубка и чуть-чуть поднятая над водой округлая верхняя палуба. Какие здесь сюжеты, композиции, ракурсы и пр.? Еще что-то можно изобразить, имея в виду подлодки тридцатых-сороковых годов — с пушкой на палубе, а к ее казенной части приник матрос в бескозырке с развевающимися на морском ветру лентами... Но давно уже пушек нет, все спрятано в нутре, сама подлодка на девяносто восемь процентов под водой. Что изображать-то!

Можно, конечно, рисовать лодку в условном, вертикальном разрезе толщи океанских вод — как модный среди столичной интеллигенции семидесятых годов литовский художник Чюрлёнис изображал жизнь на поверхности земли и покойников, в землю закопанных. Можно, но, во-первых, сразу эпигоном нарекут, а во-вторых и в главных, еще бóльшая скука получится. Подлодка в разрезе водной толщи все одно что кубинская сигара «Большая корона», которыми старший школьник Николай (не Николка, так как работал уже в дэкафе) баловался, лежащая на синеватом листе бумаги.

...А отец по поводу взрыва в Екатерининской гавани как-то по случаю высказался: «С тридцать шестого года, Коль, служу, теперь вольнонаемным, на флоте (понятно, *по случаю* чудесно перепавшей ему от буфетчицы Зинки бутылочки перцовки — за починенные домашние утюг и электрочайник), и могу сказать: чем сложнее военная техника, тем нелепее причина аварий. Вот на той неделе заходили ко мне в электробудку два кавторанга-подводника: умолили Зинку продать им по двойной цене бутылку. А за выпивкой разгорячились: «Двадцать версий взрыва тридцать седьмой буки — и одна чуднее другой! И главной причины не называют явно: организация флотских дел ох как хромает! И в случае чего ответчик — обязательно командир лодки, офицер, а то и вовсе на матросов спишут. Но для кого у нас, в подплаве, секрет, что могут загрузить перед выходом в море боезапас с почти истекшим сроком хранения? Вот и Бегебе, как говорят, такие торпеды подсунули. Они же, родимые, на стеллажах лежат с вышибалкой пневматической под две сотни атмосфер — может и в отсеке вышибнуть! И чего только помимо торпед в отсеке не хранится? Да все горючим может в один миг стать...».

Отец подвел итог, тем более бутылка доньшко показала: «...Когда саблей побуденовски машешь или из трехлинейки палишь, то только на себя надеешься, поэтому не порежешься и случайно не застрелишься. А вот сядешь в кабину истребителя или спустишься по трапу в отсек подлодки — и не столько уже на себя полагаешься, сколько на господ бога, что правильно водил рукой конструктора военной техники, инженерами и работягами «номерного» завода, а главное, головами замполитов и прочего начальства аэродромов и флотских баз. Вот так-то, Коль!»

...Но то живопись, которой подводная лодка не к лицу. Другое дело песенная му-

зыка. Та же «Желтая подводная лодка» на импортных пластах по шестьдесят-восемьдесят рэ за штуку и отечественных «ребрышках» — в годы юности и ранней танцмолодости. А в них Николка по своему чину заведующего школьной радиорубкой с субботними танцуйками разбирался основательно. И авиация песнями не обижена: за танцвечер не один раз к нему забегали ребята и девчонки: «Коль! Поставь еще раз «Шестнадцать тонн»! — это где американский певец угрюмым басом под музыку в два притопа, в три прихлопа рассказывает о военном пилоте бомбардировщика, что летит на боевое задание, а под крыльями его подвешены бомбы общей убойной силой в шестнадцать тонн... А вот в песнях о подлодках преобладает лирическая грусть...

◆ Даже в потаенных мыслях Николка не держал, что минует нелегкий год, начавшийся взрывом в Екатерининской гавани и завершившийся по осени Карибским кризисом, пройдет зима следующего года, и в самом конце теплого и солнечного мая месяца он, волею случая и своей должности по радиорубке, станет первым слушателем новой песни о подводниках. Не просто слушателем, но свидетелем рождения ее. Воистину реальность немалую фору может дать любой фантазии!

В тот день после уроков Николка зашел по делу на полчаса в свои владения. Бездельник занятия ищет, а к рукастому они сами идут. Завершив текущую мелочевку, собрался было вострить ноги в сторону дома, но здесь послышался хлопок нервно отворенной входной двери, а по внутренней лесенке торопливо взбежала завуч Нина Максимовна.

— Как хорошо, что ты здесь! Слушай, Коля, непредвиденное и срочное дело: только что позвонили из дэкафа, просят выручить. Оказывается, еще вчера приехали Александра Пахмутова с Добронравовым в сопровождении офицера из Североморска. Политуправление флота рекомендовало им побывать у нас, на Четвертой эскадре, коль скоро есть у них желание песню о подводниках написать. Там им экскурсию по подплаву устроили и с их участием погружение лодки в Екатерининской гавани образцово-показательное устроили. Сегодня отправились в дэкаф — начерно слова и музыку прорепетировать, а там, оказывается, рояль на «капремонте». То есть накануне настройщика из Мурманска привезли, тот покопался, развинтил что нужно, сказал, что надо ему в облфилармонию съездить, вроде как струны некоторые заменить, и был таков. Вот полковник Зинченко и переадресовал к нам, вернее к нашему инструменту...

— А-а мне-то что делать, Нина Максимовна?

— Мало ли что им потребуется! Может что из радиооборудования *твоего* хозяйства, опять же свет на сцене и в зале. Когда уйдут, выключишь, двери закроешь и в гардеробной ключ на доску повесишь. Я-то их только встречу и в зал проведу, а потом у нас педсовет — тоже из Североморска от районо приехали. Словом, будь гостеприимным хозяином! Ладно, пошла встречать песенных знаменитостей.

Уже через четверть часа Николка видел через кинопроекторное (радиорубка она же и киношная) окошко входящих в зал приезжих в сопровождении Нины Максимовны и директора Марии Ивановны. Пахмутову он тотчас узнал — пару раз в теленовостях видел и в «Огоньке» фотографию, рядом с солидным, хотя и молодежьим мужчиной. Теперь же сообразил — это и есть поэт и муж Пахмутовой, то есть Николай Добронравов.

Прошли на сцену. Пахмутова взяла несколько аккордов, видимо осталась довольной. С пяток минут поговорив, директорша и завуч ушли, впрочем, здесь же к Николке снова зашла Нина Максимовна.

— Знаешь, Коля, им кроме рояля ничего не нужно. Если хочешь, иди домой, а зал я закрою после педсовета. Смотри сам.

— Нет-нет, Нина Максимовна, я посмотрю... то есть послушаю.

— Ну и правильно. Где еще таких известных людей близко увидишь! Да еще за

их творческой работой. Тем более у нас, в прямом смысле на краю света, в ойкумене, так сказать (Нина Максимовна вела уроки географии). Значит и свет погасишь, дверь закроешь.

Окошки — их было два — под кинопроектор в полутора метрах от пола, долго стоять, так ноги деревянные, поэтому перетащил от окна стол: сидя — глаза прямо в окошко глядят. Так и просидел все полтора часа, что Пахмутова за роялем, а Добронравов на стуле обочь провели на сцене. Она в замедленном темпе перебирала по фразам мелодию, что напомнило Николке разучивание песни на уроках музыки, а Добронравов что-то чиркал в блокноте, произносил неслышимое Николке: от сцены отделял большой актальный зал в длину; капитальная стена с окошками размером в школьную тетрадь и вовсе глушила негромкий голос. Иногда поэт вставал, точнее вскакивал со стула, и прошагивал туда-обратно несколько метров сцены, держа в левой руке блокнот на развернутой странице, а правой несколько рассеянно, медленно проводил по своему затылку.

◆ Николка развернулся ухом к окошку так, что вплотную прижался правой стороной головы к проему, и разобрал слова, услышал мелодию — все вместе уже слагалось в песню:

*На пирсе тихо в час ночной,
Тебе известно лишь одной.*

Здесь Александра Николаевна приостановилась, дважды ударила по одной клавише тоном ниже, а затем выше. Добронравов снова чиркнул в блокноте, что-то сказал. Пахмутова продолжила игру, спела продолжение:

*...Когда усталая подлодка
Из глубины идет домой...*

Николка сообразил: поскольку строки про усталую подлодку снова и снова повторялись после других слов и музыкальных фраз, то это припев в песне. И еще он понял, что самым сложным оказалось начало:

*Лодка диким давлением сжата...
Дан приказ — дифферент на корму!*

...И догадался почему: технические слова «давлением сжата» и особенно «дифферент на корму» смотрятся официальными для песенного склада, потому и ноты под них туговато идут. Тут же, помимо всякого припоминания, всплыла история с конфузом дружка и одноклассника Сашки Белозерова. Тогда Мария Ивановна, еще не директор школы, вела в их классе русский язык и литературу. Как-то проводила разбор сочинений, заданных на дом: кого хвалила, иных поругивала за неграмотность, а когда дошла до Сашкиного, то усмехнулась. Он же настороженно сжался, ибо по этим предметам даже до умеренного троечника не дотягивал. «Саша,— с ощутимым подвохом обратилась учительница к нему,— а кто твоя мама по образованию?» — «Инженер, в Ленинграде Политехнический институт окончила»,— пробормотал несчастный тройбанист. «Ага, я так и поняла. Вот что, любезнейший сочинитель, когда в следующий раз мама твоя, кажется, Надеждой Захаровной ее звать? жалеючи своего малоуспешного отпрыска, будет диктовать тебе сочинение или изложение, то пусть попроще слова выбирает, главное, постарается специальных технических терминов избегать. Тройка с минусом! Из уважения к потраченному мамой времени».

Чуть покраснев — щеки потеплели,— из-за неуместности такого сравнения, Николка продолжил слушать и смотреть: ухо к окошку, глаза скосив вправо. И главное

понял: всякий творческий труд нелегок и требует времени и напряженной работы. Головой, конечно. А не как он прежде легкомысленно представлял: сел, мол, поэт за стол и, посвистывая, мигом набросал страничку-другую, перекусил наскоро и рысцой к композитору. Грам-там-тарарам! — и... лейся песня на просторе! Правильно отец говорит: «Не зная бродя, не суйся в воду. То есть, Коль, если своими глазами не увидел и ушами не услышал, то мыслям воли не давай!»

...Где-то через полгода Николка, крутя ручку приемника, впрочем бесцельно, отдыхая в воскресенье от недельных трудов праведных школьных, услышал объявление диктора, что в вечерней программе вы, уважаемые радиослушатели, встретитесь с исполнителями новых песен Александры Пахмутовой. С нетерпением ждал он названного часа. А когда ведущий концерта объявил песню «Усталая подлодка», музыка Александры Пахмутовой на слова Добронравова и Гребенникова, то Николка несколько горделиво ощутил себя сопричастным к творчеству таких знаменитых людей.* Совсем же недавно, получив по установившейся традиции от профессора Скородумова к некруглой годовщине Октябрьской революции сборник песен о Северном флоте мурманского издания семидесятых годов с штемпелем городской «Буккниги», Николай Андреевич вместе с «Усталой подлодкой» обнаружил текст и ноты песни о катерниках-североморцах, опять же Пахмутовой на стихи Гребенникова и Добронравова. Как понял доцент-ракетчик — все из того же их пребывания в Полярном. Но здесь школьный рояль не при чем: сам Николай Андреевич тому свидетель; раз слышал своими ушами и видел своими глазами в школьные годы.

♦ «От людей не жди блага, а уповай на господа», — не раз слышал Николка от матери, когда та с досадой вспоминала чью-либо пакость, коснувшуюся в той или иной степени их семейства. Отец же при этом язвительно ухмылялся и добавлял, переиначивая на обратный курс: «На бога надейся, а сам не плошай!». В редких случаях, когда мать досадовала при Андрее, которому этот самый бог-господь послал на обед четвертинку, то он, благодушно посмеиваясь, пускался в философское обоснование понятия блага. И так выходило, что благо — понятие сугубо относительное: для пацана младшеклассного — это найти под ногами двадцатикопеечную монету и купить кулечек самых дешевых карамелек; для взрослого же мужика... здесь уже мать смеялась: «Проснуться и вспомнить куда заначил год назад последнюю «отпускную» бутылку!». Отец при этих обидных словах — памятью не обижен — непроизвольно сглатывал слюну.

Но почему одиннадцатиклассник Николай, уже по второму году работы в дэкафе, вспомнил эти домашние разговоры отца с матерью, читая староизданную, конца прошлого века, красиво переплетенную книгу Достоевского, что порекомендовала постоянному читателю дэкафовой библиотеки Наталья Зосимовна? Такие книжки почтенная библиотечка давала только «своим», доставая их из шкафа в служебной части просторной библиотечной комнаты на первом этаже. В общем каталоге для посетителей книги заветного шкафа не числились, а были оприходованы в каких-то толстых канцелярских амбарных тетрадах — сугубо для рабочего пользования. Так сама Наталья Зосимовна поясняла Николаю, вводя его в категорию «своих»: «Книги эти, Коля, в числе других, уже советского издания, привезли в только что построенный в тридцатых годах дэкаф из Ленинграда, как подарок Северному флоту от шефов из Балтфлота. Что было у них в запасниках, то и отправили в Полярный. Когда я сюда пришла работать, то книги уже рассортировали. Что не рекомендовалось — но ведь прямо и не запрещалось? — различными инструкциями по линии наробраза,

* Лет с десяток тому назад этот эпизод был опубликован в форме рассказа в одном из литературных журналов, экземпляр которого я передал через московских знакомых, вращающихся в музыкально-артистических кругах столицы, Александре Николаевне. По словам передававшего журнал, та осталась довольной воспоминаниями о тех далеких годах, о ее пребывании в городе подводников Полярном.— Прим. авт.

главлита и других управлений для массового чтения, то и не расставляли на стеллажах нашей библиотеки, а в этот-то шкаф и упрятали от любознательных глаз. Так что, Коля-Николай, никакого нарушения в выдаче книг из шкафа нет, но и пропагандировать их по умолчанию не рекомендуется. Ты же, как я понимаю, человек серьезный, читатель аккуратный, небезынтересно будет тебе познакомиться с русской и зарубежной классикой прошлого и начала нынешнего веков поосновательнее. Вот и Андреян Матвеевич, отец твой, у меня в списке серьезных абонентов...».

И доставая для него из заветного шкафа, весьма поместительного, толстенный томик в изящно тисненом, красно-черном переплете с надписью на обороте «Библиотека знаменитых писателей. Книга XXXIV 1898 годъ. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ», Наталья Зосимовна пояснила: «В те времена почти все книги печатали и продавали в виде брошюр во временных мягких обложках, а покупатели, уже по своему вкусу «одевали» их в переплетных мастерских, коих было множество; даже в небольших уездных городках имелись. А вот издатель Вольф, имевший типографии в Петербурге и Москве, вроде как первым в России начал выпускать книги в фабричных твердых переплетах — вот как эта. Так и стали с двадцатых годов все книги печатать: либо в мягких обложках, а что потолще и посолиднее — в твердых переплетах. А эта книга есть знаменитые «Дневники писателя» Достоевского, то есть его общественно-политическая публицистика. А на вопрос Николая, поблагодарившего за книгу, о причинах неиздания «Дневников» великого русского писателя, Наталья Зосимовна явно не своими, какими-то казенными словами, скороговоркой объяснила: это Федор Михайлович писал, что называется на злобу дня, для своего времени, а сейчас уже почти век минул, нынешние взгляды у людей другие, словом, прочитаешь — может и свое, личное мнение составишь. «Но вот о внешней политике России в семидесятые годы прошлого века Достоевский замечательно и верно пишет. Так что прочитаешь — и значительно пополнишь свои знания по истории», — заметила библиотекарша, заполняя графу выдачи книг в библиотечной карточке Николая.

♦ Книжку Достоевского издания товарищества М. О. Вольф Николай получил из добродетельных рук Натальи Зосимовны перед самым наступающим шестьдесят шестым годом, но читать «Дневники писателя» начал только со второго января этого самого года, знаменательного (он уже знал о символическом числе Антихриста) не только тремя шестерками, хотя бы одна и перевернутая, но и годом окончания школы. А такого грандиозного события в его жизни еще не случилось. Хотя Зосимовна очень заинтересовала содержанием ранее не то что не читанной, но и не знаемой по названию книги, но руки и глаза Николая в последние три предпраздничные дня полностью были в дэкафе и дома заняты иным, служебным. Что называется, аврал изобретателя.

Еще в прошлый Новый год Николай в паре с отцом переносили огромный, где-то метр на полтора, короб из крепкой многослойной фанеры из их подвальной мастерской в комнатку-предбанник перед обширным бальным залом дэкафа. Так его по старинке именовали старослужащие, те ж Варвара Пантелеевна и Наталья Зосимовна. На новогодние праздничные дни в зале с паркетным полом и пятиметровой высоты потолком с лепниной и выступающими на полдиаметра из стен дорическими колоннами, с двумя ярусными люстрами, дэкафовский плотник с завхозом Пал Никитичем устанавливали роскошную елку, почти под потолок высотой. В совершенно безлесные места эти, то есть в дэкафы Полярного и Североморска, более скромные флотские и гражданские клубы, в школы, елки, по ранжиру их высоты, развозила со стороны Мурманска специально зафрахтованная у Гидроотдела Северного флота баржа. Скорее всего и в мурманский порт их доставляли в товарных вагонах из-под Канда-лакши, с которой начиналась еловая карельская тайга. Так еще бывший начальник дэкафа полковник Зинченко говорил.

...Бережно перенеся короб, отец снимал фанерную крышку. Глазам Николая открывалась картина, чем-то, только в увеличенном масштабе, напоминавшая наглядные пособия к школьным урокам физики: на днище из той же толстой фанеры в несколько рядов располагались реле различных видов: от слабощных типа *РКН* до сильноточных неизвестной даже радисту Николаю марки. Присмотревшись поближе и повнимательнее, он и вовсе в восторг пришел: на некоторых реле стояли даты выпусков тридцатых годов; на других и вовсе слова на английском и немецком языках, то есть лендливские американские и трофейные фрицевские...

По сложной схеме разводки реле соединялись жгутами разноцветных проводов. Отец подключил выходы устройства к контактам на вделанной в стену распределительной коробке. Реле застрекотали, а сильноточные забухали. В зале же забегали огнями переключаемые коробчатым механизмом (отец закрыл схему крышкой — защита от дурака, что норовит всюду пальцы ткнуть) елочные гирлянды. А четыре установленные на вершинах углов зала прожектора-«пистолеты» диагонально-парно высвечивали елку с одновременным выключением обеих люстр зала. Вот для исполнения этих сложно чередующихся манипуляций и был создан неким давним умельцем, явно из флотских радистов или электромехаников, этот громоздкий коробчатый аппарат.

— Черт-те что, — ворчал отец, окончив объяснения Николаю: что, где и куда включать, — две пары рук для переноски! Того и гляди рассыплется... опять же народ здесь всякий шляется, того и гляди, что на детском утреннике какой-нибудь пацаненок приподнимет крышку и руку вовнутрь засунет! То есть постоянно тебе или мне придется при этом *глюкале* находиться. А кто из электробудки станет свет в смотровом зале включать-выключать? А если спектакль, то и вовсе сценические софиты и прожектора надо переключать — не отойдешь! Конечно, Зинченко не откажет матроса из патрульной команды при этой штуковине для охраны приставить, но что с него возьмешь: на девок заглядится, годки с его корабля подойдут... словом, служба идет!

— Так ведь можно в закрытом металлическом корпусе все это разместить на многоэтажном шасси: и схема закрыта от посторонних рук и глаз, и размеры с весом не более — здесь Николай прикидочно сделал паузу, — ...чуть потяжелее, но не больше, а в длину даже меньше чем саквояж, с которым доктора на вызовы ходят.

— Вот и возмись, раз радист уже почти профессиональный. Целый год у тебя впереди, — как-то рассеянно, не задумываясь, ответил отец. Николай сообразил и хмыкнул; только что Андреян жаловался: вместо обычной «премиальной» поллитровки к Новому году за услуги по электрохозяйству Зинка-буфетчица выдала всего лишь четвертинку... Явно не подумавши сказал отец.

Но Николай воспринял поощрение отца всерьез и действительно к следующей декафовой елке «перевел», полностью переработав схему переключений, а задатчик команд и вовсе сделав на транзисторной электронике, громоздкий фанерный короб в аккуратный прибор с дюралевым кожухом и ручками управления-переключения на передней панели. В последние же предновогодние дни и вовсе только по необходимости — обслуживать из электробудки освещение зала и сцены — выходил из мастерской. Первого же января, на всякий-який случай, не отходил от *своего* прибора и любовался слаженным переключением гирлянд на елке и подпотолочных прожекторов в бальном зале.

Все же остальные дни каникул, свободные от домашних заданий, в перерывах между дежурным обслуживанием обоих залов, кино-концертного и бального, читал «Дневники писателя» Достоевского, совершенно отличные от ранее прочитанных его книг: обязательного по школьной программе «Преступления и наказания», очень увлекших его «Братьев Карамазовых», с трудом одолевшего «Идиота» и вовсе не понятого «Подростка». Как будто два, совершенно различных писателя!

♦ Тем не менее, у «двух» этих Достоевских неразделимое общее: поначалу чита-

ется трудно. И дело совсем не в старой орфографии «Дневников» издательства товарищества М. О. Вольфа: благодаря все той же Наталье Зосимовне, Николай уже привык читать староизданные книги, не запинаясь на ятях, редких фитах, латинских *i* и твердых знаках на окончаниях слов на согласную букву — «слово-ер», так это называется, объяснила ему Варвара Пантелеевна, заставшая обучение в царской школе.

Нет, когда Николай начинал читать Достоевского, то первую четверть часа вроде как пробирался в частоколе неправильно расставленных-разложенных слов. Но затем захватывало, а частокол выравнивался в несколько сложноватый, но хорошо продуманный порядок. Когда «проходили» Достоевского с неизменным Раскольниковым и убитой им старухой-процентщицей, он не удержался и спросил на уроке литературы у все знающей Валентины Николаевны о таком вот частоколе слов. Та с интересом посмотрела на круглого отличника по предмету, похвалила за наблюдательность и, как она изящно выразилась, «за тонкое чувствование индивидуального слога писателя». Но поскольку в тот день она ходила по школе необычно веселая, с загадочной полуулыбкой (Сергея Иевлев шепнул ему: «Вчера подлодка ее мужа вернулась в Полярный с трехмесячного дежурства в Средиземном море»), то позволила себе педагогическим цитированием самого Федора Михайловича объяснить некоторую сложность в чтении написанного им: мол, отвечая на схожие с Николаевым вопрос какого-то литератора, Достоевский ответил в том смысле, что нет у него времени и условий, как у того же Льва Толстого с родовой усадьбой Ясной Поляной, чтобы спокойно, не торопясь, тщательно отделять свои произведения, по несколько раз заново переписывая. Приходится же, чтобы заработать на жизнь семейства своего и отдачу долгов за проигрыши в Карлсбаде, прямо из-под пера отправлять исписанные листы в типографский набор. «Примерно так, ребята, и говорил великий наш писатель, — уже педагогично посерьезнела Валентина Николаевна, — хотя, может и несколько преувеличил тот собеседник-литератор. Как бы то ни было, истинный талант не огордишь, Коля, никаким частоколом!».

...Кстати, по старой орфографии*, что сразу бросилось в глаза Николаю, и само имя автора начиналось с пресловутой фиты: *Ф. М. Достоевский*, а привычное *Ф* раньше называлось фертом. Все та же Валентина Николаевна как-то на уроке заметила. В оглавлении книги значилось: «Дневники» за 1877 и 1880—81 года. Как Николай сообразил, в промежуточные года Достоевский их не писал, но в два последних года жизни продолжил их.

Начав читать с «Дневника» семьдесят седьмого года, четыреста с лишним страниц убористого текста которого и составляли без малого весь толстенный томик, что называется, «карманного формата», поначалу Николай не мог сообразить: чем так великий русский писатель провинился перед советской властью, что она вот уже почти полвека запрещает печатать «Дневники»? Действительно, в разделах за первые два зимние месяца пишется о ненависти Европы к России, возросшей многократно во второй половине девятнадцатого века, о русской государственной мечте решения Восточного вопроса взятием Константинополя... Но ведь и на уроках истории им то же самое Белла Нурьевна по учебнику говорила? Правда, у Достоевского это гораздо интереснее и подробнее описывается, с многими примерами, не упоминаемыми в этих учебниках. О Меттернихе австрийском крайне неодобрительно Федор Михайлович говорит, язвительно о Европе: исторический и злонамеренный враг России.

Но вот начал он читать — под отдаленный, из бального зала, веселый гомон и грохотанье вечернего новогоднего веселья — мартовский раздел и, сразу после Вос-

* Общепринято считать, что переход в 1918 году на нынешнюю орфографию русского языка есть изобретение советской власти (по-нынешнему «большевистские штучки»). На самом деле таковая реформа была подготовлена Министерством просвещения Российской империи, но введение в обиход нового правописания застопорила Первая (империалистическая) мировая война. — Прим. авт.

точного вопроса и европейских происков, вдруг о евреях сразу три главы*! У Николая даже в ушах словно — хлопок и зазвенело: такого не доводилось ему еще слышать, тем более читать. Собственно и не наблюдал он в своей жизни евреев как таковых. На маяках их не было, а в Полярном только двух знал: их школьного учителя химии с чудной фамилией Бёрлин, с ударением на первом слоге, и директора несколько лет тому назад построенного городского кинотеатра «Север» Гринбаума, всегда щегольски одетого, с актерскими усиками, единственного в городе носившего летом лаковые туфли. Николай его часто видел на сцене дэкафа — организатор и руководитель команды входящего в моду кавээна. Еще в Полярном улица названа в честь Израиля Ильича Фисановича, прославленного командира-подводника, первого на Северном флоте Героя Советского Союза среди них, подлодку которого в конце войны по ошибке потопил английский бомбардировщик... В отцовой деревне Дворцы их тоже не имелось.

◆ И вообще дома, в школе, в дэкафе говорить о людях этой национальности не было принято. Даже само их название вслух редко произносилось. Еще в пятом классе Николка спросил у отца, почему это можно совершенно обычно произносить слова татарин, заглаза — даже хохол, латыш, братья Седалины, что на маяках Седловатом и Большом Оленьем — лопари, не говоря уже о французах, англичанах, немцах... а вот о евреях говорить не принято. Андреян хмыкнул неопределенно, медленно набил «золотым руном» трубку, раскурил, окутав Николку сладким ароматным дымом. Немного подумал, затем махнул рукой со словами: «Сложно это объяснить пацану. Давай так: вырастешь, поумнеешь, сам для себя и разберешься. Ну-у, евреи! — люди как люди, обычно вежливые, дураков и пьяниц среди них мало. Народ исторический, своей родины давно лишился, поэтому и много им досталось по жизни. Словом, сам, взрослея, многое поймешь. А раз получилось, что не нравится им постоянное упоминание их национальности, так это их дело. Здесь главное, чтобы ни в какую сторону палку не перегибать. Ведь вместе все мы живем — одна страна. С татарами вот триста лет воевали, а уже пять сотен годов вместе проживаем».

...Николай, вспомнив тот давний разговор с отцом, сообразил: для нынешнего времени Достоевский в «Дневниках» явно перегнул ту самую палку. Поэтому в новой орфографии их и не печатают почти полсотни лет. Что написано для одного времени, иногда совершенно не подходит для другого. Так философски размышлял Николай, дочитав мартовский раздел «Дневника» за семьдесят седьмой год прошлого века. А как же быть с присказкой «что написано пером, того не вырубишь топором»? На этот вопрос, заданный самому себе, он не смог ответить... оставил на потом, на будущую взрослую жизнь. «Жизнь сама всему научит», — как часто наставляла мать, почему-то добавляя загадочное: «Звонок бубен, да страшен игумен». Порой Николка, и даже Николай, не понимали ее архангельский язык.

К окончанию новогодних каникул дочитал томик Достоевского. И именно рассуждения великого писателя о внешней политике России, ее вечном противостоянии с Европой заставляли Николая не раз и не два вспоминать пословицы матери и отца о неблагодарности, постоянной необходимости быть настороже, самому «не плошать». Не только в отношениях между отдельными людьми, но и страны России с Европой. Как бы та Россия не называлась: царством, империей или как сейчас — Советской. В чем причина такой застарелой, почти что с Киевской Руси, ненависти европейских людей к русской стране? Вот пишет, к примеру, Федор Михайлович, что Россия

* На время нашей учебы в Литературном институте пришлось окончание издания первого (и пока единственного) полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 30-ти томах. Оно несколько затормозилось именно на издании «Дневника писателя» за 1877 год, в который входит глава вторая за март месяц с «Еврейским вопросом», «Pro и contra» и «Status in statu» («Государство в государстве»). По институту ходили слухи, что редакционная комиссия издания все никак не может договориться на их счет с министерством культуры Екатериной Фурцевой. — Прим. авт.

судьбой своей и тысячелетней историей в такое положение поставлена, что никак ей нельзя побеждать в Европе. Воевать — пожалуйста, особенно за других, тех же австрийцев и пруссаков, против того же Наполеона или извечных турок. Усмехнулся горько Николай: хоть до Парижа или Стамбула-Константинополя в пешем марше доходи, но с неременным условием: после победы русские полки тотчас домой возвратятся. И Достоевский пишет, что если даже и могут победить наши европейцев, то для России это все одно, рано или поздно, обернется невыгодой и опасностью.

Все верно. Николай мысленно пробежал памятью по всем значительным войнам России лет за триста — невыгодно и опасно. Достоевский сказал, как сургучной печатью на ворсистой оберточной бумаге, в которой Николай получал бандероли «Товары-почтой» с радиодетальями, припечатал. И делал классик русской литературы лишь одно исключение: Европа позволяет России только «домашние» победы, навроде завоевания Кавказа... и Средней Азии, подсказал Достоевскому Николай.

Но опять же: прав ли сейчас Федор Михайлович в отношении стран народной демократии в Европе, что Советский Союз... вообще-то говоря, *именно завоевал* в срок пятом году, особенно Восточную Германию, Венгрию, Румынию, хотя та и схитрила в конце войны, союзную Гитлеру Словакию в составе нынешней Чехословакии? Однако насколько надежно это завоевания — условное присоединение к СССР с помощью Варшавского договора, Совета экономической взаимопомощи, наконец, прямого размещения советских армий в ГДР, Венгрии и... кажется, в Польше? Перебрав в голове все слышанное на этот счет от отца, понял, что тот сильно сомневается в этих «верных союзниках».

А как же чисто славянские страны? Сомнительны Польша и Чехословакия, но ведь южных-то славян, болгар и более полудесятка народов Югославии, именно Россия в бесконечных войнах освободила от пятиста лет турецкого рабства?

И только задумался он об излишней категоричности Достоевского, как из «Дневника» все за тот же семьдесят седьмой год словно искрой в глаза брызнуло. А они выхватил из текста обличение этих самых друзей-братушек. Дескать, самые лютые ненавистники, прямые враги, клеветники и завистники России есть именно освобожденные ею от турок славянские племена. И такими противороссийскими злыднями они становятся именно тогда, как только Россия освободит их... и Европа снисходительно признает их освобожденными.

Действительно, из школьной истории и прочитанных книг, исторических романов, знал Николай: ни одна из освобожденных русскими войсками южнославянских стран не пожелала поставить во главе монарха из российских великих князей. Еще не знал Достоевский в семьдесят седьмом году, когда Россия насмерть столкнулась с турками в войне за освобождение Болгарии, что она, обретя свободу, избрет царем немецкого принца из рода Гогенцоллернов (!). Даже в Империалистическую мировую войну не выступит против турок, союзников Германии и Австро-Венгрии, а во Вторую мировую хотя и не решится воевать с Советским Союзом, но царь Борис сделает Болгарию верным сателлитом Третьего рейха... Истинно: им всегда своя рубашка ближе к телу... желательно, европейского шитья и покроя. Стократно прав Достоевский! — потому и гений.

♦ Итак, настроиваясь на философский лад размышления, как то наблюдал он у отца после второй стопки, Николай приходил к выводу по прочтении «Дневников» Достоевского: не совсем понятно почему, но России почти во все времена приходилось сталкиваться с откровенной, еще хуже — маскируемой, враждебностью Европы, а сейчас и могущественной Америки. И особой надежды на вроде как друзей на Западе и Востоке из соцлагеря не следует питать: исторический опыт, как убежденно писал Достоевский, тому свидетельство более чем очевидное. Но вот славяне, особенно южные? — Николай все еще сомневался в правоте великого писателя.

Вывод же простой: только военное могущество оберегало Россию, а теперь по-

звонит Советскому Союзу сохранять свою независимость. Мы не Швейцария, не другие нейтральные страны, то есть Финляндия, Швеция и Австрия, чтобы жить в покое без армии и флота. Тем более, что вся остальная капиталистическая Европа объединена Америкой в НАТО, созданное именно для противостояния с нашей страной.

...Если раньше он воспринимал само существование Полярного с Екатерининской гаванью, забитой вдоль всего материкового берега подлодками Четвертой эскадры и надводными кораблями ОВР^{а*}, с многотысячным населением, в котором на одного гражданского приходится — даже по мимолетной прикидке — два-три в военной форме, весь Кольский залив и все северное побережье *их* полуострова от норвежской границы до Терского берега на Беломорье, губы и заливы которого также места базирования кораблей флота... словом, полагал это как нечто данное, так, мол, надо, то теперь начал осознавать причину, а главное необходимость такой данности. А тут еще Серега Иевлев, отец которого, явно метя в адмиралы, недавно закончил, без отрыва от службы, академию, понятно со слов бати, щегольнул словами, якобы сказанными царем Александром Третьим: у России только ее армия и флот являются союзниками.

А ведь так и получается в истории страны? Императора Александра Третьего Николай уважал. В его скромной нумизматической коллекции серебряный рублевик с вычеканенным лицом бородатого царя выгодно смотрелся по сравнению с другими рублевыми, полтинными и четвертакowymi монетами, на которых, исключая сына его Николая Второго, императоры либо вовсе не изображались, или же присутствовали царицы восемнадцатого века. Опять же Андреян одобрял царя-мироотворца: «Серьезный мужик был. Полярный раньше Александровском назывался в его честь. Он первым из царей указал на необходимость создания военного флота на Севере, в *наших* местах. И выпить не дурак был. В одной книжке, до войны еще, читал: специально передел всю армию в широкие шаровары, чтобы самому от царицы прятать в кармане бутылку коньяка!»

Слова отца укрепили его мнение о полезности для России правления первого бородатого императора: Андреян полагал непьющих людей хворыми, еще хуже — себе на уме. Те и другие пользы мало приносят, но хлопот и вреда много доставляют, соответственно. Слушая подобные философствования Андреяна, мать непременно в пику добавляла что-то из своего архангельского, навроде «поросенок только на блюде не хрюкает»...

Меж тем заканчивалось школьное учение, а вместе с ним и окончание заполярной жизни, затянувшейся от рождения его до восемнадцати лет. Уже было окончательно решено: этим летом семейство перебирается на Большую землю, в областной город, немного южнее Москвы, а Николай будет поступать в тамошний политехнический институт.

♦ Месяц выпускных экзаменов, вроде как давно ожидаемых, многожды обдуманных, с приятелями обговоренных, тем не менее обрушился с внезапностью зимнего шторма в маячную бытность пацана Николки. Так оно и случается в жизни: долго к чему-то важному, переломному готовишься... а приходит оно и свершается удивительно буднично.

И вовсе нешуточное это событие, растянувшееся почти на весь первый летний месяц: окончание школы и прощание с Севером, два крутых перелома, каких он давно не испытывал в жизни. Даже окончание маячного *кочевания*, по словам матери, когда та сердилась, и переезд семьи в Полярный в сравнение не идет. Прощай, школа и дэкаф, за тысячи километров останутся под чередующимися полярными днями и ночами Полярный, острова Седловатый и Большой Олений, Екатерининский тож,

* То есть флотской службы охраны водных рубежей, корабли оперативно-тактического назначения по охране морских границ в зоне ответственности Северного флота: торпедоносцы, сторожевые катера, малые противолодочные корабли «охотники» и др.— Прим. авт.

прощай, минувшее детство, отрочество и вступившая в права юность. Не на пару месяцев в отцову деревню Дворцы на реке Угре отправится он через две недели, но в совершенно новую жизнь на Большой земле.

Примерно так, со слегка щемящей грустью прощания и теплом волнующих надежд на скорое будущее, размышлял Николай, вышедший из дома (работу в дэкафе замещал дембельским отпуском) в один из дней между экзаменами по физике и химии. Даже не в один, но именно накануне последнего. Как официально утвержденный лучший ученик выпускных классов по химии, которую, кстати, воспринимал со скукой, безынтересно, еще сегодняшней светлой ночью для самоконтроля пробежался по экзаменационным вопросам, заснул под утро и проснулся ближе к полудню. Поел и отправился в сторону переймы, для проформы положив в просторный боковой карман белой летней куртки нетолстый учебник прошлых школьных лет по неорганической химии. Об органической вовсе не задумывался: с самых первых уроков по этому предмету как-то само собой уловил ее сходство с математикой, то есть от изначально простого, элементарного ко все более сложному, но по единым в общем-то правилам. Так и в органической химии: понять, что вся она состоит в усложнении числа и связей атомов углерода, водорода и кислорода: от углекислого газа до наконец-то ослабленного сухого закона на Северном флоте, но крепостью не выше двадцати градусов C_2H_5OH , а там и до великого разнообразия мономеров и пластмасс-полимеров.

...А в другой карман, уже не для проформы, но для утоления аппетита, на который он никогда не жаловался, опустил газетный сверток с парой бутербродов — с колбасой и сыром. Непроизвольно мелькнула мыслишка: скоро придется отказаться и от продукта высшего качества — консервированной колбасы с мелким шпиком и твердого сыра с тмином по-грузински. От подплавовских щедрот за жидкую валюту.

Дорога от дома с номером семь по улице Сивко до переймы столь знакома и привычна, что шел он хотя бы с открытыми глазами, но предоставив ногам самим идти: компас в голове сам выдает им команду на смену текущего курса. Спустился со *своей* сопки с раскиданными финскими домиками улицы имени героического матрос-катериника на стержневую улицу Советскую Старого Полярного, прошел ее прямолинейную длину до треугольника из зданий почты, районной библиотеки и гражданской больницы. За последней поднялся по деревянной лестнице в три пролета на пологую, невысокую сопку. С полкилометра шел по протоптанной в вереске и вороничнике тропинке. Вокруг уже нет строений, только слева, ближе к спуску в подплав, антенное поле дальней коротковолновой связи с кораблями в плавании: между стальными решетчатыми вышками натянуты многопроводные антенны с распорками из трубчатых колец. Уже профессиональному — только что, в мае месяце, состоялись экзамены по производственному обучению, и Алексей Васильевич вручил своим подопечным свидетельства о присвоении разряда радиотелеграфиста и соответствующие значки — радисту Николаю грех и задумываться о типе таких антенн: диполь Надененко, конечно. А в центре антенного поля секционные домики-коробки с радиоаппаратурой. Не торопясь по замечательно теплой и солнечной погоде, около них прохаживаются матросы: вроде как по делам обыденным, но явно с мечтательными мыслями о все приближающемся дембеле; матрос служит, а служба неторопко идет. Во флоте вообще не принято торопиться, времени вволю: не так уж и давно четырехлетнюю службу «чертей полосатых» сократили на год...

Но вот впереди открылся вид на Екатерининский остров. Спускаясь вниз, тропа ведет к перейме, но Николай свернул налево и начал взбираться на крутую сопку — вершину горы Энгельгардта. Завершение его сегодняшнего пути.

♦ Вся дорога от окончания улицы Советской Старого Полярного до вершины горы шла по безлюдному месту, не считая антенного поля, то есть ни души вокруг и вообще каких-либо следов пребывания человека. Опять же не беря во внимание на-

меки на тропу к переи́ме, где между мшастым гранитом сопки встречались вересковые лужайки.

Хотя по времени и немного, но успел почувствовать себя вне городской жизни, как когда-то бродящим без особой цели по безлюдному Екатерининскому или по Седловатому и Большому Оленьему островам, когда невысокая сопка застит малочисленные маячные строения. Потому восторгом преисполнился, увидев внезапно открывшуюся с вершины самой высокой в окрестности Полярного сопки картину, на которой природа-живописец, где крупными мазками, а где тонкой иконописной прописью (спасибо учительнице рисования, из ленинградских художниц за мужеморьяком последовавшей в Заполярье), раскинула в сложно переплетающейся перспективе вид на выход Кольского залива в Баренцево море, на многие мили по всем румбам компаса.— С флотским ударением: компас, рапорт, фланговой и штилевой.

Аж дух захватило попервоначалу: все ранее виденное, а местами прожитое, ногами протоптанное, на шлюпках и катерах пройденное, а в совокупности — все владения Северного флота в самом густонаселенном людьми и кораблями его окоеме. Тоже хорошее слово *окоем* — от географички их знаменитой, что еще царскую гимназию окончила, услышанное. Что видишь вокруг, глазами своими охватываешь, то и есть окоем: все, что око твое охватывает. Так Вера Степановна объясняла еще в седьмом классе. От нее же тогдашний Николка узнал и название высокой западной — по отношению к городу — сопки, круто обрывающейся в воду Екатерининской гавани, в которой на уровне той самой воды еще до войны пробита взрывами искусственная пещера для входа подлодок на случай бомбежек. Что и пригодилось пару лет спустя...

Непривычное для здешнего северного, флотского по преимуществу, человека, отдающее чем-то немецким имя Энгельгардта, как объясняла ученикам Вера Степановна, никакого отношения к немцам не имеет. Энгельгардты — давно обрусевшие шведы из числа захваченных Петром Первым в битве под Полтавой и пожалованным в русские дворяне. «Помните, ребята, из поэмы «Полтава»: «Сдается пылкий Шлиппенбах»? Вот и давний потомок Энгельгардт сдался в плен,— пояснила Вера Степановна.— Гора же наша названа, конечно, не в честь того, полтавского, но в память об архангельском губернаторе Энгельгардте, который на рубеже девятнадцатого и нынешнего веков, прибыв из Архангельска в Кандалакшу морским путем, далее пешком — хотя и генерал! — а через озера на лодках, прошел до Колы, то есть через весь Кольский полуостров, тогда дикий и необжитый...».

Разоховавшаяся географичка продолжила рассказ. Энгельгардт не из праздного любопытства протопал четыреста верст, но лично возглавил геодезическую экспедицию по прокладке телеграфной линии в Норвегию — до Кандалакши телеграф с Петербургом уже действовал. Нужна же была связь с Северной Норвегией для архангельских рыбопромысловиков и китоловов в Кольском заливе и Баренцевом море. Здесь уже коммерческий интерес переплетался с государственным: по завету своего отца Николай Второй готовил создание на Кольском севере военно-морской базы. Отсюда и вторая, а вообще-то и главная, необходимость в телеграфной линии. Скорее всего, Энгельгардт, человек доверенный от царя — по знатности их рода*, «попутно» должен был присмотреть возможное место базирования будущей флотилии Ледовитого океана.

Поэтому из Колы архангельский губернатор и двинулся далее на север вдоль

* А вот наиболее общественно известный из этого рода, Александр Николаевич Энгельгардт (1832—1893), профессор, выдающийся русский химик, ученый уровня Менделеева и Бутлерова, был выслан из Петербурга в свое имение в Смоленской губернии за поддержку студенческих волнений. За короткий срок он организовал образцовое сельхозпредприятие. Его книгу «Из деревни (12 писем 1872—1887)», выдержавшую семь изданий, часто цитировали Маркс и Ленин, а Сталин рекомендовал ее как настольную для сельхозруководителей.— Прим. авт.

Кольского залива. «Поскольку, ребята, сами своими глазами не раз видели с борта рейсового катера до Мурманска,— продолжала Вера Степановна,— что весь правый берег залива, исключая широкую бухту у Североморска, тогда становища Нижняя Ваенга, на всю его восьмидесятикилометровую длину скалистый, обрывистый, всего пара коротких и узких губ навряде Тюва-губы и Большой Волоковой, что почти напротив *нашего* Полярного, то Энгельгардт и отправился по левому берегу залива. Так он дошел до Екатерининской гавани, словно специально выстроенной природой для флотской базы. А своим западным выходом она смыкается на Палагубском мысе (Николка зарделся и горделиво окинул весь класс снисходительным взглядом: он-то ведь не один год жил на маяке того мыса!) с большими губами Пала и Оленья, что важно для рассредоточения кораблей по мере увеличения флота. Что впоследствии и сбылось: в Палой губе — судоремонтный завод Северного флота, а в Оленьей тоже сейчас большая стройка развертывается...».

Все от нее же, от географички Веры Степановны, узнал он, что за год до экспедиции Энгельгардта для принятия окончательного решения Александр Третий, за несколько месяцев до своей кончины, летом 1881 года отправил на Мурман министра финансов Витте, который окончательно и выбрал Екатерининскую гавань для создания там военно-морской базы. Он же убедил императора продлить уже проектируемую — в части топографических изысканий — железную дорогу на участке Канда-лакша — Кола до Екатерининской гавани. При планировании будущего города Александровска-на-Мурмане, торжественно открытого в последний год прошлого века, были учтены прикидки Александра Платоновича Энгельгардта: собственно место для строения города на материковом берегу Екатерининской гавани, озеро для водоснабжения (оно и сейчас таковое, рядом с электростанцией), карты топографической съемки местности...

♦ Все исполнилось, кроме продления железной дороги, что была по-стахановски (война! первый лендлиз стране нужен) построена за полтора года и открыта в 1916 году вместе с ее конечным пунктом: городом Романовым-на-Мурмане. Сооружали ее несколько десятков тысяч мобилизованных в стройбаты среднеазиатов. Поскольку же мусульманское население Средней Азии (и Кавказа тоже) по закону империи не подлежало воинской обязанности, то с этой мобилизацией было связано и единственное в Первую мировую войну восстание в Киргизии — опять союзница-«англичанка» подгадила по своей традиции...

...Солнце на верхушке горы в совершенно безветренный день припекало, поэтому Николай спустился метров на пять пониже, на естественную площадку размером меньше половины школьной классной комнаты. Хотя и удобно с нее рассматривать Полярный со всеми его окрестностями на много миль вокруг, но всякий раз, спустившись на нее, испытывал некоторое неуютное чувство: вроде сам ни в чем не виноват, но непонятным образом чьи-то несправедливые действия и на него легкой тенью падают. Хотя бы потому, что вот спустился он на площадку горы Энгельгардта, видит на ней разбросанные, позеленевшие от времени и дождей бетонные осколки давно взорванной плиты-стелы в два человеческих роста, с вырубленными буквами слов об основании Северного флота великим Сталиным, заржавленные обрывки цепи, что некогда на железных столбиках опоясывала памятную плиту, и... особо не задумывается: зачем взорвали памятник о таком значимом событии? кто распорядился и что чувствовали работяги-стройбатовцы, закладывая под основание бетонной плиты, выложенной мраморными пластинами, толстые шашки с закрепленными на них детонаторами? Или ничего в рабочей суете не чувствовали... как тот фриц из недавно смотренного фильма, попавший в плен и на допросе одно и то же долбящий: «За нас фюрер думает, а мы только выполняем приказ!». Неужели во всем мире, во все времена, у всех народов фюреры приказывают, а всякие обер-лейтенанты исполняют, не задумываясь?

Николай поморщился: тоже нашел фигуры сравнения. Может Генералиссимус палку перегнул, но ведь и Никите Кукурузнику все эти взрывы и сносы памятников по всей стране, полтора с небольшим года назад ох как аукнулось! — в пенсионеры союзного значения, а это вроде как стахановца на почетный покой, перевели. Садился — бодрился, а сел — свалился, как бы по-архангельски сказала мать.

Отгнав невольное неприятное чувство, Николай присел на ранее еще облюбованный большой обломок стелы. Прямо *под ним* широкая заасфальтированная площадка. С одной стороны заканчивается пирсом с пришвартованными в два-три борта подлодками, с другой сужается до выложенной бетонными плитами дороги к различным зданиям подплава. Только с вершины горы Энгельгардта и можно увидеть установленный там памятник подводникам Северного флота работы Веры Мухиной, впрочем, с такой высоты смотрится он непритязательно.

А ведь с этой площади-площадки и начинался Полярный, в смысле самый северный тогда в Российской империи город Александровск. Все та же учительница географии, почтенная Вера Степановна, сама заразившись интересом ребят к истории их города, на следующий урок принесла и пустила по рядам две иллюстрации, от времени пожелтевшие, явно вырезанные из старых журналов, но любовно вставленные под стекло в деревянные рамки. «Вот здесь граф-министр Витте с двумя чиновниками меньшего ранга рассматривает с высоты сопки Екатерининскую гавань. Это иллюстрация с картины художника... к сожалению, мне этот снимок достался без подписи. Пока не выяснила имя автора картины». Когда по их ряду картинка в рамке дошла до Николки, тот даже чуть присвистнул: граф с чиновниками в вицмундирах, полы которых развевал свежий верховой ветер, стояли... именно на том выступе горы Энгельгардта, хорошо ему знакомом, где младшеклассником он издала, от балюстрады Циркульного дома, у постамента не снесенного еще гранитного памятника Сталина, привык видеть памятную плиту в честь его же.

А в другой рамке иллюстрация явно с фотографии. И Вера Степановна подтвердила: «Это из старого, дореволюционного журнала. Фото сделано с торжественного открытия двадцать четвертого июня 1899 года нового города Александровска. Видите, здесь и подпись об освящении гавани и порта Александровска-на-Мурмане. И страница с пояснением к фотографии у меня сохранилась. Журнальный репортер писал, что на открытие свыше сотни гостей прибыли из тогдашней столицы, то есть Петербурга, из Москвы, Архангельска — тогда Кольский полуостров входил в состав Архангельской губернии. Иностранцы были приглашены — из Норвегии. Очень много жителей Колы присутствовало. А на рейде Екатерининской гавани — на фотографию они не вошли — стояли с десятков пароходов, на которых гости и прибыли из Архангельска, Кандалакши и Колы, русский крейсер «Светлана» и норвежский броненосец «Торденшельд». Почетным гостем церемонии открытия был дядя императора, великий князь Владимир Александрович, значит... брат Александра Третьего, инициатора основания города, в честь него и названного. Видите справа часть деревянного строения? — Это новопостроенная городская церковь, Никольский храм. А архангельский губернатор Энгельгардт зачитал, как тогда было принято говорить, высочайший указ об основании Александровска и переносе в него из Колы уездного центра, то есть отныне Кольский полуостров становился Александровским уездом Архангельской губернии».

На фотографии Николка увидел ту же заасфальтированную площадь перед нынешним подплавом, что он не раз видел сверху, с вершины горы Энгельгардта. Гости на открытии плотно стояли перед церковью, построенной по эскизам Васнецова, растянувшись от края причала, где сейчас столь же плотно кучкуются подлодки, а причал именуется пирсом. Над головами собравшихся высятся на шестах — не разобрать на фото — то ли портреты, а может и изображения святых: ведь освящение! А по низине гору Энгельгардта опоясывают деревянные мостки с перилами, ведущие к

перейме. Она и сама видна, и часть Екатерининского острова с остатками (в конце июня!) снега на склонах сопки. Если присмотреться, то видна песчаная обсушка, то есть в полный отлив тогда можно было всухую перейти на остров. Сейчас этого нет: проход углубили взрывами, чтобы иметь второй, восточный выход кораблям из Екатерининской гавани. С изумлением Николка увидел на фотографии железнодорожную колею, протянувшуюся по площади причала. Как раз и Вера Степановна дошла до нее в своем пояснении: «...Да-да, ребята, вы привыкли думать, что ближайшие железнодорожные рельсы начинаются в Мурманске, а ведь впервые они на Кольском полуострове появились у нас! — для перевозки грузов с судов по причалу. Как в том старом журнале, откуда эта фотография, писал репортер: основан «город в миниатюре»: в одну улицу одноэтажных домов — это где сейчас окончание Советской улицы в Старом Полярном, но зато все в этом городе настоящее и современное: каменная пристань с заасфальтированной площадью и узкоколейной железной дорогой, с городской электростанцией, церковью и даже уездной тюрьмой! И с полным штатом уездного начальства».

♦ Вот сидит он на обломке взорванной памятной плиты, под вершиной горы, а под ним, поведа глазами, на север, запад и юг — вид на восток верхушка гранитная закрывает — жизнь на скалах и на море: город не великий, но не такой уж и малый, с крохотными людьми, идущими по улицам — уже не единственной, как в новопостроенном Александровске; на пирсах вдоль всего материкового берега Екатерининской гавани, облепленных подлодками и надводными кораблями, деловая суета; матросы в белых холщовых рабочих робах и яловых сапогах, офицеры в летних рубашках с погонами, вдоль и поперек пересекают; со стороны подплава непрерывающийся ровный гул компрессорной станции — закачивают сжатый воздух в огромные баллоны, что наряду с торпедами загружаются на лодки перед боевым (иных не бывает!) выходом в море; а на море, в самой гавани, по всему Кольскому заливу, что виден за Екатерининским островом и родным Большим Оленьим до самого горизонта, где залив смыкается с Баренцевым морем, те же корабли идут в разных направлениях, гулко стучит дизелем на надводной зарядке аккумуляторов подлодка, идущая на траверсе Седловатого. А по заливу, держась правого берега с гарантированной глубиной воды, в сторону Мурманска и обратно на выход в море нескончаемой чередой движутся гражданские суда: торговые под самыми различными государственными флагами, средние и большие морозильные рыболовные траулеры, буксиры и малые каботажные «посудины». Все они время от времени, но с завидной регулярностью, перемеживаются кораблями, базирующимися в Североморске: эсминцами и большими противолодочными. Не редкость и крейсер увидеть, тот же «Киров» (Николай Андреевич на миг перекинулся в своих воспоминаниях на много лет вперед: именно на «Кирове» будет служить его племянник, сын старшего брата Георгия).

Хотя ледоколы, «Ермак», «Красин», «Ленин» и другие, числятся за Мурманским пароходством и экипажи на них гражданские, но кто же проводит военные корабли между Северным и Тихоокеанским флотами? И суда жизнеобеспечения военных гарнизонов по всей советской Арктике. Всякий раз, глядя на движение кораблей и судов по заливу, вспоминал Николай еще в дошкольное детство на Седловатом увиденную на траверсе острова встречу дедушки ледокольного флота «Ермака» и атомного «Ленина», обменивающихся приветственными троекратными гудками корабельных сирен.

Сегодня ледоколов не видно; оно и понятно: их смена с работы в Арктике, возвращения в Мурманск и выхода в море, приходится на позднюю весну. А сейчас уже июнь месяц.

Жизнь, всюду размеренная жизнь с преобладанием военной мощи Северного флота — «современного флота», как в той побасенке о флотах Советского Союза.

Николай на несколько минут зажмурил глаза, представляя, что ничего этого во круг и под ногами еще не создано. А в мыслях: ведь этот пяточок выступа под самой

вершиной горы, шесть шагов в длину и не более трех в ширину, самое настоящее историческое место! В разное время здесь побывали известнейшие люди, которые в любых иных местах может и не пересекались во временных дистанциях. И всех их интересовал только отсюда открывающийся сверху полный вид на Екатерининскую гавань, ее материковый и островной берега.

С зажмуренными глазами, четко сохраняя в зрительной памяти абрис береговой линии и подковообразной формы гавани, Николай единым движением мысли вычеркнул с этих берегов и вод все признаки сегодняшней кипучей жизни, постарался представить тех людей, что с этой крохотной площадки, выступа в скале, смотрели вниз, размышляя: вот здесь, в этой гавани и будет создаваться флот на севере страны!

◆ Архангельский губернатор, проделав дальний путь от Кандалакши до Колы и далее по левому берегу залива до Екатерининской гавани, об удобном положении которой он знал со слов архангельских купцов, ведущих торговлю от поморских рыбопромышленников и китобоев, что по осени отплывают на Мурман и Грумант* с их незамерзающим морем, а весной возвращаются, как только Белое море освободится ото льда. И почти полгода добычи китов, трески, сельди и семги становившимися они имеют Колу и более удобную Екатерининскую гавань, близкие к ней губы: Палую, Оленью, Сайду и Тюву на правом берегу Кольского залива, благо последняя в высоких скалах, снег и лед на которых и летом не тает, что нужно для хранения рыбы. На лето прибывают с Поморья сменяющие их артели. И так круглый год берега Екатерининской гавани не пустеют.

Но у прибывшего в это место, про которое сложены поморами присказки вовсе неодобрительного характера, Энгельгардта иная задача: уточнить сведения, полученные в правительстве от годом ранее побывавшего здесь министра Витте, провести топографические съемки и все остальные проектные изыскания под постройку будущего города — базы предполагаемой военной Флотилии Ледовитого океана. Уже по установившейся традиции, для прикидочного осмотра местности губернатор с архангельскими чиновниками и техническими служащими Инженерного ведомства Министерства внутренних дел, с пологой материковой стороны взойшли на восточную, самую высокую гору, с которой открывался замечательный вид на Екатерининскую гавань и все близлежащие окрестности.

Чтобы не стоять на юру в довольно-таки свежий ветер с моря, Александр Платонович спустился по короткой естественной, главное не крутой, тропе несколькими метрами ниже на удобный и вполне поместительный для полудюжины человек уступ. Чиновники и инженеры последовали за ним. Николай с закрытыми глазами мысленно «расставлял» пришедших по длине уступа, не на шутку испугался, что ближний к нему чин Инженерного ведомства споткнется о него, от неожиданности неловко отпрянет и полетит с отвесной горы в воду, уродуясь от ударов неровностями этой бугорчатой отвесной скалы... но ощутил лишь легкое прикосновение к щеке мягкого, ворсистого сукна высшего качества — фалды форменного сюртука замыкавшего спуск на выступ того самого чина Инженерного ведомства. Раскрыл глаза, рассмеялся, увидев неосторожно пролетевшую белую, невидную собой бабочку. Эе ее занесло?... впрочем, и здесь, на уступе растительная жизнь к лету проявилась: на вороничном пологе даже несколько ромашек и пара цветков-колокольчиков между замшелыми бетонными осколками взорванной сталинской стелы. Они-то и завлекли на эту высоту скромную собой заполярную бабочку.

Снова зажмурил глаза и мысленно представил министра Витте, за год до архангельского губернатора с этого же уступа внимательно осматривавшего Екатерининскую гавань. Уже по прямому поручению императора Александра Третьего выбирал место для будущей военно-морской базы на Мурмане. Тогда Сергей Юльевич в рус-

* Поморское название Шпицбергена.— Прим. авт.

ской общественной жизни являлся уважаемым государственным деятелем, крестным отцом «стройки века» — Транссибирской железнодорожной магистрали. Но судьба людей на виду переменчива. Через десять лет за Портсмутский мир с Японией, полагавшийся позорным (а он что — должен был из Портсмута фунт изюма привезти? войну не он начал и не он проиграл!), будучи возведенным в графское достоинство, был с гомерическим хохотом оплеван «передовой русской интеллигенцией», поименовавшей его *графом Витте-Полусаха-линским*... той самой интеллигенцией, что во время войны с самураями на своих посиделках желала поражения России и поднимала шампанские тосты за здоровье микадо! (В этом месте ностальгических воспоминаний Николай Андреевич досадливо поморщился, сопоставив события начала прошлого века с нынешними: все та же «передовая» и пр. якобы интеллигенция осаждают аэропорты и пограничные переходы: не хотим в Рашке жить, стыдно нам за нее. Тьфу! Да еще телевизионщики подпевают, дескать, у каждого свой повод уехать...).

◆ Но — вот игра памяти! — будущий граф Полусахалинский предстал его зажмуренным глазам не в деловом сютуке для рабочих поездок по места и углам империи, но в том одеянии, что Николай увидел на фотографии Витте в словаре Брокгауза и Ефрона, восемьдесят с лишним томов которого, изданные в начале века, Наталья Зосимовна хранила еще в одном «некаталожном» шкафчике комодного вида*. Николай их брал том за томом, по алфавиту, прочитывая от корки до корки.

И читая там на букву *В*, между страниц с биографиями великого князя литовского Витовта, изобретателя электромагнитного телеграфа Чарльза Витстона и министра Витте, обнаружил вложенную, явно прежним владельцем знаменитого словаря, вырезку из дореволюционного журнала (определил по тексту с «ятями» на обратной стороне) с парадным фотопортретом Сергея Юльевича. Вот Николай и представил его на уступе горы Энгельгардта в таком виде: осанистого, со слегка кудлатой бородкой, в расшитом золотыми и серебряными нитями (иллюстрация черно-белая, но так угадывалось) мундире со звездами, орденской лентой через левое плечо и наискосок до пояса. А в лице его Николай обнаружил некоторое сходство с изобретателем радио Александром Степановичем Поповым. Оно и понятно: какому богу молишься, тот тебе в видениях и является...

Стоит Витте в парадном мундире у самого края уступа, за ним малочисленным полукругом свита. Все, кроме министра, опасно посматривают на близкую бездну с темно-синей, спокойной в защищенной от ветров гавани, водой. Витте, как финансовый министр, человек государственный, озабоченно — сколько же деньжищ из казны придется ухлопать! — осматривает водную гладь гавани, остров Екатерининский с береговыми скалами, круто уходящими в эту самую гладь, с пролежнями снега, оставшегося от давно ушедшей зимы, на сопках острова. И совсем нахмурился, скосив глаза влево — на всхолмленный голыми гранитными скалами материковый берег: Кавказ в уменьшенном масштабе! Как, из чего, на каких площадках здесь город сооружать? Но ведь удобнее для базирования нового флота места и не сыщешь от Колы до побережья Баренцева моря? Опять же государь недавно, обсуждая с Витте и еще несколькими министрами уже решенный вопрос о строительстве железной дороги через Карелию и Кольский полуостров до порта с выходом в Баренцево море, отметил особо, что таким портом будет уездный городок Кола, но дорога обязательно должна быть продлена по левому берегу залива до будущей военно-морской базы. Кола для этого не годится — мелководье и стратегически ненадежно почти на сотню верст заглублять флот в материковую часть — при относительно нешироком заливе. В таком варианте, размышлял Витте, половина вопросов решается: материалы для строительства сейчас можно везти из Архангельска, прежде всего лесные, частью из

* Девяностые годы, лихие в числе прочего на разгильдяйство и безалаберность, не обошли стороной и флотский город Полярный: в одночасье дотла сгорел дэкаф Николая. Ушли в небытие и шкафы Натальи Зосимовны... — Прим. авт.

Колы; камня и здесь с избытком. С постройкой железной дороги уже действующий к тому времени военно-морской порт и база флота перестанут испытывать какие-либо затруднения, связанные с удаленностью от Центральной России. Дело за корабельными верфями Санкт-Петербурга, но оно императором Александром Александровичем поставлено крепко. С дальнейшей перспективой.

...Через неделю по возвращению в столицу, Сергей Юльевич передал государю всеподданнейший доклад с обоснованием, включая приложение «с цифрами», выбора Екатерининской гавани по левому берегу Кольского залива, за десять с небольшим верст до выхода в Баренцево море, в качестве наиболее удобного по всем соображениям и доводам места для базирования военных кораблей различного класса и сооружения города-порта. Доклад был всемилостивейше принят и во многом укрепил императора во мнении конкурентного учреждения флота на Севере и места обустройства его базы.

Из услышанного от Веры Степановны на уроках географии и много чего знающей Варвары Пантелеевны, сторожила дэкафа, прочитанного в томах словаря Брокгауза и Ефрона, книг по истории освоения русского Севера, охотно подыскиваемых для него Натальей Зосимовной, Николай знал, что вроде как внезапная смерть Александра Третьего отсрочила создание военного флота на Севере, хотя Николай Второй и ускорил строительство города в Екатерининской гавани — с неопределенным статусом «коммерческого порта». Николай никак не мог взять в толк: какой-такой коммерческий порт без железнодорожной связи с Большой землей? Истинно, не зря устоялось мнение о недалекости ума последнего царя. Только Империалистическая война поторопила правительство с базированием в Александровске военных кораблей с официальным их названием Флотилией Ледовитого океана.

♦ По всей видимости пара чириков, севшая на верхушку горы, по своему скандальному характеру подралась за ягоды вороничника, росшего на крохотном клочке земли, нанесенной вековой пылью на голый гранит и задержанный от ветров и дождей небольшим углублением в скале, иначе откуда взялась мелкому камешку, что скатился на уступ и остановился, легонько ударившись о ботинок Николая. Но тому во сне наяву, хотя бы и с зажмуренными глазами, привиделись следующие, через четыре десятка лет, посетители уступа. На этот раз вместо обладателей летней обуви и специфической административно-чиновной речи с вершины спускались люди в сапогах, отчего и камешки падали сверху на уступ, а голоса новоприбывших звучали мужественно и громко, а вместо имен-отчеств они обращались друг к другу коротко, с давнишним дружелюбием: Клим, Коба, Мироныч... Когда, спустившись на уступ, они прошествовали мимо Николая, тот явственно ощутил запах сапожного гуталина и более приятный аромат дорогих папирос «Герцеговина Флор» в черно-зеленых коробках с откидной крышкой. Он сам в прошлом году начал баловаться табаком именно с этих папирос за сорок копеек: отец очень их хвалил, правда, по другому поводу. Курение сына он воспитательно не одобрял, часто повторяя присказку о том, что у древних греков пить вино разрешалось только с тридцатипятилетнего возраста*. Николай как-то с умыслом спросил: «А курить у американских индейцев с какого возраста разрешалось?» Отец — после третьей стопки — подвоха не заметил: «Гм-м, да вроде как после первого добытого скальпа».

Тем временем, пока Николай с зажмуренными глазами отвлекся на «Герцеговину Флор», малопьющих древних греков и курящих индейцев, Сталин, нарком военных дел Климент Ефремович Ворошилов, первый секретарь ленинградского обкома ВКП(б) Сергей Миронович Киров и еще несколько ответработников расположились

* Древние греки не дураки были. Еще Гиппократ совершенно верно определил естественную продолжительность человеческой жизни — как и у высших обезьян она составляет 35 лет (кстати, у гуся — сорок...). Все что свыше сейчас, есть успехи цивилизации и медицины. То есть дожил до 35 лет — можешь и пить: жизнь и так удалась! — Прим. авт.

на уступе, рассматривая открывшуюся им в ближней перспективе Екатерининскую гавань, Екатерининский же остров и материковый берег с небольшим числом раскиданных, где относительная ровность местности позволила, одноэтажных домишек. Но оставшаяся от прежнего Александровска каменная заасфальтированная пристань прямо внизу, под ногами, столбы с электрическими проводами между домами, фигурки людей на пристани и в городской черте, два миноносца класса «Новик» царской постройки и несколько грузовых и рыболовецкий судов на рейде гавани, пара двухэтажных бревенчатых складов на пологом в районе переиры берегу острова — все это благоприятно действовало на Сталина и сопровождающих его.

Из их разговора и коротких реплик Вождя Николай понял: решение о базировании вновь создаваемого Северного флота СССР в Екатерининской гавани и переустройства поселка (да, такой понижающий статус приобрел Александровск в двадцатые годы) Полярное в город Полярный принято. Веселый по характеру маршала-кавалерист Ворошилов даже присвистнул, вспомнил из школьного: «Отсель грозить мы будем...». Но Сталин осадил его: «Может когда и будем. Сейчас же время сдерживать угрозы нам,— и, обращаясь к Кирову (тогда Кольский край административно относился к Ленинградской области),— твои, Мироныч, топографы и строительные проектировщики и флотские спецы из наркомата должны срочно за дело взяться. Соответствующее постановление от Центрального комитета и Совнаркома не задержится».

Расшалившиеся чирики опять сбросили к ногам Николая мелкий камешек. Значит, судьбоносцы грядущего Северного флота покинули уступ и пошли в обратный путь, поднимаясь по тропе на вершину горы, выбивая каблуками сапог гранитный щебень. Краткость пребывания руководителей страны Николая не удивила. Не из тех они были, про которых мать поминает: «Шуму было много, а вышел болтун». Раскрыв глаза, он как-то по иному, уважительно оглядел город и гавань. Музыкальный слух у него неважнецкий, но здесь накатило волнующее на душу, негромко запел неофициальный гимн Северного флота: «Прощайте, скалистые горы, на подвиг Отчизна зовет! Мы вышли в открытое море в суровый и дальний поход...» — на слова корреспондента флотской газеты времен войны Николая Букина*. Николай еще с младших классов знал, что Букин был первым послевоенным директором их школы — не снимая погон флотского старшего лейтенанта.

А сколько еще известных людей в разные времена стояли на этом маленьком уступе господствующей над нынешним городом и гаванью горы? Адмиралы и великие князья, министры и знаменитые путешественники русского Севера, писатели и художники... Многих собрала эта неровная площадка в несколько квадратных метров с единственной целью: создать здесь русский, затем советский военный флот, ныне самый большой и мощный в стране.

Мда-да, неблагодарность и беспамятство есть выраженные черты характеры человеческого. Мало что варварски взорвали стелу в память Сталина, основателя Северного флота СССР, так еще и оставили здесь помойку: камни и щебенку от бетонной плиты и издевательски — иначе это не назовешь — оставленные обрывки цепи на закрепленных в граните стальных штырях. Брат Толька говорил, что некоторое время спустя после уничтожения памятника на уступе, там пара якорей, на которые замыкалась цепь, лежала. Видно, кому-то приглянулись. Что за пакостная манера после каждой смены власти памятники сносить и города переименовывать — иногда по несколько раз за век?

♦ «Методичность в твоём характере намечается,— говорил порой отец,— это хорошо для ровного течения жизни и того занятия в ней, которое выберешь, взрослея». Действительно, к окончанию заполярной жизни Николай много чего по крупии-

* Был призван на службу в Северном флоте из Сарапула Удмуртской республики, где окончил сельскохозяйственный техникум. Музыку к песне написал североморский композитор Жарковский.— Прим. авт.

цам собрал об истории Полярного, военного флота на Севере, исследований в Арктике, словом обо всем, связанном с дальней и ближней историей родных мест. Где прочитал, что услышал от отца, брата Тольки, Натальи Зосимовны и Варвары Пантелеевны. Не говоря уже об узнанном на уроках географии от Веры Степановны, истории — от Белля Нурьевны и литературы — от Валентины Николаевны.

Вот и сейчас, разжмурился глаза после мысленного посещения уступа горы губернатором Энгельгардтом, министром Витте и самим Иосифом Виссарионовичем с Ворошиловым и Кировым, Николай рассеянно, не сосредотачиваясь на отдельных предметах, поводит глазами слева, от Корабельной горки с одноэтажными домиками, и до искоса — вправо, до переймы и восточного берега Екатерининского острова. На сердце восторженно потеплело: ведь если годы и даже века условно, как говорит их математичка, сжать в одну временную точку, то кого только он не увидит в пределах окоема? Великий князь Владимир Александрович на открытии города в последний год девятнадцатого века; на три десятка лет раньше его брат, великий же князь Алексей Александрович тоже побывал в Екатерининской гавани: пересаживался с прибывшего из Архангельска корвета «Варяг» (не путать с более поздним героическим крейсером «Варяг»!) на паровой катер, следовавший с царской особой в Колу. Сам же «Варяг» остался дожидаться великого князя в возврат в гавани. Экспедицию возглавлял тоже известный адмирал Посъет. А вот великий князь Владимир Александрович не в первый раз был в здешних местах, открывая город Александровск; еще за пятнадцать лет до этого, следуя из Архангельска в Колу, конечно же, не миновал Екатерининской гавани.

Припомнил он, что и само название Екатерининских остров и гавань получили в честь супруги Петра Первого, указом которого в последние годы его жизни было учреждено казенное Кольское китоловство, три корабля которого и базировались в гавани. Отсюда и первые дома, склады, пристань и кузнечная мастерская на берегах гавани: островном и материковом. Те единственные два больших двухэтажных дома, сложенные по-архангельски из полуметровых в диаметре бревен, на берегу Екатерининского острова, около переймы, в одном из которых семь работников метеостанции живут, а в другом матросы из какой-то вспомогательной флотской службы, постройки еще до основания Александровска, разумеется, не времен Петра Первого, но, скорее всего, сооружены по правилу житейскому: пепелище всегда обжитое место...

Но все ведь здесь начиналось именно с китов... завершившись флотом России, Советского Союза на Севера, граничном с вечно враждебной Европой: вещие слова Достоевского не покидали памяти Николая. Киты... корабельная и судовая оживленная жизнь давно отогнала китов от кольского побережья. Но ведь еще с полста лет назад они, особенно несмышлениши-малолетки, увлеченные легкой добычей, заплывали в азарте в Кольский залив вслед сельдяным косякам. Не зря же на гербе Колы изображен кит! То есть и до истока залива, до нынешнего Мурманска добежали. Самому ему, увы, видеть их не пришлось: киты и крейсера с подлодками в одном узком заливе явно не совместимы. Но мать и отец рассказывали, как в год рождения Николая, щедрый на сельдяной улов, один такой молодой кит (по размеру было видно) заплыл-таки в Кольский залив и доплыл до Белокаменки. Его, пускающего фонтаны, отец наблюдал в бинокль с поста СНИС'а — еще служил, а мать с мостков тамошнего маяка. И мужики до позднего вечера спорили (тогда еще не было Никиты во власти, не было и сухого закона...): кита звери-касатки в залив загнали или стая селедок за собой увлекла? Окончание дискуссии как-то не отложилось в памяти Андреяна... По словам матери, накануне в поселковую лавку завезли три ящика крепкого албанского коньяка «Скандербег».

Николай, тогда еще слабый практическим разумом Николка, не понимал: что значит крепкий? Ведь про водку так не говорят: водка она и есть водка, сорокаградусная «злодейка с зеленой наклейкой»... И только начав «проглатывать» тома сло-

варя Брокгауза и Ефрона, из числа упрянтанных в заветный шкаф сокровищ Натальи Зосимовны, вычитал, что коньяки изготавливаются различной крепости, до шестидесяти градусов и выше. И понятна стала реплика Григория Мелехова из «Тихого Дона», что-де ну и крепок коньяк этот! навроде спирта...

Почувствовав прилив аппетита, развернул сверток с бутербродами, чем привлек внимание дежурного у трапа матроса на пирсе, с ближней тройки номеров пришвартованных подлодок. Что-то он заподозрил, заметив разворачиваемый под верхушкой горы газетный лист. На всякий случай погрозил в сторону Николая кулаком. Тот усмехнулся: салага-первогодок, еще не знает, что пацаны в городе, как это?.. экстерриториальны, вроде их и в природе не существует, могут где угодно ходить-бродить, исключая хозяйство подплава и судоремонтного завода в Пала-губе. На то они и ого-рожены и охраняются караульными... в тех, конечно, местах, где пройти можно.

♦ Поев, Николай перебрался на клочок вороничника, подстелил под голову свою свернутую куртку, прилег, закулив болгарскую сигарету «Джебл», что недавно появились в магазинах и киосках города. Полуприкрыл глаза, на этот раз от июньского солнца. Оно и в Заполярье светило, хотя бы в полдень июньского дня зенит его невысок. Но продолжал размышлять в прежней тональности.

Все же именно благодаря китам Екатерининская гавань многих известных людей повидала. Хотя бы учрежденное Петром Кольское китоловство и десяти лет не существовало ввиду его убыточности, но добыча этих морских гигантов в восемнадцатом веке имела достаточное оживление. И для всех артелей с архангельского поморья, прибывавших на Мурман, оперативной и тактической, как говорят военные, базой служила Екатерининская гавань. И юный Ломоносов, которого для приучки к промыслу отец его, Василий Дорофеевич, брал с собой в свои торговые плаванья, бывал здесь. Он чуть опустил глаза: прямо напротив, на Екатерининском острове те два поместительных бревенчатых дома построены на фундаментах их предшественников, амбаров китоловной компании. К ним и подплывал в летнюю путину гукор* «Чайка» отца Ломоносова, загружался китовым жиром, перевозкой которого в Архангельск оборотистый помор и занимался. Очень живо представил Николай крепкого парня Михаила, будущего ученого-энциклопедиста и поэта, вкатывающего по досчатым мосткам на «Чайку» бочки с китовым жиром. Так что Михаил Васильевич присутствует в Полярном не только на портрете в школьном кабинете химии, но и в невестивенной памяти близкого отсюда берега Екатерининского остова с двумя деревянными домами, сложенными в пару этажей из еловых бревен в обхват.

Да и предшественники их, построенные по петровскому указу, не пустовали после упразднения китоловной казенной компании. Много здесь народу промыслового и иного предприимчивого побывало! В самом начале царствования императрицы Елизаветы Петровны полдесятка или поболее кораблей под командой англичанина на русской службе Уильяма Льюиса, поочередно строившихся в Архангельске, два года собирались в Екатерининской гавани в эскадру для дальнейшего следования на Балтику. Опять же мысленно нарисовал Николай на рейде Екатерининской гавани, ближе к островному берегу у переймы и построек китоловной компании, эти большие боевые корабли с убранными надолго парусами. Сначала один, к осени присоединился другой, на следующую весну третий пришел из Архангельска, а к осени все пять или шесть. Готовы к отплытию. В погожие летние дни матросики, по-казарменному проживавшие в домах почившей китоловной компании на острове, разбредались по нему, обедались созревшей, но еще хрустящей на зубах моршшкой. Не брезговали и черникой с голубикой. Хозяйственные коки ведрами собирали грибы: для сушки и текущей варки харча. Для тех же целей отряженные команды ловили треску, заводя сети на обсушке переймы в прилив. Чем занимался офицерский состав в эти два с лишком

* Поморское промысловое одномачтовое судно.

года сбора эскадры? — этого Николай не мог представить, не зная военного быта восемнадцатого века, почти не отображенного в русской классической литературе.

А двадцатью с небольшим годами спустя, уже при недавно взошедшей на престол Екатерине Алексеевне, в Екатерининской гавани зимовали три корабля секретной экспедиции Чичагова; все в тех же поместительных домах на островном берегу экипажи проживали. По весне корабли ушли с малоизвестной целью на Шпицберген, после чего вернулись в Архангельск.

И так до окончания века восемнадцатого и весь девятнадцатый редко когда на рейде Екатерининской гавани не виднелось военных кораблей, промысловых и торговых судов. Точно так же команды проживали в островных домах. Материковый берег особо не привлекал; в основном, из тамошних озер доставляли на противоположную сторону гавани питьевую воду. На обширном гористом острове озер не имелось.

♦ Как рассказывала Вера Степановна, в последнее десятилетие прошлого века в Екатерининской гавани появились паровые корабли и суда, начиная с малоомощного парохода «Мурман». И не просто заходили, но подолгу базировались. А с последних лет царствования Александра Третьего и вовсе Екатерининская гавань готовилась стать военно-морской базой на Севере империи. Николай представил стоящие на рейде крейсера и другие, прибывающие с Балтфлота и сменяющие друг друга, корабли. В расцвет фотографии в конце века их снимки на рейде гавани появлялись на страницах газет, журналов, познавательных книг. Вера Степановна пускала по рядам некоторые из них: изображения кораблей «Джигит», «Вестник» и других. Судя по их двухтрубности, только пара трехтрубных, это были корабли класса миноносцев и легких крейсеров.

Но в наступившем вскорости двадцатом веке виды кораблей на рейде гавани и новопостроенного города Александровска появились и на почтовых открытках. И такие у их географички имелись. К началу Империалистической Александровск и Екатерининская гавань уже стали главной базой Флотилии Ледовитого океана, а с началом войны ее флагманом стал героический «Варяг», поднятый японцами со дна корейской бухты Чемульпо, введенный в состав флота островной империи, а затем выкупленный царским правительством и отправленный на Кольский Север.

Глядя на гавань, Николай перенес фотографию открытки на видимую им водную гладь: в середине стоит на рейде «Варяг», легко узнаваемый по другим известным фотографиям, хотя бы экономные японцы и уменьшили на одну число его труб, ремонтируя корабль после подъема. А рядом еще несколько кораблей: миноносцев и вспомогательных судов. Словом, если и не полная флотилия, но почти эскадра.

Северный флот России, как вполне здраво рассуждал Николай, в силу особых арктических условий его базирования, а главное действия, во многом состоялся благодаря русским северным экспедициям восемнадцатого, девятнадцатого и начала нынешнего веков. Именно поэтому, находясь в Полярном, Каверин продолжил работу над своей главной книгой о двух капитанах. А причину того, что все арктические экспедиции отправлялись в плавание из Екатерининской гавани, разъяснила ребятам, еще тогда семиклассникам, Вера Степановна. Как и в случае с кораблями эскадры Уильяма Льюиса, два с лишним года «собиравшимися» здесь перед отплытием на Балтику, все дело в замерзающем Белом море и строительством кораблей на архангельских верфях.

То есть все эти экспедиции, вошедшие в русскую историю преимущественно женскими названиями кораблей и громкими именами их руководителей, планировались загодя в проверенной последовательности. Сами корабли строились или фрахтовались в Архангельске, там же укомплектовывались всем положенным: от подбора надежного экипажа и продовольствования на срок полагаемого плавания до научно-исследовательского обеспечения экспедиции. Осенью, до наступления морозов, корабли отплывали из Архангельска и зимовали в Екатерининской гавани, а с началом

весны, то есть сезона плавания в арктических морях, уходили в свой нелегкий, тяжелый, часто гибельный путь полярных первооткрывателей...

Попробовал Николай прикинуть: если мысленно собрать все исторические корабли и суда, в веках побывавшие в Екатерининской гавани, уместятся ли они на воде между материковым и островным берегами, от западного до восточного выходов из гавани? Даже если станут на рейде бортом к борту, носом впритык к корме другого. Как ни приблизительно сопоставлял размеры кораблей разного класса, их число и примерную, «на глазок» площадь гавани, но получалось, что их смело можно ставить в пару-тройку рядов по высоте... А если людей, здесь побывавших и живших, расставить плечо в плечо по территории Полярного? — И с каких времен их считать? Может с того доисторического, от которого на его родном острове Большом Оленьем, что с горы сейчас виден как на отставленной на вытянутой руке ладони, в память остался их погост, в археологической науке именуемый Оленьеоостровным могильником третьего тысячелетия до нашей эры..

Поднявшись с вороничника, Николай собрался в обратный путь, напоследок еще раз окинув всю эту величественную картину царства военной цивилизации.

* * *

Военная цивилизация! — Истинно так, завершил свои воспоминания Николай Андреевич. И как ни сурова порой была его жизнь в том заполярном краю, но как же он благодарен судьбе за свое детство, отрочество и начало юности среди бушующего в штормах моря, голых скал и сопок, военных кораблей и гражданских судов, недельных выюг и месячных зимних туманов, пронизываемых звуками *его родных* маяков: глухо ревушей сирены Седловатого, тоненько попискивающего Палагубского, озорно взлаивающего маяка Большого Оленьего. *Sives pakem, para bellum!* — вновь и вновь всплывала эта мудрость древнеримская на все века для этого вечно беспокойного мира. Вот и сейчас: проклятые америкосы!.. Это как знаменитый генерал Скобелев, в почтенные годы назначенный царем комендантом Петропавловской крепости, входя в холодную воду Невы искупаться, бормотал: «Проклятые немцы!» Впрочем и они сейчас хороши... забыли напрочь, ферфлюхтеры, штурм рейхстага. Всем скопом обложили нас, беспамятные и неблагодарные. Э-э-х! Махнул рукой, отправился на кухню: стопку принять для спокойствия душевного. Такую песню испортили!

Не утерпел, вновь вынес из кладовки заветную бутылку виски «Балантайн» с черной этикеткой, то есть семилетней выдержки. Не из приязни к Западу, но потому, что по матери происходил из шотландских переселенцев в Россию при царе Алексее Михайловиче. Тоже память.

ЭПИЛОГ: «ПРОЩАЙТЕ, СКАЛИСТЫЕ ГОРЫ...»

Однако если посмотреть на установления древности, то не найдется ничего более единого, более слитного, более содружественного, чем жизнь гражданина и воина.

Никколо Макиавелли «О военном искусстве»

Писатель Бурцев, он же издатель и главный редактор провинциального литературного журнала «Срединная Россия», общий приятель Николая Андреевича и профессора Скородумова, как-то похвастался во время дружеской встречи троицы в

забегаловке с подачей «Наливай-ка!» своим новым книжным приобретением: во время очередного визита в городскую «Буккнигу», что в низу проспекта Ленина, недалеко от кремля, обнаружил в углу, где пылилась гора совсем уж не востребуемых народом книг общественно-политической тематики, раритет высшего класса, а именно экземпляр книги, воспроизводящей стенографической отчет последнего перед войной съезда ВКП(б).

Но Николай Андреевич и Игорь Васильевич, увлеченные обсуждением сравнительных достоинств нынешних грузинских и молдавских, в смысле приднестровских, Тираспольского винзавода, коньяков, как-то пропустили это мимо ушей, чем обидели Андрея Матвеевича несказанно.

Вот сейчас, взбудоражив себя воспоминаниями о своем северноморском детстве-отрочестве и начале юности, Николай Андреевич заинтересовался библиофильским раритетом писателя Бурцева. Ведь предвоенный съезд партии и создание Северного флота недалеко друг от друга по годам отстояли. Может что найдет в отчетной книге незнаемое им о родном городе и флоте?

Созвонился утром следующего дня с Бурцевым, попросил почитать партийную книгу. Андрей Матвеевич, потеплев голосом, тотчас зазвал его в гости: просимое, мол, заберешь и, несмотря на дообеденное время, распробуем с тобой, Андреевич, один презанятнейший напиток, бутылочку которого намерен презентовать благодарный автор повестушки, что я опубликовал в своей «Срединной России»...

Словом, уже ввечеру, отдохнув на диванчике после тяжеловатой дегустации (бутылка 0,7 литра!) испанского бренди, Николай Андреевич с неподдельным интересом просматривал основательный том в добротном переплете с тиснением — из тех, что время не берет. Если только гвозди им не забивать и пайковую — в тридцатые и сороковые годы — селедку не разделять на обложке.

Все искал про новосозданный тогда Северный флот, но глаза останавливались на не менее интересных вещах. Особенно в отчетном докладе наркома обороны, героя Гражданской войны Ворошилова. И множество ассоциаций тотчас в голове выскакивало. Вот перечисляет Климент Ефремович постатейно, в цифрах, виды и количество вооружений Красной Армии, а в конце списка стоит: «...и один бронепоезд». А в голове тотчас зазвучала известная песня: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». Вот это да! такая точность автором слов песни соблюдена, словно сочинял их, предварительно проштудировав отчетный доклад наркома Ворошилова...

Но даже холодок по спине, под рубашкой, пробежал к окончанию чтения доклада. В скобках, то есть от редактора книги, написано, что в заключении своего выступления товарищ Ворошилов, осудив происки японского милитаризма, прочитал частушку. И она самая приводится:

*А товарищ Кокинакки
Долетит до Нагасаки
И покажет всем Эсаки
Где зимуют раки!*

Это надо же так предугадать? — И город тот самый, хотя бы первым была Хиросима, и военный министр Эсаки после атомной бомбардировки первым начал уговаривать императора Хирохито сдаваться американцам, пока Сталин с Трумэнном не поделили Острова Восходящего Солнца! Только в летчике создатель легендарной Первой конной армии ошибся: не советский то был пилот с финской фамилией, но американский с французской... которую Николай Андреевич запомнил.

С сожалением захлопнул внимательно просмотренный том в переплете из твердого картона, обтянутого плотной тканью с тиснением букв: конкретно, кроме упо-

минания, о Северном флоте ничего нового для себя не нашел. Хотя бы сам нарком со Сталиным и Кировым побывали в Полярном, рассматривая место под главную базу нового флота с выступа у вершины горы Энгельгардта...

Вот так и память уходит. Наверде того легендарного бронепоезда, что некогда стоял на запасном пути. Любая цивилизация остается в памяти человечества абрисно или в наиболее значимых эпизодах и лицах: царях и героях. Военная цивилизация здесь не исключение.

Через пару дней, отдавая книгу о довоенном партсъезде Андрею Матвеевичу на нейтральной территории — домой к нему поопасался идти, Бурцев намекнул в телефонном разговоре, что щедрость благодарных авторов не ограничилась одинокой бутылочкой испанского бренди,— то есть в главном городском парке, Николай Андреевич искренне поблагодарил литератора за доставленное удовольствие окунуться в далекую историю. Довольно похихатывая от осознания своей щедрости, особенно если она ничего не стоит, тут же предложил ознакомиться с еще одним раритетом, недавно у него объявившимся: знаменито-скандальной книгой Лаврентия Павловича Берии по истории большевистских организаций в Закавказье. Николай Андреевич благодарил. К Берии он относился скорее положительно: как к организатору советской атомной промышленности, значит и «отцу» атомных подводных лодок и их вооружения.

Назвался груздем, полезай в кузов. Зайдя все же в квартиру Андрея Матвеевича «на минутку, книгу забрать», задержался у гостеприимного хозяина до раннего вечера. Далеким от флотской жизни, писатель Бурцев окрепшим от нескольких стопок сорокапятиградусного американского виски «Макерс марк» из Кентукки барионом душевно пел в унисон с приятелем: «...Прощайте, скалистые горы, на подвиг отчизна зовет!».

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

СОСЕДИ

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Дед Алешка, по прозвищу Гунявый, а его прозвали так, когда еще в молодости вернулся лысым после срочной службы, сидел на скамейке напротив магазина, покупая папироску, и скучал, ожидая, когда откроется винно-водочный отдел.

— Э-хе-хе,— вздохнул дедка Алешка, прищурившись, взглянул на солнце и зевнул.— Скукота! Хоть бы музыку завели в магазине, все веселее будет.

Вдруг он прищурился, взглянул на магазин и толкнул соседа. Оба ждали, когда начнут продавать спиртное. Приложив ладонь к глазам, Алешка Гунявый долго смотрел вдаль и опять ткнул соседа.

— Глянь, Фимка,— кивнув, сказал он.— Уже тянутся сюда, заразы, словно медом тут намазали...

— Кто? — вытягивая морщинистую шею, сказал старик, несмотря на теплую погоду, одетый в меховую безрукавку, из-под которой была видна серая рубаша, а на голове замызганная фуражка.— Кто тянется-то?

— Да эти самые...— дед Алешка ткнул корявым пальцем, поплевал на окурочек и бережно положил в жестяную баночку — про запас.— Алконавты, как говорит мой племяш,— и тут же ткнул старика.— Слышь, Фимка, ты знаешь, почему водку продают с одиннадцати часов?

— Закон такой,— пожимая плечами, сказал старик Ефим.— С коих времен придумали, и не упомнишь. Наверное, мы еще на свет не появились, а закон уже был. Говорят, царь Горох выдумал. Значит, так нужно было, а что?

— Э, не угадал,— пошкрябав небритую щеку, сказал дед Алешка и, зная, что старик Ефим подслеповатый, опять кивнул.— Вон, видишь, милиционер сидит в тенечке? Ну, там, за кустиками...

— Ну, вроде сидит, сослепу-то не вижу,— прищурившись, старик Ефим долго всматривался в кусты.— А что милиционеру делать-то? Работа такая — прохлаждаться.

— Мне один умный человек сказал по большому секрету, что этот закон специ-

ально придумали,— покрутив головой, Алешка Гунявый склонился к соседу и приглушенно зашептал.— Кто первым приходит к магазину? Вот, правильно мыслишь, алконавты, у которых шланги горят! А милиционер сидит и с одного взгляда определяет, кто пьянь подзаборная, а кто хороший человек, и всех алконавтов на бумажечке записывает: Васька Корявый, Петька Лисичкин, второй Петька, Андрейка сын Семенихин, Алевтина с рыжей Танькой Малуевой... И тут замечает, что чужак в магазин нырнул, а оттуда с пузырьком вышел. Ага, значит, новый алкаш в райцентре появился. Надо его на карандаш взять. И кричит ему: «Стой там — иди сюда!» И начинает мурьжить, кто да откуда, зачем и почему, местный или залетный и морали читает, пока алконавт не взмолится, а потом его на карандаш берет. Ага... И в список — раз, миленького! А в конце месяца бумаги относит начальству. Там милицейские бухгалтеры сидят и подсчитывают, сколько алкашей было в прошлом месяце, а скока в этом стало. Если меньше алконавтов пришло — премию выписывают милиционеру за хорошую работу, а больше появилось — это плохо. Значит, ему придется в выходные работать. Будет по домам ходить, всех алкашей вылавливать, потом загонит в красный уголок при управлении и начнет лекции от пьянства читать. Понял? Я однажды сунулся в управу, гляжу, а там тьма-тьмущая этих алкашей: и молодые, и старые, и мужики, и бабы, даже девки есть. Страсть — сколько напихали в зал! Ага...

Старик Ефим долго сидел, наморщив и без того морщинистый лоб, и думал над Алешкиными словами. Голова плохо соображала после вчерашнего. Перебрали с соседом, бычка обмывая. И так прикидывал, и этак. И на магазин взглянет, откуда, нет-нет, да выныривали алконавты и быстрее бежали за угол, чтобы опохмелиться. Старик сидел, загибал пальцы, что-то подсчитывая, а потом хекнул и погрозил пальцем.

— Э, врешь, Алешка,— сказал старый Ефим и засмеялся.— Ты, как с малства помню, всегда брехуном был. Ага, премия... А если милиционер не всех запишет, а оставит про запас, тогда как, а? Эдак можно каждый месяц получать премии. Хе-х! Меня на мякине не проведешь!

Алешка Гунявый опять почесал щеку, поглядывая по сторонам, а потом ткнул пальцем.

— Вон, глянь, Фома Неверующий,— показал он.— Видишь, на лавке второй милиционер сидит? Как — ну и что? Вот он, по званию старше, поэтому караулит первого милиционера, чтобы всех записывал, а не обманывал. А вон там, если туда помотришь, еще один за кустиками прохаживается. Этот глядит за вторым, чтобы он работал, а не гонял лодыря, и за первым наблюдает, который алкашей вылавливает возле магазина и в список заносит. Это борьба с пьянством идет. Даже в газетах писали. Не видел, говоришь? Газеты нужно читать, а не в уборную с ними ходить. Ага... Вот так наша власть искореняет обманщиков и алконавтов. В общем, как бы доверяй, но в то же время — проверяй. Поэтому в нашей стране не принято обманывать. Нет, почему же, иногда можно обманывать, если польза будет человеку и стране, а так просто взять и обмануть — ни-ни, даже не вздумай. Иначе в список попадешь. А в милиции тем более не врут. Я точно знаю. У моей троюродной бабки, которая в соседнем райцентре живет, внучатый племян по дедовской линии был милиционером. Видел его. Важный из себя, а какой здоровенный — страсть! А серьезный — прям ужас! Его на все гулянки приглашают, чтобы драк не было. Ага... Чуть что не так, сразу за шкуру и в участок тащит. Вот этот племян никогда не врет, потому что — милиционер! — дед Алешка сказал, и важно ткнул пальцем вверх.— Когда был в гостях у бабки, племян научил меня, как нужно ходить в магазин. Так, на ушко шепнул, по-родственному значит... Но я не стану тебе секрет выдавать, потому что это военная тайна, так сказать,— и встрепенулся, ткнул пальцем.— Гляди, все алконавты разошлись, а теперь я пойду в магазин, покручусь, а когда увижу по приметам, которые известны мне одному, что меня никто из милиционеров не караулит, куплю беленькую и спокойненько пойду домой, не страшась, что меня внесут в спи-

сочек алконавтов. Ладно, Фимка, ты сиди, кумекай, как водку взять и на карандаш не попасть, а я в магазин пошел. Мое время пришло...

И, поднявшись, Алешка Гунявый надвинул кепку на глаза, позыркал по сторонам, приложив ладонь к козырьку, потом сунул руки в карманы замызганного пиджачка, вжал голову в плечи и сгорбился, словно хотел стать поменьше росточком и торопливо засеменил в магазин.

Дед Ефим сидел, продолжая о чем-то думать, бормотал под нос и загибал пальцы — видать что-то подсчитывал, а потом не удержался и пустился следом за соседом.

Алешка Гунявый зашел в магазин.

— Здорово, девоньки! — он приподнял фуражку — блеснула лысина. — Пряма, с каждым днем все краше и краше становиться. Эх, был бы помоложе, показал бы кузькину мать. Ни одну бы не пропустил, а может сразу бы на всех женился. Ага...

— Здорово, дедка Алешка, — отозвалась продавщица и поправила на высокой груди халат. — И я девчонкам говорю, был бы Гунявый помоложе, не раздумывая выскочила бы замуж. За ним как за каменной стеной — ничего не увидишь. Ага...

И рассмеялась.

— Какие твои годы, — отмахнулся дед Алешка. — До пенсии далеко, как до Китая вприсядку. Успеешь, выйдешь. А может, я подумаю, да сватов зашлю. Глядишь, ребяточка состряпаем на старости лет. Ага...

Дедка Гунявый с важным видом прошелся вдоль прилавков, рассматривая, что лежит на витринах, потом подошел и ткнул пальцем.

— Поди сюда, Валюшка, — сказал он. — Мне бутылку беленькой, кило рожков или макарон — без разницы, дешевенькие консервы — три, нет, лучше пяток штук, «Приму» штук двадцать, — наморщил лоб, вспоминая, а потом снова стал перечислять мелочевку, какая нужна была.

— Дед Алешка, пенсию получил? — выкладывая на прилавок товар, сказала продавщица. — Много покупаешь.

— А ты разве не слышала? Я же отказался от нее. Даже в газетах написали, в пример другим ставили, что Алешка Гунявый отказался от пенсии. Могу показать эту газетку. Ага... Мне наследство прислали. У меня родственник, что по отцовской родне, седьмая вода на киселе, он в самой Америке жил. Ага... Помер, царствие небесное. Наследников искали по всему миру, в каждую избу заглядывали и никого, кроме меня, не нашли. Вот и прислали. А я теперь трачу направо и налево. Покупаю все, что душа пожелает. Ага, я же богатым стал. Вот думаю, жениться да наследника состряпать. Бабу путевую ищу, да разве такие есть в наше время. Э-хе-хе, — почесывая небритую щеку, завздыхал Алешка Гунявый. — Слышь, Валюшка, все алконавты разошлись или еще тянутся? — сказал и покосился на деда Фимку, который стоял неподалеку от них и делал вид, будто рассматривает товар, а сам старался поближе придвинуться и все прислушивался к разговору. — Милиция всех на карандаш взяла или некоторые успели умызнуть? — подмигнул продавщице и взглядом показал на деда Ефима.

Продавщица посмотрела на него, покосилась на дедку Фимку и, опустив голову, хмыкнула, зная, как Алешка Гунявый любит приврать.

— Вчера алкашей мало было, а сегодня, ох, как много попали в списочек, — она сокрушенно покачала головой. — Сказали, кого заметят пьяным или с бутылкой, сразу в машину засунут и отправят на лечение в ЛТП. Даже домой не отпустят, а сразу же под белы ручки и за решетку. И будут до той поры держать в казенном доме, пока полностью не излечат. И даже родных на свидание не пустят. Да, так и сказали. А еще предупредили, если не стану сообщать, кто водку покупает, меня с работы уволят. Вот теперь стою и думаю, что делать. Наверное, придется списочек составлять, а то работу потеряю...

И покосилась на деда Ефима.

Дед Фимка поперхнулся. Зашелся долгим кашлем. Отошел подальше от прилавка, где водку продавали. Так, на всякий случай... Затравленно оглянулся на дверь, нет ли там милиции, потом посмотрел на стройные ряды бутылок, звучно сглотнул, расстегнул пиджак, откинул полы, чтобы видно было пояс штанов и пустые карманы, ссутулившись, вышел и побрел через дорогу, и закрутил башкой, стараясь рассмотреть, где спрятались милиционеры.

— Ну, Валька, ну ты горазда брехать,— удивленно покачал головой Алешка Гунявый.— Даже меня переплюнула. Тебе на соревнования брехунов нужно ездить. Сразу станешь победительницей и медаль получишь. Ага... Глянь, Фимка идет, а сам, чуть ли карманы не выворачивает.

— Ну, тебя переплюнуть трудно. Кто тебя переврет, тот три дня не проживет,— расхохоталась Валентина.— Послушалась тебя, пошутила, и осталась без покупателя. Теперь будет в другом магазине отовариваться. А еще по всему райцентру разнесет, что продавцы в список заносят всех, кто водку покупает, а потом в милицию сообщают. Ох, дедка Алешка, что мы натворили! Самих в список занесут...

И опять расхохоталась.

— Ну, ежели без покупателя осталась, тогда куплю его долю,— задумавшись, сказал дед Алешка, вытащил деньги, пересчитал и махнул рукой.— Вот еще пять бутылочек. Думаю, пригодятся...

— Многовато берешь, дедка Гунявый,— звякнули бутылки на прилавке.— Не иначе, жениться собрался...

— Водки много не бывает. А что касается женитьбы... Это молодые пусть женятся, а мой женильный инструмент давно затупился,— заворчал Алешка Гунявый.— Вот, если бы пораньше — да, а сейчас... Эх, жизнь... Вальк, сколько с меня? На, держи...

Он рассовал бутылки по карманам, продукты затолкал в сетку и вышел из магазина.

Постоял возле двери. Поглядел по сторонам. Деда Фимки не видать. Закурил. Попыхал, потушил и сунул окурочек в баночку — запас. Опираясь на клюку, неторопливо добрался до проулка и, едва завернул, как из-за кустов, что росли вдоль забора, выглянул дед Фимка, оглянулся и махнул рукой, подзывая.

— Слышь, Алешка, а ты случаем не врешь? — сказал он и неопределенно pokrutyл рукой.— Ну, того...

— Чего? — с недоумением взглянул Гунявый.

— Ну, это... — старик подмигнул и звонко щелкнул по горлу.— Всех на карандаш и в тюрьму, кого поймают с бутылкой. Вот сколько времени простоял в кустах, пока тебя поджидал, а ведь ни одного милиционера не заметил. А куда они подевались, а? Опять набрехал, что за бутылки посадят, да? А я поверил, старый дурень...

И мелко затрясся, хохотнул.

— В нашей стране не обманывают,— ткнув пальцем вверх, сказал дедка Алешка.— Сам знаешь, что водка — это зло. Вся беда через нее. И Валька, продавщица, говорила про списочки. Она врать не будет. Вот и думай. Ага... Вот возьми моего охламона, Ваньку, так через эту самую водку с бабой разбежался, а сам незнамо где скитается. А вот еще у моей троюродной бабки Маньки, что по материной родне, у которой мужик на флоте служил... Так вот, у его двоюродного сводного брата, Архипа, что от второго мужика родился, баба выпила рюмку и упала с крыльца. И все...

Дед Гунявый замолчал. Закурил и запыхал, скрывшись в сизом облаке.

— Что — все? — подергивая маленькой головой, сказал дед Ефим и на всякий случай посмотрел по сторонам, как бы милиция не подобралась.— Ну, что молчишь-то?

— Все, значит — все,— покосился дед Алешка.— Как навернулась с крыльца, а внизу было приготовлено корытце для свиношек. Вот она туда головой и воткнулась. И того...

— Что — того? — наморщив лоб, пытаюсь сообразить, сказал старый Ефим.— Померла или утопла?

— Типун тебе на язык — померла! — рявкнул дед Гунявый.— Она еще сто двадцать пять лет проживет, а ты — того... Свинюшкиной едой закусила. Вот что! Потом говорила, что вкусно было.

— Тьфу, на тебя! Эть, ну, пустозвон! — взвился дед Ефим.— Вот, как был пустобрехом, так им и остался. Говоришь, на карандаш берут, в кутузку закроют, а сам-то во все карманы рассовал. Вон, аж штаны не держатся, того и гляди сползут. Не потеряй, трепач!

— Потому и рассовал, чтобы милиция не увидела,— опять ткнул пальцем вверх дед Гунявый.— Они посмотрят, у меня в авоське макароны, да соль с сигаретами лежат. Поглядят и мимо пройдут, и никто из них не догадается в карманы заглянуть. У меня на виду продукты и все на этом. Сейчас приду домой. Налью стопочку да опрокину. Эх, хорошо-то как! — дед Алешка, зажмурившись, причмокнул, а потом сказал.— А остальные бутылки уберу. Это для дела купил. А ты, Фимка, как вижу, с похмелюги болеешь?

— Ох, болею, Алешка, прямо помираю! — вздохнув, сказал дед Ефим.— Вчера с Ванькой Артюхиным бычка обмывали. Ну и перебрали чуточку... Утром сунулся к нему, он башку от подушки не может оторвать. Вот и поплелся к магазину. Думал, скинемся на троих и выпьем. Ладно, ты предупредил, а то бы в списочек попал. Что спрашиваешь? Хочешь похмелить, да?

Дед Ефим взглянул на соседа, а у самого нижняя губа дрогнула и медленно отвисла.

— Ну, как сказать...— Алешка Гунявый задумчиво посмотрел на него.— Могу стопочку налить, а остальное для дела...

И замолчал...

Дед Ефим звучно сглотнул. Большой острый кадык ходуном заходил.

— А для какого дела? — запнувшись, сказал он.— Может, я помогу? Сделаю все, что душа пожелает. Ты же знаешь, я на все руки мастак. А ты, Алешка, мне пузырек поставишь, а?

И тоже замолчал, с надеждой поглядывая на соседа.

Они шли по заросшей улице. Изредка останавливались. Со знакомыми разговаривали и снова неторопливо шагали. Правда, неторопливо шагал Гунявый, а вот дед Ефим то вперед забегал, то плелся позади и все подгонял соседа. Добравшись до дома, дед Алешка толкнул калитку. Зашел во двор. Собака загавкала, заюлила хвостом. Обрадовалась. Нарочито прикрикнув, он нахмурил брови, погрозил ей пальцем и направился к крыльцу. Собака еще пуше загавкала, заскулила и кинулась на соседа, на деда Ефима, хотя знала его, но служба — есть служба.

— Молодца, Альма, молодца,— скупно похвалил Алешка Гунявый.— Хорошо служишь. Косточку получишь. Вкусная — страсть! Сам бы грыз, да зубов не осталось,— и повернулся.— Что стоишь, Фимка? Проходи в избу.

— А ты когда забор-то наладишь? — ткнув пальцем в сломанные штакетины, сказал дед Ефим и стал подниматься по ступеням.— Куры разбегутся или наоборот, чужие забредут и все на огороде перевернут — перекопают. Дурная же птица, что скажешь.

— Знаю, что надо наладить забор, но одному несподручно,— сказал Алешка Гунявый и прислонился к перилам.— Заходи, а я дух переведу. Устал.

Немного отдохнув, все же магазин далековато от дома, дед Алешка поднялся по ступеням. Сбросил растоптанные ботинки возле порога. Зашел. Вздохнул облегченно. Наконец-то, добрался. Продукты сунул в шкафчик. Сигареты вынес на веранду, там попрохладнее, как раз табак хранить. Вернулся. Дед Ефим топтался возле стола.

— Садись, не путайся под ногами,— подтолкнул дед Алешка соседа.— Сейчас по стопочке опрокинем. Подожди...

Он вытащил бутылки из карманов. Спрятал в шкафчик, чтобы на виду не маячили. Мало ли кто зайдет. Одну бутылку поставил на стол. Старый Ефим громко сглотнул. Алешка Гунявый ухмыльнулся. Следом поставил две стопки. Выудил соленый огурец из банки. Крупно нарезал черствый хлеб. Вышел на веранду. Загромыхал крышками. Вернулся. На тарелке с пяток бурых помидор. Придвинул большую солонку. Уселся напротив соседа. Налил в стопки. Ефим опять громко сглотнул.

— Ну, Фимка, давай, опрокинем по стопочке, а то вижу, у тебя душа горит,— и выпил, закричал, заморщился, вздрогнул и стал занюхивать корочкой хлеба.— Что ни говори, а казенная водка — это дрянь! Лучше свою ставить. Чистая, аки слеза младенца и польза для организма, а в этой сплошная химия,— и скрюченным пальцем постучал по бутылке.— Вот сделаю змеевик и буду свою ставить. Так и быть, потом угощу...

Дед Ефим взял стопку. Рука подрагивала. Понюхал. Передернулся. Фу, какая дрянь! Но пить придется. Клин клином вышибают. Медленно выпил. Весь скукожился, сгорбился, головенка набок и застыл, прислушиваясь к себе.

— Уф, кажется, привилась,— не сказал, а выдохнул старый Ефим и опять передернул плечами.— Правду говоришь — дрянь, но без нее не проживешь. Ага... Любое дело начинается с бутылки и пузырьком заканчивается, а то и одним не обойдешься. Ага... Вот как мы вчера обмыли бычка. Хороший бычок, справный. Ну и того... Где одна рюмочка, там вторая и третья... И так, пока не упали. Ладно, мою бабку покликать, меня уволокла домой, а то бы всю ночь под забором проспал. Ага...

И вздохнул, вспоминая вчерашний день.

— Вот и я говорю, что без бутылки не разберешься,— дед Алешка ткнул пальцем вверх, опять налил по стопкам и пододвинул.— Держи, Фимка. Выпей и хватит, а то лишку будет на старые дрожжи. Потом твоя бабка Нинка живьем сожрет и косточек не оставит.

— Твоя правда,— закивал дед Ефим.— У меня бабка — ух, пламень! Если разойдется, ничем не потушишь. Иногда сам боюсь,— потом замолчал, нахмурился, поглядывая на бутылку, и кивнул.— А я думал, мы прикончим ее...

— Ишь, разбежался — прикончим,— сказал Алешка Гунявый и бутылку сунул под стол, подальше с глаз.— Вон, уже глазки заблестели. Хватит, опохмелился.

Старый Ефим нахмурился и головенка забубнил под нос. Выпил вторую стопку. Опять скукожился, сгорбился и головенка набок — прислушивался, что внутри делается. И заулыбался. На душе похорошело, полегчало. Опять обвел взглядом пустой стол. Вздохнул. Посмотрел на Алешку Гунявого. Нахмурился, а потом шлепнул по лбу.

— О, мозги зашевелились,— сказал старый Ефим.— Слышь, Гунявый, про какое дело ты говорил, а? Может, помогу, а ты за это пузырек выделишь. Говоришь, что всех на карандаш берут, а сам вон сколько закупил.

Дед Алешка сидел, думал. Поглядывал в окно на старый забор, в котором больше дыр было, чем штакетника. Переводил взгляд на провисшие воротца. А ведь еще и в баньке полы нужно перестелить... Голова кругом идет, столько работы, а руки одни. Уж сколько лет без бабы, и сыновья далеко. Так далеко, что одно-два письма придут за целый год и все на этом, а уж чтобы приехали — даже не мечтай. Вот и приходится выкручиваться, лишь бы дела сделать. Алешка Гунявый почесал небритый подбородок. Посмотрел на соседа. Хороший мужик, но заводной. Стопку опрокинет, как шлея под хвост попала. Не успокоится, пока не упадет. А когда трезвый, все в руках горит. И плотничьи дела знает... Одни руки — это плохо... И работает быстро... А в баньке холодно... Вот бы помощника... А может... Алешка Гунявый встрепенулся и поглядел на соседа, который сидел, вздыхая, и крутил пустую стопку.

— Дело, говоришь...— задумчиво сказал дед Алешка.— Есть дело...

Старый Ефим подался вперед, весь в слух превратился.

— Какое дело? — не удержался, перебил Алешку.— А пузырек будет?

— Будет пузырек, но после того, как всю работу переделаем,— покачивая головой, сказал Алешка Гунявый.— Тебе нельзя раньше давать. Иначе пойдешь по дворам рюмки собирать.

— А что делать? — опять перебил старый Ефим.— Я хоть сейчас возьмусь. Наверное, забор подправить, да?

— Ну, не только забор...— опять помедлил дед Алешка.— В баньке полы перестелить. Зима на носу. Протопишь, а оттуда потягивает. Не успеешь помыться, банька остыла. Дров не напасешься...

— Да это — раз плюнуть! — пренебрежительно махнул рукой старый Ефим.— Не успеешь до магазина дойти, а я уже сделаю. Хе-х, тоже мне, работа!

Засмеялся, а потом умолк, искоса поглядывая на соседа. Зря, видать, сказал, что работа легкая. Гунявого не проведешь! Враз за слова ухватится, потом не отвертишься.

— Ну, если с умом подойти...— задумавшись, опять заговорил старый Ефим.— Разобрать, посмотреть, что там случилось, чего не хватает, что нужно сделать... В общем, можно управиться, если помощник будет. А ты еще забор хочешь подправить. Значит, работа прибавится. Время нужно, и опять-таки, в материал упирается. У меня, к примеру, есть запасец, но хотел оставить себе, может что-нить начну мастерить...

И замолчал, искоса поглядывая на соседа.

«Ох, хитер!» — закачал головой Алешка Гунявый.— «Старого Ефима не проведешь. На этих делах собаку съел. Даром не станет работать. Знает цену своим рукам. Работу сделает, и денег не хватит, чтобы с ним рассчитаться». Завздыхал Алешка Гунявый. Посмотрел в окно. Забор валится. А банька вообще прохудилась. Если сейчас не сделать, зимой в проруби придется купаться. А он, ох, как любил попариться! Одному-то несподручно всю работу переделать, а вдвоем быстрее, тем более, что Ефим — мастер на все руки и материал у него есть. На совесть делает, а не абы как. Опять вздохнул. Посмотрел на соседа. И Ефим сидел, искоса поглядывая на него.

— Ладно, Фимка, говори, сколько сдерешь с меня,— опять завздыхал Алешка Гунявый.— Ты уж не загибай цены. Все ж соседи, почти родня...

Дед Ефим сидел, подергивая себя за бородавку. Размышлял. По-всякому. Посмотрит на Алешку и задумывается: «Гунявый — хитрый. Его на мякине не проведешь. Наверное, уже раскусил, что хочу цену задрать. А в то же время, хороший сосед, хоть и врун, да еще какой. Никогда не поймешь, где врет, а когда правду говорит. Но все же, хороший человек. Последним куском поделится. Вот и сегодня стопочку налил. А ведь было — хоть под забор ложись и помирай. Так было. Да... И в магазине предупредил, что милиционеры на карандаш берут, а то бы попал к ним, и отправили бы на лечение, а я же не алкаш последний, чтобы меня за решетку прятать. Другой бы промолчал, а он сказал. И еще к себе позвал, опохмелил. Другой бы пожадничал, а Алешка налил, да еще обещал за работу уплатить». Ефим задумался, все сильнее подергивая бороду. Как ни крути, а Алешка Гунявый — хороший человек. Значит, нужно соглашаться. Но...

— Ладно, твоя взяла,— махнул рукой старый Ефим.— Забор сделаю, баньку подлатаю, но с условием...

— С каким? — перебивая, сказал Алешка Гунявый.

— Будешь мне помогать,— сказал Ефим.— Одному несподручно. Отдашь мне за материал. Все же на свои кровные приобретал. А за работу сделаем так,— он помолчал, поглядывая, как напрягся Гунявый, потом сказал.— В общем, за каждый день работы с тебя бутылка. Ага... И не спорь! Божеская цена. Моей бабке отдашь, а то все выпью и деньги промотаю. Ну, еще по стопочке, когда закусь-перекусь, пока работаю. И последнее...— он посмотрел в окно, вздохнул и нерешительно сказал.— В общем, Алешка, ты же умеешь покупать бутылки, чтобы милиционеры не заметили?

Меня сразу на карандаш возьмут, а я же не алкаш, ты это знаешь. Ну, выпью маленько и все на этом, а лечиться не хочу, да и годы уже не те, чтобы за решеткой сидеть. Так вот... Если мне будешь брат, когда попрошу, тогда я согласен помочь тебе, а если откажешь, значит, сам делай свою баню.

— Да я для тебя в любое время бутылку достану,— вскочил было Алешка Гунявый, а потом опять уселся.— Со всеми милиционерами страны договорюсь, чтобы тебя в списочек не вносили. Ну, может быть... Но, два условия... Бутылки и деньги отдам твоей бабке — это первое условие. А самое главное условие, чтобы никогда и никому не рассказывал про милиционеров, которые алконавтов караулят, и про нашу продавщицу, которой велели списочек составлять, кто водку покупает. Если скажешь, ее с работы выгонят. Сам должен понимать, что подведешь человека, а у нее семья. Молчи, Фимка!

— Согласен,— хлопнул ладонью по столу старый Ефим и поднялся.— Никому не расскажу. Вот те крест! — он размашисто перекрестился.— Сейчас запасец приволоку, и начнем работать. Загоняю как сидорову козу! Ты же знаешь, что я злой на работу и лодырей не уважаю.

И помчался домой за инструментами и материалом. Обрадовался легкому заработку, а еще больше, что не попадет в списки, куда всех алкашей заносят. Правда, себя алкашом не считал. А с Гунявым договорился так просто, на всякий случай. Мало ли...

И Алешка Гунявый радовался, наконец-то, они забор поставят и баньку наладят. Зимой не придется в ней мерзнуть.

Ну, а кто кого обхитрил или обманул — да кто его знает... Главное — помогли друг другу. Все же соседи...

Ольга Шпилова
(г. Гомель, Белоруссия)

ЛЕГКОЕ СЧАСТЬЕ

Ольга Федоровна Шпилова, писатель-прозаик. Автор поэтического сборника «Ангелы зимуют в Ялте», 7 книг прозы. Работы публикуются в зарубежных и отечественных печатных изданиях, в международных альманахах. Участник, финалист международных литературных конкурсов, фестивалей искусств, книжных проектов. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», член РОО «Союз писателей Крыма».

В середине августа по заведенному обычаю Екатерина Егоровна, к которой обращались все не иначе как баба Катя, теряла покой. Лето жарило тела и камни, и от этого «жарева» голова бабы Кати делалась раскаленной: вот-вот закончится сезон, а похлопотать на его закате стоит еще немало. Ее длинный просторный дом, вальяжно растянувшийся недалеко от моря, хоть и был велик, хоть и имел в окружении своем множество построечек, а все же никак не вмещал бесконечную череду отдыхающих среднего достатка, везущих свои утомленные работой тела к морю.

День и ночь старуха мучилась одержимостью приумножения капитала, которое возможно благодаря приросту количества комнатухек и уголочков. Казалось, каждый сантиметр и дома и построечек не бездельничает, а все же что-то будто упущено, выгодно не использовано. Даже свою большую псориазом внучатую племянницу Таньку пришлось переселить в темный сырой чуланчик, чтобы устроить в ее комнате пожилую чету из столицы. Таньку баба Катя приучилась любить, когда той перевалило за тридцать, а до этого все ее попытки теплых родственных отношений сводились к нулю, ибо детей баба Катя терпеть не могла и стойко дожидалась, когда Таньку покинет последнее проявление молодости и инфантильности. Однако, несмотря на нелюбовь к взрослеющей смене, старуха героически принимала и размещала у себя в доме семьи с малолетними крикунами. Их приходилось тяжело и долго сносить, зато каждая детская шалость, в виде мячей в клумбах, сломанных веток персиковых деревьев, пополняла пухлый старенький кошелек.

Больше всего на свете Егоровна опасалась упущенной выгоды, посему привыкла искать ее везде, даже там, где это было стыдно. Всякий раз, если выпадал счастливый случай, баба Катя таскала черный хлеб у пожилых супругов, пока те совершали утренний променад. У подрастающего хулиганья потихоньку брала сладости, особенно леденцы, которые страстно любила. У молодоженов, когда беззаботные, еще счастливые и посему всегда рассеянные новобрачные посещением своим радовали ее дом, баба Катя незаметно половинила сыровяленную колбасу и цедила красное вино из бумажного пакета. Благо это было несложно, потому что все продукты гостей хранились в новеньком холодильнике, расположенном в летней кухне, уютно оплетенной виноградной лозой. Кухню баба Катя устроила здесь давно, чтобы отдыхающие не мельтешили в доме перед глазами со своими кастрюлями, а вот холодильник и года

нет. Ни за что не променяла бы она своего старенького, рычащего на все лады, птеродактиля, да уж больно много энергии тот потреблял. А этот хоть и дорогой, зато экономичный! И копошиться в нем удобнее, не выдает своими всхлипываниями и повизгиваниями.

Часто баба Катя задавалась вопросами, почему отдыхающие год от года, зная о ее ловкостях и хитростях в делах экономии, все равно тянутся к ней, выбирая из множества доступных вариантов исключительно ее дом. И всегда приходила к одному единственному умозаключению — близость моря, простота отдыха и, конечно же, старый тенистый сад, который баба Катя и любила и ненавидела одновременно. Любила — по ранней весне, когда зацветали абрикосы, сливы и персики. И баба Катя с каким-то полубезумным рвением бралась считать количество бутонов и пустоцветов, всякий раз страшась внезапных заморозков, засухи и неурожая. Ненавидела — обычно к августу, когда плоды девать было некуда, и они наполняли двор мелкой мошкой и прочей мелюзгой, слетающей на запахи сладких фруктовых разложений. Непривыкшая еще со своего раннего детства к рыночной торговле и испытывая к ней дикое отвращение, за всю свою жизнь баба Катя так и не решилась снести фрукты на базар. Это казалось стыдным, в отличие от кусочков черного хлебushка в растянутом кармане ситцевого платья и нелепых леденцов на палочке во рту. Чтобы избавить свое сердце от нескончаемых терзаний собственной бесхозяйственности, баба Катя заставляла горемычную больную Таньку поедать всевозможную паданку. Когда Танька не выдерживала и истерично взывала к бабе Кате прекратить опыты по напичкиванию ее и без того вечно зудящего тела витаминами и аллергенами, хитрый взгляд бабы Кати перекидывался на отдыхающих. Вот тут уж она давала волю и своему деспотичному характеру и плохо развитым зачаткам милосердия. Неизменно отдыхающие с восторгом принимали милостыню от хозяйки в виде домашних бесплатных фруктов, живо бросались под деревья собирать ароматные плоды, однако к концу своих отпусков и эти несчастные слезно молили старуху прекратить учет съеденных и несъеденных ими слив, персиков и алычи.

В полдень, когда солнце делалось безжалостно-ядовитым, выжигая на макушке бабы Кати красноватую проплешину, а на открытых руках — рыжие пятна, старуха забиралась в подвал. Что она там делала несколько часов кряду, никто из отдыхающих догадаться не мог, и только больная Танька знала, что баба Катя принимает в своем прохладном каменном подвале, в который даже Таньке без согласования с его владелицей вход воспрещен, водные процедуры. В самом центре подвала, который изнутри больше походил на подпольную сауну, водружалось огромное корыто, наполненное соленой водой и эфирным лавандовым маслом. Такое большое, что баба Катя не только помещалась в нем своим грузным рыхлым телом, но могла даже совершить несколько взмахов дряблыми руками, воображая себя морской купальщицей. Вдоль стен располагались стеллажи с закатками, освещаемые синими и желтыми крохотными лампочками. Переворачиваясь на спину в своей купели, баба Катя любила сосчитать их и очень радовалась, что почти ничего не съела за зиму.

К обеду, отдохнувшая и посвежевшая, в чистой заштопанной сорочке, баба Катя выбиралась на солнечный свет. После водных процедур тело требовало покоя и еды. Посему баба Катя начинала важно и немного сердито прохаживаться по дому и вблизи построечек. Она постукивала пяткой в двери комнат, чуланчиков, комнатусечек и расчесывала гребнем свои седые остриженные волосы. Реденькие, тоненькие, они оставались на зубьях гребня, это нервировало бабу Катю, как и присутствие отдыхающих в доме и во дворе. Всеми возможными силами, дабы привести себя в ровное состояние, старуха старалась выпроводить отдыхающих на море, невзирая на протесты последних и уверения, что те только что оттуда.

— Ничего, ничего,— с искусственной улыбочкой на губах приговаривала Егоровна, намаявшись от суеты,— вы же на море приехали. Вот и топайте, купайтесь!

Чего в доме томиться? А пообедать можно и на берегу. Море — это ведь чистая бирюза, самое настоящее счастье!

Для верности иногда приходилось подзывать к себе Таньку, чтобы в сопровождении псориазного, шелушащегося тела добиться нужной брезгливой реакции своих гостей.

Выпроводив и вытолкав из дома несогласных отдыхающих, убедивших в их полном отсутствии и для порядка покопавшись в холодильнике, баба Катя присаживалась на детские качели, на которых шалить детям было запрещено, подтягивала высоко сорочку, подставляя солнцу полные ноги и колени похожие на двух безобразных медуз, и с вожделием, закрыв от сытости и тишины глаза, начинала самозабвенно раскачиваться. Когда катание наскучивало, баба Катя подзывала к себе плешивого щенка Таврика, которого держала впроголодь, жалея для него украденного куска черного хлеба.

— Пусть персики жрет! — кричала она Таньке, когда та предлагала облезлой морде кусочек припрятанной булки. — Как у соседей!

— Баба Катя, — протестовала Танька, — так у соседей овчарки, они к фруктам привычные, а наш-то дворняжка, да еще и маленький!

— Глупости, — сердилась баба Катя, — овчарки — это тоже собаки, они жрут, а этот не берет, жить захочет — научится! Вон их сколько валяется, пусть жрет!

Таврик к персикам был не приучен, поэтому хирел день за днем. И чем больше он хирел, тем сильнее любила его баба Катя.

Сидя на детских качелях, она водружала истощенное, почти мумифицированное тело щенка себе на колени, принималась искать блох. Внучатая племянница опускалась рядом под сенью алычи в траву, сплошь усыпанную гниющими плодами, и отводила в сторону глаза. Некоторое время она изучала редкие облака, лишь бы не видеть, как старуха щиплет жалкую шерсть стонущего Таврика. Потом вдруг понимала, что подозрительное молчание непременно вызовет желание бабы Кати впихнуть в ее тело алычу, дабы показать пример потребления витаминов глупому щенку, и, подумав немного, для приличия кротко, спрашивала:

— Вот понять не могу, бабуль, зачем ты все собираешь, откладываешь, а себе хлеба купить не можешь?

— Чего это я не могу себе хлеба купить? — баба Катя поднимала на Таньку глаза, полные сочувствия.

Она уже давно догадалась о слабом уме единственной родственницы, поэтому при всяком подобном Танькином вопросе или желании поговорить о деньгах, искренне жалела свой несчастный род, продолжателем которого останется шелудивая блаженная Танька, сознанием и внешним видом ничуть не отличающаяся от плешивого заморыша-Таврика.

— Я не только себе хлеба купить могу, но, если хорошенько захочу — еще один домишко вот такой потяну!

Баба Катя, скинув с коленей Таврика, широко раскидывала руки, начинала громко хохотать, и в хохоте ее было что-то такое дикое, отчего Таньке делалось страшно. Она и сама понять не могла, зачем лезет к бабе Кате с подобными вопросами, и все же вновь и вновь приставала к ней с ними.

— Говоришь так, бабуль, будто сто лет жить собралась!

Танька краснела и расковыривала пурпурным пальцем желтую алычовую мякоть, желая добраться до косточки. Точно эта косточка была той самой глубокой правдой, которая запрятана в недрах сердца старухи, и которую Танька столько лет не может выковырять из нее наружу.

— Чего это сто?

Баба Катя захлебывалась смехом, ее полная грузная грудь колыхалась, и Танька видела на двух обескровленных грудях, просвечивающих сквозь ветхую сорочку,

вздувшихся синих венозных удавов. (Они ползут, движутся к морщинистой шее — не ровен час — задуют бабу Катю!) Становилось немного жаль эти обвисшие тяжелые глыбы, никогда не знавшие влажных жадных губ ребенка.

— Я, деточка, не сто, а все двести проживу! Дай сроку. Не о том сейчас думать надо!

— А о чем тогда? — непонимающе хлопала выгоревшими длинными ресницами Танька.

— Дуреха ты, девка! — качала сердито головой баба Катя, не отпуская хитрой улыбочки. — Нам с тобой покумекать надо, как во двор еще пару чуланчиков втиснуть!

— Баб Катя, да куда же больше? И так в доме от людей продыху нет!

— Продыху нет... — совсем сердилась Баба Катя и ее губы теряли улыбку. — Продыху нет! Ишь ты! Запомни, сейчас не покрутишься, потом голодать придется! Деньги легкими не бывают!

— Ты и так, баба Катя, голодаешь! — не отступала Танька. — Что пользы от твоих чулок с деньгами, когда для себя их жалеешь? Разве это жизнь?

— А что по твоему жизнь? Уж объясни бабушке!

— Жизнь, это когда счастье в ней есть! А твое счастье в чем? Хлеб краденый, колбасные объедки?!

— Дура ты, Танька! Набитая! Неужто думаешь, что я своего счастья не знаю?! Оно вон, рукой подать!

— Да где же? — не понимала Танька и расчесывала от непонимания своего красные бляшки пятен на руках.

— Вон, — вскочив с качелей, топала от злости ногами баба Катя. — Отсюда берега видны! Море! Чистая бирюза, настоящее счастье! Мне бы только сезон справить! Вот тогда и посмотрим, какое оно мое счастье. Шляпку куплю, очки, купальник хороший, может, платьев каких еще... Как у моих отдыхающих... И днями на море сидеть буду! Плавать буду! А если захочу — еще и напитки разные через трубочку потягивать буду! Не смотри, что я бабка тебе! А задуматься, и не жила совсем, девчонка молодая!

— Так ты море это, баб Катя, за своими жильцами и не видишь никогда! Хоть счастье твое совсем легкое. Не то что у других.

— У других... — хмыкала баба Катя. — Они свое счастье пусть годами ищут, раз оно сложное да между хребтами гор живет, а мое счастье на вот этих ладонях меня дожидается, — баба Катя трясла своими большими ладонями, стараясь показать Таньке, где именно припряталось ее счастье. — Пойми, дуреха, деньги — они тяжелые, а счастье... Сроку дай! Сентября только подождать да сезон справить. Ну и покумекать, как пару чуланчиков еще до сентября втиснуть.

А в начале сентября, злой дождливой ночью, баба Катя внезапно умерла, так и не дождавшись окончания сезона. Когда Танька нашла ее в постели, она лежала в старенькой заштопанной сорочке и руками, теми, где должно было дожидаться ее счастье, прижимала к груди краюшку черного хлеба. На ее изменившемся, удивленном, невинно-детском лице застыла искренимая и от этого такая смешная улыбка, словно баба Катя увидела свой берег счастья, и так легко, наконец, добралась до него.

Михаил Спивак
(г. Виннипег, Канада)

**ИЗ ЦИКЛА МИНИАТЮР:
«Я, ОНА И ШАХМАТЫ»**

Заместитель главного редактора журнала «Новый Свет». Член Союза журналистов России. Наш постоянный автор.

ДЖЕНТЛЬМЕН

Поздняя осень в Брянске, что может быть тоскливее? Но если едешь туда на соревнования, предварительно получив освобождение на две недели от посещения школы, то такая поездка в радость. Командный полуфинал России, престижные соревнования.

Мне семнадцать лет. Ей — тринадцать. Мы — шахматисты. Я старший в команде. Она младшая. Тренер нашей команды, отец моей подопечной, доверил мне приглядывать за ребенком, чтобы не потерялась, чтобы никто не обидел. Партии закончились. Остальные «доски» — члены команды — уже отыграли и сбежали город смотреть. А что там смотреть? Все советские города из глубинки однотипные. Это вам не Москва и не Ленинград.

Вот и я «отстрелялся». Она крутится вокруг вьюном.

— Отвести тебя в гостиницу?

Мотает головой.

— Есть хочешь?

Снова отрицательный жест.

— В кино?

Радостно кивает.

Смотрели северокорейскую муть «Приказ 027». Купились на заграничный фильм про войнушку, про азиатов. Думали, будет как про шаолиньских монахов. Китайцы, корейцы... кто их различит? В фильме даже по советским меркам оказалась развесистая клюква. Пять северокорейцев с алюминиевыми вилками перебили по меньшей мере пару взводов южнокорейских автоматчиков. Смешно. Выходим из кинотеатра.

— Мороженое? — спрашиваю спутницу.

— Пломбир в вафельном стаканчике за двадцать копеек! — хлопает она в ладоши.

Довольная, как будто впервые видит сладости.

— Вкусно? — смотрю, как она с наслаждением запускает кончик языка в талую белую массу и, зачерпнув круговым движением, отправляет в рот. Сглатывает, причмокнув, и тянется за новой порцией.

— Очень вкусно! — хвалит она.

В чужом городе сладкое всегда вкуснее.

Становится ветрено. Как ей не холодно в коротеньком демисезонном пальто и капроновых колготках? Хочет выглядеть взрослее. Говорит, что ей даже немного жарко. Так я и поверил: носом шмыгает, зуб на зуб не попадает. Вижу вывеску «Уни-

версам», веду ее туда, чтобы согрелась. Она идет послушно, куда скажу, кроме гостиницы. Забавная девчушка. Болтает без умолку. Объела вафельный стаканчик на треть. Конус мороженого тает в руках. Она губами по окружности собирает подтеки. Жмурится от удовольствия.

— Согрелась, идем?

— Ага.

На улице уже начинает смеркаться, колючий ветер. Наверное, лучше было ей купить шоколадку. У нее липкие руки, мороженое натекло. Чихает, вся трясется.

— Стой,— говорю. Расстегиваю на ее пальто две верхние пуговицы, стягиваю с себя шарф и укутываю ей шею.— Так-то лучше будет. А то простынешь.

Топаем в сторону гостиницы. Почерневшие, свалывшиеся в грязную, мокрую кашу листья липнут к обуви. Зябко без шарфа. Вот ведь глупая девчонка, взрослой хочет быть. А мне теперь мерзнуть.

Приходим в ее номер. Галантно снимаю с нее пальто. Она скидывает сапожки и забрасывает на полку вязанную шапочку. Кидает в меня моим же шарфом — задорно смеется. Идет в ванную комнату. Встряхнула головой, раскидала волосы по плечам. Красивые, шелковистые. Смотрит на себя в зеркало, улыбается.

— Тебе понравилась наша прогулка?

— Да, сегодня был классный день! Папа звал с ним, а я сказала, что пойду гулять с тобой.

— Знаю, он мне сказал. Я обещал ему заботиться о тебе.

— Спасибо, мне очень приятно!

Вижу, она счастлива.

— Ну, значит, я свой долг выполнил.

— Какой?

— Перед твоим папой, конечно. Я же слово давал — честное джентльменское!

— А сейчас что?! — она как-то странно меняется в лице.

— Сейчас ты отдохни. Почитай или поспи, а я свободен на весь оставшийся вечер.

Она в недоумении пожимает плечами.

— Ты устал? Спать еще рано.

— Я не устал. Обещал к девчонкам из Ярославля зайти.

Если бы шеф мне свою дочь в сопровождение не назначил, я давно бы впитывал дух древнего русского города. В ярославской команде десятиклассницы. Может, чего еще интересного наклюнется.

Я вдруг заметил, что она смотрит на меня с явной враждебностью. Ее лицо исказилось, как будто начались рези в животе. Я даже испугался.

— Ненавижу тебя! — кричит она.— Ты мерзкий, ты гадкий! Ты предатель!

И рукой со стола смахнула стакан в стену. Ненормальная какая-то! Целый день я должен ее развлекать, что ли?! Вот тебе благодарность за труды... Обиделся! Вышел и закрыл за собой дверь. Даже шарф забыл на дверной ручке. В комнате что-то упало. Кажется, стул грохнулся на пол.

Точно — психическая!

ПИНГВИН ИМПЕРАТОРСКИЙ

Валяюсь с шахматным учебником «Каталонское начало» у себя в гостиничном номере. Приходит она, мнется у порога.

— Я тебе шарф принесла.

— Кинь на полку.

Молчит. Ждет, что я приглашу войти. Я тоже молчу. Обидела она меня внезапной неблагодарностью. Даже к девчонкам из Ярославля вчера не пошел, настроение испортилось. Правда, обидно. Не отрываю взгляд от страницы.

— Мне скучно одной.
— Угу, — не смотрю на нее.
— Прости, а? Ты такой вчера внимательный был. А потом мне просто обидно стало. Я так больше не буду!

Ну вот, как они, девчонки, это делают? Еще минуту назад собирался выставить ее за дверь — я ей не нянька, — а теперь как бы и не злюсь, и жалко выгонять.

— Ладно, заходи. Чай будешь с печеньем?
— Ага!

Наливаю из крана воды в граненый стакан. Сунул кипятыльник. Вода быстро запузырилась.

А девчонка зря времени не теряет. Уже хрустит оберткой с узором в красный и бежевый треугольники, со знаком качества СССР посредине — это печенье «Юбилейное». Россыпью летят на стол прямоугольные пластины нехитрого лакомства. Она берет печенье, вглядывается в надпись. Спрашивает:

— Почему его назвали «Юбилейным»?
— В честь юбилея... — кидаю щепотку заварки в стакан кипятка, размешиваю, чтобы набухшая чайная стружка быстрее осела на дно. — Юбилей пятидесятилетия октябрьской революции. Это печенье стали выпускать в 1967 году на фабрике «Большевик».

— Ты умный!
— Не, я просто печенье люблю.

Она пытается отхлебнуть кипяток, дует, разгоняя пар. На самом деле, я польщен ее словами, поэтому деловито продолжаю.

— Я еще слышал, будто «Юбилейное» печенье стали выпускать какие-то обрусевшие французы в честь трехсотлетия дома Романовых, аж в 1913 году.

— В честь царей, что ли? — она от удивления изогнула брови. — А куда же КГБ смотрит?

Я развел руками. Куда смотрели компетентные органы, я понятия не имел.

— Наверное, ушами хлопали... Вот и твой папа думает, что мы к партии готовимся, а мы тут чай гоняем!

Она засмеялась:
— Поиграем в карты?

Раскинули в «дурака». Весело на соревнованиях, пока тренер не видит... Раздаст стук в дверь.

— Эй вы, открывайте, я вас слышу! — звучит строгий и требовательный голос.
— Шифруемся! Прячь карты! — скороговоркой шепчу ей в ухо.
— Это папа! Он злится на тебя, называет балдой и картежником.

Времени выяснять не оставалось, за что ее папа на меня злится. Открываю дверь. Заходит грузный, хмурый мужчина с крупными чертами лица и недобрый, в мой адрес, взглядом.

— Чем вы тут занимаетесь?! — смотрит по сторонам.
Кровать заправлена, мы одеты. Никаких компрометирующих улик.
— Папа! — ее щеки вспыхнули румянцем.
— Молчи... — его взгляд становится на мгновение мягким, но, когда тренер снова поворачивается ко мне, вижу, как от негодования раздуваются его ноздри. — О твоих, негодяй, гулянках с командами из Череповца и Волгограда — с отдельными их представительницами — разве только Московская шахматная федерация еще не знает, а мы тут очень наслышаны! Видели тебя. Ты зачем в чужой огород полез?!
— А в какой еще огород мне лезть? — парирую я. — У нас, извините, на девчачьей доске ребенок прописался.

Мы оба смотрим на дочку тренера. Она, кажется, не поняла, о чем мы говорим. Тренер в гневе, тренер надулся, тренер нервничает.

— Ты это, смотри мне, огородик! Шахматами не думал заниматься?
Отмазываюсь, вру без зазрения совести.
— Мы ферзевый гамбит разбирали.
— Зачем ей твой ферзевый гамбит, если на “d4” она раскатывает защиту Бенони?! — он смотрит на меня почти с ненавистью.— И почему я не вижу шахмат на столе?!

Действительно. Как-то некрасиво получилось. Карты спрятали, а шахматы расставить не успели. Но если уж врать, так врать легко, душевно, с огоньком.

— А мы в уме варианты прокручиваем, внутреннее зрение развиваем, как у Александра Алехина. Он мог вслепую играть на нескольких досках...

— Ты мне внутренним зрением голову не морочь! Давай-ка вот без этих своих фортелей. Ты капитан команды или пингвин императорский?!

Тренерское напутствие прозвучало более или менее убедительно.

Достаю доску, расставляю фигуры. Поехали разыгрывать защиту Бенони: 1. d4 Kf6 2. c4 c5 3. d5... Тренер удовлетворенно покачивает головой. Кажется, отлегло. И еще его дочь твердит, какой я хороший и внимательный наставник.

— Ладно, смотрите мне...

Интересно, чего он больше тревожится: «неустановленных отношений» в команде или пробела в шахматных знаниях. Тренер выходит, и я закрываю за ним дверь. Он оглядывается.

— ... нет, не от вас закрываюсь! — уверяю его.— Это чтобы чужие не зашли... а вы, вы-то свой, родной, вы наш любимый и мудрый...

Кажется, его сейчас вырвет от грубой лести. Машет руками, уходит.

Возвращаюсь. Она хитро мне улыбается. Шахматы в сторону — достает из-под подушки колоду карт. Большой вопрос, кто тут главный картежник. Хм, шесть пик — ходит с мелкого козыря, чтобы выбить у меня единственного туза. Бито? Мой ход. Зайду двумя валетами. Если в масть не попаду — выбью у нее козырей и всякой мелочевки подкину. Бьет королями. Дело плохо. Сейчас сбросит мелочь и козырем завалит. По любому мне здесь кирдык. Так и есть, ходит парными...

— Можешь сдаваться! — ликует она.— И готовься выполнять мое желание!

— Только не как в прошлый раз!

Тогда получилось не красиво. Я полз по коридору на карачках, подкрался сзади к горничной и миролюбиво сказал: «Але! Я пингвин императорский, мне бы льда и рыбки?»

Тетенька юмор не оценила — шарахнулась в сторону, завопила «ай-ай», а потом кричала мне вслед: «Это же откуда такие идиоты берутся?!» Еще и милицию грозила вызвать.

На стол легла козырная семерка. Забираю. Жизнь наполнена вселенской несправедливостью. Мелкая семиклассница второй раз подряд «обувает» меня в дурака. Кидает пиковую даму — тут я вспомнил Пушкина и дом для душевнобольных: «тройка, семерка... дама!»

Дверь с шумом распаивается. В номер неудержимым торнадо врывается тренер. За его спиной маячит обиженная горничная:

— Да-да, вы уж проследите, чтобы этот хулиган ничего плохого с девочкой не сделал!

Вот же мстительная крыса! Не поленилась — своим ключом открыла. Небось под дверь подслушивали.

— Карты?! — вопит тренер, как будто видит их впервые в жизни.

— Папа!

— Карты?! — он поворачивается ко мне.— Ты, проходимец, обещал разобрать с ней защиту Бенони, а вместо этого в дурака режетесь! Разлагать мою команду не позволю! — он хватает колоду со стола и швыряет в форточку.— Вот вам безобразия! Кто теперь дурак?!

Разворот на сто восемьдесят градусов, и он так же стремительно выходит из номера. Горничная ликует. Дверь с шумом захлопывается. Я поворачиваю ключ в замке.

— Ну вот, не дал доиграть, сгорело мое желание! — огорчилась победительница.

— Облом, конечно, но, с другой стороны, спасибо ему, и даже колоды не жаль, — смеюсь я.

— Вообще, блин! — она надула губки, схватила печенье и зло откусила половину. Шепелявит с набитым ртом: — Если бы он карты не выбросил, ты бы точно не открутился выполнить мое главное желание.

— Какое?

— Ну, ты помнишь, я просила...

— Нет!

— Да!

— Ты еще маленькая. Я не могу.

— Я не маленькая!

— Ты девочка.

— Я не... — она поперхнулась. — И что из этого, что девочка? Почему другим можно, а мне нельзя? Давай, я даже готова дать тебе шанс — принесу карты из номера, и мы сыграем снова? Если я проиграю, то выполню твое желание.

— Нет.

— Ну, хочешь, я выполню твое желание, даже если выиграю? А ты выполнишь мое, только если проиграешь.

Ладно, думаю, не могу ведь три раза подряд проигрывать. Достāju из сумки новую колоду. Опытный. Во всех городах, где с приятелями по команде побывал на соревнованиях, пригостиничные клумбы завалены картами. Кто же с одной колодой на соревнования ездит? Садимся играть... Опять проигрываю. Может, она шулер? Еще недавно бегала малявкой, под ногами вертелась, а теперь... Тренер говорит, что у нее феноменальная зрительная память.

— Ладно, сначала мое желание выполняем, — говорю ей.

Крадемся на цыпочках по коридору, прямо в отсек для персонала. Видим, злая горничная там. Прячемся за углом возле лестницы и затеваем разговор так, чтобы ей слышно было.

Она: «У тебя змея выползла из коробки».

Я: «Да, гадюка сбежала! В номер не пойдем, пусть сначала горничная придет убираться, тогда...»

Она: «Скажем ей?»

Я: «Нет!»

Она: «А если змея ее укусит?»

Я: «Ничуть не жалко...»

Она: «Кого — горничную?»

Я: «Змею».

Она: «Какую?»

Я: «Обеих».

Выскакивает перепуганная горничная, а мы бежим вниз по лестнице и хохочем под ее ругань:

— Ах ты напасть, хулиганов на моем этаже поселили?! — слышны еще чьи-то голоса. — И девица — не смотри, что тихоня, такая же негодница, как ее долговязый патлатый приятель!

Хохотали. Вернулись в номер. Пришло время исполнять ее «главное желание».

— Уточни детали, чтобы потом не говорила, будто я обманул.

— Хочу выступление оперного певца, которое ты парням в купе поезда показывал, откуда меня, по твоей милости, кстати, по-свински выгнали!

— Потому что там гадости...

— Хочу гадости! — перебивает она. — Я из соседнего купе слушала через стакан: «Тихо в лесу, только не спят дрозды. Знают дрозды, что получают...» А дальше я не расслышала. Там еще про барсука что-то было. Завяжи один глаз полотенцем, как пират, встань на стул и пой мне арию про лесных животных!

— Некрасиво же. Давай, я тебе другую песню спою?

— Нет, так не честно! Это мое желание — пой арию. И накинь простыню на плечи, это будет твоя мантия. Теперь ты... кто там арии поэт?

— А черт его знает.

— Ладно, пой.

Я взгромоздился на стул и, хотя не дотягиваю вокальными данными до оперного певца, запел с выражением.

*Тихо в лесу, только не спит кенгуру,
Моль в ее сумке проела дыру,
Вот и не спит кенгуру.*

Дверь опять распахнулась. На пороге снова появился тренер в пылающей огнем сопровождении горничной.

— Вот, полюбуйтесь, эти двое пугали меня змеей! А теперь вообще неизвестно, что вытворяют.

Я хотел было скинуть простыню и снять пиратскую повязку, но тренер меня остановил.

— Проиграл — пой, Энрика Кутузов! Я же говорил, у моей дочери абсолютная зрительная память. Умница, девочка! В дурака я сам научил ее играть.

— Ага, вот кто виновник...

— Ты не отвлекайся — пой.

*Тихо в лесу, только не спит лиса,
За нос ее укусила оса —
Вот и не спит лиса.*

Я сорвал бурные аплодисменты. Не хлопала только горничная.

— Шахматисты — ужасные психи, включая тренера! И голос у тебя противный, — потом немного успокоилась. — Но, вы лучше борцов. Вы хотя бы вонючие носки не разбрасываете.

РЫЖИЕ УСИКИ

Советские города для меня, участника многих соревнований, делились на две категории: «съедобные» и «несъедобные». Например, Казань — не самый гастрономически избалованный город, но там в середине-конце 1980-х имелась аппетитнейшаяпельменная напротив одноименной гостиницы. Кормили сытно, вкусно и недорого. В Ташкенте, в кафе «Голубые купола», подавали не только изысканные восточные яства, но и самую настоящую западную кока-колу, которую я не встречал ни в одном другом городе СССР. В Новосибирске продавалась пепси-кола, но кока-колы нигде, кроме Ташкента, я не видел. В Москве, в первом в СССР Макдональдсе «наливали» спрайт. В Алма-Ате кормили чудесными, сочными мантами, сытным гуляшом и фаршированными перцами со сметаной. Даже заброшенный далеко в Восточную Сибирь Братск, хоть и отличался простотой блюд, но там следили за качеством и не скупались на размеры порций. От картошки и котлет в гостиничном ресторане ломились столы. Кормили даже черной икрой.

На фоне всего этого прекрасного изобилия и индивидуального колорита, Брянск, куда занесла нас нелегкая, казался сиротой цивилизации. Вот уж где не ступала нога кулинара!

Заходим в гостиничный буфет, рядом с входом в который по чьей-то злой иронии висела табличка «ресторан». Но рестораном то заведение язык не поворачивается назвать. Впрочем, как и буфетом. Тесная и мрачная комната, заляпанный соусом пол и прилавок. Пышных размеров тетка в несвежем халате и с отсутствующим выражением на лице.

— Можно меню? — спрашиваю я.

— Все перед вами, — фыркает в ответ.

— У вас есть котлеты? — спрашивает моя спутница.

Тетка смотрит на нас ледяным взглядом, как будто война еще не закончилась, и мы не советские дети, а злобные бургеры.

— Девушка, разуйте глаза. Вы видите тут котлеты? Нет. Так чего спрашиваете?

— А что это за блюдо? — снова беру слово.

— Еще один... — нервно вздыхает хозяйка заведения. — Вы слепой или тефтелей с макаронами никогда не видели? Брать будете? Мы скоро закрываемся. Никто ждать не станет, пока вы глазеете. Стоят, перебирают — зажрались барчуки!

— А вы даже когда разговариваете не перестаете жевать! — парирую.

Ее челюсти-жернова на мгновение прекратили перемалывать казенные продукты.

— Ах вы... шахматисты! — выдавила она с такой ненавистью, с какой не говорили об американском империализме на уроках политинформации. — Слышала я, поселили умников на нашу голову. Не зря говорят знающие люди, что противные вы, едкие. Заказывать будете?

Мы были последними в тот день посетителями. Тетка сняла с прилавка две тарелки и сунула нам под нос. Сама удалилась на кухню и вернулась с чем-то, похожим на салат из капусты, вполне приличного вида, который отсутствовал на прилавке. Она уселась у окна и стала задумчиво, не нарушая темпа, хрустеть.

Я ткнул вилку в спрессованную макаронную массу. Холодный желеобразный блин повис на зубах, как будто вилами подцепили автомобильную покрывку.

Моя спутница поддела тефтелину и взвизгнула. Прямо под ней покоился, как под надгробным камнем, усатый таракан. Бедная девушка чуть не расплакалась. Я забрал у нее тарелку и направился к улетающей за обе щеки толстухе.

— Это что?!

— Где? — она равнодушно посмотрела на таракана.

— Вот это!

— И что?

— Я вас спрашиваю, что это с рыжими усиками?

Она подняла на меня мутный взгляд и повторила:

— С усиками... с рыжими... Ты тоже с рыжими усиками.

Признаюсь, я не нашел, что возразить на ее аргумент. Вернулся к своей спутнице.

— Так противно! — сказала она.

— Месть? — спросил я.

— Месть! — подхватила она.

План созрел мгновенно. Мы снова направились к тетке.

— Может быть, вы замените нам блюда на то, что едите сами?

То не была просьба, а последний шанс для тетки чистосердечно раскаяться в злодеяниях. Как мы и предполагали, матерая грубиянка-рецидивистка не только не раскаялась, но и заявила довольно ядовитым тоном:

— Не нравится — не ешьте!

В глазах моей подруги я прочитал: «приговор окончательный, без права на апелляцию!»

— Ой, что это у вас — крыса! — закричала она.
— Где?! — подскочила толстуха.
— Вон там, вон она... хвост!
— Да, где же?
— Наверное, показалось.
— В общем так, если вы поели, то выметайтесь отсюда! — потребовала хозяйка мрачной столовки.

Мы оставили тарелки и вышли...

Через пару секунда послышался крик. Тетка плевалась и верещала не своим голосом. Собственно, пока моя спутница отвлекала злодейку выдуманной крысой, я эксгумировал тело таракана из-под тефтелей и, перегнувшись через прилавок, перезахоронил бранные останки в салате поварихи — накормил ее стряпней ее же изготовления.

С того дня столовку мы обходили стороной и не забывали купить бублики к вечернему чаю.

Людмила Кулик-Куракова
(г. Ялта)

ЧУЖОЙ ПАКЕТ

Первая публикация в нашем журнале.

На автобусной остановке осеннего южно-морского города стояла женщина средних лет, в красной куртке с черными полосками, в джинсах и черных сапожках. У нее в руках была красная дамская сумочка и два пакета с продуктами. Женщина нетерпеливо ждала автобус, подбегая к каждому, чтобы посмотреть номер маршрута. Ее явно что-то волновало. Ей нужно было срочно уехать домой, собрать документы для дочери, и отправить в Москву. Старшая дочь поступила в Московскую академию и документы уже сегодня должны были быть в Москве. Но дочь не сразу увидела дату отправки документов, поэтому сейчас возникают нежелательные «гонки» для ног и мыслей. И на данный момент женщину беспокоила единственная мысль об отправке документов. Она их распечатала — штук сорок, насмотрелась на них, и теперь документы мелькали у нее перед глазами, как поезда на вокзале.

— О-о-о! Наконец-то подъехал нужный автобус,— мысленно воскликнула озабоченная женщина.

Встревоженная, но снаружи спокойная женщина с пакетами и сумочкой вошла в салон. Увидев свободное сиденье, она поставила тяжелые пакеты, чтобы занять место, и пошла к водителю — оплатить проезд. Вернувшись к пакетам, женщина посмотрела на соседку, которая разговаривала по телефону, затем на худенькую старушку в плаще, которая приставала с вопросами к мальчику лет десяти: как же называется то, что летает вверх, на небе, как самолетик и фотографирует, и что-то еще уточняла. Мальчику явно не нравились вопросы, он смотрел в телефон, морщился, но из вежливости отвечал любознательной старушке. Женщина подумала: хочется посидеть спокойно, в тишине, и, схватив целлофановые пакеты с сиденья, обшитого синей, еще не потертой тканью, присела на свободное кресло напротив, где рядом сидела девушка, а ее пальцы прыгали по буквам телефона, как сверчки. Но девушка не разговаривала по телефону — и это был плюс к умиротворению — отметила для себя женщина в эту секунду.

Уставшая физически и морально, женщина сидела без движений, и время от времени посматривала на пакеты, которые крепко держала в руках, пытаясь вспомнить их содержимое. В одном пакете — документы,— размышляла она,— в другом — маме купила конфеты, лекарство и печенье. А что у меня в этом маленьком потертом пакете? Какая-то коробочка пластмассовая слегка просвечивается, и какие-то тряпочки? Что-то я плохо помню? Спешила... Спешила... Вот уже и память стала подводить меня. Ладно, дома разберусь. Главное, успеть отправить документы. А вдруг почта закроется? Нет, я должна прийти на почту до закрытия. Думаю, успею. Завтра другие планы нужно осуществить.

Автобус проехал несколько остановок. Женщине было видно, как назойливая

старушка, которая приставала с вопросами к мальчику, стала наклоняться, заглядывая под сиденье. Затем она обсмотрела пространство вокруг себя и через минуту старушка вкрадчиво стала продвигаться вперед по салону и, подойдя к женщине в красной куртке близко, посмотрела на пакеты и воскликнула:

— Это мой пакет! — Она указала рукой, и застыла в ожидании.

Девушка напротив тут же ответила ей:

— Да женщина как села с пакетами, так никуда и не вставала.

— Покажите пакет! — крикнула старушка изо всех сил, сотрясая воздух громким голосом.

— Ничего я вам показывать не буду.— Ответила женщина, держа пакеты, зажатые между сиденьями, и абсолютно уверенная в том, что весь тяжелый груз вместе с пакетами принадлежит ей. Она все делает правильно. А как иначе? Она так устала от сложившихся обстоятельств и беготни. И откуда взялась эта неугомонная старуха. Может, что-то перепутала?

— Покажите вы ей пакет, и пусть отстанет и успокоится,— вступая в разговор, возмутилась молодая пассажирка с телефоном. Женщина легко выпустила из рук белый потертый целлофановый пакет. И тут, схватив его, резвая старушка подняла пакет вверх и проскандировала:

— Смотрите! Смотрите! Это мой пакет. Она воровка! Она украла мой пакет. Она и у вас украдет пакеты! — Торжествуя, крутилась старушка вправо и влево, держа спасенный пакет как знамя.

Женщина при этом не сделала ни одного движения. И у нее почему-то не возникло даже какого-то протеста. Она сидела как отрешенная от мира, не понимая, что происходит. Пассажиры, как ни странно, тоже вели себя спокойно. Наверное, в другом автобусе, «доброжелательные» пассажиры при такой ситуации предпочли бы посоревноваться на лучшее оскорбление. По-видимому, в этом автобусе летал неведомый дух спокойствия. И никто не реагировал на возгласы старушки, и это ее будоражило. Не увидев солидарности, старушка вышла на следующей остановке, но пока автобус стоял, она еще раз забежала и прокричала:

— Она воровка! Она и у вас украдет пакеты! — старалась убедить пассажиров разочарованная старушка, чуть ли не подбрасывая «драгоценный пакет», чтобы на нее обратили внимание.

Молоденькая девушка с короткой стрижкой оторвала взгляд от телефона и удивленно спросила:

— Она опять зашла в автобус?

Когда суматошная старушка удалилась из автобуса, и он тронулся с места, то приветливая женщина, которая сидела сзади, обратилась:

— Вы знаете,— и женщина в красной куртке повернулась к ней,— я однажды передала деньги на билет, а затем и свой кошелек, который был в руке. А потом его искала, выходя из автобуса. И у меня спросила молодая женщина: «А что вы ищете?» Я ответила: — Кошелек. А она мне ответила, чуть ли не возмущаясь: — так вы же мне его сами отдали. Представляете, как бывает? А эта взбалмошная старушка. Она не в себе. Я еще на остановке заметила — старушка ко всем приставала с вопросами. Но с ней никто не хотел общаться. А вот здесь ей представился случай.

— Вы понимаете,— вступая в разговор, сказала женщина в красной куртке. Я поставила пакеты на свободное место. Я в этом уверена на сто процентов. Поэтому, забрав их, я сидела спокойно, думая о домашних заботах. Как оказался ее пакет у меня в руках? И почему у меня не было никаких реакций на случившееся? Я ведь сидела твердо уверенная в том, что все пакеты, которые держу в руках, мои. Предполагаю, что, когда я отвернулась, чтобы оплатить проезд, старушка-энтузиастка поставила сзади моих больших пакетов свой маленький. У меня только такое объяснение. Со мной первый раз в жизни происходит такой вопиющий случай. Вот таким

образом, получается, и подставляют людей. Это, наверное, предупредительный знак. И мне необходимо взять тайм-аут и отдохнуть, но только после отправки документов.

Дома женщина долго анализировала случившееся, но к другому объяснению так и не пришла. Она все это рассказала дочери. Дочь смеялась и спрашивала: как же с тобой такое могло произойти?

Но один вывод женщина сделала: больше никогда не ставить пакеты на свободное кресло в автобусе. Тяжело держать в руках пакеты, ручки которых режут без ножа руки, но зато надежно, и без неожиданных неприятностей.

Владимир Лебедев
(г. Нижний Новгород)

РАССКАЗЫ И ПРОЗАИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

Родился в г. Сергач (Горьковская, ныне — Нижегородская область), детство и юность прошли в с. Бутурлино, что на полпути между Нижним Новгородом и Пушкинским Болдино. Автор рассказов, лирических и сатирических стихов, четверостиший, афоризмов, басен в прозе. Опубликовано 9 книг и ряд книг на немецком языке.

БОГ В ПОМОЩЬ!

30-е годы в деревне. Жизнь натужна и угрюма, как задерганная лошадка, тянущая непосильный воз в гору. В колхозе скатертей-самобранок не раздавали, урожаи давались потом и кровью. Ежедневная карусель неотложных земных дел крутила, скрипела и мчала вихрем по кругу. Волны коллективизации и отбора «излишних» пожитков у крестьян захлестнули страну, что с неистовым энтузиазмом строила самое развитое и самое человеческое общество на земле. Брошенная на сельские просторы громыхающая казенная машина прорезала и просеивала, поливала и косила, боронила и запахивала.

Да и погодка частенько, осерчав на такую жизнь, то мутила воду, опуская свои ливневые потоки в местную тихую речку и превращая поля в топкие болотца, то, вдруг спохватившись, уходила в себя и, застегиваясь наглухо, палила из всех своих солнечных батареек по полям и лугам, садам и огородам. Не щадя робкие стебельки-подростки, выжигала на корню молодые посевы.

Этот год выдался на редкость безрадостным. А ведь чуть не в каждой избе — семеро по лавкам. В самой что ни на есть обычной русской деревне жили-маялись и Иван с Варварой. Детей у них было пятеро, мал мала меньше, все — погодки. Самому младшему — годик от роду. Где-то при трех или двух детях хлопот — от полу до стропил, а тут — аж пятеро ртов. Настало время — им уже и мальцов накормить нечем. И тут у Варюхи, надорвавшись, слег кормилец, Иван. Неделю лежит, вторую, а дела стоят. Смотрят соседи на его дом: крыльцо вроде как охромело — одна нога короче другой. А тут еще ветер шальной прямо по крыше сараюхи с хлевом прогулялся да и задрал ее, как юбку девке. И старый плетень, как непьющего после стакана самогона, перекосило.

А Ивану все хуже и хуже. Вот-вот к предкам своим на небеса отправится. По всему, последние часы доживает. Перед смертью подзывает он своего шабра Степана, с которым прожили бок обок, и не год, не два, а лет этак тридцать — с гаком.

— Послушай, Степан. Не жилец я на этом свете,— с трудом произносит он, напрягая жилы.— Пришло время — отмаялся. Ребятно страх жалко — не потянет Варюха, сгинут ведь. Не дай лиху случиться. Подсоби как можешь.

И на следующий день преставился.

Степан со своей Дарьей жили одни, без детей. Был мужик работающим, мастеровитым, к тому же добрым. А вот наследниками они не обзавелись, не получилось. Конечно, не раз завидовали соседу в этой части, без детей жить — как лето без дождя, поле без урожая. К тому же и в хозяйстве будущие молодые помощники ох как нужны. И вообще, кто дело, которым жили их деды и прадеды и их прапрадеды, продолжать будет? Не было у них и родственников: единственного Дарьиного брата взяли за какие-то слова, которые он на людях сгоряча взял да и выдал напрямую о раскулаченных: дескать, умели те работать. И займы, чего ни попросишь, давали. А потом и про долг забывали, особливо, если год хороший был.

Схоронили Ивана, вернулись Степан с Дарьей домой. Присели: ну, как шабрам помогать будем? Прикинули, что да как — все не то. Там же все дела по дому обдывать надо, кругом крутиться, чинить, латать, в огороде горбиться, дрова на зиму заготавливать, сено домашней скотине припасать. Да еще и в колхозе лямку тянуть. А детей подымать? Кормить, одевать-обувать, всяким премудростям да полезностям учить? За каждым ох как глаз нужен: не справится Варюха, все в тартары пойдет...

Сидят — только вздыхают да охают. И вот смотрит Дарья в упор на Степана, потом, потупившись, отводит взгляд. И, как будто очнувшись, с напрягом, но спокойно, произносит:

— Давай-ка, Степуха, перебирайся в Иванов дом. Станешь там за хозяина. Для ребятишек своим будешь.

— Ка-а-к?

— А я обойдусь.

— Да ты что?

— Много ль мне одной надо. Управлюсь. А то ничего не выйдет, пятерых мальцов погубим. Иди. Бог в помощь тебе!

Почесал Степан в затылке, крикнул, встал, непроизвольно махнул рукой... Раскачиваясь, подошел к широкой лавке у стены, достал ящик с инструментом, снял с крючка фуфайку, сунул ее под мышку, надел картуз и — ступил за порог.

ТРИДЦАТЬ ТРИ КОПЕЙКИ

Случилось это в ту пору, когда в квартирах у нас железных дверей еще не было, а в деревнях вообще дверей не запирали — в общем, где-то в шестидесятые. Правда, был я тогда не в деревне, а в большом городе в аспирантуре, где методом усердного высиживания и исключительного рвения форсировал свою кандидатскую. Просидев до полночи над конспектами многочисленных источников и черновиком основной главы, я решил пройтись к реке, что тихо несла свои воды недалеко от аспирантского общежития. Совсем не хотелось класть на подушку голову, до макушки забитую научными и околону научными формулировками, расхожими рассуждениями, неглупыми, но далекими от жизни доказательствами, и умопомрачительными выводами. Я неторопливо шел по тротуару, надеясь обрести перед сном желанное состояние равновесия и гармонии. И вместе с тем питал надежду, что принося себя в жертву ее величеству Науке, не буду отвергнут ей как недостойный поклонник.

В этот поздний час поблизости никого не было, и мой взгляд беспрепятственно устремился вдоль обрамленного серым камнем русла реки, великодушно пропуская случайно оказавшиеся на ее поверхности предметы непритязательного быта. Но вот я засек недалеко от себя две фигуры, которые шли наперерез мне. Это были молодые люди — высоченный худой парень лет двадцати, и невидный недоросль, который

мог бы уместиться у него даже под мышкой. Они остановились в двух шагах от меня и долговязый, не теряя времени на знакомство, выдохнул:

— Деньги есть?

Услышав этот конкретный и прямой, как гвоздь, вопрос, я понял, что к чему. Ребята, по всему, вышли не для того, чтобы понаблюдать речные медленные воды или справиться о моем самочувствии. Передо мной стояли любители немедленно отобрать то, что им не принадлежит, но добыто честно другим через усердный выматывающий труд. Между тем, избрав нужный момент, младший сунул руку в карман своего простенького пальтишка и, открыв клапан, указал мне на лезвие ножа средних размеров, не извлекая его наружу. Ножичек явно не был похож на те, которыми чинят цветные карандашики.

— Да кто же в это время с деньгами по улицам ходит? — отреагировал я наконец на этот совсем не праздный вопрос, автоматически ощупывая в кармане мелочь, с которой мне предстояло расстаться.

— Вот! — И я вытащил на свет свою наличность — тридцать три копейки. Это ж, тут же прикинул я, больше, чем на две буханки ржаного хлеба. На них даже одиннадцать раз на трамвае прокатиться можно. (Надо сказать, меня как-то не тянуло отдавать свои кровные, и я — о, ужас! — даже утаил две монетки, итого, четыре копейки.) Между тем высокий парень, он же старший, уже распорядился:

— Давай!

Я протянул скромную дань, и незадачливые грабители, то и дело оглядываясь (явно боясь появления свидетелей), поспешили исчезнуть, но в последний момент старший обернулся:

— А часы есть?

— Нет, не взял, — ответил я как бы с сожалением.

— Покажи, — распорядился он. Я задрал рукав пиджака — он, не подходя ко мне, убедился, что я не слукавил.

— Из общаги, что ли?

Я пожал плечами. Они ушли.

М-да, какие же они грабители, если взяли тридцать три копейки? — пронеслось у меня в мозгу. Даже карманы не проверили. Да и нож какой-то уж больно простенький — чижики затачивать. Тут что-то не то. Видать, этим молодым на хлеб не хватает.

— Мужики! — крикнул я им вслед. — Погодите!

Но они ускорили шаг и скрылись за домами.

Через два дня я в поздний час шел, прогуливаясь, из хлебного магазина ближе к ночлегу. И когда уже был почти у цели, снова натолкнулся на тех парней.

— Ну как, нынче при деньгах? — тут же отреагировал старший.

— Возьмите вот. — И я протянул ему рубль. — Тут на шесть буханок ржаного хлеба.

Парень сморщился.

— Ну, вот еще рубль с полтиной. После булочной осталось. Больше нет. Мы же на стипендию живем. Только скажите, что за проблемы?

— А тебе-то что?

— Так ведь бандиты тридцать три копейки не берут. У вас что-то стряслось?

— Да у нас всю жизнь трясется, как на болоте!

— А-а-а. Родители есть? Может, отцы спились?

— Э-э! У него спился, по пьянке на зону попал, а у нас в бегах — ищи-свищи.

— А матери?

— У него мать умерла, а у моей еще пятеро по лавкам. Жрать нечего, малые обноски носят.

— Вон как.

— А раньше нормально было?
— После войны в голодуху много чего было. Траву жрали. Мы же из пригорода. Сосед собак ловил и убивал, что-то перепало.
— Так вы неместные?
— А то, промышляем, калым ищем. Мне надо еще братьям-сестрам на пропитание доставать, на то, на се.
— Вон как. А где ж ночуете?
— Еще чего? Чтобы мы все сказали? Иди-ка ты... в свою общагу!

Я ушел восвояси. Мысли, как взбудораженные скакуны, скакали в моей голове. Какой порочный круг, думал я. Как одно цепляется за другое! Эти их набеги на случайных прохожих! Им же помогать надо! Срочно! А что я могу со своей лингвистикой? Ведь главная наука — наука справедливости и человеческого права! Вот чему надо учиться! Я отработаю свой аспирантский срок, напишу кандидатскую, а они получат свой срок! Надо что-то делать! Немедля решать! Чтобы помочь людям жить честно и достойно? И чтобы они не портили жизнь — ни себе, ни другим. И не клячили тридцать три копейки!

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

ГОСТЬ ИЗ РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Остап Ибрагимович Бендер прибыл из Рио-де-Жанейро в Москву по очень важному делу. Все мы знаем этого человека благодаря Илье Ильфу и Евгению Петрову.

Судя по тому, что Остап Ибрагимович остановился в самой дорогой гостинице столицы и выбрал в ней лучший номер, было понятно, что господин Бендер человек не просто богатый, а очень богатый. Это подтверждало и присутствие приехавшей с Бендером охраны, секретаря-мужчины и эскортницы, которую охранники между собой называли Рыбкой.

Через два часа после прибытия в Москву Остап уже умудрился узнать, что по такому-то адресу началось собрание, на котором присутствует часть московских писателей, в том числе Илья Ильф и Евгений Петров.

Спустя сорок минут Бендер был уже возле двери помещения, в котором собрание заканчивалось. И вот он увидел, как из зала начали выходить инженеры человеческих душ и те, кто претендовал на это звание.

Заметив Ильфа и Петрова, отделившихся от группы литераторов, Бендер подумал: «Лед тронулся, господа присяжные заседатели»,— и решил начать разговор с шутки. Подойдя вплотную и выждав, когда они обратят на него внимание, отчеканил:

— Разрешите представиться, Остап Ибрагимович Бендер.

— Ух ты! — удивился Ильф.— Вот это сюрприз. И откуда же ты взялся?

— Из Бразилии, Илья Арнольдович, из Рио-де-Жанейро...

— Да-а, сюрприз так сюрприз,— согласился Евгений Петров и добавил: — Как быстро пролетают годы. Это сколько же лет прошло, как мы с тобой расстались?

— Как сказал один мой знакомый, жизнь пролетает как птица, которая гадит тебе на голову. А предстал я пред ваши очи потому, что у меня к вам важное дело.

— А что за дело-то? — поинтересовался Ильф.

— Думаю, оно вас обоих очень и очень заинтересует,— сказал, не скрывая загадочной интонации, Бендер.— Но вести обсуждение столь серьезного вопроса в этом коридоре... сами понимаете. Прямо сейчас предлагаю поехать в ресторан «Прага», там пообедаем и обстоятельно поговорим. Угощаю. Я ведь уже давно миллионер. Сбылась мечта идиота!

Ильф и Петров переглянулись, и Илья Арнольдович шуточно сказал:

— Остап, не делайте из еды культа,— и продолжил: — Поступим по-другому. В трех минутах ходьбы есть хорошая кофейня. Выпьем кофейку и переговорим. И людей там всегда мало.

Бендер еле заметно поморщился, но вынужден был согласиться.

Когда пришли в кофейню и сели за столик, Остап не стал спешить со своим важ-

ным делом. Сначала, как и принято в подобных случаях, поинтересовался жизнью писателей в последние годы, потом с воодушевлением сказал:

— Я приехал, увидел Москву — и радость в душе. На улице — зима, а у меня в душе — весна...

— Ничего удивительно,— сказал Ильф,— весна в душе может наступить и зимой.

Остап решил украсить разговор оптимистической нотой. И с пафосом заявил:

— В последние десятилетия в России такие положительные перемены...

— У нас что ни ветер перемен, то пыль в глаза.

После этих слов Бендер решил зайти с другой стороны, чтобы бить в одну точку наверняка. И он спросил:

— А вы слышали новые анекдоты про меня?

— Да что-то давно ничего не слышно,— обмолвился Петров.

— Тогда я вам расскажу,— предложил Бендер и, не дожидаясь согласия, начал: — Почему в электричке все сидения порезаны? Это потомки Остапа Бендера ищут свои драгоценности. Или вот еще. Штирлиц шел по Пятигорску. Вдруг у входа в пещеру он увидел Остапа Бендера. «Это провал»,— подумал Штирлиц.

— Это старый анекдот, он появился сразу после фильма «Семнадцать мгновений весны»,— сообщил Ильф.

Бендер решил, что спешить со своим важным делом пока не следует. «Не тот случай, когда нужно с места в карьер»,— подумал он и поинтересовался:

— Я что-то не вижу ваших новых книг. Есть что-то новенькое? А какие-нибудь литературные премии вам дали в последние десятилетия?

— Сейчас награды получает не тот, кто заслуживает, а тот, кто прислуживает,— усмехнулся Петров и добавил: — В новой России издательствам нужна макулатура, а мы с Ильей Арнольдовичем производством макулатуры не занимаемся.

— Раз вы теперь живете в капиталистической стране, то и сны у вас должны быть капиталистическими. Значит, нужно перестраиваться, идти, так сказать, в ногу со временем: писать мелодрамы, детективы, эротику...

— Кто идет в ногу со временем, тот вместе с ним и спотыкается,— недовольно перебил собеседника Ильф.

— Сейчас в России писатели брошены государством, никому не нужны, и мы в том числе,— посетовал Петров.

— Ну-у, вам-то жаловаться при вашем таланте. В сатире у вас точно пальма первенства.

— Пальма первенства быстро сохнет,— пошутил Ильф.

«Хорошо излагает, собака»,— подумал Бендер и предложил:

— А может вам переключиться только на юмор и не щекотать никого сатирой. Вон дежурят же на экранах Петросян, Винокур...

— У дежурных юмористов и юмор дежурный,— заметил Петров.

— Евгений Петрович, а какое было ваше первое литературное произведение? — спросил Бендер.— Вы же не сразу начали писать с Ильей Арнольдовичем.

— Первое литературное произведение? — Петров на секунду задумался.— Протокол осмотра трупа неизвестного мужчины,— пошутил он.— Я тогда работал в Одесском уголовном розыске.

— Илья Арнольдович,— обратился Остап к Ильфу,— а когда вы начали писать совместно с Евгением Петровичем?

— С 1927 года,— ответил Ильф и вспомнил: — А через два-три года газетные остряки стали сочинять на нас эпиграммы.— По лицу писателя было видно, что ему приятен этот эпизод своей жизни.— Наверное, лучшую эпигramму написал Александр Безыменский: «Ах, Моссовет! Ну как тебе не стыдно? Петровка есть, а Ильфовки — не видно».

— А мне,— высказал свое мнение Петров,— больше нравится эпигramма Алек-

сандра Архангельского: «Провозгласил остряк один: Ильф — Салтыков, Петров — Щедрин». А когда нас засыпали вопросами, как мы пишем вдвоем, пришлось ответить, что, мол, пишем как братья Гонкуры: один бегаёт по редакциям, а другой — стережет рукописи.

Все трое дружно посмеялись.

— Может, вам подождать лучших времен? — предложил Остап.

— Нет, мы не ждем лучших времен. Время умеет только уходить, — с сожалением сказал Евгений Петрович. — Мы так долго ждали светлого Будущего, что оно успело потемнеть. Ну ладно, хватит о нас. Расскажи о себе, — Петров решил сменить тему разговора. — Как на личном фронте: семья, дети...

— Я до сих пор холост, как-то не сложилось. Женщины любят молодых, политически грамотных, длинноногих. А я уже далеко не молод.

— Ну и какой у тебя в России бизнес, миллионер? — небрежно спросил Ильф.

— У меня бизнес не здесь. В Россию я пока перебираться не собираюсь. Тут в вопросах предпринимательства все как-то неустойчиво. Бизнесменов хватают, сажают. Вон Ходарковский сколько отсидел...

— Да, не всем, кто залез в государственный карман, удалось выбраться обратно, — сострил Петров.

— Но чаще всего, смотрю, сажают чиновников, — недоуменно сказал Бендер.

— Потому что лазейки в законах чаще всего находят канцелярские крысы, — отметил очередную шутку Евгений Петрович.

Остап решил, что пора брать быка за рога, то есть переходить к вопросу, ради которого он и прибыл в Москву.

— Честно говоря, хочу перейти к главному вопросу нашей встречи и надеюсь, что мы придем к общему знаменателю. Но перед этим небольшая преамбула.

— Давай, а мы с Евгением Петровичем будем внимательно слушать и конспектировать, а то вдруг придется писать о тебе новую книгу, — с иронией отреагировал Ильф.

— Вы, конечно, помните, что было в России в конце двадцатых годов. Наделали делов эти Маркс и Энгельс. И в курсе, что у меня с советской властью возникли серьезные разногласия. Она хотела строить социализм, а я не хотел. Мне скучно было строить социализм. И я перебрался в Бразилию...

— Как в Бразилию? — удивился Илья Арнольдович.

— Вы ошиблись, господа писатели, — с интонацией первооткрывателя продолжил свой монолог Бендер. — Той мартовской ночью 1931 года я все-таки откупился от румынских пограничников, и бриллианты они у меня не нашли. А через месяц я был уже в Бразилии. И вот я попал в хрустальную мечту моего детства — Рио-де-Жанейро. И там начал новую жизнь.

— Начать новую жизнь легко, трудно закончить старую, — подковырнул собеседника Петров, намекая на мошенничества Бендера.

— Вы правы, — согласился Остап, — но я сразу же решил в дальнейшем отказаться от всех своих отрицательных качеств, от слова совсем. Но это было не так-то просто. Там я окончательно убедился, что мы чужие на этом празднике жизни. Хотя у меня были деньги, начинать бизнес было катастрофически трудно. Я разорился один, два, три раза... Русских в Бразилии никто не любит, если не считать полиции, которая тоже нас не любит. Не ладилось то одно, то другое. Я любил и страдал. Любил деньги и страдал от их недостатка. Я, как идейный борец за денежные знаки, не сдавался. И стал мыслить. Меня, например, кормят идеи. И я подумал: все места под Солнцем заняты. Но! Ничто не вечно под Луной. Когда я вычитывал или слышал от кого-то мысли о неудачах, выучивал их наизусть и повторял, повторял, повторял. Даже составил памятку из этих фраз. И до сих пор не забыл. Главное — не получить урок, а усвоить его. Терпение — фундамент любого дела. Страшны не тупики, а дли-

тельность выхода из них. Цель всех страданий — заставить нас действовать. Только пройдя круги ада, знаешь, как туда не попасть. Горький опыт делает жизнь слаще. Как видите, у меня хорошая память. Я изучал ошибки бразильских бизнесменов, которые разорились...

— Чему можно научиться на чужих ошибках? Это, считай, заочное обучение,— полушутя-полусерьезно заметил Петров.

— Да, жизнь — единственный учитель, который дает уроки без лишних слов,— продолжал Бендер.— Жизнь заставляла меня крутиться, потом выкручиваться. Одним словом, хорошо там, где нас нет.

— А я бы усилил,— сказал Петров,— хорошо там, где нас нет, не было и никогда не будет.

— Так вот,— продолжал свою бразильскую эпопею Бендер.— В Рио трудно было найти нишу в бизнесе, но я со временем ее все-таки нашел. Сначала у меня появился первый супермаркет, потом второй, третий... ну а сейчас их больше сотни. Бизнес развивается успешно. Тут главное — не расслабляться. Как сказал один мой приятель, успех — это иллюзия окончательной победы. Торговля! Продаю все, что можно продать...

Ильфа начал раздражать новоявленный миллионер, и он бросил реплику:

— Вовенарг давно сформулировал, что такое торговля. Это школа обмана.

— Не без этого, конечно,— согласился Остап.— Но мы кормим, обуваем и одеваем миллионы людей. И рекламу совершенствуем — этот двигатель прогресса.

— Реклама — не двигатель прогресса, а его выхлопные газы,— сказал Илья Арнольдович, не скрывая насмешки.

— И продаем еще тысячи предметов, в которых человек испытывает потребность,— продолжил Бендер, не обращая внимания на выпад Ильфа.

— Потребительство — одна из форм саморазрушения личности. А общество потребления — это общество ограбления народа. И ты в этом ограблении активно участвуешь,— уже агрессивно высказался Ильф.

— Илья Арнольдович, вы не думайте, что бизнесом так легко заниматься,— возмутился Остап.— Я вот вырвался в Москву всего на один-два дня, решу вопрос с вами — и сразу назад.

— Не так страшен хомут на шее, как невозможность его снять,— продолжал иронизировать Петров. Он слушал Бендера с интересом и не испытывал к нему враждебной неприязни.

— А какой вопрос ты собираешься с нами решать? — спросил Ильф, уже не скрывая раздражения.

— Илья Арнольдович, отвечу чуточку позже. К сказанному хочу добавить буквально несколько слов. Вы подозреваете, что я остался таким же, каким был? А я, к вашему сведению, уже совсем другой человек. И очень сожалею, что за мной тянется шлейф мошенника и вообще пустого человека. Я каждый месяц трачу немалые деньги на бедных, меня в Бразилии знают как мецената. Я помогаю жить писателям, художникам, музыкантам. А сколько денег я отправил в детские дома. Я уже, можно сказать, искупил свои грехи...

— Искушая грехи, купил утешение? — не унимался Петров.

— Я уже не тот Остап Бендер, которого вы знали раньше. Перед вами совсем другой человек. Да, в свое время я совершил немало глупостей,— признался Остап.— Сейчас сожалею об этом. Но я выбрался из этой ямы...

— Если выбрался из ямы, это вовсе не значит, что ты поднялся на гору, сказал Ильф строгим тоном и внимательно посмотрел в глаза Остапу.

— Многие, живущие по одним принципам, мечтают о других,— продолжал Бендер.— И вот моя мечта сбылась. Я понял, что авантюра — это бег хромого разума. И больше ни на какие авантюры не хожу. Держу себя в рамках приличного человека...

— Чтобы держать себя в рамках, нужно быть картиной,— сказал, усмехнувшись, Петров.

— Трудно прожить жизнь без ошибок с первой попытки,— попытался оправдаться Остап.— В Бразилии уже очень многие положительно отзываются обо мне. Значит, увидели во мне хорошие стороны...

— А я вот замечал, только найдешь в человеке хорошую сторону, он тут же поворачивается,— сказал Ильф, нахмурив брови, и спросил: — Так что за дело у тебя к нам?

— Хочу оставить след в жизни...

— Если оставил след в жизни, тебя найдут и на том свете. Не боишься? — продолжал хохмить Евгений Петрович.

— Ну что ж, перейду ближе к телу, как говорил Мопассан. Хочу, чтобы вы написали обо мне третью книгу. Но! Чтобы в этой книге я был положительным героем. Среди представителей буржуа тоже ведь есть положительные герои...

— Да у тебя, Остап, я смотрю каша в голове. Какие положительные герои среди представителей буржуазии? — возмутился Ильф.

— Многие живут с кашей в голове и считают, что сыты знаниями,— подметил Петров.

Бендер, решительно отбросил в сторону прозвучавшие умозаключения и, настойчиво продолжая идти к цели, сказал:

— У вас, я вижу, с деньгами дело швах. Финансовая пропасть — самая, знаете ли, глубокая из всех пропастей, в нее можно падать всю жизнь. Я не хочу, чтобы обо мне писал кто-то другой. За работу заплачу вам десять миллионов долларов. Деньги могу отдать хоть сегодня. Время на размышление дать не могу. Ответ я должен получить сегодня,— закончил монолог Остап Бендер и подумал: «Кажется, наступил психологический момент для решения».

Ильф посмотрел в глаза Петрову и моментально прочитал в них слово «нет».

— Такую книгу писать мы не будем,— отрубил Ильф и вышел из-за стола, давая понять, что разговор окончен. Вслед за ним поднялся Петров.

— Так что же, зря я одиннадцать тысяч километров преодолел?

— Иногда нужно пройти весь путь, чтобы понять, что заблудился,— Евгений Петрович продолжал издеваться над своим литературным героем. Возникшая жизненная ситуация выплеснула из его лексикона все сатирические краски.

Остап вспылал, вскочил со стула и воскликнул:

— Не будьте божьей коровой! Десять миллионов за написание одной книги! Я же стал уже другим человеком и рассказал вам об этом...

— Суд Истории не рассматривает явку с повинной как смягчающее обстоятельство,— сказал Евгений Петрович и категорическим тоном подтвердил слова друга: — Писать не будем.

— Но десять миллионов! — крикнул Бендер и показал десять пальцев своих рук.

— Сейчас мы не пьем, не курим, девушками не увлекаемся. Зачем нам такие большие деньги? Мы не умеем их тратить,— с ехидцей промолвил Петров и предложил: — А ты обратись к Дмитрию Быкову, он и за один миллион напишет. Он собрался писать книгу о предателе генерале Власове, а заодно и о тебе напишет.

Остап так разволновался, что его лицо покраснело; гневные слова, которые он хотел выплеснуть, застряли в горле, и он никак не мог вытолкнуть их наружу.

Похлопав Бендера по плечу, Евгений Петрович, не скрывая улыбки, с пафосом заявил:

— Крепись, Остап! Россия тебя не забудет! Заграница поможет.

Бендер до конца осознал, что над ним издеваются самым наглым образом, и решил в долгу не оставаться. В свойственной ему манере он начал говорить:

— Будь по-вашему... Спасибо за подсказку. Обниматься некогда. Надо бежать к Дмитрию Быкову. Он — уникальный эрудит, такой масштаб личности...

— Масштаб личности зависит от масштаба карты,— успел последний раз связать Петров.

— Прощайте, мои любимые писатели. Мы разошлись как в море корабли. Не надо оваций! В ваших глазах порядочного человека из меня не получилось. Придется оставаться акулой капитализма.

И Остап выскочил из кофейни как необъезженный мерин.

— А может, согласимся? Десять миллионов — не шутка. Я могу его догнать,— предложил Евгений Петрович.

— Опустив якорь, паруса не поднимают,— мрачно ответил Илья Арнольдович.

— Да я пошутил,— сказал Петров и рассмеялся.

— Бывают такие встречи, что сразу хочется разлуки.

— Ну почему же? — возразил Евгений Петрович.— Мне было интересно посмотреть, кем Остап Бендер стал в этой жизни.

Не услышав возражений, Петров пошел к официанту расплачиваться за кофе.

Наталья Веселова
(г. Санкт-Петербург)

НОРКОВЫЙ ТУЛУПЧИК

Родилась Ленинграде в 1967 г. Член Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина, автор 16 книг (романы, повести), публиковалась во многих журналах.

Что теперь станет с Марсиком? Эта мысль как впиалась с утра в ее мозг, будто тонкая колючка в пятку, так и цепляла — при каждом невольном вздроге сознания. Только усыпить. Другого выхода Нинон не видела — да и не было его, как ни изворачивайся... Вот так прямо взять и усыпить здорового пятилетнего немецкого овчара с дремучей золотой бездной в чуть прищуренных, всегда на хозяйку жадно устремленных глазах. Сделает это, конечно, зять. И на минуту не задумается, а она не посмеет возразить. Она теперь вообще никогда ничего не посмеет: вспять время не повернешь... Это когда-то, десять лет назад, было ее гнездо, которое она маниакально украшала, словно ласточка, принося туда в клюве по травинке: то коврик в ванную, то полочку под локоток у кресла — чтоб и чашка, и книжка... Даже вспоминать странно... Восемь лет назад Нинон оставила квартиру дочке с ее семьей, и теперь только гостевала там иногда — очень редко и недолго. В бывшем своем доме, незаметно ставшем необратимо чужим, а иногда почти скатывавшимся во враждебность.

Марсика — шерстистого, всегда готового на рык и непривычного к паркету — туда привезти с собой невозможно: в маленькой брежневке, где в меньшей, десятиметровой комнате теперь спальня Людочки с мужем, а в большей — аж четырнадцать метров! — размещены внуки-близнецы Петя и Паша со своим двухъярусным спальным местом, неразлучной, как и они, парой секретеров с компьютерами, несколькими спортивными снарядами и одним на двоих неожиданно ласковым и безотчетным, похожим на белую акулу бультерьером по кличке Беляш... Куда уж там Марсику, самой-то куда-нибудь примоститься! Ну, положим, Людочка маму если не любит, то хоть пожалеет иногда, и, когда муж ее, горе-художник, ночует в мастерской, будет класть мать рядом с собой на супружеский раскладной диван, на свою половину, а сама переберется на мужнину... Ночует супруг вне дома часто и охотно, потому что жену давно разлюбил, а дети ему и вовсе мешают: так, появится, прикрикнет для порядка, чтоб показать, кто хозяин в доме, доведет мелочными придирками и неявными, но гнусными оскорблениями действительно подурневшую за последние годы Люду до крика и слез, после чего обзовет истеричкой, на которой «знал бы — не женился», благородно вознегодует и вновь исчезнет на полнедели. Девочка ее знает, что в мастерскую муж регулярно приводит женщин — для вдохновения, даже если наскоро ляпает трафаретную халтуру, вроде эмблемы спонсора на форменные майки и куртки детской спортивной команды... Но она давно махнула рукой на мужа — и на себя. Других в сорок — и пятьдесят, кстати! — называют на улице «девушка», а Людочка... Нинон так больно теперь видеть эту — еще чуть-чуть — и

да, можно будет сказать «опустившуюся» — старообразную тетку с жалким трепачным пучком давно не крашенных волос, в вечных унылых шерстяных кофтах и прямых юбках неопределенной длины, вроде бы и новых, в магазине купленных, а все равно будто раскопанных в бабушкином сундуке. «Покрасилась бы, может, дочка, стрижку какую сделала...» — робко советовала, приезжая раз в месяц, Нинон. «Ой, мам, сил нет...» — вяло отмахивалась Люда и заправляла за ухо поседевшую прядку... Но с мужем она никогда не разведется — будет тащить его до смерти, нелюбимого и нелюбящего, зато требовательного и полного амбиций... Люда сейчас «оператор» частного копи-центра. Проще говоря, она двенадцать часов в сутки сидит в стеклянной коробке, приткнувшейся в недрах торгового-развлекательного центра, и распечатывает клиентам тексты на принтере или делает им дежурные черно-белые ксерокопии документов, где лица на фотографиях откровенно страшны, как случайно проявившиеся изображения привидений... Нет, когда-то была благополучно закончена традиционная «Корабелка», что-то инженерское прописано в синих корочках... Но куда уж теперь! Хотя какая-то работа есть с регулярной зарплатой — и то счастье, так-то вот... В свободное время Люда пытается — деловито, но почти всегда неудачно — искать каких-то недостижимых и почти мифических олигархов, готовых оплатить банкет «для нужных людей» на очередной мужниной выставке в окраинной библиотеке, мечтает выбить ему какие-то фантастические «гранты», подает его документы на премии, которых он никогда не получает, потому что средства, гранты и премии распределены еще задолго до того, как на них кто-то «подал» — и всем это понятно, кроме Люды и ее мужа... Но ничего, зато деньги, вырученные за пропечатанные спины спортивных маек, он несет именно жене — почти до копейки. «Со своими девицами разве что бутылку шампанского разопьет», — радуется Людочка... И все длиннее ее юбки, все серее и коричневее кофты... Ладно, когда зять будет приходиться с ночевкой, придется ложиться на кухонный диванчик. Он, правда, коротковат, ноги свисают, но можно низенькую такую табуреточку... с подушечкой... Не выгонят же на улицу — мать все-таки родная и бабка! И с детьми поможет, кстати: как они из школы придут — она им борщика горяченького, чтоб сытенские перед секциями своими спортивными...

Господи, как страшно...

Снова больно цепляет колючка по имени «Марсик». Не пустят его в квартиру, не пустят... Тем более что своя собака у них немаленькая, да и Марс никого, кроме Нинон, не признает — даже детей. Все другие для него — потенциальные враги, и он их лишь милостиво терпит до гипотетически возможной команды «фас» — и ждет ее даже во сне, чутко поводя острыми бархатными ушами. Окрас у Марса совсем волчий, серо-черный, называется «зонарный», кто в поселке его не знает, не осведомлен о низкой овчарочьей осадке кзади, — тот опасливо косится: не волка ли ведет на поводке эта сумасшедшая тетка? Хм... Тетка... Хорошо, если так, а то ведь, наверное, думают «бабка»... Она сама в лечебницу не поедет, а Марсик зятю в руки не дастся... Придется вызывать ветеринара-усыпителя на дом — за ее деньги, разумеется; она и уйти не сможет, потому что Марс без нее всех в доме перервет, включая детей и врачей. Значит, никуда не денешься: подарить его некому (хорош подарок, сожрет счастливого обладателя и не подавится), придется не просто как-нибудь душераздирающе проститься, но и присутствовать... Давным-давно она видела, как усыпляли собаку ее школьной подружки — та не смогла, умолила пойти с песиком в кабинет десятиклассницу-Ниночку... Несколько лет не забывалось то, что пришлось увидеть тогда в лечебнице! Но спаниель подружки был старый, плешивый и неизлечимо больной, весь в устрашающе огромных опухлях; он твердо знал, что пришла его собачья пора, кротко смотрел абсолютно человеческими всепонимающими глазами и нервно, прерывисто вздыхал: вы, дескать, поскорей уж, девчонки, устал я... А Марсик... Нет. Она не сможет. Лучше уж в приют отведет, скажет, нашла на улице... Нет, нет. Пусть

хоть режут ее, хоть на улицу выкинут! А может, отдать его пограничникам, пусть несет военную службу? Поступает же так кто-то, она сама читала... А-а-а! Да что ж это делается-то на свете, Господи! И как же ты допускаешь такое! Меня — наплевать — но Марсика-то за что?! Он же тоже тварь Твоя, Боже, мы-то тут, на земле мы-каюсь, ко всему привыкли, но его не мучь — серого, злого, преданного, ничего не понимающего!

Чувство беспомощности захлестнуло Нинон, она покачнулась за столом, едва не закрыв лицо руками, но вовремя глянула вперед, наткнулась взглядом на монументальную фигуру женщины-судьи в складчатой мантии — над квадратным черным пятном маячило расплывшееся, сероватое, презрительно-равнодушное лицо в тяжелых прямоугольных очках. Такая не пощадит. Это тебе не Марсик.

«Вы же знаете, что бедному с богатым не судиться... — шепнул ей в ухо, мягко поддерживая за спину, молодой и бойкий адвокат Илья. — Но раз уж решились... Давайте хотя бы проиграем с высоко поднятой головой... Ну... Соберитесь... Может, еще и ничего, кто знает...» — Илья чуть слышно вздохнул. Он-то как раз знал — и предупредил честно, еще до самого первого заседания: «Эти — *занесут*, можете не сомневаться, — кивнул в сторону надменной девчонки, представительницы истца. — Не судье — так в нужные организации. А там неудачницы-недоучки сидят, которые айфон только во сне видели, и пенсионерки, чья пенсия равна прожиточному минимуму... Продолжать мне или сами поймете, Нина Алексеевна?». Она, конечно, понимала.

— Я протестую! — с протяжным воем подскочил вдруг рядом с ней адвокат. — Протестую против приобщения этого чертежа! Его происхождение...

Грохнул, будто выстрелил, деревянный молоток:

— Протест отклонен. Суд постановил удовлетворить ходатайство истца о приобщении к материалам дела плана дома и участка.

— Ваша честь! — против всяких правил взмолился Илья. — Там цветной тушью нарисовано! В пятидесятых годах прошлого века! Неизвестно кто, что и где рисовал, там и вокруг все тогда другое было! Непонятно даже, та ли местность вообще, о которой речь-то идет! А надписи...

— Ваш протест отклонен, вам неясно, представитель ответчика?! Еще раз — и вы будете из зала — удалены! — судейская мини-кувалда вновь обрушилась на кафедру, и легко было предположить, что если б суровый закон давал судье право молотить не по столу, а по головам участников процессов, то их мозги давно бы уже были размазаны тут по стенам во устрашение всем последующим.

«Где-то я ее видела...» — неясно мелькнуло у Нинон в эту ужасную секунду.

Илья потупился и сел.

— Кремень баба, — тише шепота поделился он с клиенткой. — Точно — *скушала*...

Нет, она определенно идиотка... Причем тут Марсик?! Кто думает о собаке, когда под откос летит — жизнь?!!

* * *

Истца своего Нинон видела единственный раз, поздней весной. Однажды, жмурясь от удовольствия (эту привычку она за собой знала и считала ее обаятельной), будущая ответчица пила на крыльце утренний кофе со сливками, вытянув вдоль теплых крашенных досок свои длинные, все еще стройные ноги и заголив их выше колен, — и вдруг в щели между землей и глухим железным забором промелькнули и замерли у калитки мужские ярко-белые кроссовки. Тотчас раздался стук, Нинон мгновенно натянула юбку на колени и крикнула: «Кто там?». Приятный тенор ответил: «Сосед, на минуточку!» — и она впустила во двор невысокого симпатичного мужчину с приветливым взглядом и вежливой улыбкой. Незнакомого, но совершенно неопасного... Ох, и «минуточка» же оказалась!

Соседей справа и слева Нинон прекрасно знала в течение вот уже полувека, поэтому еще до того, как мужчина объяснился, стало очевидно, что он не кто иной, как владелец заброшенного участка, располагавшегося позади, и древнего, уже в землю врастающего дома без окон без дверей, который давно не виден был среди буйно разросшихся колючих кустов с несъедобными ягодами и зарослей гигантского борщевика, похожего размерами и формой на тропические деревья... Хозяином всей этой роскоши был когда-то сослуживец отца тогда еще маленькой Ниночки; оба они обзавелись участками и строились одновременно, а детей их связывал особый вид дружбы — летний: это когда ты с приятелем на даче — не разлей вода, а вот случайно встретиться зимой в городе, где-нибудь в театре или на детском празднике, показалось бы странным и неловким... Отпрысков у соседей имелось двое: старшеклассница Марина, открыто презиравшая «мелюзгу», и вихрастый пионер Лешка, смысленный кареглазый толстячок с льяными волосами, что запомнилось необычностью, потому что либо глаза сами собой напрашивались васильковые, либо волосы — шоколадные; он и принадлежал к той ватаге ребятишек, с которой бегала подросток Нинка... Махнувшая за шестьдесят Нинон пытливо глянула в лицо своему ровеснику-соседу: нет, не карие глаза — серые, как и положено при светлых с проседью волосах. Не Лешка... А кто?

— Меня зовут Константин... Можно без отчества... И я племянник... — он назвал имя, ничего Нинон не сказавшее, давно из памяти ускользнувшее. — Бывшего хозяина того участка. Теперь я его унаследовал, поэтому...

Такое простое слово, а в ней — екнуло, вырвалось:

— А Лешка... Марина...

Красиво погрустнев, мужчина кивнул:

— Марина эмигрировала, давно уже, прислала отказ, я покажу вам, если требуется, — (Нинон помотала головой: ей-то что до этого?), — а Леха... Ну, тут дело обычное: пил как лошадь; пока жена жива была — сдерживала как-то, потом умерла, а он — по наклонной... За год человеческий облик потерял, через два — сгорел во сне до углей вместе с квартирой... И шестидесяти не было мужику. Такие дела.

У Нинон смутно пронеслось: сладкие гороховые стручки в чужом саду, черепаха размером с детскую ладонь, бойко плывущая в открытое море, букетики с ягодами земляники, собираемые на валу вдоль железной дороги, — и все это как-то связано с тем смешным пузанчиком, от которого, как оказалось, теперь остались только черные угли, как от средневекового еретика, казненного на костре... Она встряхнула головой:

— Да вы проходите в дом — что на жаре-то стоять, голову напечет! У меня там и кондиционер есть — муж успел, незадолго до смерти... Теперь вот спасаемся в жару...

Он и от кофе не отказался — приятный человек — и удивился, как такой вкусный получается, и вежливо хмыкнул на ее фирменный ответ: «Евреи, не жалейте заварки...».

За кофе сосед, человек, как сам признался, состоятельный, рассказывал о своих планах участок расчистить («Но вот те чудные бронзовые сосенки — видите? — непременно сохраняю»), построить там замечательный двухэтажный особнячок со скромной башенкой («Так дочка хочет, сам бы ни за что: уж больно вкусом какого-нибудь краснопиджачника отдает, но как не потрафить любимице, она же у нас единственная»), а меж тех пяти плакучих березок («Вам из-за борщевика не видно, но просто как девицы-красавицы хоровод водят, честное слово!») поставит миниатюрную беседку... Еще жена его мечтает об оранжерее, чтобы по древнерусским летописным рекомендациям самой выращивать и лимоны, и апельсины, и даже ананасы («А вы и не слышали? Как?! Вы не знали, что в Древней Руси все это было прекрасно освоено?»), кроме того, она очень любит разводить разные экзотические цветы («Такая утонченная женщина, необычная, понимаете?»), и он построит ей для этой надобы другую теплицу, самую современную; она, Нина, еще удивится, когда увидит те чудеса, которые они здесь со-

творят... Да, кстати, насчет теплицы: очаровательная Нинон («Как это красиво, на французский манер!») знает, конечно, что ее отец случайно — а может и нет, он лично покойного старикана, пусть земля ему пухом, не знал — захватил целую полосу от его участка, шесть с лишним метров шириной и пятнадцать в длину — сотка все-таки, не кот начхал, между прочим — именно те сто квадратных метров земли, которые требуются для вышеозначенной постройки...

Нинон все еще продолжала улыбаться и кивать, пододвигая гостю тарелочку с нарезанным магазинным кексом, — и нельзя было не улыбаться в его ясные глаза и чарующую, мальчишески-застенчивую улыбку, в его открытость, в ненаглую уверенность в себе, в безопасность его и дружелюбие... Он показывал невесте откуда вдруг явившиеся планы и чертежи, со знанием дела вычерченные на пожелтевшей от времени бумаге («Вот здесь ручей, а это дорога — кстати, не только дом ваш, но и колодец тоже на моей территории оказался»), с четкими фиолетовыми печатями и петлистыми подписями людей, явно ставивших их когда-то со всей возможной торжественностью... Давно умерших людей, которые уже никогда ничего не подтвердят и не опровергнут.

Она, и провожая соседа, еще не смахнула улыбку — потому что и он дружески сиял, глядя ей в глаза и говоря вещи, которые ничем, кроме шутки, оказаться по определению не могли:

— Ну, что делать, что делать... Перестраиваться! Переносить как-то дом ваш, что ли, не знаю... Проще, конечно, быстро снести его и потом новый отстроить... Подальше там — вон, кустарник тот вырубить, что ли... А колодец в наши дни — это же вообще архаика... Ну, как невозможно... Все возможно в этом мире... Вы же видели документы. И планы свои я вам озвучил — что тут неясного? Потому что сами же понимаете — на чужой земле живете... Конечно, не виноваты: это старики пятьдесят с лишком лет назад намудрили с документами... Тогда, знаете, вообще проще все было, не заморачивались люди, а зря... Как, вы и сами межевание не делали? Ну, это вы, душенька, напрасно... Сразу видно, в папочку пошла дочка, ха-ха, без обид... Так вы подумайте на досуге, как разбираться будем, а я заскочу на недельке...

Но через несколько дней у калитки остановилась огромная, как бульдозер, черная машина, из которой легко выпрыгнула миниатюрная девушка с грацией косули — и оказалась адвокатом вежливого соседа. Она приехала только уточнить, когда именно планируется снос мешающего планам ее клиента строения, и дружески посоветовала, не заходя в обреченный дом:

— Знаете, Нина, э-э... — заглянув в бумажку, — Алексеевна... Я вам просто по-человечески говорю, из сочувствия, так сказать: не доводите вы дело до суда, честное слово: сколько денег, нервов, здоровья, потратите, а конец все равно один: документы я изучила — судье, собственно, даже колебаться не из-за чего, настолько там все ясно... Нет, я понимаю: обидно, и всякое такое... Подставил вас отец ваш — что тут скажешь... Трудно его теперь осуждать — время другое было... Но вы и сами о современных документах не позаботились. А начали бы процесс межевания — так и всплыли бы все эти факты...

Тогда Нинон предложила выкупить несчастный спорный кусок земли: посоветовавшись с зятем и дочерью, она уже успела прийти к выводу, что не так уж это и дорого, и вполне по силам им поднатужиться да и наскрести по сусекам стоимость сотки здешней не самой дорогой земли...

— Да ну, что вы! — махнула рукой девушка из бульдозера. — Это не обсуждается. Моему клиенту не копейки ваши нужны, а земля, которой, как он считает, у него и так маловато окажется. Поэтому он, может, и остаток вашего участка за бесценок прикупит, если вы новый дом строить не надумаете, — так что вам еще и прибыль какая-никакая выйдет, не грустите очень уж... В любом случае, закон на его стороне, так что...

Так что «Долой Нинон, Нинон, Нинон, / Долой Нинон Ланкло...». Она сама переделала так свое имя из простенькой, как ей девчонкой казалось, Ниночки — когда, лишь прочитав в отрочестве рассказ Эдгара По, еще не знала, кем была на самом деле та Нинон, о которой пелось*.

Долой, Нинон.
Время умирать.

* * *

А судью эту она, несомненно, раньше видела. Неподвижное лицо женщины казалось не высеченным из мрамора — а грубо вытесанным из тусклого камня, но нет-нет и проступала в нем будто некая странная прозрачность, и тогда в глубине, как лик прекрасной утопленницы под грязной водой, обозначались очень знакомые, даже чем-то милые черты... Песочница, соседская девочка, какой-нибудь подаренный или отнятый совочек? Не то, не то... бери выше — обеденный стол в детском садике, ты давишься сухим крупитчатым творогом, а напротив — золотистые кудряшки? Нет, почти всех детсадовских Нинон помнила, да и фотографий много осталось... Что тогда? Что?

— Ответчица, а закон о необходимости межевания вас не касался?! — два стальных буравчика свирепых глаз впились в ее лицо, пронзительный голос полоснул по сердцу — и вопрошаемая уже торопливо и угодливо вскакивала со стула, как не выучившая урок школьница, вызванная к доске, как ее собственный гневный окрик, случалось, во время оно выдергивал из-за парты нерадивых учеников.

— Я... Мне... — точно так же, как и они, мекекала Нинон, не поднимая глаз. — Мне просто не казалось, что это так срочно...

Если честно, она и вовсе об этом не задумывалась, привыкнув, что всей скучной документацией сначала ведали родители, а потом муж, — поэтому даже счета с трудом оплачивала, вовсе не глядяваясь в заведомо непонятные цифири, — и с восторженным недоумением думала о тех храбрых своих знакомых, которые не только заново перемножали их, но еще и подавали какие-то протесты и требования итоговые суммы — пересчитать! Нинон же родилась с почти недееспособным левым полушарием, пригодной исключительно к гуманитарным наукам, и все, что касалось подсчетов и замеров, вызывало в ней настоящий мистический страх. Но и отец, и муж у нее оказались с головой и руками, причем, второй, как она довольно нескоро додумалась, был подсознательно выбран ею под стать первому: такой же основательный, сосредоточенный молчун и добытчик, мастер на все руки и твердое плечо — несокрушимое, предназначенное служить вечной опорой... Инженер, который настолько любил свою работу, что и дома все время высматривал объекты, требовавшие основательного доведения не только до ума, но и до совершенства... Оттого и в детстве ее, и в юности, и в зрелости дома у них все идеально работало, повсюду тарахтели и жужжали какие-то дополнительные моторчики, семью не страшило ни летнее отключение горячей воды, ни зимнее, всегда предательское, — отопление. На даче сооружен был собственный водопроводик на связи с колодезем, отведена почти городская канализация, установлен паровой котел в подвале, под зимние нужды (на Новый год, например, приехать — чем не счастье?) переоборудован второй этаж, да и весь дом, изначально деревянный, со временем оделся добротным желтоватым кирпичом, обзавелся зеленой железной кровлей... А когда молодая еще Нинон заикнулась мужу о том, что жаль, дескать, в плохую погоду нельзя пить кофе на балкончике с видом на залив и далекие кораблики, то балкончик был немедленно превращен в утепленную

* *Нинон де Ланкло* (1615—1705) — французская куртизанка, писательница, хозяйка литературного салона; в рассказе Э. По «Очки» упоминается только в куплете игривой песенки, напеваемой одним из персонажей.

лоджию... Он крепко любил свою очаровательно слабую, вечно нуждавшуюся в защите и наставлении жену, этот ее немногословный муж, так и не сумевший оплодотворить ее, но принявший, как родную, дочку от раннего, горького и недолгого институтского жениного романа — любил и старался сколь возможно облегчить обеим жизнь. Последним, что он сделал десять лет назад, перед тем, как молодым, только полтинник разменявшим, умереть «от сердца», никогда прежде не болевшего, — был тот самый кондиционер, далеко не у всех в те дни на даче имевшийся, сидя под которым спустя десять лет, незванный гость сообщил ей, что дом придется снести.

Даже теперь, когда суд уже шел полным ходом, Нинон большей частью оставалась ужасающе спокойной, потому что знала — да и все кругом говорили — что исход дела предрешен. Несколько жалких бумажек, представленных суду ее адвокатом, ровно ничего по существу не решали, а ходатайства о паре очень желательных запросов судья отклонила парой же ударов своего беспокойного молотка. Зато ходатайства противоположной стороны о приобщении, запрашивании и назначении только удовлетворялись — хотя с такой же неистовой злобой. Было совершенно ясно, что судья ненавидит всех фигурантов без исключения, и не только их дела, но и прочих, больших и малых. Действительно, с высоты судейской кафедры — чем должна была казаться пожилой измотанной женщине вся эта нечистоплотная и подлая возня с квадратными метрами, очернением ни в чем не повинных покойников, мелкими предательствами и грандиозными обманами? Какое ей дело было до протечек на чьи-то тупые головы и горбом нажитый бедный скарб, до невыплаченных грабительских кредитов и незаконных вселений в убогие жилища всех этих маленьких, жадных, обвиняющих друг друга в чудовищных злодеяниях никчемных человечков? И до чужих, никогда не виденных домов, полных неприятных запахов тлена? Какая ей разница, порушат завтра один из них или нет?!

Нинон и хотела бы переживать, рыдать по ночам, до утра не спать перед заседаниями, но... Но в ней словно что-то запеклось — и это был грозный признак крушения. Так уже происходило — три раза. И всегда несло с собой смерть. Сначала, когда позвонили с работы отца: он, главный инженер цеха, получил тысячевольтный удар тока, но умер не сразу — она ехала в больницу, твердо зная в душе, что в живых его уже не застанет, и не могла ни молиться, ни плакать... Спустя четыре года она сама звонила в эту больницу — и там буднично сообщили, что недавно прооперированная мама снова переведена в реанимацию; и опять Нинон ехала туда же точно на таком же троллейбусе того же маршрута, снова бесповоротно зная, что это конец, — и сидела бетонно-спокойная. Ну, а третий раз — это когда в дверь позвонил мальчишка-сосед по лестнице и через заевшую цепочку взволнованно протараторил, что муж «Нины Алексеевны», помогавший вешать в их квартире люстру, «вдруг упал и не шевелится» — и надо было только сделать три шага по площадке; она помнила, как спокойно сделала их, а сердце меж тем превратилось в сгусток запекшейся крови... Точно таким же оно ощущалось и теперь, что значило: волноваться не о чем. Волнуются ведь, когда не знают, чем кончится...

* * *

Сколько она себя помнила — там всегда было солнечно, на их даче. Даже странно — ведь пасмурных дней в году случалось не меньше, а больше, как и всегда на Балтике! Но даже ненастные дни виделись отсюда, с этого края жизни, полными света, вот в чем дело! Прямо от их дома, через засыпанную хвойными иголками дорожку, открывался пологий спуск к дикому песчаному берегу Финского залива — здесь, за Кронштадтом, его воды остались такими же чистыми и прозрачными, как в прежние времена, когда еще не построили дамбу, погубившую севернее все живое в некогда кристальной воде... Дети они на бегу срывали одежду, сбрасывали сандали-

ки — и с размаху плюхались на мелководе, где меж полосато-розовыми ракушками брызгали в разные стороны перепуганные мальки.

На участке у них давно уж отвели особое, торжественное место для костра, и теплыми июльскими вечерами все окрестные дети пекли под руководством Нининого папы картошку в раскаленной золе — какое там теперешнее барбекю, тогда и слова такого не знали! — и в свои упорно округляемые шестьдесят Нинон все еще была твердо уверена, что вкуснее тех черных снаружи и рассыпчато-желтоватых внутри картофелин, посыпанных крупной солью и достававшихся каждому строго по одной (больше — это уже превратить праздник в обычный ужин!) нет и не может быть ничего на свете!

А ее первый и единственный охотничий трофей! Поздней осенью, уже, наверное, на пороге декабря, папа, неустанный ходок по лесу, знаток языка растений, повадок грибов и лесных примет, взял с собою на дачу в выходные семилетнюю Ниночку, обещая показать ей, как засыпает лес... Но Нина, всегда, вообще-то, послушная, на сей раз с чего-то решила напроказничать — и в знакомом, казалось, перелеске, тихонько удрала от родителя, занятого осмотром свежего лосиного следа. Она тихонько потрусила прочь, зажимая ладошкой трепещущий на губах смех и представляя себе, как беспомощно начнет озираться ее большой неуклюжий папа, когда заметит, что дочка рядом нет, — и случайно отбежала на такое расстояние, что папиного тревожного зова («Где ты, проказница? Зачем пугаешь папку?») не слышала, хотя, по ее расчетам, он давно уже должен был оглашать собою весь лес. «Папа... — нерешительно позвала тогда девочка, сдаваясь без боя. — Я здесь!.. Я никуда не делась!..». Она тотчас с облегчением услышала, как отец продирается к ней справа через густой непроходимый осинник — и стремглав дунула в ту сторону, чтобы не успеть испугаться лесного одиночества. С громким треском они рвались друг другу навстречу, вот уже большая темная тень видна сквозь частые ветки — «Папа!!!» — но вместо родного лица недосыпаемо высоко над головой Ниночки неожиданно возникла огромная и длинная звериная морда! Коричневая! Шерстяная! Зажмурился глаза и зажав ладонями уши, первоклашка завизжала так, что ей показалось, будто голова ее сейчас взорвется от этого пронзительного вопля — и, перекрывая его, животное тоже страстно, истерически вострубило — а потом, ломая ветки, давая плашмя падавшие тонкие деревца, бросилось восвояси, оставляя за собой в чащобе широкий пролом... «Нина-а!!! Нина-а!!!» — как только, истратив весь воздух из легких, девчонка замолчала, раздался стремительно приближавшийся голос отца... Когда он достиг места недоразумения, ему и объяснять ничего не потребовалось. «Лось, — констатировал папа, быстро оглядевшись. — Они сейчас как раз рога сбрасывать начинают. Занят был сохатый — вот и не сразу тебя заметил... Пстой-ка...» — и он уверенно направился по следу удравшего зверя. «Так и есть! — послышался веселый крик буквально через пару секунд. — Ну-ка, ну-ка...». И, когда Нина подбежала к отцу, он уже шел по тропе обратно, со смехом протягивая ей два огромных, похожих на деревянные крылья лосиных рога: «Сразу оба выломал! Ну, ты, дочь, — сила! Так зверя шуганула, что он оба рога за раз потерял, когда спасался! На, держи! По праву твои трофеи — можешь гордиться!». Она схватила было один — но сразу уронила: такой тяжелый оказался! Трофеи домой нес папа, то и дело начиная смеяться на ходу... Скоро он приделал рога на лакированную дощечку, и они много лет провисели в их городской квартире над входной дверью, а гордый хозяин дома всякий раз сообщал тем гостям, которые случайно не знали: «Это Нина лося завалила. Личный ее трофей — я ни при чем...».

* * *

Он умер двадцать один год назад, мама — семнадцать, муж — десять, и только тогда дочка Люда вышла, наконец, замуж. Тридцатилетней, застенчивой, безнадеж-

ной. Зять Нинон не нравился категорически (постоянной работы нет, все время какие-то ненадежные халтурки, дома то густо то пусто — что за мужик?!), и она постоянно ловила себя на мысли: «Все равно разведутся». Но не развелись, Люда как-то притерпелась — вернее, желая подольше оставаться в уважаемом замужнем положении, безропотно содержала благоверного всякий раз, как он сидел без заказов, — хотя, надо сказать, был он поначалу нетребовательным — просто никаким. Тогда смирилась и Нинон, в свою очередь, додумавшись до того, что второй брак дочке ее заказан, а этот совсем уж неудачным не назовешь: все так живут, невелика печаль. Тем более что родились близнецы, требовался отец и кормилец... Сначала Нинон охотно нянчилась с карапузами, но вскоре теснота стала раздражать и мучить всех пятерых, а там и лето всевыручающее пришло, переехали, как обычно, на дачу... Дочь с детьми пробыла до осени, а Нинон, к тому времени уже молодая пенсионерка, все медлила возвращаться домой: по вечерам с удовольствием топила хворостом свой нарядный, расписными изразцами выложенный камин (на него в свое время крупно потратились строго ради романтики — отопление не он, конечно, обеспечивал, а котел в подвале), читала что-нибудь спокойное, укрыв ноги мягким пледом, иногда подолгу заглядывалась на огонь, опустив книгу на колени, в полдень бродила меж сосновых стволов, прислушиваясь к высокому гуду ветра в кронах, — и отправилась в город только испугавшись первого снега. А в Петербурге вновь начались мелкие пакости и подставы со стороны вкусившего без нее воли, мало-помалу распускаявшегося зятя, что влекло слезы детей и горькие слова дочери, а Нинон, видя очевидные нестроения, не могла не вмешиваться... Словом, снег еще лежал под деревьями в низинах, как выпотрошенная из старого одеяла вата, когда она снова уехала в свой дом на заливе и, пережив дочкин летний приезд с сыновьями, становившимися месяц от месяца все голосистей и неуправляемей, всерьез задумалась о возможной зимовке...

Так случилось, что зимовали уже вдвоем. Осенью она случайно разговорилась в любимом «верхнем» (имелся еще и не такой уважаемый «нижний») магазинчике с вполне приличной дамой-ровесницей, чье лицо за годы примелькалось: то загорающей на пляже ее видела (варикоз и слишком закрытый купальник — мастэктомия?), то на вокзале (проводжала толстую тетю с оравой дошколят — богатая бабушка?). Выяснилось, что дама снимает здесь комнату у подруги вот уже лет восемь, а однушку в Питере, наоборот, сдает, потому что у залива жить — здоровее. (Нет, не замужем, не была и не стремилась — носки по всему дому, да еще и приставания грязные терпеть — б-рр; грудь — да, оттяпали одну, когда еще молодая была, тьфу на нее; детей нет — все равно благодарности не дождешься; толстуха с выводком — племянница, дура круглая.) А теперь подруга собралась замуж — ну, и попросила ее, конечно... Испугалась, что отобьет драгоценного... И вот она судорожно ищет новое жилье, но чтоб с комфортом, не как-нибудь... Нинон, назначив плату весьма умеренную, пригласила Викторину Петровну пережить с ней зиму — для пробы, так честно и сказала: мол, если стерпимся... И не только стерпелись, чуть к весне не сроднились! Обе учительницы, только Нинон — бывшая «историчка», а Вика оказалась — «француженкой», но, слава Богу, — гуманитарии, хоть поговорить могли по вечерам — о течениях в искусстве и белых пятнах истории... Кроме того, у новоявленной квартирантки оказался жесткий, почти мужской ум и крепкая рука — так что те мучительные обязанности, что когда-то исправно несли отец и муж Нинон, как-то сами собой, постепенно перешли к новой жилище — и вдруг волшебным образом едва ли не на четверть сократились коммунальные траты, почтительно кивали и споро делали свое дело вызываемые то по тому, то по другому поводу работники — а не болтались развязно и требовательно по дому и участку, заставляя хозяйку униженно им прислуживать, как то бывало в пору ее неумелого правления... Даже Марсик, почуяв рядом нешуточную силу, быстро передумал очериваться! Все кругом вновь четко и слаженно заработало, предметы, словно матросы, слушаясь бывалого и спуску не дающего боцмана,

вдруг оказались каждый на своем месте, готовые немедленно заступить на вахту... Любо-дорого было взглянуть! Постоялица обосновалась внизу, в двух смежных теплых комнатах, а Нинон, поколебавшись, все-таки предпочла жить со своим псом наверху — все из-за той утепленной лоджии, где за десятилетия привыкла, встав поздним утром и даже еще не умывшись, постепенно пробуждаясь и обретая ясность ума, пить крепкий кофе с сахаром и густыми сливками, щуриться на далекий кусочек горизонта, то бирюзовый, то стальной, то жемчужный — и с ни разу не изменившим сердечным трепетом ждать, когда важно пройдет по нему корабль, загадывая, будет ли то белый пассажирский красавец или всего лишь трудовая черно-серая баржа... Так, особо друг-другу не докучая, но незаметно спасая от ночных страхов и вневременного одиночества, просуществовали бок о бок девять осеней, зим и весен — а на лето Вика неизменно уезжала к родственникам на Кубань, освобождая место Пете с Пашей, а также их матери, уже почти сходявшей в своих одноцветных бесформенных одеяниях за ровесницу Нинон... Ну, что ж — Вика вернется, и ждет ее дурной сюрприз: опять придется искать себе квартиру. Такую идеальную, понятно, найти заказано, но... ничего незаменимого не существует. Бывает только не замененное во время... Ну, а дочка с внуками пусть теперь ездит летом на теплые моря...

Какие там моря, Господи! Нет... Все-таки совсем спокойной оставаться никак не получалось.

* * *

Конечно, черная судейская мантия безжалостно превращала эту усталую, некрасиво постаревшую женщину в зловещий монумент. Нинон уже ни минуты не сомневалась, что это надежно забытый персонаж из прошлого — ах, увидеть бы ее без этой странной драпировки, без узких прямоугольных очков... Если бы недавно встречались — она бы поднапряглась и вспомнила, но нет — значит, искать следовало в глубоких подвалах памяти, уже доверху забитых ненужными образами... Ну, вот зачем, скажите на милость, ей этот молодой человек, стриженный «под пажа», губастый и длинноносый, который лет тридцать тому назад, не поднимая головы, читал толстую, завернутую в газету книгу, сидя в метро напротив нее? А ведь словно сегодня видела! Или тот невидный дядька в рваной тельняшке, протянувший: «Е-олки зеленые...», когда Нинон, выходя из «нижнего» магазина позапрошлой весной, споткнулась, и, задев фонарный столб пакетом, разбила банку маринованных огурцов?... Никогда ведь не всплывут больше в ее жизни, никчемные, пустые фантомы... А судья... Где, где, где они в этой жизни встречались? Понятно, что были тогда моложе, стройнее, морды глаже, а волосы — так и вовсе другой длины и цвета... Вот что-то совсем близко, уже брезжит, как рассвет после долгой мучительной ночи... Соседка по номеру в гостинице? По столику в санатории?... Близко, горячо! Ну же!!! Нет, не достать... Зовут ее Анна Владимировна... Фамилия все равно какая: женщина сколько угодно раз может ее сменить... Анна? Анечка? Не было в ее жизни ни одной Ани. Ошибка? Нет. Потому что глубоко внутри — твердое, осязаемое знание. Только подцепить его, но... Надо ли цеплять? Ну, вспомнит она, что с этой женщиной, тогда какой-нибудь смешливой кудрявой хохотушкой, ехала, допустим, в год московской Олимпиады на юг в одном купе скорого поезда — и что? Подкараулить у служебного входа, поведать сию страшную тайну и на этом основании попросить решить дело в свою пользу? Мол, по старой памяти... Только представив себе такую сцену, Нинон внутренне скорчилась.

«Судебное заседание объявляется закрытым», — и только мантия мелькнула. Как вороново крыло птицы смерти. Осталось последнее заседание, на котором будет объявлено решение — глаз не поднимает адвокат Илья. Хороший мальчик: хотя и знает, чем кончится, а бьется, как маленький смелый зверек с ядовитым змеем. Прямо Рики-Тики-Тави, даже жаль его...

Себя пожалей, дура старая.

И сразу так стало жалко — до слез, до мгновенной истерики! Ничего не видя и не желая обдумывать, чтоб не перерешить на ходу, Нинон вдруг грузно метнулась вслед розовому пиджачку представительницы истца, уже легко, вприпрыжку одолевшей пол-лестницы:

— Пойдите! На пару слов... — и задохнулась: не молоденькая, все же, за газелями длинноногими гоняться.

Та терпеливо ждала, пока прыткая крашенная бабка продышится, лишь раздраженно вздрагивала беспокойная жилка справа на тонкой шейке... Полоснуть бы ножиком.

— Послушайте... Я понимаю, что от вас — ничего не зависит... — сгорая от унижения, не своим, глухим голосом заговорила Нинон. — Но человек же вы... Поэтому просто — скажите ему, чтобы он понял... Ведь эта сотка для него — ровно ничто... Ровно! Потому что теплицу куда угодно можно... Куда угодно... А у меня — вся жизнь... То есть, просто хоть топиться иди... Мне ведь некуда — совсем, понимаете? В квартире — маленькой — дочь с семьей, зять... Ненавидит... Мне хоть на вокзал, хоть в подвал, понимаете? В бомжихи!.. А вашему клиенту — без разницы... Вы только скажите! Может быть, он вспомнит, что мы — люди, что нельзя так — с людьми... Явиться ниоткуда и всю жизнь искалечить! И вообще... Он ведь только ради принципа судится... А мне — умирать? Нет, скажите, — умирать, да?

— У меня — работа, — спокойно и даже мягко сказала девушка. — Работа, за которую мне платят деньги. Ра-бо-та, понимаете? Адвокат нужен для того, чтобы суд — выигрывать... Это понятно? А вы хотите, чтобы я уговорила клиента забрать заявление накануне заседания, на котором будет объявлено, что он выиграл дело. Вы понимаете, что именно вы просите меня сделать? И, надеюсь, не обидитесь, если я этого — не сделаю? — она смотрела мимо, видимо, все-таки наблюдая отдаленные всполохи совести, но больше ничего не сказала.

Да и порыв у Нинон прошел, внутри как отпустило. Рядом оказался печальный Илья, и ей подумалось, что он ее сейчас отругает за малодушие, за бесполезную и, в конечном счете, смешную выходку — но парень по-взрослому пожевал губами и тихо сказал:

— Может, и правильно... Во всяком случае, теперь вы знаете, что сделали абсолютно все, что могли. И с юридической стороны и, так сказать, с гуманистической... Ну, что ж, получим на руки решение, а там будем дальше думать... В конце концов, обжалование никто не отменял.

— Не будем, — пробормотала Нинон, — думать. Уж больно мысли ужасные...

* * *

На последнем заседании после знаменитого: «Встать, суд идет!» неизменная секретарша — сонная мышь в вечнозеленом — садиться уже не предлагала. Фигура судьи возникла над кафедрой, словно сама собой, черные крылья мантии дрогнули, выпустив на свет божий две крупные неженские руки, державшие тощую пачку бумаги. Не поднимая глаз от текста, вершительница судеб, распорядительница жизни и смерти заговорила неожиданно тихим и тусклым голосом, без малейшего предисловия, а также выражения, пауз и запятых: «Оглашается решение... Именем Российской Федерации... Двадцать третьего июля, две тысячи...». Одна из многих обнаружившихся за последние пару месяцев внутренних Нинон, коренным образом друг от друга отличавшихся, ни за что не хотела напрягать слух, чтобы разобрать едва слышную скороговорку, а другая вдруг остро подумала: «Это не только Марсику и мне конец, но и Людочке — тоже. Ведь дом-то, в сущности, единственное, что было у нее до этой минуты...». «...в составе председательствующего судьи... при секретаре... рас-

смотрев в открытом судебном заседании гражданское дело номер... по иску... о признании собственности... установил...» — как сквозь вату, доносилось тем временем до Нинон основной и главной. Странные мысли прерывисто мелькали у нее... Кто бы теперь поверил, что Людочка после школы хотела стать дизайнером... Отец запретил ей тогда — да и мать поддержала: что за профессия такая? В начале девяностых это вообще дичью какой-то казалось... Они и выступили, как благоразумные родители, единым фронтом: «Сначала получи нормальную специальность, а потом занимайся, чем хочешь!». Еще бы: страна только что распалась на части, казалось, надежный диплом — единственный шанс остаться на плаву... Кто ж знал — провидцем надо было быть... И муж этот ее — урод, прости, Господи... А что, лучше было бы, если б она студенткой, на третьем курсе, за того одногруппника выскочила, как там его... Еще патлы до плеч носил, стихи писал дурацкие и на гитаре брэнчал — хором сказало тогда с отцом, даже не сговаривались: «Несерьезный юноша, не пара тебе. Поддержки от нас не жди». Ослушаться не посмела, потому что всегда тихая, домашняя была... А может лучше, если б вышла за него... Нет, нет — не враг же она родной дочери... С раздолбаем что за жизнь? Но погасла после этого Люда, к двадцати пяти годам уже совсем погасла, и дальше жила, словно по инерции... Потом, когда дети появились, показалось, что вот он, смысл жизни: сейчас посвятит себя им — и наладится... Но и дети у нее шли будто через силу, как тяжкая обязанность... Срывалась, визгливо орала на них, щедра была на подзатыльники... И мужем особенно заниматься не хотела — тоже из последних сил по его делам носилась, лишь из страха, что иначе совсем не нужна ему станет, да и бросит на раз-два... Вся в болячках не пойми откуда, вечно врачи какие-то, обследования, желчью рвет, кожа шелушится, ноги опухают... А вот летом на дачу приедет, толстые вязаные кофты свои снимает, наденет сарафан — ярко-оранжевый с синими-синими колокольчиками... Щеки начинают золотиться, сквозь легкий заггар проступает что-то похожее на румянец... Плавает с мальчишками — да азартно так, Нинон даже несколько раз слышала, как смеялась... Грибов, бывало, полные корзины притащат: смотри, смотри, красавец, да?! а этот?! Все. Единственную отдушину ей теперь перекроют... А если совсем без отдушины жить... То это значит и не жить вовсе. У кого отдушины нет — те быстро умирают. Так и они с Людой умрут. Неважно от чего. На самом деле — от неизбывной печали...

Нинон очнулась: усталый голос судьи все так же монотонно и равнодушно сеял слова: «...заслушав стороны и допросив свидетелей, проверив письменные доказательства, суд приходит к следующему...».

Она, конечно, вспомнит, где встречала эту тетку, — но потом, когда это уже не будет иметь никакого значения — как, впрочем, не имеет и сейчас. И окажется, что они когда-нибудь стояли каждая за своим килограммом колбасы в одной очереди в девяносто первом, когда отоваривали растреклятые карточки, поочередно бегая в изгаженный подъезд греться у чуть теплой батареи... Или вместе выгуливали собак на пустыре — много лет назад у них в семье жил бестолковый розовый пудель... Или... Как же много этих «или», оказывается! Да может, просто дорогу она этой женщине когда-то показала, прошла с ней рядом сколько-то по зимней грязи, весеннему льду или сквозь оглушительную пургу, как Вожатый с Гриневым... При этой мысли Нинон вдруг как кипятком окатило: не горячо — жжет! Горит! Вот сейчас! Но не успела.

— ...Никаких иных доводов в обоснование своих требований истец суду не предъявил. Оценивая собранные по делу доказательства в их совокупности, суд приходит к выводу об отказе в удовлетворении иска, — в тот же миг четко услышала она.

Одновременно адвокат произвольным движением резко и больно стиснул ей запястье — и остаток судейского спича потонул для Нинон в попытках высвободить попавшую в железный капкан руку. «Что это... Что это... Как... Как такое может

быть... Ослышалась... Не поняла чего-то... Сейчас Илья объяснит... Не может же быть... Невозможно же...» — трепыхалось в ней что-то маленькое и щекотное, будто она ненароком проглотила живую бабочку.

* * *

Напротив здания суда меж двух внушительных банков нахально втиснулась крошечная кофейня из разряда дорогих и невкусных. Но заведение уверенно процветало за счет наскоро перекусывающих канцелярских крыс, заедающих поражения проигравших истцов и ответчиков и облегченно выдыхавших за чашкой кофе победителей. Таких, какими негаданно оказались адвокат Илья и его опешившая клиентка, которую он еле довел под руку до столика, побаиваясь всерьез, как бы с этой молодящейся бабулей не приключился на радостях инфаркт.

— Не посмеют! — в сотый раз втолковывал он. — Да и не даст это обжалование ничего! Потому что судья их, можно сказать, поймала на взятке! Ну, и баба, а?! Кто бы мог подумать! Такой пофигисткой казалась замотанной... А взяла — и послала запросы. Свободно могла этого не делать, свободно! А вот сделала же! До сих пор не могу понять, что ею двигало...

— Точно нельзя ничего переиграть? — как заведенная, продолжала выпытывать Нинон.

— Да они не рискнут даже попытаться, потому что это же статья — уголовная! — вскричал, исходя юношеской радостью, адвокат.

И вновь он принимался растолковывать подопечной: мол, догадавшись, что часть доказательств истец, решивший для верности подстраховаться, попросту купил, судья отправила в соответствующие учреждения официальные запросы, призванные подтвердить или опровергнуть происхождение документов. Поступили ответы, заставившие призадуматься — а вернее, признать ключевые доказательства «недостовверными», что и позволило решить дело в пользу уже голову на плаху положившего ответчика... Попытаться обжаловать решение? Ну, уж нет — не самоубийца же истец, чтобы из-за ничтожной спорной сотки, которую попытался схватить наудачу с лету, теперь рисковать получить себе на голову уголовное дело! Нинон может жить спокойно и ничего не бояться: ее отец не перевернется в гробу, дом когда-нибудь, как он и мечтал, любовно кладя один кирпичик на другой, перейдет к родным внукам и правнукам! Ну, а Марсик... Тот останется с обожаемой хозяйкой весь свой короткий собачий век — сколько там доброй судьбой ему отпущено... Даже не знает тварь Божья, чего избежала, не радуется, живет себе и живет...

— И все-таки не понимаю, — после паузы пожал плечами Илья. — Другой судья и глазом бы не моргнул: раз приобщил — достоверно. А уж как добывали — не его дело. Странно. На оголтелую правдолюбницу, вроде, не похожа, а вот поди ж ты... Вы не знаете?

— Это вы деликатно спрашиваете, не дала ли я ей потихоньку взятку? Или, как у вас говорят, не «занесла» ли, да? — тихо сказала Нинон. — Нет. Мне бы и в голову такое не пришло. А и пришло бы — не умею я этого... Да и где денег взять... — она бесчувственно отхлебнула остывший кофе.

Нежно звякнул колокольчик у входной двери, и в кафе вдруг появилась зеленая секретарша с круглыми мышинными ушами и мелкими, вперед торчащими зубками. Она сразу же деловито устремилась к их столику и, вплотную приблизившись, быстро положила на стол перед Нинон вчетверо сложенный лист бумаги. «Вам просили передать. Сказали, вы поймете», — глядя в сторону, прошелестела она и тотчас же скорым шагом отправилась восвояси. Илья и Нинон в замешательстве переглянулись; она все не решалась развернуть послание.

— Смелей, — шепнул он, косо улыбаясь. — Там не может быть ничего страшного.

А вы — прямо как... Как бомбу, как ежа, как бритву... какую-то-там-острую*... Читайте, не бойтесь.

Но читать оказалось почти нечего. В центре страницы было неумело нарисовано что-то вроде детской шубки с мохнатым воротником, к рисунку тянулась жирная стрелка с надписью печатными буквами: «Норка». Илья изумленно пялился на картинку:

— Бред... — пробормотал он. — Тулуп какой-то... Норковый...

Нинон не знала, что можно заплакать — вот так: только что не было ни одной слезы, и вдруг — целый водопад. Прорванная плотина.

* * *

Почти сорок один год назад в самом рядовом и оттого страшном ленинградском родильном доме в послеродовой палате их оказалось пятеро. Первой поздно ночью привезли на каталке Нинон, обессиленную и еще полубезумную от пережитой нечеловеческой боли, и, как бревно с телеги, скатили на продавленную койку, привычно покрыли — сначала тощим одеялком, а потом — беззлобным матерком, необходимым, даже ободряющим... Она все тщетно пыталась вызвать в памяти образ своего новорожденного ребенка — но там мелькало только что-то неожиданно бордовое и не-симпатичное, с толстой желтой коркой на огромной неровной голове... «Девку родила, девку! А ну, повтори — чего пялишься, малохольная!». Интересно, у той акушерки вообще не было детей, или она в первую минуту после родов уже в пляс пустилась?

Дверь в палату открывалась в ночи еще четыре раза, и с железным грохотом, разрывая самый сладкий в жизни, мужчинам неведомый послеродовой сон, вкатывались лежащие каталки. Сквозь ресницы Нинон наблюдала, как няньки сваливали родильниц на кровати, точно так же уютно поругивая их за беспомощность, но последнюю снимали с осторожностью, в постель укладывали вдвоем, и витало странное слово «кесарка»... Уже утром выяснилось, что таково в этом заведении было милое «домашнее» прозвище женщин, перенесших кесарево сечение. Днем знакомились, обживались; те, кто уже сумел подняться, подносили остальным сырой воды из-под крана, по стеночке добирались до уборной в дальнем конце коридора... Порадовало, что в палате подобрались ровесницы, все студентки-старшекурсницы: Нинон-училка, Наташка-журналистка, Ленка-инженерша, Катька-музыкантша, а «кесарку» звали Ануш, и она заканчивала юридический...

— Армянка ты, что ли? — поразились, помнится, Наташка, изумленно оглядывая золотистые кудри юристки.

— Да нет, какое... — лежа, махнула рукой та. — Муж у меня армянин, вот и зовет на свой манер. Ануш да Ануш — привыкла...

Так все они и стали называть новую знакомую. Жизнь в послеродовой палате тяжелая — только кажется, что свежеиспеченные мамы купаются в солнечном счастье и полны радужных мечтаний. Ничего подобного: здесь царит, прежде всего, страх. Любая вменяемая женщина знает, что в тот же миг, когда рождается первенец, в сердце вступает животный страх за него — и остается с матерью до конца дней. Этот страх — самое неожиданное, что приходит после родов, когда ждешь — облегчения... Как он там, в огромной детской палате — один, без мамы? Хорошо ли смотрят за ним, не проспит ли какой беды беспутная или пьяная медсестра? Принесли кормить — почему красное пятнышко на щечке — заразили уже чем-нибудь? А почему молоко не сосет, спит — заболел? Кричит-надрывается благим матом, грудь не берет — умирает?!? Замотан туго, на голове белая тряпка, сам похож на батон в паке-

* Искаженная цитата из стихотворения В. Маяковского «Стихи о советском паспорте»; в оригинале: «Как бритву обоюдоострую».

те — почему нельзя распеленать и посмотреть ручки-ножки: а вдруг там не все пальчики?! А эта стерва-сестрица, как смеет ходить на каблуках, неся по свертку с ребенком на каждой руке, — здесь же линолеум скользкий и протертый — вдруг оступится, упадет и детей уронит?! Страх, страх, страх... Вот утром заходит в палату педиатр — пять пар пронзительных глаз впиваются ей в лицо: ничего с моим не случилось за ночь?!

Следующая за страхом — боль. Унизительная физическая боль, у каждой своя. Сразу же начинаются проблемы с грудью: у кого-то она твердеет и не дает молока, в попытку превращается кормление, у кого-то — невыносимое жжение, когда малыш берет грудь — тоже пытка, почти у всех — наложены довольно грубые швы на самые нежные и сокровенные места: не перевернуться, не сесть, в туалете кусаешь губы...

Сон — поверхностный, потому что страх и боль делают свое дело, разговоры — отрывистые, редко кто успевает или хочет выворачивать душу такой же усталой и больной, своим встревоженной соседке...

У Ануш, например, начинались нестерпимо болезненные схватки в животе во время кормления — она вскрикивала, насильно отбирая грудь от своего мальчика, сразу чувствовала себя виноватой, закусывала губы, возвращала ее — и, оскалившись, запрокидывала голову, скрежеща зубами и едва сдерживая стоны; слезы сплошь заливали лицо. Нинон несколько раз в день видела это, потому что Ануш лежала прямо напротив — ужасно жалко было ее! Врача, забегавшего утром, словно ветром на мгновение занесенного, спрашивали, конечно, — всей палатой, но... «После кесарева — в порядке вещей» — вот и весь ответ...

Ануш последняя начала подниматься с койки — ничего удивительного, с заштопаным-то брюхом! — еле ступала, согнувшись, иззелена-бледная... Но, с некоторой завистью замечала Нинон, эта девушка в благополучные свои времена могла считаться красавицей — просто чудом! Волосы ее отливали тусклым золотом, вились упругими крупными локонами, черты лица были одновременно тонкими и мягкими, что создавало волшебное впечатление красоты и доброты, редко на одном лице соседствующих, а тут вполне уживавшихся... Глаза с густыми русыми ресницами являлись, как и положено у обладательницы золотой гривы, прозрачно-голубой раек — никакого диссонанса... Неудивительно, что армянин ее замуж взял: именно такая красота цепляет южных мужчин, это уж проверено... Тихая-тихая была Ануш, все больше лежала, иногда приподнимаясь и более-менее безуспешно взбивая комковатую казенную подушку, особенно не разговаривала — верно, просто измоталась и мучилась очень. Понятное дело, ей не докучали: сами тоже долгих разговоров не вели — так, о мужьях немножко, об институтах... Нинон, например, своего — того, первого не-мужа — кляла на чем свет, обещала, смеясь, когда-нибудь во сне подушкой придушить... Пережидали тяжелые эти дни кто как умел, а вообще считали часы до выписки...

Накануне того дня, как выписаться четверым, Ануш только еще сняли швы: понятно, что несчастных «кесарок» держали в больничке на пару дней дольше. За ней приехало в палату огромное черное кресло на колесиках, под управлением громкоговорящей неохватной бабы, — и увезло на гремучем грузовом лифте в какую-то полумифическую «вторую перевязочную»... Стоял весьма морозный январь, но в палате шел сухой жар от батарей, слишком часто проветривать — из-за малышек — боялись, поэтому все сидели в одних рубашках, так и отправили ее, безропотную, в неизвестность — в рубашке же... Такая худенькая была, что в громоздком кресле смотрелась котенком, забившимся в угол. Отправили и забыли: привезут, когда нужно будет... Сами лихорадочно терли общим розовым обмылком головы над палатной раковиной, наивно охорашивались, готовясь к завтрашней встрече с родными и любимыми... И понадобился Нинон для какой-то цели кусочек бинтика — подвязать, что-то припала охота или еще зачем-нибудь — теперь, сорок лет спустя, разве вспомнишь... Она помыкалась по этажу, натыкаясь всюду на запертые двери и, за-

пахнув халат поплотнее, вышла на лестницу... Правда, то, что по инерции называли они в этом недоброй памяти учреждении халатом, на самом деле являлось странной полуверхней-полудомашней одеждой универсального размера и длины (кому до пят, а кому только-только до коленок); в одеяние, выданное после родов Нинон, свободно поместились бы еще две такие же, как она, и ниспадало оно до худых ее щиколоток. Поясов (как, впрочем, и вилок, и ножей, чтоб друг дружку невзначай не перерезали) родильницам не позволялось, будто заключенным в тюрьме: считалось, что в припадке послеродового психоза женщины могут повеситься, так что приходилось придерживать полы руками... Тапки полагались кожаные, без задников и не менее сорокового размера, тоже по-своему универсального: у кого нога меньше — заведомо поместится, у кого больше — пятка чуть свесится, не проблема... Нинон тогда носила обувь тридцать пятого номера, и трудно теперь даже представить, насколько неудобно ей было идти тогда вверх по лестнице, в надежде добраться как раз до той запасной перевязочной, куда увезли несчастную Ануш.

Дверь оказалась незапертой и, деликатно стукнув по ней кулачком, Нинон скользнула внутрь... Да, теперь, стоит лишь прикрыть глаза — и легко вызвать в памяти это высокое, настезь распахнутое окно без занавески, в которое веяло ледяным ветром и мело редкими стеклистыми снежинками. Под потолком гудели, как стратегически важный завод, три длинные лампы дневного света, а у стены, на рыжей клеенчатой кушетке, скрючившись и прижав напряженные руки к животу, лежала Ануш, все в той же проштемпелеванной ночной рубашке, давно и навечно серой от бесконечных прожарок в больничной «вошебойке». Спотыкаясь, Нинон бросилась к ней:

— Что с тобой? Где все? — подо «всеми», подразумевались, должно быть, какие ни есть медики.

— Все нормально...— выдавила Ануш и подняла искаженное болью личико.

Потрясенная Нинон увидела, что оно пепельного цвета; Ануш еле слышно продолжала:

— Швы сняли... Так больно! Я заплакала... Они и сказали... Сказали — лежи немножко, пока проветривается...

— Ладно... Поехали в палату, ляжешь в постель... Кормление скоро! — быстро приняла единственно верное решение Нинон.— Где это дурацкое кресло?

В коридоре его не оказалось, как не оказалось дежурной — и какой-нибудь другой разновидности — сестры. Вернувшись в перевязочную, Нинон первым делом прикрыла окно — ничего себе проветривание! — потом решительно сдернула с себя темно-серо-коричневый теплый халат и накинула на Ануш:

— Грудь застудишь, молоко пропадет! Подымайся! Нельзя тебе здесь долго...

Она подпихнула больную под спину и осторожно приподняла — та была легкая, словно детский скелетик. Только прикоснувшись к ней, Нинон почувствовала, что Ануш вся закоченела и держится еле-еле — только на остатках той удивительной силы воли, что непременно дается каждой матери в нагрузку к первому же ребенку. Тогда она закутала тощенькое тельце товарки в свой халат поплотнее и повлекла ее вон из ледяного помещения, в теплый коридор... Кое-как, с частыми остановками, они добрались до железного лифта — но у дверей горел неугасимый красный глазок: там, в шахте, что-то долго грохотало и гулко дергалось, но вызвать кабину все никак не получалось:

— Пойдем пешком по лестнице,— как умела, твердо сказала Нинон, покрепче прихватывая валковую дрожашую Ануш.— Это не так трудно, как кажется.

На лестнице откуда-то снизу ударил жестокий зимний сквозняк, и Ануш слабо засопровтивлялась:

— Ниночка, твой халат... Ты теперь сама в одной рубашке осталась... Ты тоже — застудишь... Молоко...

Одной рукой Нинон стянула ворот рубахи:

— Ничего, потерплю: авось, пронесет. Тебе больше досталось, вообще в одних носках по бетонной лестнице идешь. Креста на них нет, гадах...

Четверть часа они шли в палату тем путем, который даже в ужасных безразмерных тапках Нинон недавно пробежала меньше чем за минуту... В палате девчонки заохали, всполошились, принялись спасать обоих пострадавших... Наташка стала совать вилку контрабандой раздобытого кипятивильника в розетку, намереваясь наскоро сварганить строго запрещенный «вольный» чай, Катька бросилась к дверям «на шухер», Ленка укладывала и утешала вконец обессиленную Ануш... В эти минуты, когда уже подходило время расставаться навсегда, они как раз и почувствовали ту товарищескую сплоченность, которая, оставшись они вместе подольше, могла бы сдружить их, раскрыть сердца... Когда волнение немножко поулеглось, Наташка-журналистка взяла злополучный тяжелый халат Нинон, кое-как брошенный на спинку чьей-то кровати, понесла его через всю палату законной владелице — и вдруг в задумчивости остановилась на пути, прижав к груди эту мерзкую бурую тряпку:

— Слушай, Ануш... А ведь это — почти такой же тулуп, какой, помнишь, спас от петли Петеньку Гринева... Вот станешь ты какой-нибудь...— она усмехнулась,— крупной шишкой в погонах, а Нинка не выдержит — и придушит, наконец, своего козла-осеменителя... И приведут ее к тебе — в наручниках... А ты возьмешь — да и отпустишь ее на волю, потому что вовремя вспомнишь про этот заячий тулупчик...

Девчонки расхохотались было, но Ануш даже не улыбнулась. Она медленно подняла голубоватые веки, остро глянула из-под них.

— Норковый...— чуть слышно прошептала она.— Норковый твой тулупчик, Нина...

* * *

— Опять ничего не понимаю...— озадаченно пробормотал Илья.— Она что, норковую шубу за это хочет, что ли? Странность какая... Да у нее же их наверняка с десяток наберется, всех цветов и фасонов...— Он помолчал, потом решительно вскинул голову: — Странность или не странность — да купите вы, в конце концов, и не плачьте! Она вам, можно сказать, жизнь спасла!

Нинон тщательно вытерла слезы салфеткой, медленно и осторожно сложила листок с рисунком, раскрыла сумку, аккуратно спрятала его, шелкнула замком, все это время сбивая адвоката с толку своей загадочной, внутрь обращенной улыбкой.

— Уже, — наконец, ответила она.

И ничего не стала рассказывать.

Илья Михайлов
(г. Москва)

ДОРОГА В ЛЕСОПАРКЕ

Проба пера в журнале «Приокские зори».

Это повествование о природе и человеке, жизни простой и ясной, как дорога в лесопарке.

ЛЕС

В детстве лес стал для меня терапевтом. Деду не разрешали брать меня в настоящий лес, чтобы не потерялся. Вначале он просто водил меня гулять в лесопарк. Потом мы ездили с ним по тому лесопарку на велосипедах. Затем на окраине лесопарка появился у деда огород, и на тот огород ходили мы с ним через тот же лесопарк. В лесопарке я видел много растений и животных. Но не знал, как они называются. Мне очень хотелось это узнать. И я узнал о них в университете леса.

Прошло много лет. Тот лесопарк остался таким для меня, как запомнил его в детстве. Я стал собой благодаря тому лесопарку и моему деду.

ЯСНОТКА

Гуляя с родителями по лесопарку, я обжегся двудомной крапивой. Родители были молодые и не внимательные, они не смотрели за мной так, как смотрела бабушка, когда я гулял здесь же с нею. И когда я пошел в лесопарк уже с бабушкой, стал бояться подходить к крапиве.

— Это глухая крапива, — сказала мне бабушка, указывая на яснотку. У нее листья как у жгучей крапивы, но это не крапива. С ее листьями можно варить суп.

Мне было интересно, какие щи получаются из крапивы. Бабушка сорвала листья яснотки и сварила с ними суп. Но я не стал его есть.

НЕДОТРОГА

По обочинам лесных троп растет недотрога. Берешь между пальцев ее плоды-коробочки, и из них выстреливают семена.

Пусть стреляют всегда только коробочки недотроги!

ДРЕМА

В лесопарке мы рвали цветы и делали из них букеты. Один раз я сорвал на лугу цветок и побежал показать его бабушке. И вдруг почувствовал, что по моей руке и

рубашке ползут муравьи. Я с отвращением отбросил от себя цветок. Это была дрема. С тех пор больше я не рвал цветов. Я понял, что цветы на лугу — это иной мир, который мне пока неведом, и к которому я не причастен. Дрема стала первой в понимании мною экологии природных сообществ.

Какие красивые цветы видел я в моем детстве!

УЛИТКА

Раковины брюхоногих и двустворчатых моллюсков во множестве встречались в прудах лесопарка. Как пустые, так и с моллюском. Именно с моллюском, а не улиткой, как неправильно мы говорили. Это были прудовики, катушки, физы и другие.

Однажды по дороге на детскую площадку я остановился и достал из воды раковину прудовика. Она оказалась тяжелой, поскольку в ней был живой моллюск. Я взял щепку и стал тыкать ею внутрь завитка. В этот момент я услышал жалобный писк. Моллюск был живой, и ему было больно. В это время бабушка окликнула меня. Я бросил и щепку, и раковину с моллюском, и побежал к ней. Мне было больно и стыдно за то, что доставил боль живому существу. И я постарался скорее забыть об этом.

Потом, став старше, я нигде не читал в литературе о том, что моллюски могут издавать звуки. Никогда не было свойственно мне мучить животных. Так поступали другие мои сверстники, и мне было непонятно, зачем они это делают. Потом я узнал, что мучить животных и не испытывать при этом физической боли самому есть признак психического заболевания социопатии. Мне захотелось стать учителем биологии с тем, чтобы научить детей этих моих тогдашних сверстников так не делать, воспитать их правильно.

Наземных улиток с закрученной вверх раковиной и сейчас вижу я в лесопарке на листьях двудомной крапивы. На пляже подбираю половинки раковин беззубки, а в реке высматриваю малюсенькие раковины шаровок и горошинок.

КТЫРИ

Мы играли во дворе дома возле школы. Была весна, и на улице появились черные мухи, отличавшиеся от привычных комнатных или навозных своей величиной, формой, окраской и полетом. Мухи были довольно крупные и черные как смоль. Их спины были выгнутые, а брюшко было удлинено и напоминало по форме брюшко стрекозы. Мухи эти не жужжали, зависали низко над землей, не обращая на нас никакого внимания. В полете внезапно припадали к земле, а затем снова поднимались к первоначальному уровню. Поймать мух рукой не удавалось, хотя они как будто не замечали нас, были крупные и летали тяжело.

Мы забавлялись, прихлопывая их сверху ладонями, отчего мухи также припадали к земле. Мух была целая стая, будто они откуда-то все вместе прилетели. Я попытался проникнуть в центр этой стаи, но мухи тут же все разом отлетели в сторону, не изменив высоты полета. Потом вся стая улетела.

Это были ктыри.

ФУТБОЛЬНОЕ ПОЛЕ

Поле было большое и открытое, рядом — дома, и в настоящий футбол на нем никто не играл. Зато ловили в траве кузнечиков, кобылок, цикад. Летними вечерами они громко стрекотали, и их хорошо было слышно в квартире в открытую балконную дверь. Это было в дни Летних Олимпийских игр 1980 года.

Теперь на месте того футбольного поля стоит высотный дом, травы там нет, и

никто больше не стрекочет. А в открытую балконную дверь слышен лишь шум от проезжающих под окнами машин.

В один из дней практики на агробиостанции лег я в высокую зеленую траву на лугу, и увидел своими глазами, как скачут в ней цикады, перебирают травинки мелкие жуки и скачут кобылки.

КОРОВКИ И СОЛДАТИКИ

В городском пионерском лагере, в июне, приподнял я алюминиевый отлив окна школы, а там — божьи коровки. Да сколько! Целый выплод.

Божьи коровки часто прилетали и садились на тебя в детстве. Мы клали их на ладони и говорили:

— Божья коровка, улети на небо, принеси нам хлеба!

Коровка не дождалась, когда мы договорим до конца, раскрывала надкрылья, расправляла крылья и улетала. О каком хлебе говорилось в этой фразе наших далеких предков? Когда мы брали коровок в руки, на них оставался пахучий желтый след от выделений этих насекомых. Божья коровка от нас защищалась. Мы не давили коровок ногами, как других жуков. А ведь не такое безобидное создание божья коровка-хищница.

Зимой, под корой стоящего у подъезда дома тополя я увидел спящую особь божьей коровки. Я отломал кору, из-под которой она выглядывала, коровка упала в снег, и там я ее потерял. Наверно, она погибла потом.

Выплод клопов-солдатики я часто видел и вижу сейчас в лесопарке весной и летом. Забавно увидеть сразу много черных с красным рисунком личинок клопов разных возрастов друг на друге, больших и маленьких. Их защитные выделения отпугивают насекомоядных птиц, и те их не клюют.

Из зимней спячки красноклопы выходят в марте. Количество особей в скоплении после теплой зимы может достигать сотни. Во время спаривания самец и самка прикрепляются друг к другу задней частью туловища на длительное время, и остаются прикрепленными так от нескольких часов до семи дней. Это не дает самке совокупиться с другими самцами группы.

ПАХИТА ЧЕТЫРЕХПЯТНИСТАЯ

Мое знакомство с насекомыми на растениях началось с пахиты, которую я случайно обнаружил на цветке у дороги. Я умертвил пахиту, посадил на энтомологическую иглу и поместил в парафиновую коробку вместе с другими насекомыми.

На цветах в лесопарке я часто наблюдал усачей, бронзовок, клопов-щитников. Все эти насекомые спокойно сидели на соцветиях, почти не двигаясь, либо очень медленно передвигались по цветку. В лупу было видно, как двигаются части их ротовых аппаратов. Я сделал вывод, что увиденные мной насекомые либо питались на цветках, либо откладывали яйца. А познакомившись позже с литературой, убедился в его правильности. Я узнал, что соцветия являются экологической нишей для этой группы насекомых.

НАХОДКА В ПРУДУ

Склонившись над водной прибрежной гладью пруда, я увидел, как по упавшему в воду и уже почерневшему листу прибрежной ивы катится маленький красный водяной клещ, безобидный такой. В другой раз обнаружил я в том пруду шкурку личинки стрекозы после линьки.

КЛЕНЫ

Я шел в школу и рассматривал по дороге разные виды кленов. Тогда я только что познакомился с книгой замечательного биолога Н. В. Попова «Фенологические наблюдения в школе». В ней были во вкладках рисованные схемы фенологического хода живой природы по временам года. И хотя этот ход касался Краснодарского края полувековой давности, я пытался приспособить его под то время и свой лесопарк.

Был март, и в книге описывалось цветение кленов. Я шел в школу и различал видовые их особенности. Вот клен остролистный, вот ясенелистный, он же — американский. А это вот черноклен. Мне казалась интересна фенология, и хотелось самому построить такую же фенологическую таблицу, как в книге. Однако ничего у меня не получалось.

После казавшейся долгой зимы природа вокруг дома, школы и в лесопарке быстро так начинала просыпаться, что я не только не поспевал за ней в своих наблюдениях, но просто не мог сухими глазами ученого-фенолога на все это оживление смотреть. Так продолжалось несколько лет. И каждый год я не поспевал за пробуждающейся природой.

Сейчас те клены срубили.

ЛИСТВЕННИЦА

Группы лиственниц росли, да и сейчас еще растут на бульваре недалеко от лесопарка. Посажены они были при постройке пяти- и девятиэтажных домов в 1960-е годы. Обломанные ветви лиственниц с характерными шишками можно было видеть на снегу.

По дороге из школы я собрал ветви, принес их домой и поставил в зеленую вазу, в которую бабушка заботливо налила для этого воды из-под крана, предварительно ее отстояв. Я поставил лиственницу в воду и сел делать уроки. А вечером с работы домой пришла мама и сказала нам с бабушкой, что на этих ветках лиственницы, поднятых с земли, почки уже не распустятся, зеленые листья-иголки на них не появятся. Эти ветви уже мертвые, и в воду их ставить не нужно. Однако можно мастерить из них и старых веток других деревьев икебаны.

Сделав к вечеру уроки, я выходил на лыжах на тот же бульвар, и проезжал лыжней под этими самыми лиственницами. Дальше лыжня шла между кустов сирени и огибала серебристые ели, стоящие по обеим сторонам бульвара. Движения машин не было тогда вдоль бульвара. Мы, школьники, часто выходили гулять сюда перед сном. А утром встречались уже в школе.

Было это перед самой Перестройкой.

СОСНА

Сосна растет в лесопарке повсюду. У нас здесь пески. Дерево достигает сорока метров в высоту. Кора сосны имеет красновато-бурый цвет с бороздами отслаивающихся частей. У основания дерева она намного толще, чем сверху. Природой так задумано в защитных целях. Толстая кора сосны в нижней части защищает ее от перегрева при пожарах.

Шишки сосны располагаются либо по одной, либо по две-три на ножках, смотрящих вниз. Зеленая сосновая шишка имеет конусообразную форму и темно-зеленый оттенок. И только на второй год она созревает, приобретая оттенок бурый. Все лето шишечки растут и с приходом осени становятся зеленого цвета размером с горошину. Такими они остаются всю зиму. А с приходом весны начинают развиваться дальше. К концу лета шишка достигает взрослого размера. А уже к следующей зиме при-

обретет коричневый цвет и созревает, однако ее чешуйки все так же плотно прижаты. Поэтому семена сосны еще не высыплются. Начнется этот процесс только на третью весну, когда растает снег. Шишки начнут высыхать на солнце, чешуйки откроются и крылатые семена сосны покинут свой дом.

Воздух в сосняке насыщен фитонцидами. Приятно идти по лесу и задевать ногой выступающие из утрамбованной земли вышедшие наружу части корневой системы сосны. И собирать будто кем-то набросанные под деревом шишки.

ЯГОДЫ

Душистая земляника растет в лесу и на участке вдоль вырубке под ЛЭП. Здесь и ландыш, и другие травы, характерные для такого экотона — границы леса и суходольного луга. Это садовая земляника, с крупными белыми с желтым цветками, — до заселения в пяти- и девятиэтажные дома люди жили прямо в лесопарке, в бывших его дворянских постройках. Стояли здесь дачи с садами и огородами. С огородов пришла в лес садовая земляника.

Заросли малины в лесу непроходимые. Малина сладкая. Дед выкапывал ее в лесу, чтобы высадить на огороде. Даже пытался размножать отводками. На огороде малины, земляники всегда было вдоволь.

На малине в лесу и огороде всегда встречал я хлебного жука кузьку.

КУСТИК ЛИМОНА

Из семечек лимона в цветочном горшке на моем окне вырос лимонный куст. Я решил пересадить лимон в другой горшок, более просторный, и мы с дедом спустились под окна дома накопать под него земли.

Был март. Почва не оттаяла и была еще твердая. Мы с дедом наломали лопатой земли под окнами дома и положили крупные куски в сумку, чтобы принести домой. Новый цветочный горшок был большой. Бабушка сказала мне, что земля должна вначале прогреться, и только тогда нужно засыпать ее «под лимон». Но я не послушал бабушку, вынул растение из старого горшка, пересадил в новый с принесенной землей, утрамбовал и поставил цветок на подоконник.

Через некоторое время на поверхность земли в горшке стали выползать дождевые черви. Мой лимон оказался их местом обитания, что очень раздосадовало меня. До сих пор помню то свое удивление при виде тех дождевых червей. Я никогда не любил возиться с цветами. Но именно тому лимону я обязан знакомству с миром беспозвоночных животных, который я так любил, учась потом в университете леса, будучи преподавателем биологии и медицинским энтомологом.

И я понял тогда, что такое анабиоз в природе.

ВОДЯНОЙ СКОРПИОН

Личинка водяного скорпиона была первой из водной энтомофауны, которую я увидел в биноклярный микроскоп на первой нашей полевой практике. Поместил, как и полагалось, личинку на предметный столик в кювету, прильнул к окуляру и тут же отпрянул. Такой страшной она мне показалась. Живая увеличенная, вставшая на задние конечности и выставив свои челюсти прямо мне в глаз.

На огороде у деда я собирал насекомых в белую круглую коробку из-под зубного порошка, закрывал крышкой и клал в карман. Один раз, открыв коробку, я увидел в ней гусеницу, которую я туда не клал. Это была совсем невзрачная личинка, когда я подобрал ее. Когда же открыл, увидел зеленую выгнутую спину и красное мясистое брюхо с маленькими парными ножками на нем. Это была гусеница бабочки-

вредителя. Тряску в коробке в кармане моих шортов она восприняла как агрессию и приняла угрожающую позу. Также было теперь с личинкой водяного скорпиона.

Большому человеку кажется, что мир насекомых так же мал, как и они сами, пока их мир не предстанет ему в увеличенном виде, равном по размеру ему самому.

ОГОРОД

Где же теперь, через тридцать лет, тот огород?

Он теперь на пустыре. Несколько раз через него проезжал своим ковшом экскаватор. Копал песок, утрамбовывал, снова копал, снова утрамбовывал. Но на песке и сейчас растут те сорные растения, которым полагается там расти. Странно, но по периметру все еще располагаются посаженные дедом кусты. Я захожу на огород в том месте, где была калитка, прохожу к землянке. Здесь были большие лопухи хрена, рядом с которыми дед однажды меня сфотографировал. Фотографии так и не распечатали.

Я учился в десятом классе, и дед уже не занимался огородом. Ходил по базам, подбирал для внука подгнившие овощи. Благодаря им я не голодный теперь. Та жизнь безвозвратно ушла. Один раз только сходил я с дедом в лесопарк тогда. У меня упало зрение, и я надел очки. Дед повел меня в лесопарк. Мы дошли до бывшего совхозного поля и я вывалился на нем в снегу. Дед стоял и ждал поодаль. Потом мы пошли домой.

Мы вошли в лес по той тропинке и в том месте, где десять лет назад мне тогда маленькому дед однажды, показав рукой, сказал:

— Ты вырастешь, и все это будет твое!

Теперь это все уже было не мое и никогда уже моим не станет. Благодаря заботе деда обо мне тогда, в детстве, я смог плодотворно жить и трудиться все последующие тридцать лет. Так смог он вызвать у меня наружу те внутренние силы, которые я так долго потом эксплуатировал. Не исчезли они и сейчас. Только направить их теперь не на что.

Я приходил не раз на наш огород. Я спрашивал деда, что мне делать и как мне быть. Я обращался к воздуху, и ответ приходил. Однажды мне ответила метелка высококого злака. Я не испугался, принял это как должное и пошел прочь от огорода. Ответ был: «Не останавливайся. Иди дальше!» Те внутренние силы, что вызвал во мне наружу тогда мой дед, мне понадобятся, я знаю это!

Ну а тогда, в тот самый год, я уже поступал в университет леса, был полон надежд и планов на будущее, чтобы оно не сулило. Юность брала свое.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валерий Демидов
(г. Тула)

ПАССАЖИР ПОЕЗДА № 12
(Последние дни Льва Толстого)

Член Союза журналистов СССР и Интернационального (Международного) Союза писателей (ИСП). Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Наш постоянный автор.

*«Пишите просто: «пассажир поезда № 12»,
все мы пассажиры, только кто-то входит,
а я схожу».*

(Лев Толстой — Ивану Ивановичу Озолину,
начальнику станции Астапово).

...Когда же смерть ему в глаза смотрела,
в бреду горячем Лев Толстой шептал:
«Как мало, жизнь, ты мою душу грела —
все больше жгла, я на тебя роптал,

но крест свой нес, сознанием трудным мучась,
искал повсюду скрытый Божий смысл...
Теперь мне ясно: видно, моя участь
была блуждать, страдая, в мире тьмы...».

И в этих днях, тяжелых и последних,
писатель видел отражение зла,
да он и сам был зла земной наследник,
и только смерть его грехи взяла.

Он с ним боролся, ставил злу преграды,
искал лекарства для больной души,
и даже верил, что могил ограды —
суть тех оков, в которых была жизнь...

ЦЕРКОВЬ

Так почему Толстой ушел из дома
в холодный день на склоне октября?
Кто старцу дал, больному и седому,
решимость встать на тропы бунтаря?

Найти ответ единственный и верный
никто не сможет, лишь великий Лев
знал все отличья истины от скверны,
познав дворец и Вифлеемский хлев.

Он жизни смысл искал вне лона храмов,
вне поклонений и слепых молитв,
вне богачей и не имущих срама,
а на полях духовных скрытых битв,

где не иконы, а Христос пред нами,
душа дороже, чем лампадный мир,
где не закрыт законом и лгунами
Божественный светящийся эфир.

Непротивленье злу и всепрощенье,
исканье троп любви и красоты
есть путь из мира подлости и мщенья
в мир христианских черт и чистоты.

Нас давит грубо с юности до смерти
чиновничьих условностей каток,
и гибнут люди, и ликуют черти,
с которыми не справился никто...

Конфликт Толстого с Церковью известен
как бунт его измученной души,
с которой он был искренен и честен,
стремясь достичь Божественных вершин.

Ему за сорок лет всего и было,
когда поездка в город Арзамас
его вдруг страхом смерти осветила,
пытаясь будто бы свести с ума.

Он осознал вдруг брэнность человечью,
и мысли роем жалили сознание:
«Коль смерть близка, то пыль противоречий
покроет обо мне воспоминанья,

и книги все, и рук моих заботы,
терзанья сердца и земные дни —
все превратится в темень и пустоты
и жизни смысл уже не сохранить.

Все ценности земные станут прахом,
размером с чечевичное зерно,
и встанем перед Богом, как пред плахой,
коль всем на Суд явиться суждено»...

Толстой уже не мог писать и мыслить
(а раньше он все это делал всласть),—
теперь же нес на шатком коромысле
два груза дум — религия и власть.

Стоянья в храмах ничего не дали,
наоборот, усилили разлад,
впечатав в обе стороны медали
всю ложность веры, что близка от зла.

Толстой не верил, что в момент причастья
вино и хлеб (как символы Христа)
есть Кровь и Плоть Того, Кто дал нам счастье,
в Ком жизни смысл, любовь и чистота.

Зачем обряды, символы, догматы?
Нельзя же вере быть такой слепой!
Толстой скорбел, что люди были рады
покорностью доказывать любовь.

В романе «Воскресенье» он критично
ход евхаристий в храме описал
и убеждал, что не свободна личность,
коль застилает ладан ей глаза...

С ним можно бы поспорить о доктринах
сегодняшним священникам, но суть
покорной этой «веры на перинах»
сродни цивилизации в лесу.

«Церковным министерством» люди звали
Святой Синод, а Церковь жизнь вела
в бесчисленных молебнах государю,
народ же только знал колокола...

Пять лет Толстой исследует Писание:
в его руках то синий карандаш,
то красным выделяет он те знания,
которые застыли грудой льда.

Евангелия все четыре книги
своей рукою свел он воедино,
но удалил все чудеса, интриги,
манявшие к себе простолюдинов.

Сей труд, которым Лев Толстой гордился,—
пожалуй, больше просвещения акт,

чем богословие, но он родился
на радость многим, что, конечно, факт.

Чего хотел, вторгаясь в догмы веры?
Толстой желал учение Христа
очистить от попов-функционеров,
от таинств и обрядного хлыста.

Он призывал взамен надежд на Небо
свое построить Царство не во зле:
«Бог в нас живет, и всяк духовным хлебом
способен напитаться на Земле».

Взамен постов, молитв и всяких бдений
потребно жить, как нас учил Христос
по Десяти Нагорным рассуждениям,
где есть ответы на любой вопрос.

Быть может, духоборы и толстовцы
в борьбе с церковной властью превзошли
границы дел былых менял-торговцев,
когда те в Храм для нужд своих пришли?

Не мне судить позицию Толстого
и этот «радикальный анархизм»,
но в нем ведь есть суть нравственных устоев,
развязывающих жизненный трагизм.

От Церкви вскоре графа отлучили,
и эту многотрудную борьбу
ни времена, ни Небо не смягчили,
а только лишь стреножили судьбу.

СЕМЬЯ

Второй причиной графского ухода
явился тот большой конфликт в семье,
видны в котором четко два подхода:
духовный бунт и просто бытие.

«Борьба, лишения, вечная тревога, —
писал Толстой одной из дочерей, —
есть верный путь, ведущий в Царство Бога
от бездуховной сущности зверей».

Он с молодости думал, что устроит
себе такой спокойствия мирок,
где благодать и тишь, не будет крови
и христианства выучен урок,

не будет в мыслях путаницы сложной,
в судьбе ошибок не свершит он впредь

и что жить честно, аккуратно — можно,
достаточно лишь верой душу греть...

Но через годы внутренних борений
он сделал вывод, что никак нельзя
жить честно без раскаяний и трений,
и вечная борьба — его стезя,

где надо биться, путаться, бросаться,
искать, терять, и снова находить
те выходы из тьмы духовных санкций,
которые сам смог в себе родить.

Толстой был проповедником протеста
и вместе с тем смирения певцом,
ему, казалось, было страшно тесно
в большой усадьбе, где к нему лицом

стояли рядом нищета и серость,
убогость быта, несогретость душ,
совсем слепая, чуть живая вера,
распятая в сознательном бреде...

Супруга, Софья, в старости хотела
иметь иной, чем муж ее, багаж:
искала то, что ублажает тело,
ей книги ценность — от ее продаж.

Они полжизни получали счастье,
а вот теперь сломалась жизни ось:
Толстой составил тайно завещанье
и авторское право отнялось

от Софьи и детей, отдав Черткову
бессмертные последние труды,
сломав тем самым прочную подкову
былого счастья, превратив все в дым.

Однажды ночью застает он Софью
за поиском запрятанных бумаг
и понимает, что, как раны солью,
посыпан пеплом их счастливый брак.

Толстой уже не может жить в усадьбе:
конфликт с супругой и конфликт с собой
оставили в душе немало ссадин
и ран глубоких, причинявших боль.

Не только в Ясной видел много горя,
но и в бурлящей суетой Москве,
где посещал запрятанных в неволе
по тюрьмам эков, след ища в родстве.

Он там бывал, где рекрутов наборы,
в лихих местах вел перепись людей,
где сплошь ночлежки, старые заборы
и на Хитровке гвалт очередей.

Москва уже давно в грехах тонула,
в Хамовниках по-барски жить не мог,
совсем друзьями опустела Тула,
не привлекал крестьянских изб дымок...

Решил уйти. Куда — еще не знал он.
Уйти подальше от любимых мест,
где грустно так и неудобно стало
в глаза смотреть и близким, и окрест.

Жена тринадцать душ ему родила,
вела хозяйство грамотно одна,
но все ж семью невидимая сила
наполнила трагедией сполна.

Толстой во многом был семьей не понят:
старался ближе к местным бедным быть,
босым ходил, знал, где пасутся кони,
смирненным был к превратностям судьбы.

Он одевался просто, не по-графски,
сам башмаки неброские стачал,
стал избегать «приличных мест» и краски
лишь черно-белых признавал начал.

Решил отдать имущество частично
нуждающимся местным мужикам:
«Пусть роскошь не становится привычной
моим детишкам, коль я жив пока».

Клал печи кособокие в деревне,
крыл крыши вдовым бабам и хромым,
и погорельцам хмурым ежедневно
дом возвести старался до зимы...

Во многом отделился от семьи он,
жить по его законам не могли
ни дети, ни супруга... Но всемирной
известности не тонут корабли.

КОНЧИНА

В последний день октябрьского ненастья
Толстой покинул спешно отчий дом:
встал среди ночи, силой тайной власти
куда-то неосознанно ведом.

С ним рядом были доктор Маковицкий
и кучер местный, сонный Адриан.
Глухая ночь. А путь лежал неблизкий
и пропадала часто колея.

В нем словно был комок противоречий:
жалел жену и восьмерых детей,
духовный груз давил на его плечи
и мысли били сотнями плетей.

В письме прощальном Софье написал он:
«Тебя отъезд мой огорчит, я знаю,
но роскошь жизни так меня связала,
что и себя порой не понимаю.

Прости за все, и я тебя прощаю.
И не ищи, пожалуйста, меня»...
Толстой себя в ту ночь раскрепощает
от плотских пут, духовный груз храня.

Оделся старец по-крестьянски просто,
с собой забрал лишь толику вещей...
Был кратким путь от Ясной до погоста —
всего лишь восемь быстротечных дней...

Вначале в Пустынь Оптину приехал,
куда давно звала его душа,
но не вошел во храм, лишь звона эхом
служенье в православье совершал.

Потом с сестрой-монахиней встречался,
собрался даже рядом с нею жить,
но весть из Ясной планы в одночасье
его сломала; ворон вновь кружит

над бедным Львом, испуганным решением
жены с собой покончить в водах пруда,
но не сложилось, вновь души движенья —
то плач у Софьи, то истерик груди.

Толстой боится, что она приедет
и вновь вернет его в тот душный быт,
где был похож на доброго медведя,
встречавшего в берлоге дни судьбы...

И снова поезд, стук колес и старый,
прокуренный и душный тот вагон,
в котором граф лежит на жестких нарах,
приемля равноправия закон.

Он в третьем классе едет вместе с людом
неграмотным, забитым и простым,

а в легких зарождается простуда
и давит тьма бесцветием густым...

На станции Астапово сошел он,
и под руки больного повели
в тепло печное дома небольшого
на разномпутье Липецкой земли.

Начальником здесь был Иван Озолин.
Он тут же свою комнату отдал
больному, хотя вместе пуда соли
с Толстым Озолин прежде не едал.

День ото дня здоровье ухудшалось,
пылало тело, будто жаром печь,
но он боролся, отгоняя жалость,
которая желала рядом лечь.

На грани смерти он бывал и прежде,
когда его туберкулез сразил,
и только Крым, где пил кумыс с надеждой,
помог ему набраться новых сил.

Уход из дома — это испытанье
для его легких, где болезнь таилась.
Толстой слабел, врачи держали в тайне
процесс тяжелый, в коем тело билось.

С трудом дышал, хрипел и кашлял кровью,
сбивалось сердце на неверный ритм
и шум в ушах роился мелкой дробью,
и рези в легких — как от острых бритв.

Но всякий раз, когда болезнь смирялась
и позволяла ближних узнавать,
он привставал, в его словах терялась
вся сила смерти, что свела в кровать.

Лишь иногда с лица катились слезы,
но это были слезы той любви,
где жили все его святые грезы
о лучшей доле, коей мозг увит...

В один из дней на станцию с гудками
спецпоезд прибыл с множеством удобств, —
в нем в первом классе — дети с сундуками
и сама Софья с отпечатком вдовства.

Она себе и здесь не изменила:
в пятьсот рублей ей обошелся поезд,
а ее Лева, «драгоценный, милый»,
за тридцать два купил народный полис.

К его кровати Софью не пускали:
мол, ни к чему больному старцу стресс,
лишь в окна Льва ее глаза искали
и сквозь стекло ему чертила крест...

Он на железной узенькой кровати
лежал, и цвет его лица — как воск,
и борода была подобна вате,
нос заострился, спал великий мозг.

Толстой казался маленьким и щуплым,
седым ребенком, чей застывший лик
сердца стоявших рядом будто щупал
и сравнивал с оттенками земли, —

земли, которой он отдал всю душу,
десятки книг и мыслей посвятил,
мог шум берез в лесу часами слушать,
сто раз ходить местами, где ходил...

И вот он умер. Лампа с керосином
бросает свет сквозь тонкий абажур
на дочерей, жену и всю Россию,
которой он болел и дорожил...

БЕССМЕРТИЕ

Мир всколыхнулся, замер, пусто стало.
Его несут на поднятых руках
те, кто хранят толстовского Устава
крупички золотые в узелках.

Простой, дубовый, желтый, без покрова
колышется с толпою вместе гроб,
за ним — венки, всего один, второго
он не желал, и завещал всем, чтоб

венки не клали для чужого глаза,
оградой прочной не стесняли плоть
и на холме, у Графского заказа,
в молчании дарили бы тепло...

Так кем же был он, граф Толстой из Ясной?
Любимец Бога? Сеятель добра
иль вольнодум, который не напрасно
дарил шедевры своего пера?

Его винят, что он своим ученьем
народ от Церкви будто уводил,
но Лев Толстой слепую веру черни
струей живою чистил и будил.

Он не догматик в мыслях и поступках,
всегда искал ответы вновь и вновь
на те вопросы, где порой уступка
рождала в муках праведную новь.

Уверен я, что если бы сегодня
он жил среди нас, то ветер перемен
привнес, ведомый Духом тем Господним,
Который против лжи и всех измен,

сугубо плотских дел и вожделений,
беспутства мыслей и отрады в том,
что превращает человеческий гений
в раба и цифру в обществе пустом...

Толстой велик, он больше чем писатель.
В нем Божьей властью сила его книг
была равна делам, где он — стяжатель
любви во все свои земные дни.

Он уводил, как Будда, дух от плоти,
как Иисус, благие семена
сажал в тех душах, где диавол бродит
и полоса грехов во всем видна...

Две мыши будто — день и ночь — мелькают
в короткой жизни каждого из нас:
едим и спим, и время обрекаем
на пустословье и прием вина.

Скажите, кто из нас уйти решится
от личных благ из теплого угла?
Кто перестанет без нужды божиться
и в «палочке зеленой» видеть клад?

Кто, как Толстой, умерив свою гордость,
в простой рубахе выйдет на народ
и вместе с ним трудиться будет годы,
возвысив счастье среди других щедрот?

Суть бытия — не в барской жизни сладкой,
не в славе громкой и обилье благ,
не в той дороге безмятежно гладкой,
что без забот к сединам привела, —

суть бытия превыше нужд обычных,
и мы должны равняться на Маяк,
Который есть Божественная Личность —
Иисус Христос, и жизнь, и смерть моя.

Мы носим крестик маленький на теле,
и стало модным верующим быть,

но только души в ризы не одели
и христианской не нашли судьбы...

Так отдадим же дань трудам Толстого,
его мученьям в поисках земных
тех незаметных глазу вех Христовых,
спасающих здоровых и больных.

И ныне, как из моря, мир черпает
те ценности духовные, что он
нашел и заложил в людскую память,
как Бог однажды заложил в Сион.

В любой секунде наша смерть таится.
«Об этом надо помнить, — он писал. —
Я видел суету на многих лицах,
и сам под страхом смерти угасал,

но позже понял, что в любой кончине
есть глубина Божественных начал,
и вот по этой неземной причине
я смерть свою так много раз встречал»...

Близ Тулы есть великий холмик русский,
куда мы ходим Истину искать.
Здесь мне порой бывает очень грустно
читать печаль на осени листках

и понимать, что гений видел много
в нас скрытых чувств, желаний и дорог.
Но мы донныне вне любви и Бога
идем туда, куда несет злой рок...

Виктория Беляева
(г. Ростов-на-Дону)

«СОЛЬ ЗАБЫТОЙ ЗЕМЛИ»

Виктория Владимировна Беляева родилась в 1980 году в Ростове-на-Дону. Окончила исторический факультет Ростовского Государственного института. В настоящее время работает преподавателем. Публиковалась в различных журналах. Лауреат ряда литературных премий и конкурсов.

* * *

Старый пес неизвестно откуда взялся.
Третьи сутки сидит под моим забором.
Говорит глазами: умру я скоро,
а иначе с твоей бы душой остался.

Говорит мне глазами: живи за это.
Пахнет мокрой травой пегой шерсти ворох.
Этот пес мне как кто-то ушедший дорог,
от того третьи сутки мне больше света.

Я стелю ему бабушкину дорожку,
на крыльцо приглашаю его погреться.
Он глазами твердит: никуда не деться.
Я его понимаю: все очень сложно.

Этот пес ничего у меня не просит.
Он питается лаской из миски желтой.
И я чувствую чью-то опять заботу.
И летит первоснежное с неба просо.

* * *

Что мне готовишь, ноябристый снег?
В тебя я погружаюсь как в ковчег
и забираю только прошлый опыт.
Да пару неразменянных друзей.
Кота с собакой. Бабкин львиный зев.
И пусть чернит подснежная копоть

Чего искать в усталом ноябре?
Не знаю — возвращенья ли к тебе,

или к себе, оставленной без тени.
Вот ты идешь, мучнистый и густой.
И детский воскрешаешь мой восторг,
Сажусь в сугроб как на его колени.

* * *

Бога ждешь. Второе пришествие не за горами.
И горят монастырские свечи — живое пламя
перед важным рассветом. Раскаяньем и прощением.
Очищение больше, чем ощущение.
Так на небе темно, что темнее некуда.
Ты идешь за именем, за победою.
И в молитве ищешь кусочек истины,
от того, что жить в пустоте немислимо.
Небо черное. Небо закрыто смогами.
И какими не шел бы к нему дорогами
все одно оно. Не пощадит, не спустится.
Греют поздней малины живые кустики.

Опускаешься к ягоде, как отверженный.
Неужели здесь Правда? Себя не сдерживай.
Затяжная зима — пустоты хранилище.
Солнца нет. Солнца нет. Темноту осилишь ли?

Елена Колесникова
(г. Воронеж)

Елена Николаевна Колесникова родилась в городе Кузнецке Пензенской области. Окончила музыкальный факультет Самарского государственного педагогического университета. Имеет публикации в журналах, победитель в конкурсах.

* * *

Солнца сердцебиение
Все спокойнее,
Все осеннее.
Травы блестят вечерние
Ниточкой седины.
Слитки туч — невесомые —
Мыслью огненной
Обрисованы —
Ветром в руках несомые
С северной стороны.

Даль звенит серебряная,
В жертву холоду
Принесенная,
Высь молчит, очерненная,
Падают звезды ниц.
Светом насквозь пропитаны,
Не оплаканы,
Не исчислены —
Дожелта болью выжжены
Связки сухих страниц...

* * *

С яблонь сорван оброк меднобокий,
Ветром князевым — лету в казну.
В вечер дождь виноградным соком
В огородную бочку плеснул.

Шьет заря из окомков холщовых
Рубашонки сироткам — цветам,

И рябины в цветастых паневах
Запечалились по женихам —

Заалелись, сурминные брови
Кистью беличьей подведены —
Не слышать бы о горестях новых,
Не видеть бы старухи-зимы!

Поиняло лоскутное небо,
Жарко солнца завял пустоцвет,
Темный сад опрокинулся в небыль,
Где лазорье и яблонев свет.

* * *

Гладиолусом бледным
В плоти вазы хрустальной
Отцветает последний
Летний вечер прощальный.

В старом солнца фиале
Эль закатный искрится,
Этот свет изначальный
Пусть нам в осень приснится.

Будет ветер слезами
Разводить позолоту,
Пустоту между снами
Наполняя дремотой.

Будет жизнь помимутно
В темень восково таять,
И мерцать бесприютно
Звезд колючая наледь.

Будет в срок неизменный
Лес спасен от величья,
И умолкнет на время
Славословие птичье.

А пока — веткой бледной
В плоти вазы хрустальной
Отцветает последний
Летний вечер прощальный.

ОСЕННИЙ СОН

Вновь полон лес таинственных мерцаний,
И каждый лист — как редкий самоцвет.
Необъяснимых стуков и шуршаний
Меня томит и радует секрет.

А воздух — мед, пролившийся из чаши
Глубокой и небесно-голубой.
И ветерок, из города сбежавший,
Все шепчется о чем-то с тишиной.

Осенний лес, рedeющие дали,
В вас углубиться и пропасть навек.
Но вы и малой доли не вмещали
Того, о чем тоскует человек!

Кружат мечты — бессмысленны и юны —
Что им, бесплотным, времени излет!
Косых лучей перебирая струны,
Влекут меня в свой пестрый хоровод...

Лариса Пушина
(г. Хабаровск)

НЕПОБЕДИМЫЙ ВЕЧНЫЙ СВЕТ

Родилась в Хабаровске. Окончила факультет иностранных языков Хабаровского государственного педагогического университета, юридический факультет Хабаровской государственной академии экономики и права. Публиковалась в альманахах, газетах, журналах, литературных сборниках. Лауреат и дипломант поэтических конкурсов.

МОНОМАХ

Мономах был прославлен в эпохах Руси
за политику и человечность.
Не дела, а полеты от сих и до сих,
и чарует в решениях вечность.

Написав поучение, письма, рассказ,
он тропинки оставил нам в мудрость.
Но никак не понять седину на висках
этой эры, не знавшей про хрупкость.

Делал сильной страну, воевал и казнил,
а по вере он был православным.
Он спаситель народов от пик и резни,
в нем небесного видим посла мы.

Он построил для русских, планете и мне
первый мост через Днепр, еще храмы,
а на Ладоге крепость воздвиг из камней,
вместе с сыном творил панорамы.

Я гляжу на черты Мономаха, он здесь,
он всегда рядом с мигом и с нами.
Полководец и добрый святой, ты отвесь
меда нам облаков с временами.

СПАССКОЕ-ЛУТОВИНОВО

Люблю я классиков Руси,
в их душах из путей народных
я чувствую величий кроны,
где рядом с мигом неба синь.

Достойный русский дворянин
Иван Сергеевич Тургенев,
чудесный человек и гений,
добавил книжный мезонин

в непобедимый вечный свет
дворца ключей к мирам России,
в его усадьбе dalej стили,
а воздух чуткий, как Завет.

ФЕРАПОНТОВ МОНАСТЫРЬ

Оригинальная архитектура
пяти церквей и колокольни,
палат массивная текстура
и уникальных фресок дольник.

Здесь православная обитель,
царит иконописный гений,
силен извечный клич: «Любите»
в глубинах воздуха биений.

ЦЕРКОВЬ ВОЗНЕСЕНИЯ

В Коломенском, в тиши прекрасной,
пленают нас река, земля и
чудесный храм: звучит прясно,
веками души удивляет.

Очаровательная эра
князей и нежных дам незримо
во флере чинного шедевра,
росой иконы серебримом.

Царевна-лебедь бег столетий
преобразует в неба звоны,
дарует высший дух наследий,
поет, как будущего волны.

Лариса Рутковская
(г. Ярославль)

ИЗ ВЕКА В ВЕК

Рутковская Лариса Микелисовна. Историк, художник, поэт. В 2003 г. окончила исторический факультет Ярославского Государственного университета им. П. Г. Демидова. Кандидат исторических наук. Имеет более 30 научных публикаций, включая монографии. Поэтические подборки печатались в различных изданиях, последняя публикация — в журнале «Невский альманах».

ПАШНЯ

Земля гудит и дышит паром.
И вся, как есть, обнажена —
Всем телом, полным влаги талой,
Ждет благодатного зерна.

Она была так долго, сонно
Укрыта белыми снегами,
И снился пахарь ей, и словно
Комбайн вздымал ее плугами.

Но то был сон, зимы томленье,
То были грезы без греха.
А все ж природного веленья
В груди огонь затрепыхал.

И вот — востала из полона —
Объята трепетной весной,
И ей не терпится стозвонно
Предаться новой посевной.

И пробиваться каждым всходом
В святую жизненную новь,
И — разрождаться хлебородом,
И — благодарствовать любовь!

ПЕВЕЦ

Ты помнишь нашу рощу у ручья,
Где весны соловьями распевались?
Там был один... Он ярче всех звучал,—
И даже ветры перед ним смирялись.

Так пел он о свободе и любви,
Что растворялось в трелях мирозданье.
И прочие смолкали соловьи.
А он — для жизни пел, а не признанья.

Сегодня я гуляла в тех местах:
Ни деревца от прежней вольной рощи.
Высотки, словно тати на постах,
И в небе — птицы крыльев не полощут.

Из прежнего — там только ветер свищет,
Ища певца, взмывавшего так звонко.
Но только эхо вторит, да мальчишки
Пинают пустоту ему вдогонку...

И если где-то я услышу соловья,
То вспомню звуки сольного рефрена,
Звучавшего нам в роще у ручья,
И как вселенная дышала вдохновенно.

ЕДУ, ЕДУ — ВДОЛЬ ДОРОГИ...

Еду, еду — вдоль дороги
По обеим сторонам
Дерева — немые и строги,
Вся Россия, словно храм.

В белом ином деревья —
Купола моей страны:
Храм смиренья и терпенья,
Храм небесной доброты.

Тянут к небу руки-ветви,
Смотрят вслед седым векам,
И разгадывают древний
Неумолчный птичий гам.

ИЗ ВЕКА В ВЕК

Птиц веселых щебетаньем,
С глаз смахнув виденья сна,
Талых ручейков журчаньем —
В каждый двор плыла Весна...

В легком платьице воздушном
Из небесной синевы —
Раздавала всем радушно
И улыбки, и цветы.

Но, весна, даря поэту
Вдохновенные слова,
Зеленеющему лету
Уступить ты путь должна.

Вот уж жаворонок в небе
Песню звонкую поет.
О любви? Или о хлебе?
Иль птенцов своих зовет?

Заливных лугов покосы,
Ароматы сочных трав...
И хрупки, как память, росы —
Жемчуга речных купав.

Лучезарных их и чистых
Осень жадно изопьет,
И дождей своих речистых
Песнь протяжно запоет.

И сольются — звуки ветра
В кронах кленов и дубов
И мычанье без ответа
Стад скудеющих коров.

Песня осени тягуче
Разольется над землей
И природу сну поручит
Перед долгою зимой.

Ветры взмоют выше елей,
Землю снегом заметет,
И приспешницы-метели
Возвестят зимы приход.

Звонкий воздух от мороза
Будет хрупок, как хрусталь,
Ветви тонкие березок
Белая укроет шаль.

И наполнится волшебным
Миром сказок и чудес
Все вокруг, и непременно —
Вековой могучий лес.

Мир остывший убелится
Белым снегом. И тогда —
В нашу жизнь влетит, как птица,
Обновленная весна...

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, доктор технических наук, профессор.

* * *

Свободен от спешки,
От вязкой рутины.
Во мне появляются
Новые силы.
Свободен от дрызг,
От пустых разговоров,
От хитрости, лжи,
От бессмысленных споров,
От серости будней,
От злого унынья,
От козней, лукавства,
Немого бессилья.
Я радуюсь утру
При всякой погоде.
Я молод и весел.
И снова свободен!

Николай Тимохин
(г. Семипалатинск, Казахстан)

Наш постоянный автор.

ДНИ СОЧИЛИСЬ

*Дни сочились, как свежие раны,—
тоской, одиночеством, суевериями,
предчувствиями.*

В. Пиккуль. «Ступай и не греши»

Дни сочились как свежая рана,
Солнца свет заменяла мгла.
Мы живем в мире зла и обмана,
Между нами разлука легла.

Солнца свет заменила мгла.
Поскорее бы утро настало.
А меня ты простить не смогла,
Лишь сказав: «Я терпела немало,

Жили мы в мире зла и обмана,
Сколько можно такое терпеть?!
Все хотела любви и романа,
И достойна я этого ведь.

Между нами разлука легла.
А за нею придет расставанье.
Все в душе вдруг сгорело дотла.
И прощай. Не скажу «до свиданья».

* * *

Прости меня за то, что я уехал,
И не сказал тебе и пару слов.
С тобою мы встречались не для смеха.
Ты говорила: род мой от ослов.

Тебе видней, наверное, ты все же
Так молода, красива. Ну, а я,
Решил, что ты одна мне всех дороже,
Но только ты не поняла меня.

И, значит, мне уже пора уйти.
Ведь марафон любви наш завершен.
А дальше нам с тобой не по пути.
И кто-то станет вновь в тебя влюблен.

Прости за то, что я уехал вдруг,
И не сказал ни слова на прощанье.
Жизнь состоит из множества разлук,
Но навсегда прощаться — наказание.

ТЫ ОДНА УЙДЕШЬ ВСТРЕЧАТЬ РАССВЕТ

Что-то между нами пробежало
Черной кошкой — чья-то злая тень.
Времени у нас осталось мало,
Ночь проходит, наступает день.

Ты уйдешь одна встречать рассвет,
Неожиданно твое желанье.
И останется в ночи глубокий след,
За которым наше расставанье.

Может быть, не прав я был с тобой,
Или ты не поняла меня.
Только я, наказанный судьбой,
Стану жить один, себя виня.

Ты одна уйдешь встречать рассвет,
Наступает наше расставанье.
К прошлому уже возврата нет.
Что-нибудь хоть скажешь на прощанье?

ЯБЛОКО ЛЮБВИ

В XIX веке томаты использовались не как овощи для потребления в пищу, а как декоративное растение. Обычно эту огородную культуру высаживали в горшках и возле беседок. Таким образом, растения украшали дом и приусадебный участок. В переводе помидор означает «яблоко любви», поэтому девушки нередко назначали свидание со своими возлюбленными в беседках, вокруг которых растут томаты.

(взято из интернета)

«Прошла любовь — завяли помидоры»,
О прошлом так в народе говорят.
Остались позади все наши ссоры
И вместе с ними твой красивый взгляд.

Любовь ушла, и все должно забыться,
А прошлое вновь не дает покоя.

Пусть годы улетели вдаль как птицы,
Но верю, встречу счастье я простое.

Оно должно прийти как наводнение,
И захватить собою все вокруг,
Чтоб совершилось в страсти погружение,
А расставание не настало б вдруг.

И помню до сих пор твой нежный взгляд.
Уже давно забыты наши споры,
Но ничего нельзя вернуть назад —
Любовь прошла. Причем тут помидоры?

СВЕТЛАНЕ

*Самому красивому и лучшему фотографу
города Семей, со светлым и чистым, как не-
бо, именем — Светлане Артюшиной, посвя-
щается...*

1

«Сегодня был такой прекрасный вечер,
Погода подарила нам покой,
И много радостей от нашей встречи,
От милого общения с тобой.

Хоть строить планы нам быть может рано,
Ведь мы знакомы то совсем немного,
Но ты мне очень нравишься, Светлана,
И станет очень светлою дорога

У нас с тобою, по которой вместе
Мы прошагаем много-много лет.
И ты, поверь, не уроню я чести
Перед тобой, сомнений в этом нет».

Хотелось это все произнести,
Тебе мне вслух, красивая Светлана,
Но я не смею, ты меня прости,
Я понимаю, это слишком рано...

2

Ты мне говорила в изумленье:
«У тебя хорошие стихи.
И в любом твоём стихотвореньи
Строки и красивы, и легки.

Ты из них так строишь предложенья,
Словно все их буквы и слова
Станут вдруг живыми, без сомненья».
Думаю, что в этом ты права.

Я пишу тебе стихи, Светлана,
От души и сердца. В них слова
Рождены без замысла и плана.
Только их почувствую едва,

И скорей пишу их на листок,
Чувства в них мои все без обмана.
Пред тобою множество дорог,
Ты какую выберешь, Светлана?

3

Вечер вновь зажег свои огни,
Погрузив весь город в сладкий сон.
Мы с тобой на улице одни
и в тебя, Светлана, я влюблен.

Ты одна моих стихов достойна,
И тебе их стану посвящать.
Лишь с тобой так хорошо, спокойно,
Что хочу тебе сказать опять:

Только вечер вновь зажжет огни,
Я признаюсь, что в тебя влюблен.
Постоим на улице одни,
Наша встреча, словно сладкий сон.

Ольга Аленкина
(г. Железногорск Курской области)

Родилась в Одессе. Печаталась в журналах «Плавающий мост», «Мурзилка», «Чердобряк», «Кукумбер» и др. В разные годы была участницей форума молодых писателей России в Липках (с 2005 по 2016 годы).

* * *

Нашей жизни закончится нить
Навсегда оборвавшимся словом.
Так давайте минуты ценить
В этом мире большом и суровом.

Что ни день, то забот череда
Мелких дел накрывает лавина.
И за вторником снова среда,
Только жизни уже половина.

Обернешься. А что за тобой?
Недостроенных замков скелеты.
Тихо плачет метели гобой —
Только песни о счастье не спеты.

ЖИВУ

Мне подушкой служит куст полыни.
А постелью — мягкая трава.
Я живу по-новому отныне!
Я сегодня заново жива!
И, вбирая запахи и звуки,
Вслушиваюсь в птичий перепев.
Я лежу в траве, раскинув руки,
И молчу, от счастья ошалев.
Надо мною неба космос синий,
Пухлые от влаги облака.
Я в деревне! В зернышке России!
Я — ее заветная строка!

* * *

ГлазкИ последних маргариток
Горели солнечным желтком.
Капусты квашеной избыток

Стоял у стеночки рядком.
А за окном деревьев черноть
Качалась маятником дня,
И молчаливая покорность
Сразила сонность бытия.
Сушились кеды и кроссовки,
Лежала репа и чеснок,
А я начистила морковки,
Чтоб витаминный сделать сок.

ИВА ЦВЕТЕТ

Ива цветет в ноябре,
Выставив хвостики почек.
Пес мой свернулся в комочек.
Греет себя в конуре.

Лужи покрылись стеклом;
Толстым, прозрачно-холодным.
Жизнь проживал беспородным
Мною оставленный дом.

Чинит мышье кавардак;
Грабит и портит довольство.
Это мышиное свойство
Не одолею никак.

Печь растопила. И жду.
Станет теплее к обеду.
Нет. Больше я не уеду
В этом трехлетнем году.

НА САМОКАТЕ

На самокате катится ребенок.
Ногою оттолкнулся, и — вперед!
Он самый главный в мире.
Он с пеленок себя везде и всюду узнает.
Он катится, слегка на руль подавшись.
Он светится как солнце ясным днем.
И я, его задором надышавшись,
Теперь хожу и думаю о нем.
Что станет с ним, когда он повзрослеет?
Поймет ли жизнь? Оценит ли? Простит?
Сейчас он только радостью владеет.
И в редкий день по мелочи грустит.
Катись, ребенок! Да минует горе!
Останься самобытным огоньком.
Пусть жизни всеобъемлющее море
Не оттолкнет болезненным тычком.
Катись. Катись, не ведая печали.
Лети под теплым ангельским крылом.
Пусть остается все, что есть в начале,
На доброе и мудрое потом!

НЕ ПИШЕТСЯ

Не пишется сегодня почему-то,
А хочется с улыбкой на лице
Сидеть среди осеннего уюта
На теплом и стареющем крыльце.

Смотреть на иву, выгнутую аркой,
На благородный стан княгинь-берез.
И мерить все одной простою меркой —
Все это Бог однажды преподнес.

И красен день. Покой его и светлость,
И цапли в отражении реки,
И тихая настойчивая смелость
Существовать всему и вопреки...

И я сижу под ветра перекличку.
Передо мной деревья всех мастей.
И ощущаю темечком сестричку,
Которой больше нет среди людей.

Все хорошо как-будто бы,
Но где-то,
где не достать ни глазом, ни рукой,
Осталось наше сестринское лето.
Остался мир. Такой же. Но другой.

Не плачется сегодня почему-то,
И я молчу с улыбкой на лице,
Среди покоя, счастья и уюта —
На теплом всепрощающем крыльце.

* * *

Дождит за окнами маршрутки.
Заходят зонтиков грибы.
Ползут машины словно утки,
Хозяев вечные рабы.

Скрипит в маршрутке лобовое,
Сгребая капельную муть.
И это время дождевое
Нам всем дает передохнуть:

Смотреть в окно. Сидеть напротив
Нам незнакомого лица.
Подпрыгнуть чуть на повороте,
Как на коленях у отца.

И, перед выходом, сгибаясь,
Узнать давно знакомый дом.
И выйти в дождик, улыбаясь,
Тому, что все еще живем.

Игорь Отчик
(г. Лыткарино, Московская область)

ВДОХНОВЕНИЕ

Наш постоянный автор.

ВДОХНОВЕНИЕ

Бывает, что-то вдруг коснется
В душе неведомой струны
И тонкой нотой отзовется,
Не нарушая тишины.

И вот, сквозь смутное волненье,
Неясных образов черты
Живой росток стихотворенья
Рождается из немоты.

Еще всего лишь только строчка,
Многоголосен мыслей стон,
Но зреет, набухает почка —
И распускается бутон!

Отбросив страхи и сомненья,
Взлетает дух над миром. Вновь
Огонь святого вдохновенья
Потряс тебя и пенит кровь!

Тобою говорит природа,
Ты истины ее постиг!
Глоток пьянящий кислорода —
Великой искренности миг!

Мгновений этих Божья милость
Дарована твоей судьбе.
А что в итоге получилось,
О том судить уж не тебе.

МОЖЕТ БЫТЬ

Может быть, пел бы я чище и звонче,
Счастье светило бы в каждой строфе,

Если бы было природы побольше,
Если б сверкала роса на траве.

Если бы таял туман над лугами,
Если бы тихо плескалась река,
Если б закаты цвели вечерами —
Твердой и нежной была бы рука.

Был бы мой голос напевен и светел,
Больше бы радости, меньше бы слез —
Если бы ласковый, солнечный ветер
Запахи луга и леса принес,

Если бы он шевелил занавеску,
В кронах деревьев неровно шумел,
Если бы в свежей листве перелеска
Голос пичуги какой-то звенел.

Если бы было природы побольше,
Если бы пел соловей в полумгле,
Может счастливее, лучше и дольше
Жили бы люди на этой земле?

Юрий Максимов
(г. Москва)

Родился в Москве. Окончил факультет статистики Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ) в 1997 году. Кандидат экономических наук с 2001 года. Работает старшим научным сотрудником в Музее земледелия МГУ. Автор книги стихов «За час до субботы» (2023). Живет в Москве.

ПЯТНИЦА

За час до субботы,
Устав от работы,

От сложных вопросов
И тяжких разносов,

От грубых ошибок
И пыльных подшивков,

От писем казенных,
Звонков телефонных,

От мелочной страсти
Чиновничьей власти,

От шумной столовой
И пищи здоровой,

От грязных подносов
И легких поносов,

На улицу выйду,
Забуду обиду,

Пойду по Мясницкой...
А снег серебрится...

ТЕАТРАЛЬНАЯ ТАВТОГРАММА

Традиционно тривиальны
Творенья труппы театральной.
— Тупицы! — так, тая тревогу,
Тиранил труппу Товстоногов.—

Триумфов требуете тупо?
Турну, товарищи, треть труппы.

ФОНАРЬ

За мной следило много строгих нянек,
И жил я, как великий государь.
Но как-то раз подвыпивший механик
Поставил мне под левый глаз фонарь.

Фонарь залился цветом темно-бурым,
И вот ребята, дружно хохоча,
Его назвали лампочкою Юры,
Подобно первой лампе Ильича.

Но как бы сильно жизнь меня ни была,
В какую глушь бы ни пришлось свернуть,
Везде почетно лампочка светила
И помогала мне найти свой путь.

ЛЕНИН В ПАВЛОВСКОМ ПОСАДЕ

Сегодня трижды повстречал я Ленина,
Когда водил по городу друзей.
У бывшего заводоуправления
Сердитый Ленин смотрит на музей.

Затем на площадь вышел я широкую —
Там снова Ленин, нам он указал
На двухэтажный дом купца Широкова,
Сейчас в том доме выставочный зал.

И как солдатик, сделанный из олова,
У корпусов завода «Экситон»
Стоял Ильич, в ветвях упрятав голову,
Дивясь тому, что нынче видит он.

А мы пошли на рынок за лимонами.
Их не было — купили ананас.
Жаль только, что в районе Филимоново
Четвертый Ленин не увидел нас.

ПРОГУЛКА ПО ПАВЛОВСКОМУ ПОСАДУ

(Тавтограмма)

Пойдем посмотрим Павловский Посад —
Промышленный, простой, патриархальный,
Под перезвон пронзительный, пасхальный
Прделаем приятный променад.

Представьте, повстречаем пастухов,
Покуда продолжается прогулка.

Пройдя по полусельским переулкам,
Порадуемся песням петухов.

Пройдемся по Покровской — поглядим
Платки. Потом покормим псов пугливых.
Под памятником попивая пиво,
Поговорим, пошутим, посидим.

По привокзальной площади пройдем.
Прибудет полный поезд петушинский —
Перрон проснется, переполошится.
Придется постоять — переживем.

ПОКРОВСКИЙ ПРЯНИК

(Тавтограмма)

Петр посетил Покров, по пьяни
Проехав Павловский Посад.
Попробовал покровский пряник,
Портвейна принял пятьдесят.

Пыхтя, покуривая «Приму»,
По Первомайской прошагал,
Потом пропал ... Путь пилигрима
Петра по-прежнему прельщал.

ВИШНИ ВО ВЛАДИМИРЕ

(Тавтограмма)

Вызревали вишни вдоль вокзала.
Выключет всю вишню воробей?
В вихрях воробьиного вокала
Всем видна вибрация ветвей!

Взявши ведра, вишни выбирали
Венедикт, Вадим, Вениамин.
Вдоль вагонов Вася, Витя, Валя
Вопрошали: «Вкусный витамин?»

«Вы враги! — Валерия вздыхала. —
Вероломно ваше воровство!»
Весь Владимир вишня вдохновляла!
Вековечно вишен волшебство!

Вызывают вишни восхищенье.
Верится в вишневое вино.
Варится вишневое варенье.
Вертится времен веретено.

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Александр Палладин
(г. Подольск, Московская область)

ХОДИ ПЕРВЫМ!

Наш постоянный автор.

Россия должна извлечь уроки из прошлых информационных войн. После того как Рейган назвал СССР «империей зла», наша страна оказалась в уязвимом положении оправдывающегося...

Дискуссии вокруг этой темы не утихают: одни считают, что Россия проигрывает информационную войну Западу, другие доказывают обратное. Скорее всего, истина, как обычно, посередине, есть и успехи, и фиаско. Однако, оценивая нынешние результаты на этом поприще, стоит учитывать «историю вопроса». Журналист, американист Александр Палладин вспоминает наиболее драматичные, показательные и во многом парадоксальные эпизоды информационных баталий недавнего прошлого.

В МГУ с нового учебного года будут готовить специалистов в области информационных войн. Давно пора! На моем веку был лишь один эпизод, когда Кремль одержал абсолютную победу в битве за умы и сердца жителей нашей планеты. 1 мая 1960 года под Свердловском сбили американский самолет-шпион У-2. Москва сперва ограничилась кратким сообщением, и Белый дом, посчитав, что летчик погиб, заявил, что вылетевший из Турции самолет якобы собирал метеорологические данные и сбился с курса. Тогда Хрущев выложил на стол припрятанный в рукаве козырь в виде уцелевшего пилота У-2 Гарри Пауэрса, который признался в работе на ЦРУ. Властям США крыть было нечем.

За этим, однако, последовали возведение Берлинской стены, Карибский кризис, ввод советских войск в Чехословакию и Афганистан, и каждый раз в освещении этих событий наши противники побеждали не только числом средств массовой информации, но и умением препарировать, распространять соответствующие сведения.

То же случилось и после 1 сентября 1983 года, когда над Сахалином разыгралась трагедия, поставившая и без того хрупкий мир в советско-американских отношениях

на грань войны. Тогда южнокорейский «Боинг-747» по пути с Аляски в Сеул углубился в воздушное пространство СССР на 500 километров и несколько часов летел в нем, не реагируя на сигналы истребителей отечественных ВВС. Один из них сбил нарушителя, на борту которого находились 269 человек, в том числе 62 американских гражданина, включая конгрессмена Ларри Макдональда (ненавистью к нашей стране не уступал своему кузену — генералу Джорджу Паттону, которому принадлежит такое высказывание о русских: «У меня нет желания понимать их, если не считать понимания того, какое количество свинца требуется для их истребления»). В связи с гибелью Ларри Макдональда в США распустили слух, будто ради этого Кремль и уничтожил авиалайнер.

Между тем еще годом раньше (цитирую книгу «Мертвая рука», которую 28 лет спустя издал маститый американский журналист Дэвид Хоффман) «США начали проводить провокационные учения неподалеку от советского Дальнего Востока. По выражению одного офицера американской разведки, они хотели «прогуляться под носом у Ивана».

4 апреля 1983 года 6 самолетов с авианосцев «Мидуэй» и «Энтерпрайз» застали советскую систему ПВО врасплох, пролетев над островом Зеленый (входит в состав архипелага Хабомаи). «После этого, — вспоминал Геннадий Николаевич Осипович, который потом сбил южнокорейский «Боинг», — в наш авиаполк прибыла комиссия, устроившая нам головомойку». Летчиков на Сахалине предупредили: это не должно повториться.

Между тем в ночь на 1 сентября в небе у советской границы кружил еще и похожий на «Боинг-747» самолет RC-135, использовавшийся американцами в разведоперации Cobra Ball для наблюдения за испытаниями наших баллистических ракет. Возвращаясь на базу, RC-135 пересек траекторию полета южнокорейского авиалайнера, который все больше углублялся в воздушное пространство СССР, и тоже был принят за самолет-шпион.

В 1983 году я работал вашингтонским собкором «Известий», и для меня случившееся тогда стало наглядным примером того, как надо — и не надо — вести ставшие ныне обыденностью информационные войны.

Как не надо — продемонстрировало советское руководство, потерпевшее сокрушительное поражение из-за неумения быстро и грамотно реагировать на ЧП. Администрация же Рейгана, наоборот, действовала напористо, умело — и предельно цинично.

Аналитики военно-воздушной разведки США, пишет Хоффман, в считанные часы заключили, что операция Cobra Ball ввела советскую ПВО в заблуждение и Осипович сбил лайнер по трагической случайности. Но их доклад попал в Белый дом лишь почти сутки спустя, да и тогда не возымел никакого эффекта.

Днем 1 сентября госсекретарь США Шульц выступил перед журналистами, обвинив Кремль в умышленном убийстве пассажиров и экипажа гражданского самолета и дав старт всемирной антисоветской кампании. Игра пошла в одни ворота, ибо Москва действовала крайне неповоротливо, лишь два дня спустя выдавив из себя сообщение ТАСС о том, что южнокорейский «Боинг» нарушил нашу государственную границу, после чего, дескать, покинул воздушное пространство СССР и «исчез с экранов радаров».

Дальнейшие шаги Кремля только усилили впечатление его неспособности толком объяснить свои действия. Месяца через полтора в Вашингтон прилетел первый зампред правления Агентства печати «Новости» Сергей Сергеевич Иванько, до этого 6 лет проработавший в Нью-Йорке директором отдела кадров ООН. На встрече с местными журналистами он стал корить СМИ США за предвзятое освещение инцидента с южнокорейским «Боингом». А кто-то из американских репортеров возьми да спроси, почему Москва так и не удосужилась рассказать, что произошло, ограничив-

шись заявлением: «Самолет-нарушитель удалился в сторону Японского моря». Знаете, что ответил один из руководителей главного советского ведомства внешнеполитической пропаганды? «Наши люди умеют читать между строк. Если им говорят, что самолет продолжил полет в сторону Японского моря, они догадываются, что случилось».

Как тут не процитировать А. С. Черняева, который четверть века проработал в Международном отделе ЦК КПСС и впоследствии заметил в своих мемуарах: «Есть у нас общая пропагандистская линия или кто во что горазд? Скорее последнее. Никто на авторитетном уровне не руководит систематически нашей идеологической деятельностью. Так — от случая к случаю, отбредиваемся, как правило, с опозданием и без расчета хотя бы на два хода вперед». Это он записал в своем дневнике 31 августа 1975 года, но и восемь лет спустя в деятельности советского пропагандистского аппарата мало что изменилось.

...Вслед за Шульцем слово взял Рейган: «Это нападение не просто на нас или на Республику Корея, — заявил он в телевизионном обращении к нации. — Советский Союз выступил против всего мира и против моральных заповедей, которыми люди руководствуются всюду». Фактически президент США повторил сказанное шесть месяцами раньше, когда обозвал СССР империей зла.

То, что за этим последовало, я описал в корреспонденции из Вашингтона «Опьянение антисоветизмом». Местные рестораторы устроили публичное битие бутылок «Столичной», в Техасе перепрограммировали игральные автоматы, чтоб вместо инопланетян истреблять фигурки с красной звездой на груди. Сотрудникам совучреждений в США и членам их семей стали грозить расправой, а в Нью-Йорке озверевшая толпа попыталась устроить погром в резиденции постпредства СССР при ООН.

Жертвой этой вакханалии чуть не пал Дик Оулд, несший охрану рядом с нашим посольством: один из прохожих принял его за русского, выхватил револьвер и едва не нажал на курок. А в штате Вермонт кто-то из местных вломился в магазинчик, где работала женщина русского происхождения, и с воплем «Проклятая комми!» разрядил в нее винтовку, хотя убитая не имела ничего общего с нашей страной...

Москва же ушла в глухую оборону, дав карт-бланш Белому дому. Андропов доживал последние месяцы жизни и управлял страной из Кремлевской больницы, а госаппарат агитации и пропаганды, и так-то нерасторопный, словно впал в ступор.

В контексте случившегося в небе над Сахалином наши СМИ лишь вскользь упомянули аналогичное происшествие с другим южнокорейским «Боингом», который в апреле 1978 года, тоже вылетев с Аляски, так же загадочным образом сбился с курса, нарушил нашу границу и отказался отвечать на запросы наших авиадиспетчеров и подчиниться сигналам пилота Су-15. Вместо этого самолет-нарушитель попытался скрыться в воздушном пространстве Финляндии, но был подбит и вместо Парижа сел на лед одного из озер на Кольском полуострове. Наши специалисты тогда заключили, что тем самым пассажирский авиалайнер использовали для проверки надежности воздушных границ СССР.

Не догадалась Москва напомнить (как в подобной ситуации поступил бы Вашингтон) и о том, как в 1953 году 4 американских истребителя изрешетили над территорией КНР безоружный самолет советской военно-транспортной авиации с двумя десятками людей на борту. А ставшие после Второй мировой регулярными вторжения ВВС США в воздушное пространство СССР? С 1950 года до конца 1960-х они произвели до 20 тысяч шпионских полетов вдоль наших границ. В апреле 1952 года три их самолета-разведчика достигли рубежа Псков — Смоленск — Харьков, а позднее американские бомбардировщики не раз выходили на рубеж Новгород — Смоленск — Киев.

Ничего этого, однако, в сентябре 1983 года мир не услышал — возможно, еще и потому, что советское руководство побоялось признаться в уязвимости нашей ПВО. И

не было сделано самое главное — то, что наверняка разрядило бы обстановку, найдя понимание у миллионов людей и выбив козыри из рук оппонентов: Кремль не решился предложить версию, что наш летчик сбил южнокорейский «Боинг» по ошибке, спутав его с самолетом RC-135. Потом можно было добавить: главная вина за это лежит на руководстве США, организовавшем постоянные провокации у наших границ.

Зато администрация Рейгана действовала споро и бесцеремонно. Уже утром 1 сентября сформировали рабочую группу из сотрудников Госдепа, Пентагона, Белого дома и ЦРУ. Возглавил ее помощник госсекретаря США Ричард Берт, отличавшийся особой ненавистью к нашей стране. Он мигом смекнул, что гибель южнокорейского «Боинга» можно использовать для нейтрализации антивоенных настроений в Западной Европе, где многие противились размещению американских «першингов» и крылатых ракет. «Теперь этим ублюдкам не отвертеться!» — злорадствовал Берт, имея в виду советское руководство.

Рабочая группа сварганила речь, с которой постпред США при ООН Джин Киркпатрик выступила на заседании Совбеза. Ударным моментом сделали воспроизведение пленки с записью радиопереговоров наших военных, участвовавших в обнаружении и уничтожении самолета-нарушителя. За спиной у Киркпатрик поставили телеэкран, и когда она закончила вступительное слово, из динамиков зазвучала русская речь, а по экрану пополз перевод на английский. В мертвой тишине раздалась заключительная фраза Осиповича: «Цель уничтожена». В этот момент уничтоженной (в том, что касается данной истории) оказалась репутация советского государства, причем по вине самого Кремля.

В информационной войне, как правило, побеждает сделавший первый ход, и тут инициативой целиком владел Белый дом. Разъяснения же Москвы звучали неубедительно, а после прокрученной в Совете безопасности пленки стали выглядеть ложью: переговоры наших военных звучали так, будто они даже не попытались опознать южнокорейский «Боинг».

Между тем пленку обкорнали, хоть Киркпатрик и уверяла: «Аудиозапись воспроизводится в оригинале». На лжи ее поймал — к сожалению, лишь четыре года спустя — американский журналист Дэвид Пирсон. Накануне выступления Киркпатрик в ООН, говорится в его книге «KAL-007: The Cover Up», было объявлено, что она представит аудиозапись продолжительностью в 55 минут. На заседании же Совбеза пленка звучала 49 минут и 11 секунд. Одно это, по мнению Пирсона, наводило на мысль, что пленку обработали, вырезав неудобную США информацию.

Изобличить администрацию Рейгана в подтасовке мог — и должен был — Кремль, но не сделал этого, по соображениям секретности не решившись опубликовать собственную запись переговоров наших военных. Тем самым советское руководство еще и лишило себя возможности потребовать, чтоб американская сторона представила запись переговоров своих авиадиспетчеров и операторов станций слежения.

Маршал Огарков (фронтовик, Герой Советского Союза) выглядел убедительно, но реакция наших властей явно запаздывала.

Фото: Сергей Гунеев / РИА Новости

Спасти положение попытался начальник советского Генштаба Огарков, которому три дня спустя после выступления Киркпатрик поручили изложить нашу версию случившегося над Сахалином. Он заявил, что «Боинг-747» нарушил нашу границу умышленно в рамках разведывательной операции с участием самолета RC-135 и спутника-шпиона «Феррет-Д».

Четырнадцать лет спустя эту версию подтвердил бывший сотрудник японской военной разведки Иосиро Танака, до выхода в отставку руководивший электронным прослушиванием военных объектов СССР со станции слежения на острове Хоккайдо. Были и другие версии, ставившие под сомнение то, как эту историю подала администрация Рейгана, причем многие из них принадлежат гражданам США. После драки, однако, кулаками не машут.

Осталось рассказать, как во время той самой драки повели себя два наших соотечественника: известный в ту пору журналист-международник Геннадий Герасимов и тогда еще мало кому у нас знакомый Владимир Познер.

Владимир Познер часто становится мишенью для критики, но надо отдать должное его ярким талантам: быстроте реакции и умению расположить к себе.

Через несколько дней после гибели южнокорейского «Боинга» Герасимов выступил в популярнейшей информационно-дискуссионной телепрограмме компании Эй-би-си «Найтлайн». Она выходила в полдвенадцатого ночи, а днем по Эй-би-си объявили, что в Москве состоится пресс-конференция Огаркова, после чего ведущий «Найтлайн» Тед Коппел обсудит ее с видным советским журналистом.

В положенный час включаю телевизор, чтоб послушать, что Герасимов скажет в ответ на несшийся из каждого тостера поток обвинений нашей страны в варварском уничтожении ни в чем не повинных людей. Неспроста же по окончании работы нью-йоркским собкором АПН Геннадия Ивановича назначили главредом газеты «Московские новости» и зампредом правления АПН. Человек с многолетним опытом работы в ЦК КПСС, а затем в США не мог не понимать остроты ситуации и своей ответственности перед государством, доверившим ему руководство важнейшим органом внешнеполитической пропаганды...

Как обычно, передачу начал вступительным словом Тед Коппел. Потом дали нарезку из кадров с Рейганом, Шульцем, Киркпатрик и заголовками, клеймившими Кремль, и, наконец, на экране возник мэтр советской журналистики. То, что и как он стал говорить, повергло в шок, ибо соответствовало поговорке «не мычит, не телится». Герасимов имел доступ к недоступным рядовым гражданам источникам информации и на худой конец просто мог зачитать ключевые высказывания Огаркова, но говорливый (когда выступал перед отечественными телезрителями) Геннадий Иванович словно впал в прострацию. Каждую фразу ведущий извлекал из него клещами, причем наш представитель всячески намекал на свою отстраненность от позиции советского руководства. Обычно вальяжный Геннадий Иванович являл собой настолько жалкое зрелище, что под конец даже Коппелу стало неудобно за коллегу по профессии.

Дело было в пятницу, а в понедельник я заехал в наше посольство, сотрудники которого кипели от негодования.

— Надо же в такой момент так облажаться! — возмущался один.

— Герасимов вел себя так, будто в эту передачу его затащили силком, — недоумевал другой.

Третий высказал догадку сродни той, что пришла в голову и мне самому:

— Он вроде как не согласен с официальной позицией Кремля...

— Тогда ему следовало отказаться от участия в «Найтлайн» и не подводить нашу страну, — резонно заметил кто-то еще.

А дежурный помощник посла поделился со мной:

— Добрынин еще в субботу отправил в МИД сообщение о случившемся. Депешу закончил фразой: впредь просим Герасимова к выступлениям на американском телевидении не привлекать...

Два года спустя Горбачев поставит во главе МИД СССР Шеварднадзе, чья жена на первой же встрече с госсекретарем США Бейкером ошарашит его заявлением: «Грузия должна быть свободной!» А еще через год Эдуард Амвросиевич сделает Герасимова своим пресс-секретарем...

Через несколько дней очередной выпуск «Найтлайн» вновь посвятили трагическому инциденту с южнокорейским «Боингом», и опять в передаче участвовал советский журналист, только в этот раз позицию Кремля излагал Владимир Познер. Вот он-то показал себя во всем блеске своих талантов, как достойный сын советского патриота, после войны вернувшегося в СССР из американской эмиграции, и как умелый боец идеологического фронта, в годы работы в Гостелерадио возглавлявший партком Главной редакции радиовещания на США и Англию. Проявив недюжинные выдержку и находчивость, Владимир Владимирович парировал попытки Коппела вновь превратить обсуждение ЧП на Дальнем Востоке в избиение младенца в виде советского журналиста. При этом, по сравнению с Герасимовым, Познеру пришлось гораздо труднее: по ходу передачи к ней неожиданно подключили сына погибшего Ларри Макдональда. Познер, однако, и тут проявил себя молодцом.

Год спустя по приглашению ряда американских университетов он прилетел в США, вызвав гнев конгрессмена Роберта Дорнана. Ветеран войн в Корее и Вьетнаме закатил истерику на Капитолийском холме:

— Почему мы позволяем этому маленькому еврею (this little Jew) разводить коммунистическую пропаганду в наших вузах?!

В других обстоятельствах сказанувшего такое в США заклеямили бы как антисемита. В 1982 году председатель Объединенного комитета начальников штабов (по нашему — начальник Генштаба) Дэвид Джонс возьми да скажи:

— Что-то в наших СМИ слишком много людей еврейской национальности, к тому же играющих в прессе первую скрипку...

Пару дней спустя четырехзвездный генерал, образно говоря, стоял на коленях и посыпал поседевшую за 40 лет службы в ВВС голову пеплом: мол, старый дурак и солдафон, черт меня попутал лезть в дела, в которых я полный профан. Поскольку раскаяние было публичным, Джонса простили. А вот Дорнана американская пресса лишь пожурела: какой же Познер, мол, маленький еврей, коли в нем шесть футов росту?!

Николай Макаров
(г. Тула)

**ТУЛЯКИ-АРТИЛЛЕРИСТЫ
В АФГАНИСТАНЕ.
АФГАНЕЦ — ЛУЧШИЙ УЧИТЕЛЬ ГОДА**

Наши постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

*Алехин Михаил Алексеевич,
родился 1.12.1957
в г. Кимовске Тульской области.*

Может призвание Михаила Алехина не стрельба из пушек и минометов, может его призвание — преподавательство?

С 1994 по 1999 год гвардии подполковник Алехин обучает курсантов Тульской артиллерии (кстати говоря, участвует в подготовке курсантов первого набора артиллеристов для Воздушно-десантных войск, тех самых войск, из которых и перевелся на преподавательскую работу). А с 2000 года и по настоящее время преподает ОБЖ мальчишкам и девчонкам в Тульском лицее № 2. И как преподает! В 2008 году Михаил Алексеевич становится победителем национального проекта образования в Тульской области в номинации «Лучший учитель года».

Не знаю, есть ли в каком еще общеобразовательном заведении Тулы — надеюсь, что имеются — Афганский музей. В лицее № 3 музей существует, и существует благодаря «афганцу» Алехину. И этот Афганский музей — не только гордость всего лицея и гордость гвардии подполковника запаса, но и гордость Зареченского района Тулы.

Краткая биографическая справка:

В 1975 году, после окончания средней школы, поступил в Коломенское высшее артиллерийское командное училище имени Октябрьской Революции.

С 1979 года по январь 1980 года — служба в частях Воздушно-десантных войск (Баку, Хыров Львовской области).

С января 1980 года по декабрь 1981 года — служба в Афганистане (Джелалабад) в десантно-штурмовом батальоне 66-й отдельной мотострелковой бригаде старшим офицером 82-мм минометной батареи.

После Афганистана — служба в Германии, учеба в Военной артиллерийской академии имени М. И. Калинина в Ленинграде, служба в Фергане (начальник артиллерии парашютно-десантного полка, заместитель командира артиллерийского полка), Туле (начальник штаба артиллерии 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии).

В 1994 году в звании гвардии подполковника — увольнение в запас.

Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу», другими медалями.

Оставался ровно месяц до замены. Алехину вместе с его сменщиком доверена колонна техники, которую оставили ушедшие на боевое задание войска. Вот тут-то и дали «духи» прикурить: два дня минометного обстрела. В первый день, не успев тол-

ком расположиться лагерем, не сумели засечь, откуда ведется прицельный огонь противника. На второй день, как и в предыдущий, минометный обстрел начался ровно в пять утра. Оставшись за старшего, Алехин, посредством двух буссолей, вычислил место, где находился неприятельский миномет. На третий день... на третий день ровно за пятнадцать минут до пяти утра наши минометчики, выпустив 400 мин, буквально стерли в порошок «духовский» миномет вместе с расчетом. За этот бой Михаил был удостоен ордена Красной Звезды, которой ему был вручен уже на новом месте службы в Германии.

— А — «За отвагу»?

— Минометная батарея в мае восьмидесятого в течение месяца участвовала вместе с другими в боевой операции недалеко от границы с Пакистаном — весь личный состав батареи: и офицеры, и сержанты, и солдаты были удостоены наград. Учти, это — восьмидесятый год, когда правительство было скупно на награды...

Ноябрь 2010 года.

РАЗГОВОРЫ ОБ АФГАНИСТАНЕ

Постоянно встречаясь с Алехиным, любые наши разговоры «ни о чем» вольно или невольно касались Афганистана...

...Собрали по сусекам взвод минометчиков Хыровской десантно-штурмовой бригады Закарпатского военного округа, поставили лейтенанту Алехину задачу типа «ступай туда... и далее по тексту», и бросили, считай, на амбразуры. На «перекладных» добрались до Баграма: жарщиц-ц-ца, духототиц-ц-ца, пылиц-ц-ца — август 1979 года.

Оборудовали позиции, наладили службу, а... кушать-то хоц-ца, очень даже хоц-ца. Все, что захватили с собой, давно, как-то самой собой — надо же? — почему-то закончилось. А кто ж тебя, бедолагу, кормить-то будет за бесплатно? То есть, кормить без продовольственного аттестата, которым не снабдили в части: то ли — в спешке-неразберихе, то ли — со злым умыслом. Поди, теперь разбери...

Да что — там: это — тебе не Закарпатье, где под каждым кустом и стол, и дом, это — тебе высокогорье. А кушать-то хоц-ца...

Но не бросают десантники своих в беде.. По определению. Первый батальон 345-го полка — вон он, батальон-то, считай, рядом дислоцируется — от щедрот закрома свои распахнул: бери, пользуйся. Какой аттестат? Пришлют с оказией — тогда и поставим официально на котловое довольствие.

Отсмеявшись над моей вольной интерпретацией своего очередного рассказа, Михаил констатирует:

— В принципе, все так и происходило. Но ты бы был не ты, если бы описал это «шершавым языком плаката».

— А — то ж...

Размышления и воспоминания гвардии подполковника М. Алехина:

...Человечество делало знаковые открытия, которые несказанно ускоряли технический прогресс.

Но, вот — КОМП: охватил все стороны человеческой жизни от мала до старо. Отношение к КОМПу различное. В мою молодость его не было, и ничего — обходились. КОМП — не только простой способ извлечения информации и дезинформации, но и возможность общения.

«Одноклассники»: пустое времяпровождение — и «да», и «нет». Благодаря «Одн» я вновь нашел своих, а меня нашли многие сослуживцы нашей ДШБ:

Начальник штаба капитан Г. Кучко, заместитель командира 1-й дивр старший лейтенант Медведев, командир 2-го огневого взвода минометной батареи старший лейтенант Дима Клюев, командир зенитного взвода лейтенант В. Кузнецов.

Благодаря «Одн» и информации с сайта, я попал на встречу ветеранов нашей ДШБ.

Одна «находка» — Евгений Абишев — в «Одн» сильно всколыхнула мои воспоминания об Афганистане.

Фотография гражданского: его черты лица, имя-фамилия мне знакомы. Неужто тот самый рядовой Абишев, который прибыл в минометную батарею где-то летом восемьдесят первого года?

И я мысленно — в Афганистане.

...Усилили в одной операции батальон, как полагается, минометным взводом. Перед кишлаком батальон залег. Что-то не понравилось командиру батальона — какое-то непонятное шевеление за дувалом. Посылать разведку на открытом месте, заранее предвидя неоправданные потери — не годится. Вызывать «вертушки» — затянется вся операция.

— А давай-ка шарахнем по ним из минометов.

От мыслей к действию — пара секунд.

— Первый пошел, то есть, первая пристрелочная мина пошла: недолет; вторая пошла: перелет. Вилка — одним словом: третья...

Не пошла третья мина. Из-за дувалов ответили шквальным автоматнo-пулеметно-минометным огнем.

Еле успели минометчики укрыться за скалами. Как бы не так — успели? Молодого солдата, месяц как прибыл во взвод, нигде не видно. Где этого Абишева носит? Где он?

Разуй глаза-то — вон он. У миномета. Сам мины подтаскивает, сам заряжает, сам стреляет. Десять мин выпустил — миномет-то пристрелян был. В пух и прах развеял засевиших душманов, у самого — ни царапинки.

— За тот бой его наградили медалью «За отвагу». На вопрос: почему он не выполнил команду «В укрытие!», ответил одним словом: «Не услышал!». Сейчас живет в Казахстане. Куча внуков. Благодаря «Одноклассникам», на короткое время оказались там — в далеком Афганистане: русский и казах, офицер и рядовой...

Январь — февраль 2015 года.

С ПЕРВЫХ ДНЕЙ

*Гаевой Александр Иванович,
родился 18.11.1957 в селе Семеновка
Калачеевского района
Воронежской области.*

Биографическая справка

В 1973 году окончил Семеновскую восьмилетнюю школу, в 1975 году — Меловатскую среднюю школу, в 1979 году — Коломенское высшее артиллерийское командное училище, в 1992 году — Военную артиллерийскую академию имени М. И. Калинина

С декабря 1979 года по март 1982 года — в Афганистане: командир противотанкового взвода 357-го гвардейского парашютно-десантного ордена Суворова 3-й степени полка 103-й гвардейской воздушно-десантной ордена Ленина Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии имени 60-летия СССР.

В 1982—1989 годах в 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии: командир гаубичного взвода, командир взвода управления начальника артиллерии дивизии, командир реактивной артиллерийской батареи 1182-го гвардейского артиллерийского полка, начальник штаба 131-го отдельного гвардейского противотанкового артиллерийского дивизиона, командир противотанкового артиллерийского дивизиона 1182 гвардейского артиллерийского полка.

В 1989—1992 годах — учеба в Военной артиллерийской академии имени М. И. Калинина.

В 1992—1993 годах — заместитель командира 1180-го гвардейского артиллерийского полка 104-й гвардейской воздушно-десантной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.

В 1993—1995 годах — командир 1065-го гвардейского артиллерийского полка 98-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.

В 1995—2001 годах — начальник артиллерии 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.

В 1999 году — участие в составе миротворческих сил в установлении мира в Боснии и Герцеговине.

С января по май 2000 года — участие в боевых действиях по установлению конституционного строя в Чеченской Республике: начальник ракетных войск и артиллерии группировки войск «Ведено».

Уволился из Вооруженных сил по организационно-штатным мероприятиям в марте 2001 года с должности начальника артиллерии 106-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Награжден орденом «За военные заслуги» (2000), медалью «За боевые заслуги» (1982), другими медалями.

С марта 2001 года по сентябрь 2005 года — работа в ОАО «Гулачермет»: начальник службы безопасности.

С сентября 2005 года — в ПАО «Квадра-генерирующая компания»: руководитель направления.

Из воспоминаний гвардии полковника Гаевого:

Одним из самых запомнившихся эпизодов Афганской войны — естественно, само начало боевых действий, когда мы 25 декабря 1979 года полком высадились на аэродроме Баграм.

Через небольшую горную речушку общались с афганскими солдатами (в полку служили несколько узбеков), мылись в речке целый день. Вечером 26 декабря полк получил задачу войти в Кабул и захватить ряд объектов. Оставив подразделения обеспечения разбираться с афганскими войсками, находящимися на аэродроме, полк основными силами двинулся маршем на Кабул. После преодоления перевала наша противотанковая батарея ПТУР получила приказ занять рубеж развертывания для отражения атаки танков.

Около 4 часов утра вдалеке под горами был виден свет фар и слышен лязг гусениц, явно принадлежащий танкам, и здесь я осознал, почувствовал, что это — война. Отдав команды подчиненным и заслушав доклады о занятии позиций, я через какое-то время пошел проверить, как готовы расчеты к бою. Обойдя каждую огневую позицию, на левом фланге взвода увидел своего гранатометчика, рядового Крайнева Сергея, который в каменистом грунте малой саперной лопатой уже откопал себе окоп для стрельбы из ручного гранатомета с колена. Я понял, задачу выполним. К счастью, саперы успели непосредственно перед танками поставить минное заграждение. Один из танков подорвался, остальные повернули обратно, не дойдя до нашего рубежа открытия огня. Это — первый день боевых действий.

Декабрь 1981 года. Батальон нашего 357-го полка с приданными подразделениями, в том числе и нашей батареей, уже дислоцировались в провинции Митерлам. И вот, парашютно-десантная рота, которой был придан мой взвод АГС-17, преследуя противника в северо-восточном направлении от Митерлама, постепенно и как-то незаметно для себя оказалась в ущелье, где во второй половине дня — уже сумерки.

Поняв ситуацию, командир роты запросил разрешение прекратить преследование и выйти из ущелья. Добро — дано, а мне командир приказал обеспечить отход

роты. Я, на тот момент уже третий год воевавший, понял, что это, мягко скажем, не совсем хорошо — взводу с тяжелым вооружением отходить последними. Командир роты пообещал, что пехота прикроет. Правда, все обошлось. До противника — около одного километра, и огнем из АГС-17, держа его на этом расстоянии, я приказал расчетам поочередно отходить вслед за ротой, обеспечивая прикрытие друг друга. Так мы отошли к основным силам батальона. Но, честно говоря, в узком ущелье, горы висят прямо над головой, страшновато. Хорошо, что противник не занимал эти хребты, а отходил по самому ущелью.

За этот эпизод я был награжден медалью «За боевые заслуги».

И один из последних моих боев, находясь в Афганистане.

В феврале 1982 года при прочесывании совместно с афганскими подразделениями близлежащего кишлака взяли в плен душмана, молодого паренька лет 17. Он дал показания о месте расположения банды и маршруте выхода ее из кишлака. Командир батальона решил в этот же день, точнее, ночь, организовать засаду. Во второй половине дня вторую роту, усиленную моим взводом АГС-17 и минометным взводом 82-мм минометов, на боевых машинах вывезли в направлении предполагаемой засады, километрах в 20 от расположения батальона. Вводя противника в заблуждение, боевые машины поманеврировали по прилегающим к дороге сопкам, оврагам и в одном из них мы на ходу спешились, а боевые машины ушли обратно в расположение батальона.

Дождавшись, когда стемнеет, мы, используя пленного провожатого, пошли к месту засады — примерно километрах в 5—7 от места спешивания в горах с превышением над равниной метров 300. По карте это выглядело просто, и, казалось, совсем рядом. Когда же пошли, обнаружили сплошные арыки, причем глубиной 1—1,3 метра, а при подходе к горам надо еще переходить реку Алишанг. Река до одного метра глубиной в месте перехода была шириной около 50 метров, но сильное течение и, в прямом смысле, ледяная вода оказались неприятным сюрпризом (даже плыли кусочки льда).

И здесь не могу не вспомнить своего заместителя командира взвода сержанта Горбенко Вадима, такой коренастый крепыш. Как только подошли к первому арыку, он мне говорит: «Товарищ старший лейтенант, Вам мокнуть нельзя, мы бойцы, когда выйдем к месту засады, ляжем плотненько, согреемся, а Вам надо будет готовиться к бою. Садитесь на меня со спины». И как я не отнекивался, пришлось уступить его уговорам, хотя на каждом из нас экипировки, боеприпасов, еды и воды — под 40 килограммов. И так он перенес меня через все арыки. Но через речку я уже сам переходил, сняв обувь и брюки.

К месту засады мы подошли примерно к 3 часам ночи. Весь путь от места спешивания до места засады занял около пяти часов. Ночь стояла до такой степени темной, что в метре буквально ничего не видно, только в вышине — звезды. Интересно, как это пленный смог нас вывести в таких условиях?

Командир роты указал взводам места позиций, направление возможного выхода бандформирования и приказал соблюдать строжайшую тишину, запретил радиобмен, а огонь открывать только по его команде.

Я определил места позиций каждому расчету, лично, соблюдая тишину, накрывая АГЭСы телогрейками, проконтролировал зарядание гранатометов и, назначив дежурных в каждом расчете, приказал остальным отдыхать, а сам начал изучать, насколько это возможно в темноте, местность. Буквально минут через 40 начало быстро светать, и я с ужасом для себя обнаружил, что впереди метрах в ста возвышается пирамидовидная гора, закрывающая обзор второму расчету. Пришлось переместить позицию этого расчета левее, ближе к первому.

В 4:30 стало уже практически светло, что позволило подробно изучить местность, наметить ориентиры, определить дальность до них, рубежи открытия ог-

ня, выявить невидимые зоны, определить места расположения взводов и огневых средств роты.

Едва успев все это сделать, в пять часов мы услышали пение муллы в кишлаке, расположенном от нас примерно в 1,5 километрах и в котором по показаниям пленного должна располагаться группа душманов из 29 человек.

В 5:20 из кишлака появляются два вооруженных человека, вслед за ними метров через сто выдвигается остальная часть. Я насчитал ровно 29 душманов. Они довольно быстро двигались в нашу сторону и, дойдя до реки, спустились с крутого берега. С нашей стороны берег пологий, и духи пошли под берегом в правую сторону, вверх по течению, и уже впереди идущий дозор начал заходить за эту гору, которая находилась передо мной. Расстояние до противоположного берега — примерно метров 600.

Я быстро рассчитал прицел с учетом поправок на метеоусловия и превышение позиции и приказал расчетам сопровождать противника, ругая про себя ротного — почему же не дает команду на открытие огня? И когда уже основная группа душманов начала подходить к невидимой для меня зоне, закрытой горой, я, не слыша по радио команды ротного, а только стрекот автоматов и пулеметов, дал команду первому гранатомету одной гранатой: «Огонь!». Четко наблюдаю недолет 50 метров, ввожу корректуры и даю команду всем расчетам: «Беглым, огонь!». Наблюдаю, что разрывы ложатся прямо по стесненным в движениях водой и прижатым к крутому берегу душманам.

Удалось уйти только трое: двое, что первыми шли, успели уйти за гору, один раненый в ногу ушел обратно в кишлак.

17 мая 2022 года.

НАШ ДЕСАНТНЫЙ ИЛЬИЧ

*Иванов Владимир Ильич,
родился 19.04.1949.*

Собеседник моложе меня почти на полтора года. Но и сейчас, и годы, десятилетия назад, проходя службу вместе с ним в 51-м парашютно-десантном полку и в штабе 106-й воздушно-десантной дивизии, не только я, но и большинство сослуживцев обращались и обращаются к нему коротко. По отчеству.

— Ильич!

Такой он солидный и обстоятельный, высокий, стройный, с огромной внутренней силой и невероятным душевным обаянием, настоящий б о м б а р д и р времен Петра Первого, что просто по имени к нему обращаться как-то и не уместно; по имени-отчеству — вроде ровесники, в одном, считай звании. Под стать мужу и его жена, представившаяся мне с манерами аристократки-дворянки не в первом поколении:

— Людмила Ивановна!

Они знакомы с пятнадцати лет. Оба — Питерские. Поженились после пяти лет знакомства, на третьем курсе его обучения, в день рождения, тогда еще не Ильича, а просто — Володьки Иванова. И девятнадцатого апреля девятого года (Светлый христианский праздник! — какое невероятное совпадение) — подумать только! — сорокалетие их свадьбы.

— Ильич,— задаю ему первый вопрос,— почему именно — артиллерийское училище? В Питере много, как сейчас говорят, более крутых военных учебных заведений.

— Первая причина: училище в десяти минутах ходьбы от дома; вторая — друг на год раньше поступил в это училище...

— И пропиарил его Ильичу,— смеется жена.— Третья причина: маршрут его возвращения со свиданий опять же проходил мимо этого училища.

— И скрытая, и прямая реклама — на лицо, — заканчивает ответ на мой первый вопрос гвардии подполковник запаса Владимир Ильич Иванов.

Тринадцать лет, после окончания училища, от лейтенанта — командира взвода до майора — начальника штаба гаубичного дивизиона, Иванов прослужил в 1182-м гвардейском артиллерийском полку в Ефремове, районном центре на юге Тульской области.

— Была, конечно, возможность сразу и лейтенантом остаться в Туле. Двое моих однокашников так и поступили — им предложили, как и мне, должность командира взвода СПГ (СПГ — станковый противотанковый гранатомет. *Примеч.: автора.*). Но я отказался — несерьезно артиллеристу командовать такой малой «артиллерией».

— В Тулу мы все же попали, — добавляет Людмила Ивановна, — в восемьдесят третьем году, в 51-й полк.

— Через четыре года, — продолжает Ильич, — я улетел в Афганистан, в Баграм, в 345-й полк командиром гаубичного дивизиона.

— И первая твоя награда — орден Красной Звезды?

— Проходила крупная армейская операция. Вертолеты высаживают десант. С трех вершин десант обстреливают «духи». Командир десанта по радио просит поддержки артиллерии и называет координаты. Громов — я тогда с ним первый раз встретился — приказывает нанести артиллерийский удар. А я вижу по карте, что координаты, которые назвал командир десанта, соответствуют координатам самого десанта (летчики-то перед этим доложили о месте высадки десанта), и докладываю об этом командарму. На его вопрос о дальнейших действиях помощи десанту и, главное, чтобы не накрыть своих огнем артиллерии, принимаю простое решение. По координатам, которые дал командир десанта, произвожу один выстрел дымовым снарядом, который разорвался недалеко от командира десанта, а по радио прошу трассерами из ДШК показать направление на господствующие высоты, где засели «духи». Остальное — дело техники.

Как у него все просто получается: «дело техники». Хотя, он же учился всему этому: законам математики, законам физики, законам баллистики, законам чего там еще, что нужно для меткой стрельбы «богам войны»?

— Орден Красного Знамени тоже — за стрельбу? За отличную стрельбу?

— За что еще? И таких орденов у меня — два: один — наш, второй — афганский. Помнишь про девятую роту? Проводилась масштабная операция «Магистраль». В районе Хоста одному батальону ночью срочно надо было спускаться с гор. «Грачи» вешают осветительные люстры — не в том месте. Вешают повторно — опять не в том месте. «Духи» насаждают на наших, а наши не видят, куда надо спускаться. Запрашиваю координаты батальона и делаю выстрел осветительным снарядом, который разорвался точно над целью и осветил местность там, где было нужно. Потом и «Грачи» стали вешать свои люстры там же. И еще случай в окрестностях Хоста. На пути наших войск в одном кишлаке засели басмачи, но авиация никак не могла точно накрыть противника: ориентиров нет — сплошная зеленка. Тогда двумя дымовыми снарядами показываю края кишлака.

— Остальное — дело техники, — мы оба смеемся.

— Из Афганистана мы с командиром полка Героем Советского Союза Вострогиным (кстати, на Героя его представляли три раза) выходили последними 11 февраля — наш 345-й полк прикрывал перевал Саланг, обеспечивая выход остальных войск.

— А знаменитые кадры перехода границы по мосту через Речку 15-го февраля?

— Парад, он и есть — парад. — Лаконично комментирует он.

— Ильич, — допекаю его вопросами, — у тебя же и еще есть орден: «За личное мужество»?

— Орден мне вручили, когда я был начальником разведки артиллерии дивизии, — он тяжело вздыхает, — за участие в наведении «конституционного порядка» на Север-

ном Кавказе в девяносто втором — девяносто третьем годах. — Он опять тяжело вздыхает. — Тогда в Южной Осетии погибли два полковника. Ты должен помнить.

— Конечно: твой непосредственный начальник полковник Фролов — начальник артиллерии дивизии и полковник Алексеенко из штаба ВДВ. Поподробнее расскажи об их гибели.

— Не знаю: то ли боевого опыта у них не хватало, то ли не ожидали они столь решительных действий от мятежников. Находясь на своем КП и видя выдвигающиеся «Грады» противника на огневую позицию, они не смогли принять правильного решения, дать команду вертолетчикам, которые только этого и ждали, барражируя над ними. В результате залп «Градов» и... И результат ты сам знаешь какой. Хотя, это сейчас, за рюмкой чая, можно обо всем спокойно рассуждать и анализировать. В боевой обстановке, сам об этом не понаслышке прекрасно знаю, отсчет идет на мгновенья плюс ответственность за жизнь подчиненных давит неимоверным грузом.

Мы помолчали минуту. Стоя — третий тост. И крайние слова Ильича.

— Что меня больше всего поразило и там, в Афгане, и на Кавказе — восемнадцатилетние пацаны, а как они переживали за страну, за предательство наших, так сказать, «верхов». И нынешнее поколение восемнадцатилетних не все испорчено. Будет, будет и на нашей улице...

— Будет, Ильич, будет, кто бы сомневался.

Ноябрь 2009 года.

Артиллерист-Краснодеревщик

*Ларин Виктор Владимирович,
родился 17.12.1956
в г. Горьком.*

Пожалуй, все туляки знают, где находится военная комендатура, но мало кто знает — по пальцам можно пересчитать — о мастере, чей деревянный кокошник украшает фасад здания. До недавнего времени автор этих строк также находился в абсолютном неведении этого факта и, если бы не встреча с самим автором...

После окончания Артиллерийской академии в Ленинграде в 1991 году (в 1974—1978 годах — учеба в Коломенском артиллерийском командном училище) гвардии подполковник Виктор Ларин на четыре года «загрел» начальником артиллерии десантно-штурмовой бригады в Могочу, расположенной в «ридной» Забайкальщине. На его возмущенный протест, мол, сколько можно топтать своими сапогами окраины Родины (Болград, Баграм, Кировабад), начальство лаконично отвечало, дескать, эта самая Родина и приказала и неча поперед батьки, то есть приказа, против ветра разговоры ненужные разговаривать и толочь водку в ступе.

Как и перед многими офицерами в Могоче — а, наверное, и в любом отдаленном от цивилизации гарнизоне — перед Лариным маячила нерадостная перспектива-альтернатива: или постепенно спиваться, или найти дело по душе, чтобы как-то отвлечься от серости будней гарнизонного житья-бытья. Подсказала жена — она, как нитка за иголкой, всюду следовала за мужем, не переча и не ропща на все «прелести» и «радости» переездов из гарнизона в гарнизон (как и положено настоящим женам офицеров и женам декабристов): «А займись-ка ты, добрый молодец, полезным для хозяйства делом». Сказано — сделано: и начал Виктор в свободное время мастерить мебель, плести корзины. Откуда только навыки взялись — наверное, в одной из прошлых жизней владел искусством краснодеревщика. Кстати, после увольнения в запас Ларин шесть лет работал реставратором старинной мебели, но надоело это ремесло: одно дело — для себя, для души, другое дело — для заработка, ради денег, да и заработки-то, по большому счету, были не ахти. Сотворил кокошник для

комендатуры — на этом и завершил карьеру, благо подвернулась новая, более интересная работа.

— И более высокооплачиваемая работа, — вносит ясность бывший краснодеревщик.

Что-то я отвлекся: до Могочи, до Академии артиллерист Виктор Ларин в 1982—1984 годах служил начальником разведки артиллерийского дивизиона, затем командиром самоходно-артиллерийской батареи в 345-м отдельном гвардейском полку (отслужив перед этим четыре года в артиллерийском полку в Болградской дивизии).

— За полтора-два месяца до замены на большие операции, — вспоминает Виктор, — обычно «дембелей» не брали. И сколько ни просился, в эти два месяца приходилось выполнять штабную работу и участвовать в небольших, недалеко от Баграма, боевых.

Ларин просто забыл, или промолчал из скромности, что перед этими последними двумя месяцами до замены, он месяц провалялся на койке в Кабульском госпитале после тяжелой контузии, когда были потеряны и слух, и речь.

...В январе 1984 года в Ургунском ущелье проводилась крупная войсковая операция, полк расположился в ущелье на ночь, в готовности начать операцию рано утром, а утром... Утром «духи» прямой наводкой из безоткаток стали расстреливать позиции полка. Один снаряд угодил в самоходку и под обстрелом Ларин с одним подчиненным вынес из-под огня троих раненых солдат. Рванули за четвертым, но в это время сдетонировал боекомплект самоходки, офицера как ветром сдуло — тяжелая контузия, ушибы, сотрясение головного мозга и т. д., и т. п.

После Могочи, с 1995 по 1997 год, до увольнения в запас, гвардии подполковник Виктор Ларин служил в 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии — начальником штаба артиллерии дивизии.

Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями.

10 ноября 2010 года.

Александра Соколова
(г. Москва)

ИГРАЛ МУЗЫКАНТ...

Определенно новый год лучше всего начинать с путешествия! — с таким лозунгом и по сей день мы продолжаем эту замечательную традицию. В тот раз наш выбор пал на Рыбинск. Сказать честно, я и не знала, что есть этот старинный русский город со своей многолетней историей.

И вот мы стоим на вокзале этого самого города Рыбинска. Все из нашей дружной компании здесь впервые. Всем интересно, что же будет дальше. Чем нам запомнятся эти несколько дней, проведенных вдали от дома? Город встретил нас утренним снегопадом и пронизывающим ветром. Хорошее начало путешествия — первое знакомство, так сказать. Но мы бывалые, подготовленные — нам не страшно!

Кидаем вещи по номерам, завтракаем, и в путь — на поиски прекрасного и пока еще неизведанного! День проходит незаметно — столько впечатлений! После вкусного и сытного ужина, ужасно уставшие, но счастливые, расходимся. В нашем номере душно и жарко. Открываем форточку, и постепенно комната заполняется не только свежим морозным воздухом, но и музыкой!

Снежным вечером в городе Рыбинске на улице под фонарем стоит человек и играет на саксофоне! На морозе! И как играет! Долго и красиво! Собираются люди. Музыкант заканчивает поздно — скоро ночь. Несмотря на его почтенный возраст, чувствуется, что человек крепок духом и физически, высок и статен. Он кланяется торжественно и всех от души благодарит. Бережно протирает инструмент, убирает его в футляр. Поднимает с земли шляпу, запорошенную снегом, — там деньги. Улыбается и идет в магазин — как раз за спиной у него круглосуточный супермаркет — популярное место, и притягательное, без сомнения.

Все это мы наблюдали из нашего теплого и светлого номера посередине зимы. Дальше мы уже не смотрели в окно: мы были счастливые, мы были вместе, нам было радостно и весело. И мы были благодарны за прекрасный вечер, который наполнила волшебная музыка.

На следующий день мы повстречали этого музыканта на центральной площади. Вокруг галдели дети, много детей. Мужчина улыбался и всем говорил добрые напутственные слова, что-то желал. В руках он держал большой красный мешок, из которого доставал и раздаривал сладости и угощения. Ну, прямо-таки запоздалый Дед Мороз — ни дать, ни взять!..

Каждый вечер играл саксофон! Каждый следующий день на площади ребята получали очередные порции вкусностей. Дни пролетели стремительно, как всегда в новых местах. Наши каникулы заканчивались.

Перед отъездом я благодарила администратора гостиницы:

— Спасибо вам за прием. И за отличные номера. И вообще все было замечательно. Мы вернемся, мы еще обязательно к вам вернемся! Ну а вечерний саксофон был просто великолепен! Вы ведь его слышали, да? Каждый вечер! В снег и мороз! Просто потрясающе!

— О! Это я очень рада, что вы его застали и услышали! Это наша местная знаменитость! Символ воли и веры даже, если можно так выразиться. Это достаточно известный в наших краях человек. Если вдруг вы не очень торопитесь на поезд и хотите послушать эту печальную, но вдохновляющую историю, то у меня как раз сейчас начнется перерыв, и я с радостью расскажу вам ее за чашечкой кофе.

— Конечно же, я хочу послушать! И до поезда еще полтора часа! А можно я и друзей своих позову? Уж успеем мы как-нибудь до вокзала добраться потом!

— Конечно можно! Зовите. Я и предполагала, что это будет интересно всем.

Прошло каких-то пять-семь минут. Мы все собрались в кафе при гостинице за большим столом. Перед нами — нехитрое угощение, дымится кофе. А во главе стола наша новая знакомая начинает свой рассказ.

...Вся семья нашего саксофониста родом была не из Рыбинска — из соседнего города Мологи. Судьба города была печальна. Мологу, как и многие деревни, прилежащие к ней, затопили при строительстве Рыбинского водохранилища — самого большого рукотворного накопителя пресной воды на территории всего Советского Союза — Рыбинского моря, как называют его местные жители.

Много тайн и легенд ходит вокруг тех событий и сегодня. Что-то до сих пор засекречено, с чего-то гриф секретности снят, и мы можем узнать хоть какие-то подробности прошлого.

В апреле 1941 года был перекрыт проем плотины, и началось массовое затопление земель. Официально оно было постепенным, однако считается, что напор оказался гораздо сильнее, чем было рассчитано на бумаге, и многие постройки скрылись под слоем воды практически в течение суток. По документам, затопление велось на свободной от людей и построек местности (все люди были переселены, а постройки разрушены). Но до сих пор в Рыбинске и других городах живут потомки тех мологжан, которые, по их словам, отказались уезжать из своих домов.

Семья шестилетнего мальчика — нашего музыканта — покидала город в числе последних переселенцев. Он практически ничего не понимал (да ему ничего и не объясняли). До этого его вывозили только в соседнюю деревню к бабушке и дедушке, да в Рыбинск с отцом по делам. А здесь, надо же, целое приключение — они уезжают жить в этот самый Рыбинск. Навсегда. Насовсем. Он не разделял общей грусти. Он радовался чему-то новому. Дорога как раз шла мимо деревни родителей отца. Папа вошел в родной дом и долго что-то громко говорил, уговаривал, срываясь на крик и плач. Впервые мальчик видел, точнее, даже слышал, как он плачет. Мама закрылась платком и беззвучно рыдала. Бабушка с дедушкой вышли из дома, обняли мальчика и поцеловали. Грузовик тронулся.

Новая квартира в Рыбинске была большой и светлой. Нашлось много старых друзей, так же переехавших из Мологи. Дворовые игры и новый город заслонили детскую печаль. Дома не говорили про Мологу и переезд, как будто всегда здесь жили. Отец все время пропадал на заводе, мама преподавала в музыкальном училище. И все, казалось бы, пошло своим чередом.

Только спустя два месяца после переезда вдруг ни с того ни сего мама вернулась с работы раньше обычного и включила радио. И все причитала, что же теперь будет. Отец пришел печальным и торжественным. Через два дня объявил, что уходит добровольцем на фронт. Домой он больше не вернулся. Через год пришла похоронка.

Рыбинск не был оккупирован во время войны. Однако бомбардировкам подвергался ожесточенно. Сколько его жителей погибло и при обстрелах, и на фронтах!

Конечно же, тема водохранилища затихла на фоне военной обстановки. Потом только после войны правительство вспомнит о проекте века, и завершится формирование гидроузла уже в мирном 1946 году. Процесс затопления планируемых территорий все военное время был скорее стихийным и практически никем не контролировался.

Что чувствовало детское сердце все это время? Как переживало потерю близких

людей? Горе было всеобъемлющим. Жизнь вдвоем с мамой сблизит их окончательно. Так, именно во время обстрелов мальчик решит, что хочет стать музыкантом.

Когда ему было страшно, он всегда старался заснуть. Ему снился один сон. И этот сон повторялся из раза в раз. Он музыкант. Он стоит на сцене. Сзади огромный оркестр. Справа дирижер. Значит, он солирует. В первом ряду сидят папа и мама, бабушка и дедушка. Все аплодируют. Он кланяется. Счастье разливалось по телу. Открывая глаза, он точно знал, что все страшное закончится, что все будет хорошо. Вот только когда?

Во время войны в Рыбинске не все школы были закрыты. И он учился. Музыкальная школа тоже работала — и мама преподавала. В музыкальную школу его взяли охотно и сразу. Учился по классу духовых инструментов. Выбрал кларнет. Еще не знал, что это станет его призванием. Но каждый день после учебы и разных дел играл дома, как умел, как получалось. А получалось все лучше и лучше. Уже после войны, к окончанию школы не возникало вопросов, куда поступать.

Дальше была Московская консерватория. И попытка задержаться в столице. Но в Рыбинске оставалась мама. Одна. И он вернулся. Родная музыкальная школа с радостью приняла его в свои стены уже в новом статусе. Он стал преподавать. И жизнь закрутилась. Работа, любимое дело, мама, ученики, музыкальные вечера, первые джаз-банды под его руководством. Он — душа компании; он — непререкаемый авторитет; он — любимый и заботливый сын.

Так закончилась эпоха Советского Союза — он все играл и учил. Спокойно и тихо состарилась и ушла мама — он тосковал, но находил силы и утешение в любимом деле.

Свою семью создать так и не получилось, и он всецело сосредоточился на студентах. Участвовал в их судьбах. Горел на работе. Жил музыкой.

Особенно выделял он одну юную пару, сложившуюся у него в классе, — оба детдомовские, оба в одном классе в общеобразовательной школе, оба влюблены беззаветно друг в друга и в музыку. Часто засиживались у него дома — то обсуждали что-то, то репетировали.

После окончания школы они попросили его быть свидетелем на их свадьбе. Он улыбался, соглашался и только постоянно советовал, что надо учиться дальше, что они талантливы. Что музыкальная школа — это только первая ступень. Окончили — молодцы! Идите дальше! Не стойте. Пусть не консерватория, хотя бы училище для начала — музыкант тоже должен иметь профессиональное образование.

Однако ребята стремились скорее заработать. Жизнь крутилась. Потом попросили стать крестным отцом их сына. Он тихо радовался и за все благодарил.

Семья сама нашла его — вот оно, счастье! Жили, действительно, как в семье — маленький мальчик называл его дедом, все втроем часто приходили к нему в гости.

Доля музыкантов была нелегка в постсоветском пространстве. Молодые родители при любой возможности старались попасть за границу, чтобы купить что-то, что можно продать на родине и заработать на этом хоть сколько-то в дополнение к зарплате. Сына всегда оставляли на нашего музыканта.

Однажды перед отъездом молодой отец пришел и сказал, что на всякий случай у нотариуса лежит их завещание, в котором опекуном сына они просят назначить его, своего доброго учителя и крестного мальчика, — так, обмолвился, на всякий случай.

Из этой поездки они не вернулись. Наш музыкант пытался разыскивать их всеми возможными на тот момент способами — все напрасно — бесследно исчезли. Смятение и отчаяние сменилось покорностью и решением достойно воспитать крестника и, по сути, внука. Начались, казалось, бесконечные походы по нотариусам, юристам и другим необходимым службам.

Весь город на то время уже был в курсе происходящего. Все сочувствовали. Каждый стремился помочь. Когда эмоции поулеглись, и все формальности были соблюдены, двум одиноким людям ничего не оставалось, как пробовать начать все заново,

но уже вместе. Взаимные старания и участие делали свое дело — новая маленькая семья из двух сильным духом мужчин оправилась от потрясений, насколько это можно было сделать, и зажила своей жизнью.

Так и жили они — душа в душу — дед и внук. Дед все так же учил детей музыке, а внук учился сначала в школе, потом в университете.

Через всю свою жизнь наш музыкант пронес боль и тоску мологжанина по утраченной малой родине. Не отпускала его Молога. Все больше свободного времени посвящал он изучению ее настоящей судьбы, поиску фактов. Внуку передал свое стремление, заинтересовал. Вечерами вместе просиживали в местной библиотеке и архиве в поисках информации, исторических фотографий. Писали запросы в архивы региона — и даже иногда получали искомые ответы. Были среди инициаторов и вдохновителей общественности на создание музея Мологи.

В августе 2014 года наступило маловодье. Из-за этого над водой проступили остатки построек. Потомки мологжан на маленьком теплоходике смогли добраться до этих мест.

Вдохновленные этой поездкой неравнодушные люди приняли решение организовать экспедицию в эти места. Было решено нырять с аквалангами. Данное погружение требовало специальной подготовки. Внук нашего музыканта никогда до этого ничего подобного не делал. Однако уговорил инструктора с военной кафедры университета помочь ему ради благородного дела. Экипировка была найдена. Два пробных погружения состоялись. Он был принят в экспедицию.

В назначенный день катер отбыл в сторону Мологи от Рыбинского причала. Погода выдалась ненастная, воды мутные, много ила в этих местах. Что-то пошло не так. Позднее очевидцы, участники экспедиции говорили, что под водой было слишком темно, передвигаться можно было только на ощупь. Возможно, он зацепился за какое-то ограждение, повредил кислородный аппарат, запутался, запаниковал в силу неопытности, заблудился в затопленных постройках, не смог подняться на поверхность.

Его нашли только на следующий день. И горю старого музыканта не было конца. Мир перевернулся. Точнее, вокруг все просто перестало существовать. Наверное, это и было последней каплей. Каждый человек может вынести только отведенную ему долю испытаний, горя, потерь. Человек не всесилен. Дальше он просто ломается. Он, вроде бы, и продолжает жить, только не живет уже. Не чувствует. Не переживает. Друзья и коллеги не знали, как помочь. Старый учитель бросил работу, забыл про музыку, ушел в себя. Замкнулся в своем горе и одиночестве. Целыми днями бродил по городу. Казалось, что он ни ел, ни спал.

Из бодрого и жизнерадостного учителя «глубоко пенсионного возраста» (как в шутку, любя, называли его студенты) в ту зиму он превратился в дряхлого старика почти восьмидесяти лет от роду, ежедневного волочащегося по набережной в сторону водохранилища и обратно. Он как будто ждал чего-то или кого-то, искал, высматривал на просторах реки.

Каждый раз, доходя до конца набережной, он останавливался и всматривался в даль, молча вопрошая Мологу про себя: «Зачем тебе он-то? В чем же он виноват? За что?! Как мне теперь жить? Для чего?».

В тот вечер он брел уже отточенным маршрутом. Только в голове как-то непривычно не было пустоты и бескрайней боли. В голове играла мелодия. Он никак не мог от нее отделаться — звенящая, радостная, предпраздничная она возникла с утра и, не переставая, вертелась в голове, мешая обычным печальным мыслям.

В полутьме плохо освещенной набережной, недалеко от берега, там, где гранит заканчивался и начиналась Волга, он увидел маленькую полынью. В ней кто-то, испуганно и молча, барахтался.

Зимой в Рыбинске Волга, хоть и широка, все равно замерзает. Город расположен по двум ее берегам. Только местные знают места, где лед особенно прочный. Прочный

настолько, что можно сэкономить полчаса и перебежать по нему на другой берег, а не идти до моста, теряя время. Однако, как и в любом деле, здесь есть люди везучие и не очень. Может случиться и так, что желание сэкономить несколько минут будет стоить жизни незадачливому пешеходу. По всему было видно, что это именно тот случай.

Остальное произошло настолько стремительно, что потом наш музыкант даже не мог вспомнить, как, преодолевая собственную немощь, перебрался через ограждение набережной, как оказался на льду, как пополз и в полутьме протянул руку, сначала схватил что-то мокрое и мягкое, зацепился и притянул к себе, как начал крошиться лед, как добрались до берега и потом несколько минут сидели на граните набережной, мокрые, холодные, на морозе. И окутывала двоих людей дымка, и пар валил изо рта от частого дыхания. А в голове звучала все та же мелодия. Звуки ее нарастали и становились все ярче, все торжественнее. Откуда взялось столько силы и энергии в слабом теле? Как попал он домой и притащил на себе обессиленного паренька? Он не помнил. Да и надо ли? Четко в память обоим врезалось, как сидели на кухне, промерзшие до костей, после обжигающего тела душа, пили горячий чай и говорили, говорили, говорили. Всю ночь наш музыкант рассказывал спасенному им молодому человеку свою историю. Потом достал свой саксофон и заиграл. Заиграл ту самую мелодию, которая весь день не давала ему покоя, которая привела его на набережную, которая твердила, что все будет хорошо...

Через несколько дней, в канун Рождества, старый музыкант появился на площади напротив нашей гостиницы при полном параде и со своим саксофоном. Встал в свете фонаря и начал играть. Торжественно и самозабвенно. Вот уже третий год он здесь. Все зимние каникулы по вечерам он играет, а его слушают. Весь город приходит послушать. Ему в шляпу кладут деньги — в знак благодарности за ощущение праздника и осознание того, что, несмотря ни на что, все будет хорошо. Отыграв, он непременно идет в магазин и покупает сладостей на все деньги, что собрал за вечер (а это немало, уж поверьте!). Ну а на следующий день на центральной площади под елкой всенепременно раздает сладкие подарки детворе...

— Вот такой рассказ получился. Надеюсь, что я смогла передать вам эту историю так, как надо было. Ее я узнала от своего соседа — он-то и был тем юношей, которого наш музыкант спас. Вот такой счастливый, действительно счастливый, для всех случай! Сам музыкант, наверно, больше никому и не рассказывал историю своей жизни так подробно. А тогда просто проведение какое-то, наверно, было. Вот как от одного поступка жизнь перемениться может! Ну а теперь бегите, а то поезд у нас проходящий, стоит всего две минут, ждать вас не будет! В добрый путь!

...Мы уезжали из Рыбинска морозным солнечным днем. Снег слепил глаза. Город был прекрасен в зимнем наряде. Легкая печаль, радость произошедшего и безоговорочное желание вернуться снова — вот что привез каждый из нас из этой поездки.

Каждый город — это в первую очередь люди, и уже только потом музеи, здания, дороги и парки.

Для меня Рыбинск — это тот музыкант, играющий для всех и для каждого в январские холода. Не знаю, все ли в рассказанной нам истории правда, или есть где-то и часть художественного вымысла нашей доброй знакомой. Знаю только то, что музыка эта согревает и наполняет радостью.

После той поездки в Рыбинске я больше и не бывала. Боюсь, что не будет так же хорошо. Все, наверно, изменилось там за эти годы. И особенно боюсь, что настанет вечер, легкие снежинки будут кружить в свете фонарей, а музыки не будет, он больше не придет.

Интересно, приходит ли он туда до сих пор? Выяснить пока не буду. Верю, что приходит!

Аркадий Польшин
(г. Лебедянь Липецкой области)

ПО СТАРИНЕ...

Наш постоянный автор.

Только глупцы никогда не ошибаются.

Сократ

В нашем городе, который называется Лебедянь, очень много интересных мест и исторических фрагментов. Одна история про Тяпку дорогого стоит. А Ильинская церковь?! По преданиям — середина 14 века?!

Все эти исторические факты, предания и байки можно отнести в одну категорию — краеведение. Краеведов в нашем городе достаточно. Я не буду перечислять фамилии, но все эти люди достойные и принципиальные. И потом, если кто-то сомневается, хочу прямо сказать, что краеведение — это занятие не для слабонервных. Порой от точных знаний по тому или иному вопросу и умения пользоваться ими зависит чья-то судьба, а в нашем случае — судьба пусть небольшого, но все-таки региона — древнего города Лебедянь. Об этом веско не я один сказал, но другие люди, жившие на этой территории до меня, а именно — П. Н. Черменский.

В последнее десятилетие в нашем городе были допущены две серьезные ошибки, связанные с историческим прошлым, два ляпа, которые повлияли на лебедянцев негативным образом. И эти судьбоносные решения ответственных людей произошли из-за пренебрежения к истории своего города.

Первый ляп — это закрытие исторического рынка около Ново-Казанского собора, который существовал на этой земле с незапамятных времен. Случилось это событие около десяти лет назад. Это был удар по предпринимательству (среднему и мелкому) страшной силы — дубиной, фигурально выражаясь! Многие люди работали на кредитах и работали полную неделю, в отличие от рынка у реки — рынка выходного дня, куда им предложили переехать.

Все эти люди, по большому счету, были прихожанами Ново-Казанского собора. В этом месте почти всегда было много народа, и люди постоянно заходили в церковь помолиться. Этот ручеек не пересыхал и не прекращался.

После закрытия рынка этот ручеек обмелел и зачах. Закрытие прямо ударило по церкви, которая живет на пожертвования прихожан и на свои средства. Как говорилось выше, люди здесь торговали с древнейших времен, и торговля всегда считалась богоугодным делом. И нахождение ярмарок-рынков у главных соборов небольших русских городов наблюдалось повсеместно со стародавних времен. А кто построил эти городки на территории Липецкой области: Липецк, Елец, Лебедянь, Данков, Раненбург и т.д.? Предприниматели, и купцы, и сами жители этих городков вкладчину. Эти постройки украшают наши места и служат людям до сей поры.

Как строился Ново-Казанский собор у нас в Лебедяни? Он строился не только на средства купцов Игумновых и других, но и на пожертвования местных жителей. Вестимо, была и государственная поддержка в той или иной мере. И вдруг обрывается связь времен, которые мы пытаемся связать, чтобы двигаться вперед на полных парусах.

В книге «Храмы и монастыри Липецкой области», изданной в 2009 г. (авторы: А. И. Гамаюнов, А. Ю. Клоков, А. А. Найденев) на стр. 61 говорится: «Городское общество Лебедяни еще в начале 1820-х приняло решение построить на запроектированной генпланом 1803 г. новой Базарной площади обширный собор с торговыми рядами вокруг. Строительство нового собора в центре этой площади было предусмотрено и генеральным планом 1822 г.». Обратите внимание: «новой Базарной площади». Стало быть, была и старая. Получается, что люди торговали здесь и до 1803 г. В той же книге, на той же странице можно прочитать: «В июле 1827 г. документы были отправлены в МВД, а 18 октября 1827 г. в комитете министров рассматривалось ходатайство генерал-губернатора Балашова о разрешении постройки в Лебедяни нового собора и отводе места под его строительство: «...*Слушана записка управляющего Министерства внутренних дел от 10 октября за № 2000... об отводе места на торговой площади в городе Лебедяни для построения каменной соборной церкви...*». Каменная соборная церковь — это и есть Ново-Казанский собор, постройка которого началась в августе 1828 г.

Решение о закрытии рынка принималось на вышестоящем уровне. Местным властям просто довели до сведения. Безусловно, были оформлены какие-то бумаги. Люди, которые осуществили такой фокус, давно на заслуженном отдыхе и пишут мемуары. А что делают те, которые лишились работы? Они лишь хотели работать, работать под крестом Казанского собора. И этот крест был для них путеводной звездой, надеждой на лучшую долю, объединительным символом, символом веры!

Когда этот вопрос решался, никто из местных краеведов не спрашивал: «А как там было до нас?» Зря! С тех пор в Лебедяни все как-то наперекосяк. Несмотря на то, что город у нас промышленный и богатый, не чета остальным районным столицам, происходят в нем какие-то неурядицы, и наблюдается стабильная нехватка средств в бюджете, как нам говорят. Денег всегда не хватает, но не иметь своей общегородской футбольной команды, играющей на центральном стадионе города, которая являлась бы флагманом лебедянского спорта и примером для молодежи?.. У местного спорткомитета нет финансов на заявку, питание и транспорт для спортсменов... А когда-то, и было это совсем недавно, без футбола не обходился ни один праздник в нашем городе. Лебедянцы всегда любили футбол. Или возьмем другой пример, — знамение свыше, не иначе. В засушливое лето, а в последнее время почти постоянно идут дожди в Черепяни, в Васильевке, в Агрономе, на Вязово и в Теплом с Ольховцем — со всех сторон. А в Лебедяни нет дождя!!! Как объяснить эту закономерность? Быть может, кто-то там, за облаками и звездами, хмурится в нашу сторону?! А сколько руководителей территории у нас сменилось за последние десять лет? Откуда такая текучка? Люди все были как бы достойные и грамотные... Ох, неспроста все это — неспроста!

Ситуация с рынком за прошедшие годы замылилась, но не стерлась... Нарушена связь времен, а это серьезно! И для чего? Откуда возник этот казус? Это объяснялось развитием туризма и сохранением исторического лица города. Возможно, и надо было провести какие-то реформы в этом направлении, сменить собственника, обустроить по-другому и т. д. Но рубить с плеча?! И где те туристы около Ново-Казанского собора и не только? Покажите их! Конечно, на бумаге и в отчетах они присутствуют. Одним словом, полное пренебрежение историческим прошлым! Краеведением!!! Вот текст 1996 года:

ЯРМАРКА

*В Лебедяни на базаре,
В дебрях выгоды и спроса,
Жуковатые цыгане,
Есть славяне из колхоза...
Снова пенится купцами
Бестолковая дорога.
И клубится пирогами.
И сутулится немного.
Есть меха! Есть мед и брага!
Удаль. Сила и отвага!
Здесь под ладные напевки
Пляшут розовые девки.
А над всем горит и тлеет,
Суету презрев и троны,
Крестик, вязаный на шее
Горделивым перезвоном.*

Рис. И. Чемякина — 2010 г.

Теперь, друзья, мы плавно переходим ко второму пункту (ляпу!) неуважения краеведческого наследия в нашем городе. Смех сквозь слезы, да и только! Но токмо не до смеха мне сейчас: душа на волю рвется из-под переломанных ребер. И все это аккумулируется в авторучку. А когда вы прочитаете этот материал, надеюсь, и вам будет не смешно...

На площади Ленина в Лебедяни до 1949 года стояла Христорождественская церковь — краса и гордость нашего города. Построена она была предположительно в 1800 году. Сколько лебедянцев покрестилось, повенчалось и было отпето в этой обители? Великое множество! Опять же при церкви было кладбище, а в ограде, по обычаям предков, хоронили достойных людей. От рождения до смерти — один шаг! Вы представляете, какой был вид со стороны нынешних Черемушек: Христорождественский храм, рядом Старо-Казанский собор, золотые купола, Тяпкина гора... Одним словом — лепота!

И вот в 1949 году лепоте пришел конец: Христорождественская церковь была взорвана (закрыта 1930). Как говорили старики, и не только они, на кирпичи. И кирпичами поживиться, конечно, удалось, но не на столько, на сколько планировали взрыватели. Люди они были, по всей видимости, пришлые и лихие. Дело в том, что в

раствор, который использовался при строительстве храма, по древним технологиям добавляли сырые яйца! Слава Богу, до Старо-Казанского не добрались эти иуды. Желаящие и его сничтожить, конечно, были. Кирпичи, которые удалось отковырять, пошли на строительство (начало 50-х) нашего любимого РДК, что стоит на той же площади.

В 1952 или 53-х годах на месте уничтоженной церкви установили небольшую трибуну и памятник В. И. Ленину. (Материал, по всей видимости, использовался тот же: Христос всем помог!) Ленина, прямо скажем, сделали неказистым, как будто подсмеялся кто-то. В Лебедяни народ шептался: «Вот в Данкове Ильич так Ильич, а у нас...» Типа... царь не настоящий. Но все было по-настоящему. Это была наша жизнь и жизнь наших родителей. Ленин — это символ эпохи, это наша часть бытия.

Мы все ходили к этому памятнику на демонстрации. Многие верили, что в 2000 году мы будем жить при коммунизме, в сказке и все такое. Но что-то пошло не так, и с коммунизмом покончили. Не так пошло не с 90-х, а намного раньше. Теперь это понятно из документов и рассказов очевидцев, в том числе фронтовиков. Это поветрие уже прослеживается в воспоминаниях Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского, если их внимательно почитать. Кстати, и Жуков, и Рокоссовский были верующими людьми, православными. Доказанный факт!

Сейчас, перевалив на седьмой десяток, я задаюсь мыслью: что думали те люди, стоявшие над нами, — на трибуне? Мы, октябрята и пионеры, заглядывали им в рот и свято верили их честным речугам. А вот верили наши учителя в то, что говорили или нет — большой вопрос. Они прекрасно знали историю того места, над которым возвышались, ведь они были намного старше нас: Ленин был поставлен на алтарной плите непосредственно над трибуной. Кем они себя считали: богами, сверхчеловеками-атлантами, обыкновенными клерками, спасителями мира или инопланетянами? Теперь эти люди ходят в церковь (некоторых я знаю лично), пьют святую воду, крестят своих правнуков и т.д. И это нормально! Человек меняется, меняется его мировоззрение, менталитет, идеология. Диалектика!

Мы же, тогдашние чурюканы, не могли знать, что была какая-то церковь, какая-то вера... Были специальные люди, которые за этим вопросом присматривали. Люди эти находились и в школе, и на заводе... Словом, везде! Мы были реально темными людьми в отношении даже не веры, а истории зачатков религии, которая была переплетена, как мы узнали позже, с историей нашей Родины. Если бы Сергей Радонежский не принял бы участия в духовном воспитании будущего Дмитрия Донского и не вздыбил бы Русь-матушку на борьбу с захватчиками, то и Куликова поля не было бы. И где бы мы сейчас были — тоже большой вопрос? Теперь мы четко знаем, что православия на Руси — 1000 лет, а Ленину — 70 годков! Это огромная тема — тема другой статьи.

Так мы потихоньку и выросли: в алтаре всегда было холодное пиво, и этот ассортимент непременно поддерживался, надо полагать, теми же незаметными джентльменами. В алтаре — это в Ново-Казанском соборе. Алтарь был оборудован под пивнушку. Сейчас это воспринимается дикостью, а тогда даже не задумывались. Ух, каковы были специалисты по алтарям: в одном пиво, на другом Ленин! Продумано, нечего сказать! Но у алтарной истории есть продолжение. Краеведческое.

Грянул 2021 год! Нашу старушку-трибунку с вождем на алтарной плите снесли трактором. На нее, лет как тридцать, никто из уважаемых людей нашего города не поднимался. Все мероприятия проходили внизу. Решили реставрировать площадь. УРА, товарищи! Владимира Ильича от алтарной части наконец-то отковыряли (а может и нет) и увезли в неизвестном направлении, а нам водрузили нового. И какого! Нет, право, друзья, отличный памятник! Наконец-то не хуже, чем в Данкове! Но при этом реставраторы-недотепы почему-то изменили памятный ансамбль павшим воинам 1941—45 годов и придвинули Ильича к нашим солдатам, частично заняв их

окоп. Как такое возможно, спросите вы? Но в ответ тишина или мяуканья в интернете о необходимости благоустроить культурный объект по высшему разряду! С соответствующим ценником, само собой!.. Каждого из лебедянцев коснулась та война и меня тоже.

ДВА ДЕДА

*Был я годков на десять:
Поезд, перроны, мосты,
Тихий окоп у леса,
В котором грелись цветы.
Быть может, это поле
Дед мой оттяпал штыком?
Доброе Доброполье,
И слезы за стаканом.
В далеком... сорок третьем,
Где каждый шаг на кадык,
Он дрейфовал к Победе
Сквозь тот чумной материк.
Не бриг пятиэтажный,
Не ветхозаветный Ной
И никакой не герой...
Просто солдат сермяжный.
То Алексей! Данила —
Встречал волну у ворот...
В нем казацкая сила —
Шел... семьдесят третий год.
Уже тогда — мальчишкой —
Крестили меня ножом:
Тож соседский воршика
Меня назвал москалем.
Дед Данила по-детски
Слезу вдруг пустил катком.
Был он шахтер донецкий,
А Алексей был штыком.
Двое! Одна Победа!
И Доброполье одно.
Стой, фашист! И ни метра,
Но метр, увы, не кино.
Наших пушек — барьеры!
Наши ракеты — покой!
Шнелят лесом бандеры
К иудам на водопой.
Напоят они, вскормят
Американским борщом.
Только... заместо корня
В миска тех — кровь снегирем.
Нашим бойцам не в радость —
Долг не короче судьбы:
Сыплет русская ярость
Очередные серпы.
Снова... одна Победа*

*На всех! И цена одна:
За отца и за деда,
За брянского пацана...*

Возможно, время нашей трибушки-ватрушки прошло, но при чем тут СЦЕНА?! На месте старого монумента с вождем вдруг встала во всей красе, как айсберг в океане, сцена. При чем здесь сцена? Какому КУЛЬТОРГУ пришла эта глубокая мысль?.. Ее место правее, с правого торца площади (спиной к больнице) напрашивается само собой: и для акустики... и для обзора, и необходимой удаленности от священных мест, для всего. Спросите любого специалиста. А где же церковь или какое-то обозначение, что она когда-то здесь была?!

В 2012 или 13-х годах на плане города Лебедяни я своими глазами видел, что Ленин рекомендовался к переносу на другое почетное место, а на месте взорванного Христорожественского храма планировался или памятный знак, или часовня! А если помечтать: вырастет тут когда-то новый (по старым чертежам) храм с золотыми куполами-парусами... «Мечты, мечты, где ваша сладость?» — говорил А. С. Пушкин, и, проснувшись до конца, видя, что реальность совсем другая, писал уже другие вещи, от которых у некоторых бюрократов-недотеп нервы сдавали и начинали рваться, и они впопыхах хватались за пистолеты. Так и у нас! Только, господа, давайте без пугачей обойдемся. Вот оно, настоящее краеведение! По старине!

И меня смутно мучает такой пассаж: где были руководители и апологеты православия в нашем районе, когда этот вопрос решался? Видно, их тоже никто не спрашивал?.. На месте, где стоял храм, на месте алтаря, на гробах наших предков и рядом с могилами солдат, презрев память героев борьбы с фашизмом, забабыхали сцену! И это случилось не в 1917 или 1927, или еще когда... Это произошло в 21 веке от Рождества Христова в г. Лебедянь Липецкой области! Как такое могло случиться?

Многие люди в нашем городе в недоумении. Говорим о новой объединяющей идеологии, которая заключает в себе следующие постулаты: взять от каждого времени самое хорошее и двигаться вперед, что основа нашего государства — это вера народов, населяющих нашу страну, наша история, наши доблестная армия и флот и т.д. Что происходит? Все очень просто: дураки и дороги...

С дорогами в нашем городе разобрались и дом для невест построили, и людей наконец-то переселили из ветхого жилья, и еще кучу проблем решили. И это все при новом главе района. Но дураки? Здесь все сложнее и запутанней.

Проект «Сцена» был осуществлен при прежнем рулевом, при прежнем главе района. Почему он так поступил, а здесь другого мнения быть не может (все вопросы решались единолично), есть два варианта. Попытаемся разобраться в каждом по мере возможности.

Человек он был пришлый (с Урала или Сибири), наших исторических фактов не знал и не мог знать. Чтоб узнать историю Лебедяни и понять ее сущность, надо здесь не один пуд соли сгрызть и перечитать наших классиков для начала, так или иначе связанных с Лебедянью: Замятина, Левитова, Чурилина, Тургенева, Булгакова, Куркова и, конечно, Черменского, прежде чем устанавливать свои колядки на центральной площади города. С местными краеведами по этому вопросу никто не разговаривал, а зря! Ни один бы лебедянский краевед не поставил бы свою подпись под документом, разрешающим такую вакханалию. Объяснили бы человеку, что к чему. А документик, надо полагать, какой-то был — на всякий случай. Все как обычно. Гоголь жив!!! Нелепая ошибка и недоработка людей, отвечающих по должности?.. Это был первый вариант.

Кстати, наша добросовестная лебедянская культура и непосредственно РДК многим обязаны Христорожественской церкви. Посудите сами: построен (пусть не полностью) из кирпича, добытого с храма, и сейчас на месте святом имеет возможность

показать себя во всей красе и поупражняться в искусстве все больше фанерном, хотя есть самородки, предпочитающие и живой звук. Наверное, поэтому наши исполнители и музыканты так талантливы? Есть над ними Божий промысел! Фундамент у них чей и откуда?! Все рядом! Можно и руками потрогать... И где вы, ребята?! Ау! Тишина...

Второй вариант: все знал и сделал так, как хотел, чтоб увековечить свою память в нашем городе, свой меркантильный культ личности и свою истинную партийную принадлежность. Покинул он нас не по своей воле и не попрощавшись, как мы все прекрасно знаем. Быть может, он и неплохим пацаном был, и руководителем тоже, но этот вариант увековечивания плана под кодовым названием «Сцена» попахивает форменным сатанизмом, если его рассматривать по второму варианту.

Виноватых, как мы видим, нет и быть не может! Да и не нужно их искать. Время расставит все по местам. Лично я против того, чтобы искать в этом ляпе виноватых. Это просто ошибка, как сказал Сократ в эпитафии к этому труду.

Так давайте вместе исправим эту несуразицу. Исправим всем миром! Я пять раз записывался через секретаря на прием к новому главе района, чтоб поведать эту историю. Меня не приняли: завтра, перезвоните, мы перезвоним и т.д. Я не знаю почему?! Да я и не навязываюсь. Просто за державу обидно, как говорил один хороший человек. И потом, у нас есть патриотическая пресса, куда можно обратиться. И пресса эта не карманная, как говорят либералы всех мастей, а нормальная — регулярная... На худой конец — есть интернет, где есть надежда, что тебя кто-то услышит. Я уверен, что новый руководитель района ничего не знает об операции под названием «Сцена».

Исправить этот перекос можно за несколько дней с минимальными затратами, а именно: передвинуть сцену на положенное ей место — спиной к больнице (и это главный момент), отодвинуть памятник Ленину максимально вправо, восстановить мемориал 1941 — 1945-х годов во всех границах и согласно первоначальному проекту, установить на месте Христовой церкви часовню. После этого провести крестный ход от Ново-Казанского собора до Свято-Троицкого монастыря. По старине!!!

НАСТЯ

*Хватит с нас вил и обрезов,
Всяких лихих командиров.
Будем высокую церковь
Строить обиженным миром.
И будет она такая!!!
Как все вместе взятые банки...
С душой без конца и без края,
С сердцем далекой прабабки.
Досель гуляет в народе,
Лесными тропами бродит
Она и хор богородиц...
Сподобит он нас. Сподобит!
...Сподобил! Вы, лежебоки!
(Спились поборники наши).
И потому до постройки
Я буду здесь атаманшей.*

(из поэмы «Настоящие волки»)
03.03.2023

В старину в конце улицы храмы возводили (в данном случае Христорождественский). Вот она, Христорождественская улица (сейчас ул. Мира). Фото начала 20-века, фото ниже — сам храм.

Христорождественская улица

Христорождественский храм

Монумент погибшим воинам 1941 — 1945г. (первоначальный проект).

Первоначальный вариант памятника (до реконструкции). Высота постамента! Ширина! Травка по территории комплекса. Мрамор! Лепота!!!

Центральная часть композиции до реконструкции. Какой вышины постамент?! Дизайн!

Памятник сделали классный, спору нет. На века! И Ленин в этой истории виноват меньше всех. Даже совсем он ни при чем. Бедный Ильич — подставка за подставой...

Р.С. КРАЕВЕДЕНИЕ — это вам, друзья, не пальцем в небо: только факты. Мой вам совет: ходите чаще в музей и библиотеку, изучайте историю своего города и своего народа. Сами знаете для чего... Для того, чтобы в парусах наших всегда была правда — Победа! Спасибо!

ЛЕНИН

*Читаю опальное — Ленин!
Металлом бьет траурный слог.
Изъеденный ржавчиной гений
С цветами у связанных ног.
В затылок вонзаются копы —
Писаки, как стая ворон.
И белые, белые хлопья
Над морем крикливых знамен.
И будто в насмешку над всеми,
Над царством пороков и лени
Плывет его каменный взор.
Презрев всякий пламенный вздор,
Октябрь выжигает на тени
И белый, и красный узор.*

* * *

*За Борисов, за Глебов
Неба синь пригубил.
Знает русское небо,
Где следы их могил.
И, смотря в грозовую
Красно-белую даль,
Жду я пулю родную,
Жду я вострую сталь.
Словно перед атакой,
Я в пружину сожмусь:
В меня целится шпагой
Бело-красная Русь.
Но не вся ты чужая —
Где-то там, за грозой,
Бродит Дева святая
С васильковой косой.
А за ней миллионы
Безымянных, простых.
И иконы, иконы
С именами живых...*

1991 г.

ХОЧУ, ЧТОБЫ МЫ БЫЛИ ЧЕСТНЫ ПЕРЕД СОБОЙ И ПЕРЕД ИСТОРИЕЙ

Выступление Председателя ЦК КПРФ, Руководителя фракции КПРФ в Госдуме Г. А. Зюганова на пленарном заседании Государственной Думы

— Уважаемые депутаты! Только что мы открыли выставку, посвященную 80-летию снятия блокады Ленинграда. Это было самое большое преступление гитлеровцев, которые окружили город, стремясь обречь его на мучительную гибель. Только на Пискаревском кладбище похоронено почти 600 тысяч человек. Ленинград показал пример мужества, достоинства, героизма, того, как можно сражаться в самых сложных и невероятных условиях.

В эти дни ровно 100 лет назад здесь, рядом, в Колонном зале, прощались с Владимиром Ильичом Лениным. Ленин был первым организатором противодействия международному террору, когда четырнадцать буржуазных стран объявили нам войну и решили удушить советскую республику.

Советская власть в течение двух месяцев мирно, бескровно установилась фактически во всех ста крупных городах. В десятке из них было небольшое сопротивление, но Ленин показал, как надо бороться с террором, с той агрессией, которая обрушилась на нас. Уже через три дня была создана рабоче-крестьянская милиция, еще через несколько дней — Всероссийская чрезвычайная комиссия. И боролась она не только с бандитизмом и террором, но и с беспризорностью и безграмотностью.

Ленин показал, как надо создавать Красную Армию, которая в итоге расколотила отборные полчища всех буржуазных стран. Мы обязаны учиться у Ильича тому, как можно спасти государственность в чрезвычайных условиях.

Сталин продолжил этот уникальный опыт. В 1925 году он прочитал гитлеровскую работу «Майн Кампф», где целые народы и государства были приговорены к смерти, а советская страна — к полному уничтожению. Москва и Ленинград должны были быть уничтожены как центры славянского мира и новой советской власти. Сталин ясно понимал, с каким страшным противником нам предстоит столкнуться. И призвал страну ударно трудиться, учиться. Он сумел создать тот военно-стратегический щит, который обеспечил нам безопасность.

После Великой Отечественной войны мы вместе с англосаксами судили фашистских главарей, которые были главными террористами и бандитами на планете. Их повесили, что было сделано абсолютно правильно.

Сегодня каждый день показывают Зеленского — эту кровавую игрушку в руках американских фашистов, сколотивших третью Антанту, не сделавших никакого вывода из поражения двух предыдущих. Они полагают, что в этот раз англосаксам все-

таки удастся победить Русский мир. Но я абсолютно уверен, что они потерпят сокрушительное поражение. Наши солдаты и офицеры достойно сражаются и уже перемололи весь натовский арсенал, который был накоплен в Европе. Южная Корея, которая поставляет снаряды, вряд ли им поможет.

Но есть и другой важнейший вопрос. Сейчас, в дни столетия со дня смерти В. И. Ленина, его памяти поклонилась вся страна. Мы пришли на Красную площадь, побывали в музеях, рассказали детям о великих победах. Но я, честно говоря, был поражен, что за 20—30 лет некоторые средства массовой информации и журналисты не сделали элементарных выводов. И даже не хотят слышать президента, который обнародовал формулу победы в борьбе с террористами и бандитами. Ведь он призвал: давайте отмобилизуем все силы, сплотим общество, освоим новейшие технологии!

Но как можно спланировать общество, когда выходит талантливый журналист и начинает небрежно рассуждать о Ленине? Когда непонятно что печатают об этом выдающемся человеке в газетах? Когда сенатор начинает рассказывать о якобы бесконечных болезнях Ленина? Говорить нужно о нынешней болезни беспамятства. О непонимании ситуации и неумении делать выводы, которые сегодня крайне необходимы.

Как мы будем побеждать ангосаксов в той войне, которую они нам объявили? За 200 лет менялось все, даже погода, но их стратегия не изменилась абсолютно. Первое — это экспансия, и второе — провокации.

Эти провокации, которые катятся и по Белгороду, и по Донецку, будут продолжаться. И если мы не поймем окончательно, что в условиях выборов этой сволочи ничего не останется, кроме как совершать провокации и теракты, мы не сможем это противостоять. Какие бы грозные заявления ни принимали.

Смысл провокаций американцев давно и хорошо описан. И мы прекрасно знаем, как надо их предотвращать. Еще никто ни разу в жизни не победил терроризм за счет громких заявлений и бумажек. Путин показал пример того, как можно с этим бороться на Северном Кавказе. И сейчас мы должны максимально использовать весь опыт, который накопила наша страна, для того чтобы побеждать!

У Советской страны такой опыт был просто уникальным! Начиная от разгрома первой и второй Антанты, борьбы с басмачеством, бандитизмом и «лесными братьями». Изданы два тома материалов о том, как наши чекисты боролись с бандеровцами.

Кто видел фильм «Дело "Пестрых"», тот знает, что в 1956 году мы задавили в Москве последнюю организованную банду. И с тех пор, до прихода банды Ельцина и Горбачева, организованной преступности у нас в стране не было.

Если вы собираетесь побеждать, надо внимательно изучить опыт того же Рузвельта. Когда ему доложили о росте преступности в Чикаго, он спросил: кто из вас пойдет свидетелем на суде? Тогда все под лавку залезли. И Рузвельт заявил: я беру на себя ответственность! Создадим два спецподразделения, и когда бандиты схватятся, пленных приказываю не брать! Отстреляли всех за два месяца. Потом он собрал все жулье и ворье и сказал: мне некогда с вами разбираться! Я вам проведу дорогу и построю станцию. И так возник Лас-Вегас, куда они отвезли свои капиталы. А потом он собрал всех американских олигархов и сказал: отдадите мне половину средств, чтобы я откупился от бедных и восстановил страну. И все заплатили. А наши олигархи даже во время войны не хотят платить нормальные налоги! Этот вопрос вполне можно решить. Но для этого нужно проявить волю и учесть наш уникальный опыт.

И в этой связи уроки холодной войны мы должны учитывать максимально. Ведь по Советской стране в первую очередь били три орудия противника — ложь, русофобия и антисоветизм. Они и сейчас работают в интересах наших недругов. А некоторые журналисты подыгрывают этой сволочи, хотя каждый должен поклониться Ленину за то, что он сохранил нашу государственность и высокую духовность!

Я вам процитирую тех, кто жил в одно время с Лениным, кто является цветом и

гордостью мировой политики, науки и культуры, кто основывал новый мир, кто создавал великие государства. Циолковский, выдающийся теоретик космонавтики, говорил: «Среди гениальных Ленин самый великий». Эйнштейн, один из величайших умов человечества, подчеркивал: «Такие люди, как Ленин, обновляют совесть человечества». Махатма Ганди и Хо Ши Мин — основатель современной Индии и первый президент Вьетнама — настаивали: «Это наш учитель, и мы будем следовать его курсом». Сунь Ятсен, один из тех, кто заложил основы китайской Компартии и независимого Китая, являющихся нашими соратниками, заявил: «Остальные говорили, а ты показал пример, ты создал новую страну, ты указал нам путь». И этим путем следует сегодня товарищ Си Цзиньпин, который 42 раза встречался с нашим президентом.

Бернард Шоу, крупнейший европейский драматург своего времени, уже в преклонном возрасте сказал: «Если опыт, который предпринял Ленин, — опыт социализма — не удастся, то современная цивилизация погибнет. Если другие последуют методам Ленина, то перед нами откроется новая эра, нам не будет грозить крушение и гибель, для нас начнется новая история. Если будущее с Лениным, то мы все можем этому радоваться. Если же мир пойдет старой тропой, то мне придется с грустью покинуть эту землю». Почитайте этих великих людей!

Наконец, вспомните Иммануила Валлерстайна, одного из крупнейших ученых-марксистов нашего времени, который ушел из жизни пять лет назад. Я изучал его системный подход, когда готовил книгу «Глобализация и судьба человечества». Он как научное завещание провозгласил: в ближайшие 20—30 лет вновь настанет эпоха Ленина, весь мир станет его изучать и следовать ему.

Вот как оценивают Ленина выдающиеся мыслители!

Недавно меня пытались ужалить в эфире тем, что он, якобы, боролся с религией. Но откройте его программу 1903 года — первую программу российской социал-демократии! В ней сказано: вера — дело совести каждого, не мешайте, не вмешивайтесь. Патриарх Тихон после кончины Ленина заявил: «Мы провожаем освободителя от великого насилия и великого гнета».

Так что я хочу, чтобы мы были честны перед собой, перед историей. И тогда мы обязательно победим любого врага и любой террор!

23 января 2024 г.

Алла Новикова-Строганова
(г. Орел)

РУССКИЙ СВЯТОЧНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

Наш постоянный автор, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Русские Святки — череда зимних праздников от Рождества Христова до Крещения Господня — художественно воплотились в святочной литературе — особого рода поэзии и прозе. После дивной повести Н. В. Гоголя **«Ночь перед Рождеством»** (1831) святочная словесность получила второе рождение в творчестве Н. С. Лескова. Писатель справедливо отмечал: «У нас не было хороших рождественских рассказов с Гоголя до “Зап.<ечатленного>Ангела”. С “Запеч<атленного> Ангела” они опять пошли в моду»*.

Таким образом, в последней трети XIX века стала возрождаться и развиваться традиция своеобразного святочного пласта русской литературы. Жанр святочного рассказа получил громадное распространение и пользовался неизменной популярностью у самых широких слоев читающей публики. Лучшие образцы жанра были созданы великими русскими художниками слова — Гоголем, Лесковым, Достоевским, Салтыковым-Щедриным, Чеховым, Короленко. С развитием периодики, появлением множества новых печатных изданий разрасталась и так называемая массовая святочная беллетристика. Ежегодно все российские газеты и журналы помещали обилие святочных материалов — пестрый рождественско-новогодний калейдоскоп.

Например, ежедневная газета А. С. Суворина **«Новое время»**, в которой долгое время сотрудничал Лесков, включала в неизменный набор святочных тем объявления о новогодних выставках, сообщения о елках и маскарадах, заметки этнографического характера о праздновании Святки у разных народов, стихотворения и рисунки на рождественскую тему и непременно два — три святочных рассказа.

На страницах «Нового времени» впервые увидел свет **«Белый орел. Святочный рассказ»** (1880) — одно из самых загадочных произведений Лескова. Здесь же в 1882 году был опубликован лесковский рассказ-курьез **«Рождественская ночь в вагоне (Путешествие с нигилистом)»**, оказавший влияние на художественные поиски А.П. Чехова — в те годы молодого сотрудника журналов **«Осколки»** и **«Зритель»**.

Представляют интерес святочные выпуски журнала **«Зритель»** 1883 года, почти целиком заполненные святочными *«вещицами»* Чехова. Среди этих миниатюр забавная зарисовка из мещанского быта **«Мошенники поневоле»**, которую автор снабдил иронически-выразительным подзаголовком *«новогодняя побрехушка»*; новогодний *«психологический этюд»* **«Пережитое»**; *«подновогодние картинки»* **«Гадальщики и гадальщицы»** («Зритель», 1883, № 1); святочный *«фантастический рассказ»* **«Кривое зеркало»**, *«юмореска»* **«Ряженые»** («Зритель», 1883, № 2). Уже одни подзаго-

* Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956—1958. — Т. XI. — С. 406.

ловки демонстрируют неистощимую жанровую изобретательность молодого автора, его стремление разнообразить привычный и, возможно, приевшийся читателю канонический святочный рассказ. Новаторское творчество Чехова в традиционном жанре, так же, как и Лескова, — в ряду немногих счастливых исключений.

Как уже было отмечено, святочная словесность в ее газетно-журнальном варианте ставилась на поток, повторяла из года в год один и тот же набор отработанных тем. Обычно журнальный год характеризовался типичным сезонно-бытовым круговоротом: «журнал приспособливает свою тематику к сезонам, к временам года, к большому религиозно-бытовому праздникам и к некоторым типичным бытовым явлениям <...> Таковы темы: осень со свадьбами, с началом театрального сезона <...>; зима со Святками, Новым годом, тем же театральным сезоном, Великим постом и масленицей; затем весна с Пасхой и, наконец, лето с дачами, жениховством, “дачными мужьями” и всякими злоключениями»*.

Святочные номера массовых журналов полностью приспособляются к календарному заданию. Они полны обрядовых и кулинарных тем: «Юмористически препарированный здесь соблазнительно блещет рождественский гусь с поросенком во товарищах, размашисто гуляют ряженые, и неистребимо, еще с пушкинских времен, процветают девичьи гадания»**.

Одним из авторов, не без удовольствия разрабатывавших гастрономическую праздничную тему, был редактор журнала «**Осколки**» Н. А. Лейкин. В его рассказах во всех подробностях смакуются кулинарные особенности рождественского стола, живописуется праздничный натюрморт: «Рождественский Сочельник. Мясики царствуют <...> Герой дня — пудовый окорок ветчины <...> Умиляющий душу предмет — младенец свинячьего рода — поросенок»*** и т. п. От этой «вкусной» картинки веет дурновкусием, каким-то вымученным юмором нехорошего тона. Прав был литературный критик Н. Ладожский (В. К. Петерсен), когда, сопоставляя молодого Чехова и Лейкина, определил юмор последнего как «однообразно-шаблонный»****.

Нередко в «иронически-продовольственных» заметках «**Осколков**» проскальзывали намеки социального характера: «что всего более вызвало удивления, так это мороженые бараны, у которых замечено особое строение черепов, вполне тождественное со строением черепов многих представителей нашей золоченой молодежи»*****. Рубрика «**Осколочки**» сообщала: «К предстоящим рождественским праздникам многие бедные обыватели занялись усиленной охотой на воробьев, из которых в лавках делают рябчиков»*****.

Встречается в «**Осколках**» и нечто подобное современным комиксам — серии забавных рисованных сюжетов на святочную тему и подписей к ним: «**Праздник в провинции**», «**Праздничная страничка**», «**Праздничная панорама**». Чаще всего это буффонада, игра, профанация праздника.

Так, например, одна из нарисованных сценок изображает обычное рождественское застолье с необычным блюдом: вместо традиционного жареного гуся — гусь бутафорский. Недоумевающему гостю поясняют: «знаете, на Рождестве без гуся, как и без праздника <...>, а поешь — желудок испортишь... Так вот мы и придумали бутафорского гуся на стол подавать: и гусь есть, и в то же время желудка не расстроишь»*****.

* Мышковская Л. М. Чехов и юмористические журналы 80-х годов. — М.: Моск. рабочий, 1929. — С. 52.

** Там же. — С. 55.

*** Лейкин Н. А. Рождественские рассказы. — СПб., 1901. — С. 10.

**** См.: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — М.: Наука, 1974 — 1988. — Соч. — Т. 2. — С. 475. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

***** Урсус. Подвоз мороженых продуктов // Осколки. — 1895. — 9 декабря. — № 50. — С. 6.

***** Свифт. Петербургское эхо // Осколки. — 1895. — 23 декабря. — № 52. — С. 5.

***** Там же. — С. 2.

К «меню» из области «смешной гастрономии» добавлялось следующее непременно на страницах юмористической прессы «блюдо». Как приправа к «*вкусенькому*» подавалось «*страшенькое*». Это рассказы о «разных непонятных, странных и необъяснимых случаях, которые легко могут быть признаны за так называемые сверхъестественные, где ожидается или предполагается действие над нашей жизнью высших нематериальных сил»*, — так писал И. Богучаров в рассказе «**Фаина**», который может послужить образчиком этой разновидности святочного жанра. Такого же рода произведения соседствуют с «**Фаинной**» в рождественском номере газеты «**Новое время**» от 25 декабря 1880-го года: «**Странный случай**» за подписью «Вячеслав»; «**На жизнь и смерть. Рождественская загадка**» А. Бобровского — почти детективная история-головоломка с таинственной пропажей браслета, видениями и галлюцинациями, перемешанными с реальностью. В этом же ряду «**Видение Ермолова. Отрывок**» А. В. Фигнера с оправданием «дивного предсказания» событий всей жизни, которое сделал генералу Ермолову в Италии «таинственный незнакомец». По тематике этот «отрывок» сходен с «историческими святочными рассказами». Таков рассказ Н. П. Вагнера «**Любка**», опубликованный в том же «**Новом времени**» два года спустя под псевдонимом Кот-Мурлыка, а также более поздний рассказ Г. Т. Полилова «**Видение в Эрмитажном замке**», которые еще интересны бытовыми зарисовками жизни знати и придворного круга XVIII столетия. В рождественский Сочельник героями всех этих рассказов являются выходцы с того света, чтобы «открыть неведомое, ту сумрачную даль будущего, проникнуть взорами в которую так стремятся, хотя и бесплодно, все смертные»**.

Параллельно возникает множество пародий и литературных насмешек над «страшными» святочными рассказами. Серия «комиксов» на обложке «**Осколков**» носит название «**Святочные рассказы**». На одном из рисунков показана спальня. На прикроватном столике газета с крупным заголовком «**Святочный рассказ**». Дама в negligee со свечой в руке заглядывает под кровать: «— Нет, положительно, у меня кто-то под кроватью все шевелится. Так начиталась страшных святочных рассказов в газетах, что, наверное, теперь не заснуть всю ночь!..»***

Автор «**Осколков**» под псевдонимом Дон Базилио в рубрике «**Праздничные осколочки**» так изображает «праздничного рассказчика»:

«— Ну что, Уточкин, написал святочный рассказ?

— Написал.

— Страшный?

— Да такой, брат, страшный, что если дама в интересном положении читать его начнет, так тут же, за рассказом, и разрешится»****.

Псевдоним Do-re-mi-sol поместил в «**Осколках**» стихотворную пародию на «страшный» святочный рассказ — «**Привиденья**» — на тему амурных дел в мире призраков*****.

Одна из неизменных тем на Святки — о «визитной повинности» в предпраздничные дни — в стихотворении «**Визитер**»:

*Визиты, визиты,
В течение дня!..
Извозчик, вези ты
На Мойку меня!*

* Богучаров И. Фаина // Новое время.— 1880.— № 1735.— 25 декабря.— С. 2—4.

** Полилов Г. Т. Видение в Эрмитажном замке // Нива.— 1909.— № 51.— С. 900—903.

*** Осколки.— 1895.— № 52.— 23 декабря.

**** Дон Базилио. Праздничный рассказчик // Там же.— С. 6.

***** Do-re-mi-sol. Привиденья // Там же.— С. 5.

*С любезною миной,
Облекшись во фрак,
В сто первой гостиной
Сижу, как дурак.*

*Запас комплиментов
Рассыпать успел
И на сто процентов
Я в день поглупел!**

А вот на ту же тему «**Старая история... на новый лад**»:

«— Извозчик!

— Куда прикажете?

— <...> Что за черт! До того умаялся с визитами, что даже позабыл, где сам живу!.. Вези меня в адресный стол, там справлюсь...»**

Герой рассказа Лейкина «**В департаменте**» мелкий чиновник с фамилией-визиткой Каракулев, замотавшись в предпраздничной суете, по ошибке отнес директору департамента вместо требуемых документов составленный женой список продовольственных покупок.

Объектом высмеивания в рассказе Лейкина «**В Рождество**» становится богатый купец Оголовков, который по традиции должен потчевать гостей-поздравителей, однако каждому выговаривает, сколько стоит вся заготовленная им снедь: «Рубль во семь гривен икра-то эта <...> Не вас, по-настоящему, и кормить икрой-то этой. Ведь вы все равно не прочувствуете»***.

Эти и подобные им рассказы Лейкина представляют собой маленькие бытовые сценки, зарисовки с натуры. Такова была его писательская позиция: «Острый глаз Лейкина много подмечал в окружающей действительности, но из сценок изгонялись воображение, фантазия, лиризм — все то, что могло превратить картинку с натуры в произведения искусства»****.

То, что главный редактор «**Осколков**» ограничивал себя копированием жизни в юмористическом духе и не более, особенно заметно на фоне творчества молодого автора его журнала Чехова. С проницательностью опытного редактора Лейкин сразу же высоко оценил своего талантливого сотрудника, сознавая, что своим успехом у читателей «**Осколки**» во многом обязаны Антоше Чехонте. «Что Вам робеть? Вы писатель опытный и уже давно набили руку, — писал Лейкин двадцатитрехлетнему Чехову. — У Вас литературное чутье»*****.

Так, например, веселое зубоскальство на тему визитов и поздравлений под пером Антоши Чехонте в его «*святочных вещицах*» о забитом чиновнике «**Пережитое**», «**Либерал**», «**Восклицательный знак**» и др. превращалось в глубокое исследование жизни — социальное и психологическое.

Неслучайно своему рассказу «**Пережитое**» в новогоднем номере «**Зрителя**» за 1883 год молодой писатель дает подзаголовок «психологический этюд». Чиновники подобострастно столпились в приемной начальника, чтобы угодливо засвидетельствовать свое почтение в поздравительном листе. Рассказчик не узнает подписей своих сослуживцев: «Не переменили ли эти господа свои почерки?» Но нет, они только боятся проявить «недопустимое вольнодумство», «неуважение, так сказать»: «О лицемерие! О, двуличие! Где вы, росчерки, подчерки, закорючки и хвостики? Все буквы ровненькие, кругленькие, гладенькие» (С 1, 468).

* Do-re-mi-sol. Визитер // Осколки. — 1895. — № 1. — 1 января. — С. 5.

** И. Грэк. Старая история... на новый лад // Там же.

*** Лейкин Н. А. Рождественские рассказы. — СПб., 1901. — С. 70.

**** Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. — М.: МГУ, 1989. — С. 22.

***** Цит. по: Мышковская Л. М. Указ. соч. — С. 9.

И тот, кто стремился «выдавливаться из себя по капле раба», вдруг заражается массовым вирусом раболепного страха и подхалимства: «Я осторожно умокнул перо в чернильницу, неизвестно чего ради сконфузился, притаил дыхание и осторожно начертил свою фамилию» (С 1, 468).

Для столь выразительного психологического рисунка боязливого поведения, самоуничтожения есть основания. Размашистая или неаккуратная подпись может быть принята вышестоящим чиновником за неуважение к его особе, за отсутствие должного чинопочитания и даже за вольнодумство. И тогда — конец карьере; прощай, служба!

Рассказчик слышит у самого уха зловещий шепот: «Хочешь я тебя погублю? <...> Возьму около твоей фамилии поставлю закорючку. Росчерк сделаю <...> Или капну чернилами около твоей подписи. Кляксу сделаю. Хочешь? <...> Пошутит... А все-таки могу... Помни...» (С 1, 468—469).

Как всегда у Чехова, юмор смешивается с грустью от несовершенства «социальной» жизни: «Как мало нужно для того, чтобы скосырнуть человека!» (С 1, 469)

В универсальном мотиве новогоднего времени могут звучать социальные ноты, и, как один из вариантов, обыгрывается тема чиновничьей службы. Старый Год выглядит смущенным дряхлым подчиненным, не выполнившим своих обязательств, не справившимся со служебными заданиями и обязанностями, на своем последнем, предсмертном докладе перед молодым энергичным начальником:

*Ночь была. На звездном небе
Лунный серп катился сиром;
Старый Год стоял с портфелем
Возле врат отверстых мира.
<...>*

*Вдруг куранты заиграли.
Грянул выстрел с бастиона,
Новый Год — красивый отрок
Спешино вышел из вагона.*

*Устремясь к нему навстречу,
Старичок прошамкал скучно:
«Ваша милость, все на свете
Обстоит благополучно».*

*Глухо кашлянул два раза,
Постоял в смущенной позе
И серебряною пылью
Мигом сгинул на морозе*.*

Так, еще одна популярная тема Святков, благополучно дожившая до наших дней в детских рассказах и новогодних открытках, — антропоморфное изображение Старого и Нового года. По традиции, уходящий год — глубокий старик, Дед Мороз, передающий правление миром мальчику-внуку. Однако философское пушкинское начало — светлое и без капли горечи:

*Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас! —*

* И. Марс . Сдача // Там же.— С. 3.

берет верх далеко не всегда. Все чаще звучат мотивы грусти, тоски, несбывшихся надежд, отсутствие упований. Старый год оставляет после себя одни разочарования, Новый — сулит несбыточные надежды.

В стихотворении «**Встреча**» за подписью В. Шуф показано свидание необычных любовников — Нового года и Надежды. Но возлюбленный здесь — это обманщик-соблазнитель:

*<...> Сердцу верится, как прежде...
Но, как Старый, в свой черед
Новый год солжет Надежде,
И обманет, и уйдет*.*

Поэтому неудивительно, что в юмористической периодике конца XIX века и Старый, и Новый годы выставляются обвиняемыми, подсудимыми. В юморесках часто используется юридическая терминология. Например, «Три документа о 1883 годе: I. Обвинительный акт. II. Гражданский иск. III. Приговор суда истории»**.

В том же ключе Чехов составил «**Завещание старого, 1883 года**» и «**Контракт 1884 года с человечеством**»: «Тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года, января 1 дня, мы, нижеподписавшиеся, Человечество, с одной стороны, и Новый 1884 год — с другой, заключили между собой договор, по которому:

1). Я, Человечество, обязуюсь встретить и проводить Новый, 1884 год с шампанским, визитами, скандалами и протоколами.

2). Обязуюсь назвать его именем все имеющиеся на Земном шаре календари.

3). Обязуюсь возлагать на него великие надежды.

4). Я, Новый, 1884 год, обязуюсь не оправдать этих надежд <...>

Нотариус: Человек без селезенки. М.П.» (С 2, 306).

Уходящий год может изображаться тяжело больным умирающим старцем, и тогда появляются юморески с преобладанием медицинских терминов. Вот как выглядит «больничный» «**Скорбный лист старого года**»:

«Время поступления больного? 1 января 1894 года.

Откуда прибыл? Из тьмы времен.

Болезнь? Прострация.

Лекарства? Благие намерения и благие порывы.

Были ли операции? Было несколько очень крупных финансовых.

Срок болезни? 365 дней.

Выписался или умер? Умер скоропостижно от разрыва терпения.

Верно: Урсус»***

Подобный взгляд на будущее в преддверии Нового года высказывал молодой Чехов: «Все старо, все надоело и ждать нечего <...> Канальи останутся канальями, барышники останутся барышниками. Кто брал взятки, тот и в этом году не будет против благодарности...»****

И все же для Чехова Святки оставались «поэтическим праздником», «самым красивым временем года» (П 3, 102). Многие чеховские святочные рассказы, как и произведения других великих русских писателей, будили ум и сердце читателей, становились превосходным душеполезным чтением не только на Святки, но в любое время года.

* Шуф В. Встреча // Осколки.— 1895.— № 1.— 1 января.— С. 4.

** Осколки.— 1884.— 7 января.— № 1.— С. 6.

*** Осколки.— 1895.— 1 января.— № 1.— С. 6.

**** Осколки.— 1884.— № 1.

Людмила Брагина
(г. Белгород)

11 ОКТЯБРЯ
Литературно-критические заметки

Людмила Петровна Брагина родилась в Белгороде, окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Создатель и бессменный руководитель (с 1997 г.) молодежной литературной студии «Младость». Автор четырех поэтических книг, сборника песен, многочисленных коллективных сборников. Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат ряда литературных премий. Публиковалась во многих журналах.

«Конечно, по ней не скажешь, что она ждет рыцаря. Да она и не ждала пассивно — искала. Искала, но все-таки рыцаря, а не хрена с горы».

Начало рассказа Романа Сенчина «Гоу датч» отбрасывает нас напрямик в затертую в веках эпоху классического средневековья. Давно что-то современные читатели, и даже читательницы, про рыцарей не вспоминали, пожалуй, с шестого класса, наверно. Не мешало бы освежить, в чем различие «все-таки рыцаря» от того другого.

Впрочем, до современной формы слова реальные исторические рыцари за несколько столетий претерпели громадную эволюцию, и сравнивать их, как теплое с мягким, нецелесообразно. Если уж европейские монархи мылись только при рождении и в день свадьбы, то что говорить про военных людей, которые большую часть жизни проводили в походах, находясь в доспехах круглые сутки. Ни в барбершоп, ни к стоматологу не вырвешься, разве иногда в «славный дом», но об этом позже.

Итак, рыцарь: почти беззубый, с лицом, изрытым оспой, как шрапнелью, заросший и бородатый, плюсом блохастый и вшивый, со средним ростом 160 см, смог все же заинтересовать современную молодую женщину. Чем? Явно не красотой. Готовностью помогать по домашнему хозяйству? Это вряд ли. Остается что — знатностью и благородством.

Культ прекрасной дамы, восходящий к поклонению Богородице, позже стал чем-то вроде модной мужской игры, имевшей свои правила. Основной закон рыцаря, составленный, между прочим, поэтом Овидием, — Кодекс чести — предписывал ему выбрать Даму сердца и служить ей. Как правило, знатной, замужней, желательнее за рыцарем выше рангом, а еще лучше быть женой сеньора. Изредка некоторые рыцари-беспредельщики могли отбить у сюзерена особо понравившуюся даму, но переход ее из объекта поклонения в субъект вожеления был не сильно выгоден, так, шило на мыло. Поэтому традиционно рыцари тешили плоть в «славных домах» с блудницами. «Небесной» и недоступной Даме рыцарь посвящал свои подвиги и победы на турнирах и битвах. А она, в свою очередь, могла на него бросить ласковый взгляд, а то и платок, за особо опасные раздракоченные мельницы.

Однако, сам он тоже мог быть женат. И отнюдь не на своем идеале красоты и непорочности. К жене и остальным особям женского пола рыцари относились как к несовершенным и ничтожным созданиям, земным воплощениям дьявола: «Женщи-

на есть смущение мужчины, ненасытное животное, постоянное беспокойство, непрерывная борьба, повседневный ущерб, буря в доме, препятствие к исполнению обязанностей. Нужно избегать женщину, во-первых, потому, что она запутывает мужчину, во-вторых, потому, что она оскверняет его, в-третьих, потому, что она лишает его имущества».

Все. Это минимум, который нам нужно было вспомнить и продолжить чтение. Так насколько права средневековая мораль и как же выглядит современная главная героиня, находящаяся в обидном статусе «сено к лошади не ходит»?

«Пока еще стройная, хотя и крупноватая, совсем уже не девочка в свои почти тридцать два, впрочем, и не тетка».

«Поиски (рыцаря) не проходили бесследно — родилось двое детей, в паспорте стояло шесть штампов: три о заключении брака и три о расторжении, причем два последних не поместились на положенных страницах, где «Семейное положение», и их поставили на странице, предназначенной для записей о детях...»

Ну что же вы на меня смотрите, товарищ рыцарь, как солдат на вошь? Обалдели от счастья? Да и как не быть сумрачным и бледным бедному рыцарю! Почти тридцать два, это не почти тринадцать, а кому приятно обнаружить на брачном ложе вместо Джульетты ее мать? Но поскольку нынешние люди живут дольше, сделаем поправку на повышение пенсионного возраста, которое автор рассказа провидчески предсказал еще в 2015 году.

Сюжет простой, как анекдот. Встретились поужинать два разнополых москвича. Предположительно 11 октября.

«Деловая женщина по имени Анна, в правильной одежде, с правильной сумочкой, на правильном автомобиле, при правильной работе. Квартира своя в относительном центре столицы, дача в Малаховке», держащая в голове и примеряющая на всех мужчин образ рыцаря, и «высокий, мускулистый, с мужественным лицом и манерами аристократа Илья». Он хоть несколько лет и прожил за границей, и высокую должность в крупной компании занимает, но ни сном, ни нюхом про это ее намерение и сам процесс не подозревает.

А дальше, как в пословице «пили, ели, веселились, посчитали прослезались». Сакраментальная кульминация: Минуточку! За чей счет этот банкет? Кто оплачивать будет?

Оба обеспечены даже по московским меркам. Простодушный читатель из провинции, удаленной от «*относительного центра столицы*» на тысячи и тысячи километров, присвистнет и затылок почешет: что не так-то? Кто заказывал, тот и платит. Любого официанта спросите. Или все же наоборот? Кто девушку ужинает, тот ее и танцует?

«В первом же переулке Ипполит Матвеевич навалился на Лизу плечом и стал хватать ее руками. Лиза молча отдиралась.

— Слушайте! — говорила она. — Слушайте! Слушайте!

— Поедем в номера! — убеждал Воробьянинов».

После сосисок и огурцов горячий предводитель дворянства возжелал утех любви, и ему, на минуточку, 52 года и он революцию пережил. А тридцатисемилетний понторез Илья, начав раскрутку с ростбифа с кровью и зрелых сыров, стал заболачивать Анне мозги «*специфичностью русского бизнеса*» и мутить душу достоевщиной. Вечер, так и не став томным, заканчивается обменом взглядами и обоюдным пониманием, «*что партнер не против продолжить общение дальше, не здесь...*»

Хай гайс! Хеппи-энд.

Но все испортил проклятый денежный вопрос. Анне вдруг, так по-женски, захотелось «*чтоб и любил, и заботился, и был, как скала*». Но ведь надо было слушать внимательно! Общие знакомые, да и сам господин автор предупреждали — «*истинный англосакс*». Ей тогда почему-то казалось, что они «*отзывались о нем очень хо-*

рошо». Хотя еще Марк Твен называл англосаксов позором человечества, а действующие российские официальные лица предпочитают использовать слово «англосаксы» для обозначения главных врагов «русского мира».

Да и не о любви вся эта история. Больше о дегустации, но не редких напитков, хотя об этом тоже есть. В ресторане, пригубив немного матово-бордовой жидкости, Анна, как опытный сомелье, сразу определила: *«Вино было терпкое, но сразу чувствовалось, что эта терпкость порождена природой и умелым хранением, а не добавками-стимуляторами»*. А это значит, что пригласил ее Илья не в какой-то зашкварный кабац, а в правильный ресторан. Под сумочку подходит. И вино тут правильное: диоксид серы, ешки всякие разрешенные были, а всей этой амфетаминово-оксибутиратовой мерзости нет, хотя в это время вечера и для такого случая...

Но все же главное «блюдо» по жизни героини другое: *«Перепробованные мужчины в памяти Анны представляли собой красновато-серую, едко пахнущую массу. Там в единый ком слиплись два сорта представителей противоположного пола: слизи и животные»*.

Тут прямо хоть пиши Томасу Харрису и спрашивай: были ли у Ганнибала Лектора дети женского пола? Наверняка же передается генетически эта гастрономическая «особенность».

В начале 90-х некоторые издательства ставили перед авторами план: по три трупа на страницу. И бывшие филологи, журналисты, а то и вовсе беспартийные, резали, жгли, вешали, что твоя святая инквизиция, кровяца с книжных прилавков рекой текла. Но времена меняются, нравы смягчаются, «рука бойцов колоть устала и ядрам пролетать мешала гора кровавых тел», подросли новые читатели.

Думается, что смысл, цель и великую миссию этого небольшого рассказа сформулировал Станислав Ежи Лец *«Просвещайте своих детей сексуально, чтобы их потом не изгнали из рая»*. Но вызывает искреннее недоумение: почему Роман Сенчин не пишет о том, что ему знакомо, прочувствовано и близко по природе. Женская логика, душа и сексуальность непостижимы в принципе, особенно, когда за это берется мужчина невнимательный, нечуткий и руководствующийся абстрактными умозаключениями.

«Со слизнями было приятно время от времени посидеть в кофейне, поболтать, посплетничать. Можно иногда и сексом позаниматься, чтоб такой представитель поласкал там, где животное никогда не согласится — типа, «отлизывать западло, если что — на тюрьме зачмырят». Но долго рядом с собой слизней Анна не выносила; после секса или выпроваживала из квартиры, или, если была у них, уезжала сама...»

И на том спасибо, что не съедала. Предпочтения понятны — приятно, но не долго.

А вот здесь уже начинаются сексуальные девиации.

«Животные были предпочтительней. Точнее, секс с ними нередко доставлял ей настоящее удовольствие. Когда мощный парень брал ее стальными руками и делал с ней то, что считал нужным. Правда, нужно было торопиться достичь удовольствия — эти не ждали ее, не помогали, а, удовлетворившись, откидывались и, лежа на спине, громко дышали и фыркали».

Понимание сцены из-за скупой недосказанности текста на совести читателя. Но поневоле закрадывается ужасное подозрение, уж не в буквальном ли значении закладывает автор в уста героини слово животные? Фыркают кони, во время приятных событий в их жизни, олени в случае опасности, лоси от страха, ежи вообще не только фыркают, но еще и чихают, хрюкают, ворчат, храпят и клацают зубами. Может, «крупноватая» героиня в порыве страсти навалилась на бедное животное всем своим центнером красоты, а потом, удовлетворившись, откинула, и оно лежит на спине и громко дышит, как в последний раз?

Только готовность защищать свою хрупкую жизнь до последнего может вызвать такую реакцию: *«И только попробуй в эти минуты прильнуть, намекнуть, что ты*

еще не закончила, — он посмотрит на тебя презрительно-недоуменно и произнесет убивающее: «Что?». После этого оставалось или истерику устроить (но рискуешь при этом схлопотать по лицу), или смириться и ждать, когда он снова захочет тебя, быть к этому готовой, разогретой, чтобы успеть добраться до пика раньше него или вместе с ним...»

Строчка из стишка-пирожка вспомнилась: Оксана терпеливо ждет...

Это ж как широко сеть закидывать в поисках рыцаря нужно и на какие жертвы идти ради своих иллюзий? Может, стоило бы автору хоть немного придать человеческий облик этой невдалой героине, чтоб ее хотя бы по лицу не били? А то ведь, если сказать по совести, есть за что. Представителей противоположного пола она делит на «сорта», «слизней и животных», своего — на «особей», «страшненьких Сонечек» и «истеричек Настасий». Налицо психологическая, гендерная и сексуальная стигматизация во всей красе. И чем ниже уровень развития и образованности героини, тем сильнее склонность к навешиванию ярлыков.

О крахе светлых надежд Анны на простое женское счастье стало понятно гораздо раньше и кульминации, и развязки. Все пошло наперекосяк с того момента как *«Илья поднялся ей навстречу. Вышел из-за стола. Руку не поцеловал, но так нежно погладил вместо пожатия, что Анна почувствовала возбуждение. Такие прикосновения ее особенно волновали...»*

Хочется крикнуть: «Остановись, Илья! Ты ступаешь на скользкую дорожку, по которой ползают слизни! Возьми ее стальными руками, зря, что ли, ты пиджак снимал и истязал себя в фитнес-залах и на домашних тренажерах?»

Автора подводит не только логика, но и пунктиром намечающийся склероз. Несколькими абзацами выше четко же было описано какой секс доставляет ей настоящее удовольствие, и к чему тогда эта ваниль? Почему было высказано предположение о возможной дате встречи? Да потому, что 11 октября во всем мире отмечался День каминг-аута.

В финале подробно рисуется образ перепуганного, униженного и раздавленного Ильи, хотя с чего бы из-за малознакомой женщины так потерять лицо и напрочь не владеть своими эмоциями, но этого захотел автор. Почему же Илья так мельтешит?

«Я считал, у нас гоу датч...»

Нет, дорогой соискатель, у вас «coming out of the closet». Во-первых, потому что слизень. Во-вторых, не мужчина. В-третьих, не рыцарь...

Несколько выбиваются из списка правильных аксессуаров деловой женщины три предыдущих мужа и дача в Малаховке. Мужья из раза в раз попадались неправильные. То ли они мешали ей искать рыцаря, то ли после свадьбы были разжалованы из рыцарей, непонятно. И кто должен понимать эти намеки, почему штампы о расторжении браков злокозненные работники загса ставили на странице, где должны быть дети?

Дачный поселок Малаховка по содержанию и общему настроению напоминает писательское Переделкино. Видимо у автора рассказа проскользнула ностальгическая московская нотка, отсюда же и пошла сцена, где герои пережевывают кровавый ростбиф и рассуждают о Достоевском, «половой истекая истомою», — добавил бы «московский хулиган» Сергей Есенин. Был он однажды в Малаховке, приезжал погостить к другу на улице Тургенева. Однако, принимая во внимание стоимость земельных участков с немудреными строениями в поселке Малаховка — от 15 до 200 миллионов рублей, пусть будет у героини до кучи и правильная дача.

В наше время с учетом новых реалий «с таким счастьем и на свободе» уже не говорят, а завистливо-злобно шипят вслед «насосала», что особенно оскорбительно для деловой женщины. Но почему героиня рассказа постоянно не находит читательского понимания и сочувствия, не говоря уже о восхищении?

Почему герой, о котором сообщается информация, подразумевающая обязатель-

ное наличие определенных качеств, как минимум, ума, ведет себя, как даун? Ведь, казалось бы, так просто заранее спросить у женщины, которую пригласил в ресторан: «Вы не будете против, если я оплачу наш ужин?», тем самым выразить уважение к ней как к личности и партнеру.

И дело не в том, что он плавает в русской классической литературе:

«— Извини, что? — Илья совсем по-американски приподнял одну бровь, склонил голову набок, выказывая готовность понять слова Анны.

— А! — широко и облегченно улыбнулся Илья. — Да-да, князь Мышкин... Ты любишь Достоевского?

— Ну, второе маловероятно, — пожал плечами Илья. — Как можно специально стать... гм... Свидригайловым. Это, если мне не изменяет память, мерзавец бесспорный.

— Да-да, — не совсем уверенно кивнул Илья.

— Кажется, да. Но может быть, это в природе?»

Это не та краткость, которая сестра, а та, что хуже воровства и уместилась в языковом диапазоне между глухонемым дворником Герасимом и Эллочкой-людоедкой. Эти бессмысленные междометия Роман Сенчин пафосно называет анализом героев «Идиота». Общий анализ крови расскажет больше, чем эта якобы литературно-художественная характеристика. Или это последние веяния преподавательской деятельности профессоров Литинститута им. М. Горького? Боже, пропал дом.

Все неудачи героев начались ровно с того момента, как в голове у автора дзынькнула идея создать их из ничего, пренебрегая фундаментальным законом природы — законом сохранения энергии.

Давно ведь сказано: восстань, и виждь, и внеми. Многообразие жизни в постоянном движении, изменение света и красок, непрерывное борение в душе человека — вот что должно становится идеей и материалом писателя.

А этот текст — каркас, подстрочник, задел на старость, когда можно сесть и основательно нарастить на него реальные нервы и мышцы, если другой, более значимой темы не найдется.

РЕКА ЖИЗНИ: ОТ КРАСИВОМЕЧЬЯ ДО ШПИЦБЕРГЕНА

♦ Взяв в руки недавно изданную новую книгу* известного нам по опубликованным в журнале «Приокские зори» в 2021—23 гг. документальной новости «Советские военнопленные в Норвегии (1941—45 гг.)»** и роману «Шпицбурген, блин! (Арктическая фантазмагория)», который мы продолжим печатать в 2024 году, надолго задержался взглядом на обложке. А на ней некогда самим воочию виданное: изгиб реки Красивая Меча, «общей» для юга Тульской области и Липецкой — малой родины (Лебедянский район, село Курапово) автора книги. А Красивомечье ни с каким иным местом Срединной России не спутаешь, разве что отдаленно схожи берега тож невеликой речки Осетр, что на востоке Тульской области и далее в Рязанской. А вид этот уникален: западный, высокий берег (знающий физику сообразит: вращение Земли и течение реки создают так называемую силу Кориолиса, что постоянно «давит» на западный берег...) Красивой Мечи открывает взору обнаженные вымытым водой песком и землей нагроможденные по высоте друг на друга циклопических размеров плоские известняковые плиты светло-коричневого цвета. Чем-то напоминает рукотворное: навреде обветшалых со временем оснований гигантских пирамид, тянущихся вдоль извилистой Красивой Мечи.

Помогло же мне, родившемуся и выросшему в мурманском Заполярье, на самом выходе из Кольского залива в Баренцево (Студеное по-поморски) море, увидеть и ощутить всю красоту Срединной России такое уникальное, единственное и неповторимое явление «серебряных» шестидесятых и «золотых» семидесятых советских годов как пресловутая «посылка в колхоз». Начиная с первого курса института и далее каждый год инженерной работы, даже если ты начальник «средней руки», будь добр: проведи со своим выездным коллективом летний месяц, а то и полтора, на сельхозработах в одном из районов области. Наша же выраженно «свекловичная», потому в основном работы эти суть первая и вторая прополка сахарной свеклы. Истинно говорили мы: это второй, летний, оплачиваемый отпуск с «пансионом все включено», как сейчас словесными штампами говорят. ... И посильная физическая работа, столь полезная для технической и иной интеллигенции в особенности.

Главное, что не мимоходящим туристом себя ощущаешь в чем-то знаменитых местах, но жителем! Вот поездка в Каменский район: твоя урочная свекольная грядка на километр полого спускается к легендарной Непрядве, а за ней в жаркой июльской дымке, чуть оторвешь взгляд от своей тяпки, словно ориентир вроде как колеблется памятник-колонна на Куликовом поле... Окончен трудодень — и купаться в исторической Непрядве, на бережку которой отдыхают местные трактористы под «очищенную» и сало с зеленым лучком.

Следующее лето, новый подшефный колхоз: в строгом соответствии с исторической традицией, когда войско Дмитрия Донского пятьдесят верст гнало разбитых мамаевцев на юг, до Красивой Мечи, так и нас вместо Куликова поля адресуют в Ефремовский район — тульское Красивомечье.

Такие вот воспоминания тотчас пронеслись в голове при взгляде на обложку книги Бориса Григорьева. Сказанное же выше к тому, что где родился, там и пригрозился. Потому большая половина книги воспоминаний «Реки жизни» и относится к детству, отрочеству и начальной юности, неотделимых для автора от Красивой Мечи, Красивомечья. А пишущий же эти строки невольно увлекся, потому извиняется за длинноватую преамбулу.

* Григорьев Б. Н. Реки жизни. — М.: ИП Лысенко А. Д. «Press-Book», 2021. — 568 с.

** Автор был удостоен за нее звания лауреата Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

♦ Как-то Борис Николаевич предложил мне взаимно рекомендоваться *двойными земляками* — по Заполярью и Красивомечью. Причем мы навстречу друг другу по линии зюйд-норд и норд-зюйд разнесены во времени. Я еще «не тронулся» с места, завершая школьные годы в городе подводников Северного флота СССР Полярном, а Борис Николаевич, окончив переводческий факультет Института иностранных языков имени Мориса Тореза, сотрудником внешней разведки КГБ уже начал движение на север, в Скандинавию, где и прослужил три десятка лет нелегалом под прикрытием — дипломатическим, как я понимаю. А в самом начале «лихих девяностых» и вовсе на тысячу с лишком километров «обогнал» мое Заполярье в сторону Северного полюса, став резидентом КГБ на Шпицбергене. Я же к тому времени уже четверть века как «спустился» на юг, осев в Туле, побывав в летние «колхозные» месяцы в Красивомечье, и кардинально менял род занятий: от инженерной работы в оборонпроме, где последние десять лет работал по теме ныне хорошо всем известного зенитного ракетно-пушечного комплекса «Панцирь», перешел в сферу медико-биологических исследований, став заместителем директора по науке в Научно-исследовательском институте новых медицинских технологий. Как сам определил: поменял радиофизику, то есть радиолокационную технику, на биофизику полей и излучений, как поименовал самим же созданную научную школу.

Борис же Николаевич, выйдя в отставку в звании полковника Службы внешней разведки, прожив несколько лет во Всеволожке Ленобласти, замкнул извилистое течение «реки жизни», вернувшись в родные пенаты, в свое Курапово, проживание в котором чередует с Москвой — городом студенческой юности, а это в чем-то продолжение родных мест: прерогатива этих славных для человека переходных лет, когда река жизни неизмеримо расширяется в своем течении и все ее пространство ощущается, воспринимается как *все мое!*

...Опять же не для красного словца мы «расписались» в части двойного землячества. Я учился (1975—81 гг.) в Литературном институте им. А. М. Горького Союза писателей СССР — таково его полное официальное название* в семинаре (название «мастерская», принятое во всех творческих вузах, в Литинституте не котировалось...) писателя-фронтовика Бориса Михайловича Зубавина, первого главного редактора возобновленного горьковского «Нашего современника». Седовласый наш наставник умел в нескольких словах выразить непреложную писательскую истину. Если предложат написать отзыв, рецензию, тем более очерк о книге, творчестве вашего коллеги по перу, — поучал он нас, — то хорошо подумайте, прежде чем согласиться. Оценивать чье-либо творчество — это значит полностью вжиться в среду действия и характеры персонажей. Словом, не гадать на кофейной гуще, не умствовать лукаво, а постараться поставить себя на место автора: а смог бы я так написать «на заданную тему», не выдумывая, но вживаясь в образы... В таком вот смысле говорил Борис Михайлович. А что кроме даже условного землячества, схожего происхождения, воспитания и пути по «реке жизни», причем схожего не по внешним факторам, но по внутренней стержневой убежденности, может дать такое «вживание»? Далее разовьем этот тезис, мысленно пролистывая книгу Бориса Григорьевича.

♦ В наш век отупляющей директивной цифрофрении (оцифровывание + шизофрения) художественные книги, особенно написанные в традициях великой русской и советской литературы, и еще более особенно — о временах прошедших, читают счетные единицы. Сам Борис Николаевич вроде как в шутку, но вообще-то всерьез, число таковых вовсе относит к абсолютной единице. Дескать, издал в одном экземпляре и поставил на полку... Мы более «оптимистичны», аргументировано определив число таковых аж в десять индивидуумов! Можно мудро утешать себя, что-де брил-

* И на обложке студенческих билетов стояло сверху это «Союз писателей СССР», чем мы и пользовались в нужных случаях, прикрывая большим пальцем слова «Студенческий билет». Действовало это неотразимо...

лиант потому и дорог, что редок, но ведь из живой памяти не хочет уходить читающая страна СССР, а до нее Россия второй половины XIX века! Мысленно представим, что «Реки жизни» взял-таки в руки человек уже новой формации, этакий Иван родства не помнящий, раскрыл ее на первой части «На берегу Красивой Мечи», в которой со знанием дела, по собственной памяти пишется о деревенском детстве, отрочестве и начальной, школьной юности паренька из глубинной России. Что испытывает такой читатель, знакомясь с сельским «бытом и самобытностью» (название десятой главы) 40—50-х годов прошлого века? Вполне допускаю, что при чтении в его голове будет постоянно вертеться вопрос: «А как они без мобилы обходились?» То есть полное употребление той старинной выпускнице Смольного института, что полагала растущими на деревьях пышки с марципанами...

Но вот тот читатель, для которого книга написана и издана, кто застал в сознательном возрасте жизнь «в другой стране», как сейчас паскудненько называют нашу великую советскую державу люди круга «либералов головного мозга», прочитает ее с теплом в душе. И чтение это будет не сухим «ознакомлением с информацией», родной сестрой цифрофрени и откуда-то этаким чертиком выскочившим «искусственным интеллектом», но сопереживанием с пространным рассказом автора, соотношением ландшафта его воспоминаний, столь близких ему, читателю, самому: если не по годам, то во всяком случае по колориту жизни страны с послевоенных годов до явления последнего генсека с характерной метой на лбу. И если не по своим только воспоминаниям, то по рассказам людей из старшего окружения. Ведь все мы если не в первом, но точно во втором-третьем поколении родом из русской деревни.

Как-то раз пришла в голову мысль, заставившая почти восторженно изумиться: а ведь сам-то я всего лишь в *первом поколении*, появившийся на свет не в Российской империи! Мать 1916-го года рождения, а отец, суровый старообрядец, тридцать лет отдавший Северному флоту СССР, после третьей стопки добродушно смеялся, дескать, и я был подданным его величества... хотя бы всего три дня до февральского отречения. Более того, по линии отца опять же всего лишь в третьем поколении родившийся не в крепостной зависимости (мать из архангельских краев, где крепостных отродясь не имелось): опять же прадед в глубоком младенчестве застал крепостное право. Так получилось в обеих поколенных линиях, что старшие дети рождались уже на четвертом десятке их родителей. Отсюда эти самые первое и третье поколения! К чему сказано? — к тому, что сменяют друг друга века — царские, советский... нынешний не знаю как политкорректно (ведь для печати!) поименовать, но русская деревня зримо или подспудно присутствует в нас, генофенотипически накрепко засев в нашем подсознании, которое, собственно говоря, и формирует в поколенной цепи истинный русский характер, даже у бунтовщиков и идейных революционерах направляемый и контролируемый морально-этическими канонами православия, единственного в веках и тысячелетиях не отошедшего от изначальных Христовых заповедей.

♦ *Рука невольно ищет карандаш
И мысль плывет в померкнувшие дали.
И в шелесте листаемых страниц,
В напеве фраз, в изгибе интонаций
Мерцают отсветы событий, встреч и лиц...
Погасшие огни былых иллюминаций.*

(Максимилиан Волошин «Р. М. Хин», из книги «Selva oscura»). Как живые образы всплывают в запасенной с первых осознанных детских лет памяти картины своего взросления при чтении «Рек жизни». Развернутое описание родословной, деревенский быт в его одновременной простоте и выверенной веками — для взгляда со стороны — мастеровитой сложности, песни и говор, особенности речи, деревенские

праздники, тот «чарующий простор», о котором писал в своих стихотворениях в прозе Тургенев, век назад охотившийся по соседству, — все это с ненавязчивой методичностью, цепко и емко присутствует в разделе о детстве-отрочестве в Красивомечье. А главное — постижение окрестного мира взрослеющим парнишкой происходит через непосредственное участие в жизни этого мира: через воспитываемое соображение и деревенский труд сызмальства, которому, по определению, нет конца. Пока не уехал в город.

Все это по себе прекрасно знаю и помню. Собственно среднерусскую, калужскую деревню знаю с малых лет: каждый год, до переезда из Заполярья в Тулу, длинный, двухмесячный заполярный отпуск наша семья проводила в отцовской деревне Дворцы на высоком западном берегу реки Угры, в избе сестры отца Настасьи. Как две капли воды схожи жизнь, быт, нравы и вплоть до деревенских праздников *моих* Дворцов и села Курапово в «Реках жизни».

А вот дома, на крохотных маячных островках на выходе из Кольского залива в Баренцево море, жизнь намного суровее, жестче. И крестьянские отец с матерью учили во многом надеяться в этой жизни с малых лет на свою голову, руки и ноги конечно. В шесть лет активный помощник отца во многом, в том числе в изготовлении охотничьей дробы: от отливки свинцовых блинов до обкатки ее в барабане самодельной ветряной мельницы. В восемь лет — заряжать патроны и самостоятельно охотиться на птицу. В девять — выходить сам-один на шлюпке-двойке на полмили от берега и ловить треску «наподдев». И все остальное умение, от смоления этой шлюпки до вяления на летнем солнце вязанок полуметровых тресковых туш и заготовки дров: обойти после очередного шторма берега острова, собрать все деревянное, перетащить к дому, а бревна прежде распилить на подъемные чурбаки.

...Читаю — вспоминаю: как из одного детства с автором, хотя бы далеко разнесенного в пространстве, поменее — во времени. Почему-то воспоминание самого раннего детства «лингвистического» характера: как отец переучивает мать с ее не очень понятного деревенского архангельского говора «на нормальный русский язык»...

♦ Но вот пространственное «разнесение» уменьшилось до нескольких километров — наша с автором учеба в Москве. И даже увеличенная временная «разнесенность» (Борис Григорьев учился в институте Мориса Тореза в первой половине 1960-х годов, я в Литинституте — во второй половине семидесятых) никак не сказалась на одинаковости полученных впечатлений. Москва шестидесятых-семидесятых годов почти не менялась в характерах ее жителей, а архитектурно — только в сторону улучшения. И так до вахханасии начала нынешнего века, когда она де-факто стала «другим государством». Я и сам последний раз был в ней в 2001-м году: съездил получить из рук выдающегося советского ученого-радиотехника, академика Котельникова знак Почетного радиста России. Но больше и коврижками не зазовешь: чтобы в памяти сохранились облик и люди столицы 60—80-х годов... Но это к слову.

Читая же книгу Бориса Николаевича, ее вторую часть — о студенческих годах в Москве, невольно извлекаю из памяти во многом сложнее. Вот автор пишет о знакомстве, просто случайных встречах с людьми, уже тогда чем-то известными, или ставшие таковыми в будущем, а словно в унисон из включенного на малую громкость «для звукового фона» телевизора доносится только что упомянутая в книге фамилия! Ан и он самый на телеэкране благодушно рассуждает о чем-то литературном. И уже пишущий эти строки, тоже «в унисон» прочитанному, вспоминает свои встречи в Литинституте и в его монументальном, с отголосками «сталинского ампира», общежитии, где один этаж отведен под гостиницу Союза писателей СССР. Конечно, в первую очередь это преподаватели «с именами»: зачет по киноискусству сдаю легенде советского кинематографа Леониду Траубергу (трилогия о Максиме); курс античной литературы читает Аза Алибековна Тахо-Годи, заведующая кафедрой классической филологии МГУ, по учебникам и книгам которой всю вторую полови-

ну прошлого века и по сей час страна знакомится с историей, литературой и мифологией Древней Греции; и супруг ее, выдающийся философ, живой классик XX века А. Ф. Лосев заходил в Литинститут. И все остальные наши наставники с громкими именами в литературе и литературоведении: Еремин, Артамонов... тот же Гарольд Эль-Регистан, сын соавтора Сергея Михалкова по тексту Гимна Советского Союза... Уже и не говорю о руководителях семинаров: все самые знаменитые поэты и писатели страны. И не раз подкрадывалась — и далеко не только мне! — сакраментальная мысль: Литинститут для того и был создан Горьким, чтобы начинающие таланты сходу входили в литературную среду страны!

А когда автор пишет об общежитском бытии студенчества, то здесь и вовсе все «один к одному», как говорят в инженерной среде.

И даже места внеобщежитского досуга — это где по части «выпить-закусить-повеселиться» — почти что у нас совпадают, по крайней мере рядом расположены. Пивная «Серебряная ладья», что «во дворе» Мосгорисполкома, и знаменитое кафе на Твербуле, в пяти шагах от Литинститута... да-да, то самое, в котором со времен Есенина и Маяковского собиралась вся поэтическая Москва — наши излюбленные «точки». ...Жаль, что славное это историко-литературное заведение, где-то между нашими вторым-третьим курсом, градостроители «срезали» вместе с треугольником, образуемым Тверским бульваром и Бронной, острием через улицу Горького выходящим на памятник Пушкина перед кинотеатром «Россия». Вместо него сейчас небольшой сквер.

...Словом, для нас с автором книги это была та тогдашняя Москва, студенческое проживание в которой отлагалось в памяти на все последующие годы.

А вот третья, завершающая часть книги посвящена службе автора во внешней разведке КГБ, причем в соотнесении собственно этой, прошлой службы и жизни в отставке, включая посещение Скандинавии в статусе отошедшего от былых дел человека. Так и называются главы этой части: «Разведчик-писатель», «Писатель-разведчик» и «Второе открытие Швеции». Здесь не только понятная познавательность, но и органическое завершение темы книги: реки его (автора) жизни.

Еще раз отметим: книга Бориса Григорьевича «ляжет на душу» читателю с достаточным опытом собственной жизни, особенно «вышедшему» (не по своей воле разумеется!) из советской эпохи уже сложившимся, самодостаточно мыслящим человеком. А таких сейчас не менее трети жителей страны. Так что стоило такую книгу написать, издать и далее переиздавать! Другое дело, что нынешнее глобальное расчеловечивание, с заменой аналогового творческого мышления на цифровое утилитарное, устремило число потенциальных читателей почти что к абсолютному нулю... Но писатель, тем более русский писатель, последний и самый «долгоиграющий» оптимист: душа требует самовыражения даже в цифровом концлагере с круглосуточным наблюдением, в который глобалистами уверенно и стремительно превращается весь земшар (это по Маяковскому). Завершим строфой из начала цитированного выше стихотворения Максимилиана Волошина:

*Я мысленно вхожу в ваш кабинет...
Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,
Но чья для нас не умерла химера,
И бьется сердце, взятое в их плен...*

*Алексей Третьяков,
г. Тула*

РЕЦЕНЗИЯ

на книгу А. А. Яшина «Военная цивилизация»

Прочитав книгу и поразмышляв несколько, я пытался определить, к какому жанру можно отнести новую книгу Алексея Афанасьевича. Сначала мне показалось, что она во многом перекликается с книгами С. Т. Аксакова о Багровом внуке и А. М. Горького об Алеше Пешкове. И действительно: налицо воспоминания о детстве, о забываемых детских впечатлениях, о первых открытиях мира. Такое впечатление кажется естественным — оно лежит на поверхности.

Однако пером рассказчика Николая Андреяновича воздвигается и другой план — исторический. Фактически книга Алексея Афанасьевича является историей г. Полярный, в котором он провел свое детство и отрочество и который он до сих пор несомненно считает лучшим городом на земле. Оттуда, из Полярного, от омывающихся морскими волнами «маячных» островов Кольского залива, берет начало его жизненная энергия, питающая его энциклопедический ум и не знающую границ плодотворную деятельность.

Перед читателем встает еще один фон, на котором автор книги создает образ Николая Андреяновича и его друзей-единомышленников, наших современников, которые с высоты своего жизненного опыта и трудового стажа ставят оценки нашему советскому прошлому и событиям наших дней. Читателю не составляет труда разглядеть в матером оружейнике все того же Николку с острова Большой Олений или дежурного электрика в доме культуры военных моряков. Детство, которое в наших воспоминаниях всегда счастливо, является тем самым важным фундаментом, на котором человек строит потом свою жизнь.

И, наконец, книга является живой иллюстрацией к выдвинутой А. А. Яшиным интересной теории т.н. военной цивилизации. С этой теорией читатель может ознакомиться отдельно, мы же только подчеркнем здесь, что на ней автор делает особый акцент, делая ее элементом, связующим все другие перечисленные выше содержательные свои книги.

В книге автор исподволь, ненавязчиво дает ответ на вопрос о том, как возникает любовь к родине и откуда в человеке берется патриотизм. Он очень прост: из любви и привязанности к своей малой родине. (Помните у А. С. Пушкина: «...любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»?) Мне почему-то кажется, что наша провинциальная закалка (я сам родом из черноземной деревни) явилась во многом залогом нашего будущего поприща.

Но тут уж, извините, меня несколько заносит в сторону.

Язык книги, на мой взгляд, отвечает самым высоким требованиям, предъявляемым к его носителям. Текст легко читается, рассказ ведется с тонким юмором, непринужденно, один эпизод логично вытекает из другого, но автор знает меру и всегда уверенно выводит читателя на прямую дорогу, к рассматриваемой теме.

В заключение скажу, что книга А. А. Яшина, изданная мизерным тиражом в 300 экз., уже является библиографической редкостью. Но такова уж наша доля нынешних писателей, работающих без «руки» и «подпорки», — сразу создавать шедевры.

*Б. Н. Григорьев,
полковник СВР РФ в отставке,
лауреат всероссийской литературной
премии «Левша» им. Н. С. Лескова*

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается.

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

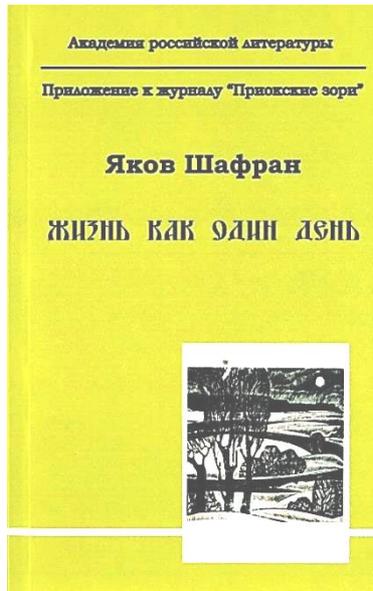
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в двух номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2023.— № 4. (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
2. *Северо-Муйские огни*: Авторский литературный журнал.— 2023.— №№ 5, 6 (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
3. *Отчизне посвятим*: Историко-литературный альманах.— 2023.— № 1/6 (Опубликованы материалы Алексея Яшина).
4. *Московский Парнас*: Вестник Академии российской литературы.— 2023.— №№ 3, 4.
5. *Николай Еремин*. Песочные Часы. Книга Феникс.— Красноярск: «Литерапринт», 2023.— 344 с.
6. *Борис Григорьев*. Реки жизни.— М.: ИП Лысенко А. Д. «Press-Book.ru», 2021.— 568 с.
7. *Борис Григорьев*. Илларион Васильевич Васильчиков.— М.: ИП Лысенко А. Д. «Press-Book.ru», 2021.— 367 с.
8. *Борис Григорьев*. Остерманы.— М.: ИП Лысенко А. Д. «Press-Book.ru», 2021.— 442 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Алексей Яшин*. Жизнь как сон: Встречное путешествие во времени: Роман-новеллино (двенадцатая книга рассказов Николая Андреевича): Академия Российской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2022.— 383 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Алексей Яшин*. Пир в Валгалле: Семейная хроника 21-го столетия.— СПб: «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024.— 401 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся два автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза;
- поэзия.

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского

Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2024-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Академия российской литературы поздравляет!

Уважаемые друзья, коллеги!

В нелегкий для Отечества час вклад российских писателей в укрепление и развитие Русского Мира имеет поистине неопределимое значение. Поддерживаем руководство страны и наших героев — военнослужащих, выполняющих свой долг на рубежах Родины — продолжателей славных традиций советского и российского боевого братства!

Правление Академии российской литературы поздравляет всех с ДНЕМ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА!

Желаем крепкого здоровья, творческой энергии, реализации творческих планов и благополучия!

* * *

Указом Президента от 21 декабря 2023 года за самоотверженность, личный вклад в поддержку морально-психологического состояния и укрепление боевого духа участников специальной военной операции, выполнение задач на освобожденных

территориях медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени награжден председатель правления Союза писателей России **Иванов Николай Федорович**.

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Анатолий Аврутин (Минск, Белоруссия)

ДВА МИРА — ДВЕ КУЛЬТУРЫ

Воины Советской Армии возлагают цветы к могиле Л. Бетховена. Вена. 1945 год.
Памятник А. С. Пушкину сносят на Украине.

* * *

А СКАЖИТЕ МНЕ И БОЛЬШЕ НИКОМУ...

Уважаемые коллеги, члены СП России. От имени председателя СП России некто Третий звонит по писательским телефонам и начинает сообщать от имени Председателя о необходимости дать некую информацию о коллегам, вплоть до оказания помощи ВСУ, никому при этом ничего не сообщая... Просьба не реагировать на данный мошеннический ход. Никаких третьих и пятых «посланцев» у Союза писателей России нет. Видимо, работа Союза писателей подпала под внимание СБУ, отметили активность СПР и мошенники.

Работаем в штатном режиме дальше.

* * *

Анна Токарева

8 декабря свое 65-летие отметил крупнейший творческий союз нашей страны — Союз писателей России (ранее РСФСР в составе СП СССР).

В своем юбилейном обращении Председатель правления Союза писателей России Николай ИВАНОВ сказал:

«Все 65 лет Союз исповедовал единственную идеологию — любовь к Отечеству, которая для нас ни при каких обстоятельствах не подлежит перелицовке.

Мы теряли благосклонность власти — но никогда общества.

Мы теряли денежные гранты и проекты — но никогда совесть и гордость. Мы теряли попутчиков — но никогда друзей».

В этот праздничный день на Комсомольском, 13 собрались друзья и единомышленники. Радостные встречи, атмосфера патриотизма и сплоченности переполняла всех присутствующих.

За большой личный вклад в отечественную литературу, активное участие в деятельности Союза писателей России и в связи с 65-летием многие писатели и деятели культуры были награждены медалями, дипломами, грамотами.

* * *

13 декабря 2023 г. исполняется 150 лет со дня рождения Валерия Яковлевича БРЮСОВА.

Будущий поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературный критик родился в 1873 году в Москве в купеческой семье. И родился он сразу «взрослым». В три года он уже читал и «разъяснял» соседским детям, что Бога нет и человек произошел от обезьяны. В восемь лет прочел труды Добролюбова. Его игрушками были модели электроскопа, паровика и даже лейденской банки — результат «продвинутой» его родителей — купца Якова Брюсова и мещанки Матрены Бакулиной. Последние распустили мальчика «современно» — не пеленали и не читали ему сказок. В своем днев-

нике поэт запишет: «Юность моя — юность гения!». Сочинять стихи и рассказы Брюсов начал очень рано, считая своим литературным кумиром Николая Некрасова. Валерий учился в частных гимназиях, причем уже тогда начал писать сразу три вещи: поэму «Корсар», трагедию в стихах «Миньона» и роман. Запись в его дневнике того периода гласит: «За работу, жизнь не ждет!». В 1895 году вышла первая книга стихотворений поэта («Шедевры»). В 1899 году Брюсов окончил историко-филологический факультет Московского университета и принял решение полностью посвятить себя литературной деятельности. В течение двух лет работал секретарем редакции журнала «Русский архив», принимал активное участие в организации альманахов и журнала «Весы», ставшего рупором русского символизма. В 1900 году, после выхода книги «Третья стража», Брюсов получил настоящее признание как большой поэт.

Валерий Яковлевич Брюсов умер 9 октября 1924 года в своей московской квартире от воспаления легких. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

*Ты — женщина, ты — книга между книг,
Ты — свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.
Ты — женщина, ты — ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.
Ты — женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты — в наших безднах образ божества!
Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся — от века — на тебя!*

11 августа 1899 г.

Ведущая рубрики — Елизавета Хапланова

* * *

27 декабря 2023 года исполнилось 85 лет со дня смерти Осипа Эмильевича Мандельштама, одного из крупнейших русских поэтов, прозаика, переводчика, литературного критика, окончившего в Петербурге Тенишевское училище — одно из лучших учебных заведений того времени. Тогда же он увлекся поэзией, музыкой, театром... В 1908 году Осип уезжает во Францию, поступает в Сорбонну, затем в Гейдельбергский университет, и далее на историко-филологический факультет Петербургского университета.

Он быстро входит в круг восходящих звезд русской литературы — Гумилева, Ахматовой, Цветаевой, знакомится с Блоком. Мандельштам становится постоянным участником заседаний «Цеха поэтов». Теперь для него главное литературное течение — акмеизм, и его первая книга «Камень» (1913 г.) — одна из важнейших для это-

го направления, превыше всего ставившего точность и простоту в описании действительности.

В 1914 году писатель был избран членом Всероссийского литературного общества.

Во время гражданской войны он с женой скитается по России, Украине, Грузии. У Осипа Эмильевича был шанс сбежать с белогвардейцами в Турцию, но он предпочел остаться в России.

(По материалу Елизаветы Хаплановой на странице Союза писателей России)

* * *

7 января 1899 года в деревне Щипачи Камышловского уезда Пермской губернии в многодетной крестьянской семье **родился Степан Петрович Щипачев** — будущий поэт и прозаик, редактор и педагог, автор известного стихотворения «Пионерский галстук», которое знал каждый пионер:

*Как повяжешь галстук,
береги его:
он ведь с нашим знаменем
цвета одного...*

Степану едва исполнилось четыре года, когда умер отец. Мальчику приходилось ходить по соседским дворам собирать милостыню, а став постарше, он нанимался батраком на сезонные работы, служил на приисках, в лавке скобяных изделий, а еще — в книжной лавке, где и пристрастился к чтению. Почувствовав свою малограмотность, Степан даже попросил знакомого гимназиста позаниматься с ним. Но до всего этого он успел полтора года позаниматься в церковноприходской школе, где полюбил стихи и решил стать поэтом: «Помню, учительница, перед тем как задать нам учить стихотворение «Бородино», прочитала его вслух. Ребятам оно понравилось, но большого впечатления не произвело на них, а меня оно потрясло. Несколько дней я ходил как оглушенный, твердя его наизусть. Может быть тогда и запала в мою душу первая искорка поэтического волнения...» («Советские писатели. Автобиографии в 2-х томах», М.— 1959).

Степан Щипачев — участник Гражданской и Великой Отечественной войн. Летом 1918 года местность, где он жил, была занята армией Колчака. Щипачев был мобилизован. Весной 1919 года ему удалось перейти на сторону Красной армии и попасть в легендарную Чапаевскую дивизию. Но даже в условиях армейского быта он находил время на стихи...

*Гремела война, кровавая свой след,
размалывая нации, расы.
Революция... а тебе восемнадцать лет!
Как здорово это, как это прекрасно!
Все двигалось, пело. Флаги кругом.
На лицах как будто и не было хмури.
История дула еще ветерком,
еще ветерком, а не бурей.*

(«Ровеснику», фрагмент)

В 1923 году Щипачев опубликовал свой первый сборник под названием «По курганам веков», 15 страниц тиражом в 500 экземпляров: стихи о трубаче, играющем

побудку кавалерии, о звездах, которые видел часовой, стоящий на посту... Сборник не сохранился даже в архиве поэта.

Получив образование в Московской высшей военно-педагогической школе, Степан Петрович преподавал историю в военной школе в Крыму, затем в артиллерийской школе в Москве. В конце 1929 года его назначили на должность заместителя главного редактора журнала «Красноармеец», при котором он организовал литературный кружок, а позже принял участие в создании и работе ЛОКАФа — Литературного объединения Красной армии и флота, в работу которого включились многие известные писатели. В эти годы поэзия Щипачева обретает лирические интонации, по которым мы и сегодня узнаем поэта. Чего только стоят вот такие четыре строки: «Полями девушка пойдет босая. / Я вострепнусь, превозмогая тлен, / горячей пылью ног ее касаясь, / ромашкою пропахших до колен». Заметные книги этих лет — «Под небом Родины моей» (1937) и «Лирика» (1939). Благодаря последней автора назвали «лучшим лириком». Едва появившиеся в магазинах книжки моментально сметались с полок. Сам же поэт в это время участвовал в освобождении Западной Украины.

24 июня 1941 года в числе добровольцев Степан Щипачев ушел на фронт. Почти все, что он писал в годы Великой Отечественной войны, публиковалось в газетах «Правда», «Красная звезда», журнале «Красный воин». Его стихи знала вся страна.

*Вас нет еще: вы — воздух, глина, свет;
о вас, далеких, лишь гадать могли мы, —
но перед вами нам держать ответ.
Потомки, вы от нас неотделимы.
Был труден бой. Казались нам не раз
незащищенными столетий дали.
Когда враги гранатой били в нас,
то и до вас осколки долетали.*

(«Потомкам»)

В 1942 году свет увидел сборник «Фронтовые стихи», а в победном 1945-м — «Строки любви»: 45 стихотворений этого издания сделали автора по-настоящему известным. Многие поколения помнят одно из стихотворений этой книги:

*Любовью дорожить умеете,
с годами дорожить вдвойне.
Любовь не вздохи на скамейке
и не прогулки при луне.
Все будет: слякоть и пороша.
Ведь вместе надо жизнь прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
а песню нелегко сложить.*

В 60-е годы вышли в свет сборники «Думы», «Ладонь», «Красные листья», поэмы «Наследник», «Звездочет», «Песнь о Москве», автобиографическая повесть «Березовый сок».

Степан Петрович Щипачев умер 1 января 1980 года. Похоронен в Москве на Кунцевском кладбище. Но многие строки поэта стали близки читателю, продолжают жить и идут вместе с нами сквозь поколения...

* * *

*Своей любви перебирая даты,
я не могу представить одного,
что ты чужою мне была когда-то
и о тебе не знал я ничего.
Какие бы ни миновали сроки
и сколько б я ни исходил земли,
мне вновь и вновь благословлять дороги,
что нас с тобою к встрече привели.*

* * *

*Чего гадать! Наш век, наверно,
не та переживет строка,
которую высокомерно
поэты пишут на века.
Еще безлюдны там просторы,
а здесь — вся боль и радость вся.
Я верю в строки, без которых
сегодня людям жить нельзя.*

Ведущая рубрики — Елизавета Хапланова

Правый верхний снимок: В клубе писателей во время пленума правления ССП. Справа налево стоят: А. Фадеев, М. Слободской, К. Симонов, С. Щипачев; сидят: Г. Александров, Е. Ярославский, А. Корнейчук (декабрь 1941 г.). Правый нижний снимок: Северо-Западный фронт, С. Щипачев (второй справа) и М. Матусовский (первый слева) с сотрудниками дивизионной газеты. Июль 1942 г.

* * *

Арктическая литпремия огласила короткий список претендентов

Завершен первый этап конкурсного отбора лауреатов всероссийской Арктической литературной премии.

Эта премия посвящена памяти писателя, полярника и общественного деятеля Виталия Маслова. В короткий список вошли семь произведений отечественных литераторов.

Членами конкурсной экспертной комиссии под председательством писателя, члена Союза писателей России, главного редактора литературного журнала «Роман-газета» Юрия Козлова определен список премии.

В него вошли книги, посвященные русской Арктике и людям, живущим и покоящимся Север:

- сборник «Волна многошумного моря» Бориса Блинова (Мурманск);
- **повесть «Страна холода» Алексея Яшина (Тула);**
- роман «Алмазные грани» Вячеслава Нескромных (Красноярск);
- сборник «Две воды на коромысле» Владимира Сорокожердьева (Мурманск);
- сборник «На ослепительном снегу» Алексея Полуботы (Московская область, Реутов);

— книга «Полярный рай» Александры Горяшко (Москва);

— сборник «Форштевнем рассекая пограничье» Марины Чистоноговой (Доценко) (Мурманск).

Все авторы книг, вошедших в короткий список, будут приглашены в Мурманск для участия в Арктическом литературном десанте, а трое из них станут лауреатами всероссийской Арктической литературной премии.

Премия была учреждена губернатором Мурманской области Андреем Чибисом совместно с Союзом писателей России.

До 1 марта определяют лауреатов и дипломантов, а торжественная церемония вручения премии по традиции состоится в Мурманске в мае этого года.

Отметим, что в числе финалистов — бывший сотрудник «Литературной газеты» Алексей Полубота, ныне находящийся в зоне СВО в рядах ВС РФ.

От редакции: финалистом стал и Алексей Яшин, главный редактор «Приокских зорь».

Елена Ямпольская

НЕ СТАЛО ЮРИЯ МЕФОДЬЕВИЧА СОЛОМИНА

Долгая красивая жизнь. Полная достоинства и спокойной душевной твердости. Без пустого шума. Без суеты. Незабываемые роли. Любимый и свято хранимый театр. Врожденная интеллигентность. Скромность (редкая и оттого особенно ценная спутница большого успеха). Ничего лишнего. Судьба как произведение искусства — от первого шага до опустившегося сегодня занавеса.

Царство Небесное, светлая память.

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

Диплом и знаки лауреата Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2023-й год вручены Валерию Федоровичу Неудахину 18 ноября на праздновании 85-летия литературного объединения «Парус» города Бийска. Вручила начальник отдела Управления культуры, спорта и молодежной политики Сафонова Юлия Андреевна.

* * *

В Красноярске по итогам Всероссийского литературного конкурса имени И. Д. Рождественского вышел коллективный сборник «Северная ива». В него вошли произведения финалистов, в том числе и рассказ нашего постоянного автора Евгения Асташкина. Составители — Мария Окунева и Екатерина Малиновская. В сборнике три раздела: «Поэзия», «Малая проза», «Я себя не мыслю без Сибири».

Северная ива

* * *

2 ноября 2023 года в Тульском государственном музее оружия состоялась церемония награждения новых лауреатов премии имени С. И. Мосина. Среди награжденных — член Союза писателей России, Российского Союза ветеранов Афганистана **Николай Макаров**, во второй раз получивший награду за книгу «Артиллеристы и создатели вооружения земли тульской» (Тула: Изд-во ТулГУ, 2020.— 405 с. ил.)

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С НОВЫМ ГОДОМ

Поздравляю с наступающим Новым Годом! Здоровья, удачи, творческих успехов!

Иевлев Сергей, Воронеж

Поздравляю всю команду авторов и редакцию любимого журнала с наступающим Новым годом! Легкого всем пера и исполнения ваших надежд!

*Из Сибири с теплом и любовью,
Светлана Казакова
(Петрово-Лузинская библиотека-филиал)*

Добрый день, уважаемый Алексей Афанасьевич! Поздравляю Вас, Ваших близких и весь коллектив «ПЗ» с Новым годом. Благополучия, душевной бодрости, новых ярких творческих успехов, процветания журналу. Новогодний привет от Геннадия. Остальные пожелания в моих стихах:

С НОВЫМ ГОДОМ!

24-ый — високосный год.
По гороскопу — это год Дракона.
Что «чудище трехглавое» несет
Под бой курантов, колокола звоны?

Проблем, конфликтов на Земле не счесть,
Но знает испокон моя Россия,
Что нации единство, доблесть, честь
В союзе с добротой все осият.

Я верю, что Георгий, взяв копье,
Не даст испортить жизнь людей Дракону.
Любви желаю. Чтобы повезло
Тем, кто живет по совести, закону.

Пусть греет каждый дом надежды свет.
Здоровы будут взрослые и дети.
Народ Земли всем войнам скажет: «Нет!»
Поклонится заслуженной Победе.

Придет на Землю долгожданный мир.
И, несмотря на то, что год Дракона,
Верой в грядущее наполнится эфир
Под бой курантов, колокола звоны.

Людмила Авдеева, Москва

Уважаемые коллеги, поздравляем вас с Новым, 2024 годом! Счастья и радости в ваши дома, здоровья вам и вашим близким, творческого вдохновения и интересных идей, новых (или дебютных) авторских и коллективных сборников, признания ваших литературных и иных заслуг в обществе. Пусть грядущий год станет для вас годом сбывшихся мечтаний и надежд, творческого расцвета и популярности среди читателей разных поколений, расширения круга друзей и хороших знакомств, пополнения вами копилки добрых дел как для ваших ближних, так и всей нашей страны в целом.

Будьте здоровы и счастливы!

*Олег Зайцев,
экс-председатель, секретарь секции поэзии
РОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь»,
Юрий Клеванец,
и.о. председателя
РОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь»*

Дорогой Алексей Афанасьевич!

От всего сердца примите самые теплые поздравления с Рождеством Христовым и Новым Годом! Вам — здоровья, любви родных и близких и, конечно, радовать своими прекрасными произведениями американских читателей.

*С уважением — Аркадий Мар,
Нью-Йорк, США*

Алексей Афанасьевич, поздравляю с наступающим Новым Годом! Желаю Вам крепкого здоровья, благополучия, творческих успехов.

*С уважением, Е. Трещев,
Щекино*

С Новым годом, с новым счастьем Вас, дорогой Алексей Афанасьевич!

НОВОГОДНИЕ СТИХИ

Будьте щедрыми нынче по-русски
За своим новогодним столом,
Чтобы гости хвалили закуски,
Запивая игристым вином!
Пусть весельем румянятся лица,
Добрый ангел хранит сыновей!
Мать Мария — Великая жрица —
Образумь нас любовью своей!
Дай нам опыт духовный и зренье —
Впредь не думать о распрях и зле,
Чтобы их вековечные звенья
Не затмили добро на Земле...
Чтобы радость в бокалах искрилась,
Все печали остались в былом.
Чтобы полночь, как Божия милость,
Нас с друзьями свела за столом!
...Будьте счастливы, люди, как дети,
Отодвинув невзгод череду!
Чтобы мир к нам пришел на планете
В наступающем Новом году!

*Владимир Корнилов,
Братск*

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

От всего сердца поздравляю Вас и членов редакции журнала «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» с наступающим Новым Годом! Желаю здоровья, благополучия, счастья, удачи, успехов на творческом поприще! Пусть все задуманное исполнится в 2024 году! Всего самого светлого и доброго!

*Сердечно, Анна Ашотовна
Барсемян (Барсова),
Екатеринбург*

Дорогой наш друг Алексей Афанасьевич, с Новым 2024 годом!
Будьте всегда счастливы и живите долго! Радуйте себя и нас всех!
С дружеским теплом, жмулап — по-северо-таежному, ВК и все-Огни.

*С уважением, Виталий Кузнецов,
учредитель и главный редактор
журнала «Северо-Муйские огни»,
член Европейского конгресса литераторов,
Северомуйск, Бурятия*

Дорогой Алексей Афанасьевич, поздравляю Вас с наступающими праздниками! Здоровья, удачи, мира и творчества! Новых книг и открытий!

*С признательностью и теплом,
Людмила Воробьева,
Минск, Белоруссия*

Добрый вечер, Алексей Афанасьевич,
еще раз поздравляю Вас с Новым Годом и Рождеством Христовым.

*Борис Григорьев,
Москва — село Курапово
Липецкой области*

**28 декабря 2023 года
после продолжительной болезни скончался
член Союза писателей России,
КАШИРИН ОЛЕГ СЕМЕНОВИЧ
(30.05.1949 — 28.12.2023)**

Олег Семенович Каширин — член СПР с 1998 г., председатель ревизионной комиссии ТПО СПР, полковник в отставке.

Родился в семье военнослужащего. В 1970 г. окончил историко-филологический факультет Тульского педагогического института им. Л. Н. Толстого (ныне ТГПУ). В 1971—1998 гг. служил в органах КГБ/ФСБ. В 1972—1991 гг.— член КПСС. В 1977—1979 гг.— член Тульского обкома ВЛКСМ. В 1990—1992 гг.— депутат Новомосковского городского Совета народных депутатов. В 1990 г. вошел в правление товарищества «Куликово поле»; активно участвовал в возрождении празднования памятной даты на Поле Русской славы. Работал в составе первой редакции газеты «Куликово поле»: художественный редактор и оформитель. Принимал участие в возрождении газеты «Епархиальные ведомости» Тульской епархии. В 1998—1999 гг. исполнительный директор областного фонда «Куликово поле».

Вел на Тульском телевидении авторские программы «Без детектива», «Наедине со всеми». Автор телефильмов «Садовый переулок, дом 1» и «Поле Русской славы».

Первая публикация состоялась в 1985 г.: повесть «Обреченная миссия» в сборнике «Тревожные будни». Автор романа: «Последний рейс Дракона», повести «На траве с мыса Дооб». Повесть «КГБ как КГБ» отмечена поощрительным дипломом конкурса ФСБ России (2007) за лучшие произведения литературы и искусства о деятельности органов безопасности. В соавторстве с В. Харлашкиным издал повесть «Операция “Версаль”».

Периодически публиковал рассказы в литературных сборниках, журналах и альманахах.

Его имя внесено в Биографический справочник членов ТПО СПР, в Тульский биографический словарь «Новые имена», в биографический словарь «Писатели земли тульской».

Редакция и редколлегия журнала «Приокские зори» скорбят и выражают искренние соболезнования родным и близким Олега Каширина.

Редакция и редколлегия журнала

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) поля файла обычные;
- 2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;
- 3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14,— полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.
- 5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;
- 6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3..4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;
- 7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэмы объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);
- 2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже, левее фотографии, выравнивание по левому краю (шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);
- 4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;
- 5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сути или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

*С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»*

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 31.03.2024
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

